

Н.В. Жилиякова

«ОБЛИЦАТЬ, КОЛОТЬ и ЖАЛОВАТЬ»

САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ТОМСКА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Рабочий

№ 1.

Томск. 1-й январь 1906 года.

Четверг, 17 августа 1906 г.
10 коп. С пересылкой из других городов 12 к.

28-29 февраля 1909 года.

№ 7-8

Юмористический Журнал

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Жиликова

«Обличать, колоть и жалить»

**Сатирическая журналистика Томска
конца XIX – начала XX века**

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор
О.И. Лепилкина

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А
«"Секретно. Конфиденциально": цензурная история провинциальной
журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной
Томской губернии)»

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

УДК 070
ББК 76.01
Ж72

Жилякова Н.В.

Ж72 «Обличать, колоть и жалить». Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века / науч. ред. О.И. Лепилкина. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. – 388 с.

ISBN 978-5-94621-908-2

В монографии прослеживается история зарождения и развития томской сатирической журналистики конца XIX – начала XX века, дается характеристика ведущих сатирических журналов Томска периода Первой русской революции и 1910-х годов. Появление сатирической периодики вписано в контекст становления сатиры на страницах томских общественно-политических и литературных газет и журналов.

Для исследователей дореволюционной российской журналистики, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов.

**УДК 070
ББК 76.01**

Рецензенты:

Л.П. Громова, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета;

Е.И. Орлова, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ISBN 978-5-94621-908-2

© Жилякова Н.В., 2020
© Томский государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТОМСКА: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ	6
Глава 1. ЗАРОЖДЕНИЕ И АПРОБАЦИЯ САТИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В ЧАСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТОМСКА КОНЦА XIX ВЕКА	16
«Беллетристический фельетон» «Сибирской газеты»	16
«Текущий фельетон» в газете «Сибирский вестник»	36
«Сибирская жизнь»: в поисках новых сатирических форм	66
Глава 2. РАСЦВЕТ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ТОМСКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГОДОВ.САТИРА И ЦЕНзуРА.....	93
«И смех, и горе»: неизвестный сатирический журнал Томска периода Первой русской революции.....	100
«Осы»: первый легальный сатирический томский журнал	111
«Резко непримиримый»: томский «Бич»	136
Главные темы «Рабочего юмориста».....	145
От «Томского вечернего листка» – к сатирическому листку «Ерш».....	154
«Бубенцы»: сатирическое приложение к журналу «Сибирские отголоски»	168
«Красный смех»: «потерянный» томский журнал периода Первой русской революции.....	185
Юмор как «оживитель» рекламы: к истории журнала «Негативы»	196

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ САТИРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ТОМСКА В 1910-Х ГОДАХ	201
«Бенефисная газета»	203
Юмористический журнал Томска	
«Силуэты жизни родного города» –	
«Силуэты Сибири»	206
«Синдетикон»: юмористическая	
студенческая газета	229
Нереализованный проект журнала	
«Сибирское кабаре»	233
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 238
 ПРИЛОЖЕНИЯ	 241
1. Этапы развития сатирической	
журналистики в Томске	
(конец XIX – начало XX века	241
2. Тексты	242

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СГ – «Сибирская газета»

СВ – «Сибирский вестник»

СЖ – «Сибирская жизнь»

СО – «Сибирские отголоски»

ТЛ – «Томский листок»

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГАТО – Государственный архив Томской области

РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)

РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)

Введение

САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТОМСКА: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Сатирическая журналистика дореволюционной России – достаточно изученное и систематизированное явление, несмотря на то что обобщающего труда по этой теме до сих пор не создано. Отдельные периоды развития русской сатиры представлены в классических работах П.Н. Беркова, Г.П. Макогоненко, Ю.В. Стенника – по XVIII в.¹; М.К. Лемке, И.Г. Ямпольского, А.С. Бушмина – по сатире 1860-х годов, деятельности «Искры», творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина²; В. Боцяновского и Э. Голлербаха, А.А. Нинова, С.Я. Махониной – по сатирической журналистике периода Первой русской революции 1905–1907 годов³; Л.А. Евстигнеевой – о жур-

¹ См.: Сатирические журналы Н.И. Новикова / под ред. П.Н. Беркова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 616 с.; Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 587 с.; Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М. ; Л.: Гослитиздат, 1952. 544 с.; Стенник Ю.В. Русская сатира XVIII века. Л. : Наука, 1985. 360 с.

² Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб. : Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Исторический отдел. 1904. № 2. 214 с.; Ямпольский И.Г. Поэты «Искры» : в 2 т. / сост., авт. вступит. ст., авт. примеч. И.Г. Ямпольский. 3-е изд. Л. : Сов. писатель, 1987; Бушмин А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 644 с.

³ Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой революции 1905–1906. Л. : ГИЗ, 1925. 224 с.; Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, 1985. С. 5–102; Махонина С.Я. История русской журналистики нач. XX века. М. : Флинта ; Наука, 2002. 240 с.

нале «Сатирикон» периода реакции⁴, и многих других. Сатирическая журналистика также отражена в учебниках и монографиях, посвященных русской литературе и журналистике XVIII – начала XX века⁵, в диссертационных исследованиях⁶ и т.д.

Тема развития дореволюционной сатирической журналистики в российских регионах также постоянно находится в круге научной рефлексии исследователей⁷, хотя обзор выходящих работ позволяет сделать вывод о том, что пока провинциальная сатира изучается достаточно «точно» и бессистемно. То же самое можно сказать и в отношении сатирической журналистики дореволюционного Томска, хотя в последние годы библиографический список работ по томской сатире значительно расширился. О сатирических журналах Томска периода Первой русской революции писали дореволюционные журналисты В. Крутовский и А.В. Адрианов⁸, соста-

⁴ Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы / отв. ред. А.Г. Дементьев. М. : Наука, 1968. 456 с.

⁵ Есин Б.И. История русской журналистики 1703–1917. Учебно-методический комплект. 4-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2000. 87 с.; История русской журналистики XVIII–XIX веков : учеб. / под ред. Л.П. Громовой. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2013. 528 с.; Татаринова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII в. : учеб. 3-е изд. М. : Проспект, 2001. 368 с.; Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. Л. : Изд-во ЛГУ, 1950; Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М. : Аспект-Пресс, 1999. 453 с.; и мн. др.

⁶ Галиева Р.М. Особенности первых татарских сатирических журналов начала XX века (на материалах журналов «Уклар» («Стрель») и «Карчига» («Ястреб»)) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 24 с.; Жуков В.Ю. Сатирическая журналистика периода Первой российской революции как исторический источник (на материалах Петербурга) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 24 с.; Мишвеладзе Р.А. Грузинская сатирическая журналистика (1905–1908) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1966. 16 с.

⁷ См. напр.: Самаренко В.П. «Чилим» – первый астраханский сатирический журнал. Астрахань : Волга, 1964. 40 с.; Лепилкина О.И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2010. 429 с.

⁸ Крутовский В.С. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск : Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 279–309; Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск : Типо-литография Томской железной дороги, 1919. 31 с.

вители Сибирской советской энциклопедии⁹, исследователь системы провинциальной печати России О.И. Лепилкина¹⁰, томский историк В.Д. Юшковский¹¹, автор настоящей работы¹², – список постоянно дополняется.

Настоящая монография посвящена выявлению основных этапов развития томской сатирической журналистики, начиная с момента ее зарождения и вплоть до 1916 года – последнего года существования периодической печати дореволюционного Томска, подвергшейся существенным трансформациям в период революций 1917 года. В работе выявляются сатирические жанры и рубрики в периодической печати Томска конца XIX – начала XX века, определяется круг томских сатирических газет и журналов 1905–1907, 1910-х годов, а также восстанавливаются по архивным материалам и публикациям в периодике нереализованные замыслы сатирических изданий. Прделанная работа позволяет сопоставить основные этапы развития «большой» русской и провинциальной сатирической журналистики, выявить специфические черты местной томской сатиры.

Основными методами исследования являются историко-типологический метод и метод типологизации, которые позволяют выявить особенности региональной сатирической журналистики

⁹ Дурьлин С., Казаринов П., Киржнецт З. и др. Журналы и временники // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Новосибирск : Сибирское краевое изд-во, 1929. Т. 1. Стб. 972.

¹⁰ Лепилкина О.И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М. : Илекса, 2010. С. 304–324.

¹¹ Юшковский В.Д. Эскиз сюжета: 40 этюдов о 400-летнем Томске. Томск : Изд-во НТЛ, 2003. С. 139–144.

¹² Жиликова Н.В. Бичевать, колоть и жалить: сатирические журналы Томска 1906–1907 годов («Бич», «Ерш», «Ось», «Бубенцы») // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании : сб. ст. Томск : Позитив-НБ, 2009. С. 269–272; Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 323–333; Жиликова Н.В. К истории томского журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 2 (40). С. 147–160.

в контексте «большой» русской сатиры, установить взаимосвязь развития общества и местной периодической печати.

Методология основана на работах Б.И. Есина, Л.П. Громовой, С.Я. Махониной, Е.И. Орловой, О.И. Лепилкиной и других исследователей русской дореволюционной журналистики, в том числе провинциальной и сатирической.

Периодическая печать в Томске ведет свой отсчет с основания «Томских губернских ведомостей» (1857–1917) – первой томской газеты, ставшей самой долговечной из всех дореволюционных изданий города¹³. Несмотря на то, что программой в ней было предусмотрено существование неофициального отдела, в котором могли публиковаться материалы разных жанров, сатира здесь не была представлена, возможно, в силу того, что газета была официальным органом печати Томской губернии. Не публиковались сатирические материалы и во второй томской газете – «Томские епархиальные ведомости» (1881–1917) – по той же причине.

Зарождение сатирических жанров в Томске было связано с частной периодической печатью, а именно с «Сибирской газетой» (1881–1888). В течение 1882–1888 годов в ней было опубликовано более 140 фельетонов – прозаических, поэтических, драматургических. Первые фельетоны «Сибирской газеты» принадлежали перу А.В. Адрианова; затем в качестве фельетонистов здесь работали Ф.В. Волховский, К.М. Станюкович, Д.А. Клеменц. Кроме традиционных авторских фельетонов, в газете публиковались своеобразные пародийные «газеты в газете» – «Крапива» (в 1885 г.) и «Сибирка» (1887 г.); фельетонные циклы – «Летопись Мирного городка», «Сибирский музей» и др.; роман-фельетон «Не столь отдаленные места» (1886–1888), принадлежащий перу К.М. Станюковича.

В 1885 году в Томске была основана вторая частная газета – «Сибирский вестник», которая планировалась как «противовес»

¹³ Подробнее о ней см.: Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Том. гос. ун-т, 2012. 413 с.

областной и оппозиционной «Сибирской газете». В программе «Сибирского вестника» также был указан раздел «Фельетон», который играл важную роль в газетной полемике с «Сибирской газетой» – прежде всего это фельетонный цикл «Чем мы живы», который под псевдонимом «Щукин» вел сотрудник газеты П.М. Полянский, затем редактор В.П. Картамышев.

Жанр фельетона был востребован в «Сибирском вестнике» на всем протяжении 1890-х годов, но особенно популярен он стал в начале XX в., в период активизации общественной жизни в преддверии и во время Первой русской революции 1905–1907 годов.

В 1897 году бывшему издателю закрытой «за вредное направление» «Сибирской газеты» П.И. Макушину удалось основать в Томске газету «Сибирская жизнь», во многом унаследовавшую традиции предыдущего макушинского издания. Уже привычной для читателей частью газеты были разделы «Фельетон “Сибирской жизни”», а также «Маленький фельетон», в котором публиковались сатирические материалы «на злобу дня» не только местных авторов, но и перепечатанные из столичных и провинциальных российских газет.

Таким образом, впервые сатирические жанры появились в Томске на страницах частных газет: «Сибирской газеты», «Сибирского вестника», «Сибирской жизни». Под рубрикой «Фельетон» в этих газетах публиковались собственно фельетоны, пародийные «газеты в газете», даже роман-фельетон. Это первый этап развития сатиры в томской журналистике, который можно охарактеризовать как «зарождение и апробация сатирических жанров в частной периодической печати Томска в конце XIX – начале XX века».

Второй этап совпадает с общероссийским этапом расцвета сатирической журналистики в период Первой русской революции в 1905–1907 годах. Наибольшее количество изданий в тот период выходило в Санкт-Петербурге и Москве, в Сибири в 1905–1907 годах издавалось около 20 сатирических журналов, из них 8 в Томске: «И смех, и горе» (1905), «Осы» (1906–1907), «Бич» (1906), «Бубенцы» (1906–1907), «Рабочий юморист» (1906), «Ерш» (1906–1907), «Красный смех» (1906), «Негативы» (1907).

Характеризуя в целом томские сатирические журналы этого периода, можно отметить, что большинство из них принадлежали к типу иллюстрированных еженедельников, в которых был представлен широкий спектр сатирических жанров и разнообразные виды карикатур. Сатирики писали о событиях общероссийского, сибирского, местного масштабов: о выборах в Государственную Думу и о ее работе, о политических партиях, о произволе чиновников, о черносотенных погромах, а также о томской городской жизни.

Вокруг томских сатирических журналов быстро сложился постоянный круг сатириков и карикатуристов, имена которых можно было встретить почти во всех изданиях. Свои силы здесь пробовали П.А. Казанский (более известный читателям как «Премудрая крыса Онуфрий» и «К. Порфирьев»), В.В. Курицын («Дон Валентино»), В.П. Булыгин («Рефлектор»), В.И. Федоров («Фита»), М.С. Попов («М.С. Кларин»), Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин и др. Это создавало преемственность тем и персонажей, но и делало издания довольно ощутимо похожими друг на друга. Из карикатуристов журналов наиболее известным был художник М. Щеглов.

К вышеупомянутым изданиям примыкают несколько сатирических журналов, которые остались на стадии замысла. О них мы можем узнать, изучая содержание выходящих в это время томских газет. Так, например, в 1906 году газета «Сибирская жизнь» писала: «Кружком лиц предполагается издание сатирического журнала “Рабочий зубоскал”» (СЖ. 1906. № 19) (вероятно, из этого проекта «вырос» впоследствии журнал «Рабочий юморист»). Несколько позже та же «Сибирская жизнь» сообщила читателям, что в Томске не будет выходить еще один задуманный журнал, так как «просьба сотрудника сибирских газет В.П. Булыгина об утверждении его редактором имеющего издаваться в Томске сатирического листка “Колокольцы” временным генерал-губернатором отклонена» (СЖ. 1906. № 23).

В 1906 году томские литераторы предполагали также издавать сборник «Пером и карандашом», «иллюстрированный рисунками

местных художественных сил» (СЖ. 1906. № 54). Однако несколько позже выяснилось, что «сборник, в силу отказа местных типографий напечатать его, несмотря на его подцензурность, отдан в печать в иногороднюю типографию и выйдет в свет приблизительно не ранее апреля месяца» (СЖ. 1906. № 57). Следы этого сборника пока не найдены.

Кроме сатирических журналов и «листочков», сатира по-прежнему присутствовала на страницах общественно-политических изданий – в газетах и журналах «Сибирская жизнь», «Томский вечерний листок», «Время», «Сибирские отголоски», «Голос Томска» и др., постоянно публиковались карикатуры, фельетоны, пародии и другие сатирические материалы.

Наибольшее количество сатирических журналов выходило (и предполагалось издавать) в Томске в 1906 году, в 1907 году их вышло только два, в 1908 году этот этап был завершен.

Итак, второй этап может быть обозначен как «расцвет сатирической журналистики Томска в период Первой русской революции». Он закончился в момент наступления правительственной реакции, одновременно со спадом издательской активности в сфере сатирической журналистики по всей России. После этого с 1908 и вплоть до 1916 года томская сатирическая журналистика была представлена отдельными журналами и газетами, не имеющими связи между собой: «Бенефисная газета» (1908), «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910) и «Синдетикон» (1912).

Название «Бенефисной газеты» долгое время заставляло исследователей предполагать, что это издание театральной тематики, в действительности это была сатирическая газета, приуроченная к выступлению томского комика Ю.В. Убейко. Первый и единственный ее выпуск увидел свет 9 августа 1908 г., все рубрики газеты, включая рекламу и заголовочный комплекс, были пародийными. Содержание номера сводилось к «босяцкому бенефису» в саду «Буфф» Ю.В. Убейко (одновременно редактору-издателю газеты).

По тому же принципу была издана студенческая юмористическая газета «Синдетикон»: единственный ее выпуск датирован 22 октября 1912 г., редактор-издатель А.Н. Гаттенберг. Здесь главной темой была студенческая жизнь: в газете можно было встретить пародийные объявления о новой кинематографической картине «Государственный экзамен», юмористические зарисовки о студенческом бале, телеграммы о «розысках в Сибири обеспеченного студента» и т.д.

В отличие от сатирических газет-однодневок, журнал «Силуэты жизни родного города» (в 1910 году – «Силуэты Сибири») продержался на томском рынке достаточно долго, став заметным явлением местной литературной жизни. Во многом этот журнал ориентировался на «Сатирикон», одновременно продолжая традиции «искровцев» и сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина. Особенностью журнала стала его попытка сменить типологический статус: «Силуэты Сибири» должны были стать не столько сатирическим, сколько литературно-художественным журналом, но редакции не хватило материальных ресурсов и творческих сил для успешной реализации этой идеи.

Еще одно издание этого периода – «Сибирское кабаре» (1911–1912) на данный момент не найдено в печатном варианте, и можно предположить, что это одно из многочисленных нереализованных замыслов в томской журналистике.

Сатирические жанры в журналистике 1910-х годов также были разнообразно представлены в местной частной газетной периодике: в газетах «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски», «Утро Сибири», «Сибирская правда» и других, выходящих в это время в Томске, печатались карикатуры, фельетоны, сатирические «куплеты» и «перепевы», басни, пародии и т.д.

Этот материал составляет третий этап, который можно обозначить как «развитие сатирических традиций в журналистике Томска в 1910-х годах».

Три этапа становления и развития томской сатиры лишь частично совпадают с процессами, происходившими в «большой»

русской сатирической журналистике. Как писал В.А. Десницкий в «Предисловии» к работе В. Боцяновского и Э. Голлербаха, в истории русской сатирической журналистики «три ярких момента»: «первый – это неожиданный и изумительный – для того времени – по количеству названий и жизненности содержания расцвет сатирической журналистики начала царствования Екатерины II (1769–1774 годы), с журналами Н.И. Новикова на первом плане <...> Второй – падает на 60-е годы XIX века, когда, на фоне общего “обличительного” направления в литературе, появляется ряд сатирических иллюстрированных журналов с “Искрой” во главе, которая привлекла и выдвинула талантливых поэтов-обличителей (Курочкин, Минаев, Шумахер и др.). И, наконец, третий момент расцвета – 1905 и 1906 годы»¹⁴.

В Сибири и в Томске у сатирических изданий был несколько другой «хронологический ритм»: они пропустили первые два этапа из-за феномена «отставания», разных темпов развития столичной и региональной журналистики, однако резко «синхронизировались» друг с другом на третьем этапе, в 1905–1907 годах. Конечно, в Томске было на несколько порядков меньше сатирических изданий, чем, например, в Санкт-Петербурге, несопоставимы были читательская аудитория и потенциальный (и реальный) авторский актив, разительно отличались от столичных типографские возможности, другими были цензурные условия и т.д. Томские сатирические журналы гораздо беднее по содержанию и оформлению, чем столичные образцы, в них больше перепечаток, меньше творческих находок, вследствие этого заметны «вторичность», подражательность. Но типологически томские сатирические журналы были четко «вписаны» в открывшуюся издательскую нишу, и можно говорить не только о заимствованиях и о подражании, но и о следовании лучшим сатирическим традициям «большой» российской сатиры, ориентации на М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя, Н.И. Новикова и т.д. С другой стороны, этот «момент

¹⁴ Боцяновский В., Голлербах Э. ... Л. : ГИЗ, 1925. С. 3.

синхронизации» возник не на пустом месте – его подготовила работа журналистов с сатирическими жанрами на страницах местной частной периодики, которая велась непрерывно с 1880-х годов.

1910-е годы нельзя назвать эпохой расцвета русской сатиры – единственным журналом, который «осветил» собой эти мрачные годы реакции, был «Сатирикон». В Томске этот период отмечен выходом необычных сатирических изданий, экспериментальных по сути, – сатирическая студенческая газета, сатирическая «реклама бенефиса», городской сатирический журнал, стремящийся выйти на уровень литературно-художественного издания. Все это свидетельствует о том, что развитие столичной и региональной сатиры в начале XX века начало идти параллельно, создавая предпосылки для взаимодействия, взаимного обогащения.

В монографии последовательно рассмотрены все основные этапы становления сатирической журналистики в Томске и ведущие сатирические журналы, которые выходили в городе в начале XX века. Но разговор о зарождении сатирических жанров следует начинать, безусловно, с частной периодической печати Томска, о чем и пойдет речь в первой главе.

Автор сердечно благодарит сотрудников Научной библиотеки Национального Томского государственного университета, Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки за всемерную поддержку и помощь в поисках сатирических журналов и газет Томска начала XX века.

Глава 1

ЗАРОЖДЕНИЕ И АПРОБАЦИЯ САТИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В ЧАСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТОМСКА КОНЦА XIX ВЕКА

«Беллетристический фельетон» «Сибирской газеты»

Первым томским органом периодической печати, на страницах которого появились сатирические жанры, стала «Сибирская газета» (1881–1888) – первая крупная частная газета Западной Сибири, основанная известным сибирским предпринимателем и меценатом П.И. Макушиным. Газета очень быстро стала важным фактором общественной жизни Томска, собрав вокруг себя не только представителей молодой сибирской интеллигенции, но и политических ссыльных, в основном народников, считавших «Сибирскую газету» «своим органом».

Особенностью издания стала ее «литературоцентричность» – особое внимание к вопросам литературы и искусства, а также «литературная обработка» материалов, поступающих в редакцию. Своеобразием же общественно-политической позиции «Сибирской газеты» было сосуществование в рамках одной редакции идеологов сибирского областничества и собственно народников. Объединение таких разных направлений стало возможным благодаря демократической платформе «Сибирской газеты» и ее оппозиционному характеру, что со временем привело к серьезным цензурным осложнениям и закрытию газеты в 1888 году.

«Сибирская газета» выходила по традиционной программе общественно-политического и литературного издания, в котором был предусмотрен фельетонный раздел. Первые фельетоны стали

публиковаться в газете только на втором году издания, в 1882 году. Однако при изучении цензурных архивов было обнаружено, что первая попытка опубликовать материал в этом жанре предпринята в 1881 году, а именно в номере 11 газеты, который был запрещен местным цензором. Эта история получила широкую огласку в российском обществе благодаря тому, что редакция обратилась с жалобой на действия цензора не только в Главное управление по делам печати и к министру внутренних дел, но и в газеты «Голос», «Порядок», «Страна» и некоторые другие. Пытаясь разобраться в происходящем, Главное управление затребовало оригинал корректурных листов «Сибирской газеты» и отпечатанного (но запрещенного к выходу) № 11. Эти листы сохранились в цензурном деле «Об издании «Сибирской газеты» в г. Томске»¹⁵. Благодаря этому современные исследователи могут познакомиться с содержанием номера и узнать о том, что среди запрещенных материалов, вычеркнутых цензором, оказался первый фельетон «Сибирской газеты» под названием «Очерки и картинки провинциальной жизни». Фельетон не был подписан, в газете он имел подзаголовок «I», что позволяет предположить, что автором был задуман целый цикл подобных произведений. Однако схватка с цензором, по-видимому, заставила фельетониста «Сибирской газеты» отказаться от идеи писать подобные материалы, поскольку инициатива эта возобновилась только в 1882 году.

Содержание первого запрещенного фельетона «Сибирской газеты» сводилось к описанию вымышленного провинциального города Отдаленска, который вместе со всей Россией переживал некие «трудные годы». Фельетонист не конкретизировал, какой именно исторический период имелся в виду, возможно, что речь шла о периоде «мрачного семилетия» 1848–1855 годов, т.е. о последних годах царствования Николая I. Описав патриархальную жизнь Отдаленска до наступления «трудных годов», автор констатировал, что на новом этапе «мирные обыватели» решили сделаться «охранителями». Среди них особенно выделились две группы –

¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. 271 л.

«патриоты, весь патриотизм которых заключался в пристрастии к крепким русским словам и крепким напиткам», и «люди практические», которые нашли для себя большую выгоду в наступивших временах. Они, по мнению автора, «быстро сообразили, что требуется охранять и от кого»: охранять потребовалось «плесень и затхлость дореформенного порядка», а «врагами» были объявлены «корреспонденты» и «все грамотные обыватели Отдаленска, читающие, думающие и, главное, не грабящие». «Трудные годы» стали временем расцвета «людей практических», описанию которых фельетонист посвятил довольно много места, подчеркивая, что они «делались громче и наглее» и наконец решили «половить в мутной воде рыбку», т.е. составить «проекты к “умиротворению”». Однако «рыба пока не пошла на уд», заключал автор фельетона, оставляя читателям надежду на то, что общество даже в «трудные годы» было не готово слепо идти на поводу у «охранителей».

В корректурных листах этот фельетон был полностью перечеркнут цензором, а под ним было подписано: «Минуты вольного раздумья»¹⁶. Возможно, цензора возмутило отсутствие «конкретики» в фельетоне, или намеки на равенство понятий «патриотизм» и «охранители».

Редакция протестовала против действия цензора, в жалобе на имя министра внутренних дел подчеркивая, что фельетон, «если даже смотреть на него так, как взглянул г. Гиляров, то есть как на написанный “в минуты вольного раздумья”, он не заслуживает запрещения по крайней мере безобидностью своего содержания. Это – картинка местного настроения, и можно не разделять наблюдений автора, но мешать ему высказать это наблюдение, по нашему мнению, не представляет никаких оснований»¹⁷.

Однако настойчивость «Сибирской газеты» не привела к желаемому результату, и первый ее фельетон остался только в форме корректуры № 11 за 1881 год.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. Л. 24и.

¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. Л. 18.

Всего в «Сибирской газете» в течение 1882–1888 годов было опубликовано более 140 фельетонов – прозаических, поэтических, драматургических; с 1885 года параллельно с традиционным фельетоном здесь печатался раздел «Крапива» – своеобразная пародийная «газета в газете», состоящая из множества коротких сатирических материалов. В 1887 году «Крапиву» сменила «Сибирка», наследовав принцип полижанровой структуры и предельной лаконичности входящих в нее материалов. Фельетоны «Сибирской газеты» разнообразны по форме и по структуре, встречаются и фельетоны как законченные отдельные произведения, так и целые циклы.

Необходимо отметить, что фельетон как один из ведущих жанров «Сибирской газеты» неоднократно привлекал внимание исследователей. Во многом это связано с тем, что в «Сибирской газете» «собралась превосходная плеяда сатириков»¹⁸. Здесь именно как фельетонисты работали: известный поэт-народник Ф.В. Волховский, отбывавший в Томске срок ссылки и считавшийся «неофициальным редактором» «Сибирской газеты»; знаменитый русский писатель К.М. Станюкович, попавший в Томск в качестве административного ссылного, а также публицист и исследователь Сибири, ссыльный народник Д.А. Клеменц. При изучении творчества этих писателей, публицистов в «сибирский период» в поле зрения исследователей естественно попадали и принадлежащие им фельетоны¹⁹.

¹⁸ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 80–70-х годов XIX века. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 115–116.

¹⁹ О фельетонах Ф.В. Волховского см.: Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского государственного университета. 1975. № 14. С. 84–95; Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. С. 147–167; о фельетонах К.М. Станюковича см.: Грицанова М.В. «Томская тема» в судьбе и творчестве К.М. Станюковича // Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. С. 93–109; в кн. Вильчинский В.П. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук ССР. Ленинградское отделение, 1963. 334 с.; о фельетонах Д.А. Клеменца: Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменц. Отдельный оттиск из 45-го тома «Известий Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества». Иркутск, 1917. 22 с.; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск : Наука, 1982. Т. 1. 606 с.; и другие работы.

Тем не менее первые опубликованные фельетоны «Сибирской газеты»²⁰ принадлежали перу не этих ярких фельетонистов, а А.В. Адрианова, ведущего сотрудника «Сибирской газеты» и главного «проводника» областнических идей в газете. Типологически адриановские фельетоны соотносились с фельетонами известного областника Н.М. Ядринцева (публиковались буквально с первых же номеров в ядринцевской газете «Восточное обозрение»²¹), что дает основание предполагать, что именно пример Ядринцева убедил Адрианова ввести в «Сибирской газете» новую рубрику. Это предположение обосновывается и своеобразной «переключкой» псевдонимов сибирских публицистов: «Добродушный Сибиряк» была подпись Ядринцева, «Проснувшийся Сибиряк» – так подписывал свои фельетоны Адрианов.

В фельетонах Адрианова, едко критикующих сибирского обывателя – пассивного, легковверного, невежественного, и благодаря этому становящегося «легкой добычей» бессовестных дельцов разного рода («фокусников», «гусей», иностранцев, чиновников и т.д.), преобладало публицистическое начало. Однако здесь уже были намечены мотивы, которые в полной мере были развернуты в дальнейшем Волховским и способствующие беллетризации фельетона «Сибирской газеты». Во-первых, это путешествие фельетониста по Сибири как сюжетная основа фельетона. Во-вторых, введение фантастического, даже фантазмагорического элемента. Так, в первом фельетоне основной сюжет – это встреча фокусников, и останавливается время, замирает весь мир, пока они разговаривают (СГ. 1882. № 27). В следующем фельетоне после аварии на пароходе капитан и фельетонист «спихнули Нарымского рыбопромышленника в воду, сели на него и поплыли» (СГ. 1882. № 35).

²⁰ По Сибири (Проснувшийся Сибиряк) // СГ. 1882. № 27, 30; По Сибири // СГ. 1882. № 35; Из мест не столь отдаленных // СГ. 1882. № 41.

²¹ Спящая красавица (Сибирский репортер) // Восточное обозрение. 1882. № 6; Наши гости (Сибирский репортер) // Восточное обозрение. 1882. № 8; Судьба сибирских ливингстонов (Сибирский репортер) // Восточное обозрение. 1882. № 11; Из страны чудес и курьезов (Добродушный Сибиряк) // Восточное обозрение. 1882. № 12; Сибиряки за океаном (Добродушный Сибиряк) // Восточное обозрение. 1882. № 14, и так далее.

Смешению реального, документального и вымышленного, карикатурно-преувеличенного способствовало использование мотива сна, видения, также неоднократно применяемого впоследствии в фельетонах «Сибирской газеты». Сразу же определилась и ставшая позднее традиционной для этого жанра структура: диалогичность повествования, введение в прозаический текст стихотворных отрывков как эмоциональных акцентов материала.

С приходом в 1882 году в редакцию «Сибирской газеты» Ф.В. Волховского – поэта, человека высокой культуры и эрудиции, обладавшего несомненным эстетическим чутьем и даром художественного слова, – фельетон качественно изменился, он стал совершенно оригинальным литературным жанром этого издания.

Необходимо отметить, что исследователи неоднократно обращали внимание на оригинальность жанра фельетона Волховского. Так, В.А. Доманский видел ее в «удачном сплаве прозы и поэзии»²², Л.П. Рощевская – в «продолжении лучших традиций сатирической журналистики 60-х годов – “Искры”, “Гудка”, “Свистка”»²³; действительно, известно, что стихи Волховского были одобрены В.С. Курочкиным²⁴.

Особенности творческой биографии Волховского дают еще один ключ к пониманию своеобразия его работы в жанре фельетона. Дело в том, что до ссылки в Сибирь Волховский не был фельетонистом, он впервые стал писать фельетоны только в «Сибирской газете». В 1870-х годах Волховский был известен в России, во-первых, как поэт-народник, автор сатирических стихотворений, а во-вторых, он много работал в жанре сказок для детей²⁵. И по-

²² Доманский В.А. ... Томск, 1996. С. 154

²³ Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» ... Тюмень, 1975. С. 86.

²⁴ Корнеев А.В., Шахматов Б.М. Волховский Ф.В. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 478.

²⁵ Заявление Волховского в Литературный фонд, находящееся в делах Литературного фонда в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (1881 г., ч. 2, л. 43–45 об., заседание Комитета от 20 августа 1888 г.), опубликовано: Ямпольский И.Г. К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Сер. филологических наук. Вып. 4: Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.

этому в его фельетонах присутствует оригинальный синтез публицистики, поэзии и сказки: с одной стороны, сатирической, типологически восходящей к создававшимся в это же время сказкам Салтыкова-Щедрина, а с другой – сказки волшебной, сказки для детей. Такое сочетание определило литературность, беллетристичность фельетонов Волховского, а также их огромный успех и популярность у сибирского читателя.

«Поэтическая составляющая» была заметна даже при беглом ознакомлении с фельетонами Волховского: как правило, это был сплав прозаического текста и стихотворений. Стихотворные вставки представляли собой как законченные стихотворения, так и фрагменты, которые подчас трудно было изъять из прозаического текста, так как они являлись своеобразными эмоциональными акцентами фельетонов. В этом отношении Волховский ориентировался на фельетоны В.С. Курочкина²⁶. В состав фельетонов Волховского входили как самостоятельные произведения сатирические баллады²⁷, басни²⁸, отдельные стихотворения²⁹, сатирические куплеты³⁰. Более того, Волховский неоднократно придавал фельетонам форму «драматической фантазии»³¹, а выступая в роли сказочника-балагура «Дяди Федула», он написал два стихотворных

²⁶ Об особенностях фельетонного творчества В.С. Курочкина подробнее см.: Ямпольский И. Василий Курочкин // Василий Курочкин. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 38.

²⁷ О «воинственном пришествии Никиты-воина» – в фельетоне из цикла «Сибирский музей» (СГ. 1884. № 15).

²⁸ «Петух, прославившийся после смерти» (Балаганская нравоучительная басня) – в фельетоне из цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» (СГ. 1883. № 39).

²⁹ «Послание к корреспондентам» – в фельетоне из цикла «Сибирский музей» (СГ. 1884. № 15).

³⁰ «Пятак, пятак – что такое пятак?» (на мотив «Любовь, любовь – что такое любовь?») – в фельетоне из цикла «Сибирский музей» (СГ. 1884. № 22).

³¹ Бубновый туз и совесь (драматическая фантазия) (СГ. 1886. № 25, 26); «Избранники, или Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет». Трагикомедия во многих действиях и еще многочисленных бездействиях (СГ. 1886 № 46); «Сон в зимнюю ночь» (невероятная драматическая фантазия) (СГ. 1888. № 1–3, 5, 7, 13, 15).

фельетона, составляющих мини-цикл «Сибирский раек»³². Особенность их была в том, что они были оформлены как прозаический текст, без разбиения на строфы. Это создавало особый эффект народной речи, непринужденного разговора с читателем.

Однако, когда мы говорим о поэтической составляющей фельетонов Волховского, нельзя ограничиваться только его работой как стихотворца. В едких, саркастических, «обличительных» фельетонных текстах нередко неожиданно появлялись поэтические описания сибирской природы³³. К примеру, в фельетоне «Путешествие в глубь страны» перед читателем внезапно разворачивалась целая картина: снежная равнина, которая разлеглась «безграничной пушистой скатертью», величественная сибирская тайга, небо с «изумрудными звездами», «миллионы волшебных радужных искр в каждой длинной снежинке» (СГ. 1882. № 47). И этот пейзаж, рисующий великолепие сибирской природы, оказывался резко контрастным фоном для рассказа о бессовестных сибирских чиновниках, кулаках и купцах, ищущих во всем только свою выгоду, о равнодушных обывателях и так далее.

Несомненно, что введение в текст фельетонов таких зарисовок оказывало большое эстетическое воздействие на душу читателя. С одной стороны, описания прекрасных пейзажей пробуждали чувство гордости за родной край и таким образом способствовали формированию регионального самосознания, а с другой – они «беллетризировали» фельетон, усиливали эмоциональный контраст, появляющийся благодаря противопоставлению мира природы миру людей.

Переходя к сказочной основе фельетонов Волховского, необходимо отметить, что она проявлялась на нескольких уровнях. Во-первых, в «Сибирской газете» публиковались его сказки³⁴ и фелье-

³² Сибирский раек (Дядя Федул) (СГ. 1883. № 52; 1884. № 4).

³³ Напр., в фельетонах: «Путешествие в глубь страны» (СГ. 1882. № 47); «С Новым годом!» (новогодняя сказка вместо фельетона) (СГ. 1883. № 1); из цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» (1883. № 28); «Циркуляры» (набросок с натуры) (СГ. 1885. № 7); «Маскарад» (новогодняя фантазия) (СГ. 1888. № 1).

³⁴ Напр.: С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона) // СГ. 1883. № 1.

тоны, которые определялись самим Волховским как «новогодний фантастический рассказ»³⁵, «новогодняя фантазия»³⁶, т.е. сказочность, фантастичность повествования задавалась уже в подзаголовках. Так как временем действия в этих фельетонах был Новый год, понятно, что форма сказки выбиралась Волховским в связи с новогодней традицией радовать своих читателей чем-нибудь необычным. С другой стороны, его привлекал этот переходный момент от старого к новому, когда можно охватить взглядом прошедшее и заглянуть в будущее. А поскольку с этим временем связана и вера человека в чудеса, которые обязательно случаются на Новый год, то и в фельетонах Волховского его герои действительно попадали в разные невероятные ситуации. Персонажами новогодних фельетонов закономерно становились Время, Старый год, Новый год, феи, волшебницы, черти, Сибирь в образе прекрасной женщины и т.д.

Своеобразие этих сказок заключалась в том, что сказочная форма использовалась для решения задач фельетонного жанра, и в первую очередь для постановки общественных проблем. Отсюда проистекала неоднородность, многозначность сказочных героев. Так, волшебница в фельетоне «Маскарад» (новогодняя фантазия) оказывалась «Воинствующей любовью к человечеству» (СГ. 1888. № 1). В «новогодней сказке» «С Новым годом!» на шите красавицы-Сибири были написаны девизы – «Братья, возлюбим друг друга», «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», «Орудия производства принадлежат трудящимся» (СГ. 1883. № 1) и т.д.

Сказка являлась необъемлемой частью фельетонного мира Волховского, простирающегося в пространстве и во времени. В его фельетонах сосуществовали мир реальный – губернский город Томск, сибирские города, по которым путешествовал фельетонист (Ишим, Красноярск и другие), – и мир, творимый Волховским по законам сатирической сказки, типологически восходящей к Салтыкову-Щедрину и к «Миргороду» Гоголя. Грань, отделяющая

³⁵ Ночь на Новый год (новогодний фантастический рассказ) // СГ. 1884. № 1.

³⁶ Маскарад (новогодняя фантазия) // СГ. 1888. № 1.

один мир от другого, была достаточно условна. В забытии, во сне фельетонист незаметно для себя оказывался в «параллельном мире», где время сжималось или растягивалось, вмещая в себя прошлое и будущее, позволяя проживать другие жизни. Пространство же в фельетонах деформировалось так, что одним взглядом автор мог окинуть всю Сибирь, в мгновение ока перенестись из одной страны в другую, и т.д. Этот сюжет Волховский использовал неоднократно – в фельетонах «Путешествие в глубь страны» (СГ. 1882. № 47), «Мой тост» (и сон, и быль) (СГ. 1883. № 6) и др., – ориентируясь на гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В цикле «Летопись Мирного городка»³⁷ фельетонист начинал повествование со вполне реальных фактов, случаев из жизни «Мирного городка». Но постепенно сквозь канву повествования начали прорастать контуры фантазмагоричного, абсурдного щедринского города Глупова в сибирском варианте. «Мирный городок» для фельетониста стал возможностью объединить в одном городе приметы всех сибирских городов. Контуры его были размытыми, изменчивыми, «Мирный городок» описывался как реальный и одновременно иллюзорный. Это позволило Волховскому вести своеобразную игру с читателем: он описывал жизнь Мирного городка «изнутри» (в цикле «Летопись Мирного городка») – и «переместил» в Мирный городок героев из параллельного фельетонного цикла «Сибирский музей»³⁸. Таким образом, Мирный город получил свидетельство своей «реальности», стал одним из важных элементов фельетонного мира Волховского.

Необходимо отметить, что в большинстве фельетонов «Сибирской газеты» действие происходило все-таки в реальном времени и пространстве, и для читателя, несмотря на изощренность Волховского в «эзоповом языке», и лица, и события, и места действия были хорошо узнаваемы.

Газетные фельетоны были «густо населены», здесь действовало огромное количество как отрицательных (помпадуров, Кондратов,

³⁷ Летопись Мирного городка // СГ. 1883. № 44; 1884, № 16, 20, 23, 29, 42, 45.

³⁸ Эти две линии сплетаются в фельетонах «Сибирский музей» // СГ. 1884. № 28; «Летопись Мирного городка» // СГ. 1884. № 42.

кулаков, червонных валетов и т.д.), так и положительных персонажей (друзей фельетониста, его собеседников). Но для Волховского одним из главных действующих лиц был сам фельетонист, и к разработке этого образа он подходил очень тщательно. Псевдонимы Волховского – «В тиши расцветший василек» (по замечанию В.А. Доманского, «необычный псевдоним, который мог придумать только поэт»³⁹), «Фома»⁴⁰, «Иван Брут»⁴¹, «Я. Ачинский»⁴², «Дядя Федул»⁴³, «Консерватор»⁴⁴, «Простой смертный»⁴⁵ – все это были не просто подписи под фельетонами. Многим из них соответствовал продуманный и выстроенный художественный образ.

Свою фельетонную деятельность Волховский начал как «В тиши расцветший василек». В фельетонах, подписанных этим псевдонимом, – «Нечто о сезоне и прочем» (СГ. 1882. № 42), «Еще о сезоне» (СГ. 1882. № 45), «Путешествие в глубь страны» (СН. 1882. № 47), «Перед праздниками» (СГ. 1882. № 51), Волховский часто экспериментировал, пробовал сочетания прозы и поэзии, обыгрывал фантастические ситуации, наделял своего героя возможностью видеть людей насквозь и т.д. В фельетонах, подписанных этим псевдонимом, выстраивался определенный образ фельетониста: читатели узнавали, что он «отзывчив на прекрасное, гневно негодует по поводу социальных пороков, часто приходит в лирический экстаз от увиденного»⁴⁶. Из всех образов «В тиши рас-

³⁹ Доманский В.А. ... Томск, 1996. С. 154.

⁴⁰ Письма с ярмарки // СГ. 1882. № 50–52; Мой тост (и сон, и быль) // СГ. 1883. № 6.

⁴¹ С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона) // СГ. 1883. № 1; Скромные заметки о не всегда скромных предметах // СГ. 1883. № 5; 1883. № 9, 12, 16, 19, 23, 25, 28, 35, 37, 39, 42, 45; Ночь на Новый год (новогодний фантастический рассказ) // СГ. 1884. № 1; На арене прогресса // СГ. 1888. № 9; В области спиритизма // СГ. 1888. № 15; Пост и масленица // СГ. 1888. № 20; Весна идет // СГ. 1888. № 24; Дешевка // СГ. 1888. № 34; Веяния // СГ. 1888. № 38.

⁴² Летопись мирного городка // СГ. 1883. № 44; 1884. № 16, 20, 23, 29, 42, 45.

⁴³ Сибирский раек // СГ. 1883. № 52; 1884. № 4.

⁴⁴ Сибирский музей // СГ. 1884. № 12, 15, 19, 22, 25, 28; 1885. № 1, 3, 5, 9, 11, 17, 21, 35.

⁴⁵ В толпе // СГ. 1885. № 42, 47, 50; 1886. № 4, 9, 13, 18, 20, 22, 24, 29, 31, 33, 35, 39, 41, 44, 48; Отовсюду // СГ. 1888. № 22, 41, 48.

⁴⁶ Доманский В.А. ... Томск, 1996. С. 154.

цветший василек», наверное, был наименее дистанцирован от личности Волховского: это поэт, лирик, возмущенный безобразиями окружающей жизни.

Самым известным фельетонным псевдонимом Волховского, фактически его творческим псевдонимом, стал «Иван Брут», и это не случайно. В этом образе органично соединились черты литературного героя и фельетониста-рассказчика. Иван Брут был наделен Волховским родословной, причем она велась от литературного персонажа, от Хомя Брута Гоголя («Вий») (СГ. 1883. № 1). Биография Ивана Брута – «коренного сибиряка» – не совпадала с биографией Волховского, фельетонный образ был «отделен» от своего создателя. И поэтому он имел определенную свободу действия в создаваемом Волховским фельетонном мире: знакомился с людьми, участвовал в общественной жизни, ездил по Сибири вне зависимости от реальных действий своего создателя.

Фельетоны «Ивана Брута» – одновременно автора и героя – были принципиально диалогичны. Появление новых персонажей – Михея Михеича, Тихона Модестовича и его сына создавало возможность диалога, и не просто разговора, а споров, обсуждений, высказывания различных точек зрения. Собеседники Ивана Брута обладали своим характером, жизненными принципами, собственным мнением, не всегда совпадающим с мнением фельетониста. Так, Михей Михеич – один из самых интересных фельетонных персонажей Волховского – опытный, повидавший многое на своем веку сибиряк; он предстал в роли наблюдателя, собирателя «человеческих документов», которыми щедро делился с Иваном Брутом. И когда фельетонист жаловался Михею Михеичу на трудности своей профессии («нужно известное настроение, нужен, так сказать, полет фантазии; ты думаешь, легко одевать серьезную мысль в езопово платье?»), собеседник его предлагал публиковать «подлинные» «человеческие документы», ибо «иная сибирская действительность фантастичнее выдумок самого необузданного воображения!» (СГ. 1883. № 5). Так в фельетонах появились многочисленные «истории»: «про голову о трех зайцах» – из тетрадки, забытой у Михея Михеича

«иерусалимскими греками» (СГ. 1883. № 5), «Дуумвират бесстыдства, или торжество ума над грубостью. Нравоучительная повесть, извлеченная из подлинных происшествий действительной жизни отставным сибирским чиновником Василиском Прожженным» (СГ. 1883. № 5), «Дневник...» (СГ. 1883. № 25), рассказы из предполагаемой книги «Наша слава» – «Наилучший способ иметь дешевую и прибыльную прислугу» (Сочинение Александра «В. П-ва») и «Не мытьем, так катаньем. Нравоучительный рассказ» (Сочинение Нерчинского жгутоносца) (СГ. 1883. № 28) и т.д.

Подробная характеристика давалась и другому постоянному собеседнику Ивана Брута – Тихону Модестовичу: «Человек он российский и в Сибирь попал не по своей воле. В молодости он отличался особенно живым чувством справедливости, любовью к ближнему и страстным желанием положить предел неправде на любимой родине и эксплуатации одного человека другим. Он жестоко пострадал за это; до того жестоко, что затем, особенно с годами, стал каким-то, словно пришибленным; он не отваживался не только действовать смело, но даже думать» (СГ. 1883. № 28). Оппонентом Тихона Модестовича выступал сын – «значительно напоминающий его таким, каким он сам был в молодости» (СГ. 1883. № 28). Интересно, что Волховский в результате «познакомил» между собой эту пару и Михея Михеича, дав читателю возможность услышать сразу всех фельетонных персонажей.

Повествование, таким образом, было многоплановым: свой монолог вел фельетонист, обращаясь к читателю; фельетонист и фельетонные персонажи разговаривали друг с другом; звучали истории от авторов «человеческих документов», каждая из которых была блестяще стилизована Волховским в соответствии с тем, кто именно выступал рассказчиком; Иван Брут и его собеседники обсуждали прочитанные рукописи, и т.д.

С Ивана Брута началась циклизация фельетонов «Сибирской газеты», объединенных образом фельетониста и фельетонными персонажами. Первый цикл, публиковавшийся на протяжении 1883 го-

да – это «Скромные заметки о не всегда скромных предметах»⁴⁷. Параллельно ему велись циклы, где принцип циклизации оказывался несколько иной, здесь центром и связующим звеном была пространственная точка, город: «Калейдоскоп Омской жизни»⁴⁸, «Омский калейдоскоп»⁴⁹, «Летопись Мирного городка»⁵⁰. В 1884 году одновременно публиковались «Сибирский музей» Консерватора⁵¹ и «Летопись Мирного городка» Я. Ачинского⁵² (своеобразным завершением которой является фельетон «Три предостережения. Из некрологов Мирного городка»⁵³). Это были два самостоятельных цикла, однако общие герои, «кочующие» из одного цикла в другой и обратно, общие проблемы позволяли говорить о них как о частях единого фельетонного текста. Главной темой его являлся Мирный городок; с прекращением «Летописи...» эта тема не исчезла – «мирногородские помпадуры» (Кольчегга, Проспиртованный, Заглоткин, Прогонников) обнаружались в фельетонах «Циркуляры» (СГ. 1885. № 7), «Слопали» (СГ. 1885. № 15), «Весенние наброски» (СГ. 1885. № 24). Таким образом, эти фельетоны также примыкали к мегациклу о Мирном городке.

Цикл «Сибирский музей» во многом перекликался со «Скромными заметками о не всегда скромных предметах»: здесь также повествование велось фельетонистом и его помощником, с включением в текст разнообразных рукописей, басен и других «человеческих документов». Образ помощника в «Сибирском музее» «прорисовывался» постепенно. Сначала он появился просто как «старый корреспондент», который принес рукопись (СГ. 1884.

⁴⁷ Скромные заметки о не всегда скромных предметах // СГ. 1883. № 5; 1883. № 9, 12, 16, 19, 23, 25, 28, 35, 37, 39, 42, 45.

⁴⁸ Калейдоскоп Омской жизни // СГ. 1883. № 32.

⁴⁹ Омский калейдоскоп (Еленский) // СГ. 1883. № 34, 40, 46.

⁵⁰ Летопись Мирного городка (Я. Ачинский) // СГ. 1883. № 44; 1884. № 16, 20, 23, 29, 42, 45.

⁵¹ Сибирский музей // СГ. 1884. № 12, 15, 19, 22, 25, 28; 1885. № 1; 1885. № 3, 5, 9, 11, 17, 21, 35.

⁵² Летопись мирного городка // СГ. 1883. № 44; 1884. № 16, 20, 23, 29, 42, 45.

⁵³ Три предостережения // СГ. 1884. № 48; Из некрологов Мирного городка. Три предостережения // СГ. 1884. № 49.

№ 15), затем «ворвался» к фельетонисту на правах «старого приятеля, корреспондента с фиолетовым носом, знакомого уже читателям из предыдущего фельетона» (СГ. 1884. № 19), и только потом получил имя (Касьян Пафнутьевич Пифагоров) и «общественное положение» – потому, как объяснил Консерватор, что многие читатели уже заинтересовались этим персонажем и хотели выяснить поподробнее, кто он. Эта своеобразная игра с читателем, интрига повышали интерес к фельетону не просто как к «обличительному», сатирическому тексту, но и литературному произведению с собственным сюжетом и героями.

Все упоминаемые выше фельетонные циклы несли в себе ярко выраженное игровое начало: это и внутренний сюжет, связанный с действиями фельетонных персонажей, и появление разными способами – фельетонист находил, ему приносили или присылали – «человеческих документов», и включение в текст сатирических стихотворений, сказаний и басен. Циклы Волховского «В толпе»⁵⁴, «Сибирские зигзаги»⁵⁵, напротив, были серьезны и публицистичны, они велись преимущественно от лица одного фельетониста. Однако «Сибирская газета» нашла еще один способ «поиграть» с читателем в новой сатирической рубрике «Крапива»⁵⁶.

Образцом для «Крапивы» послужили сатирические издания 60–70-х годов XIX века – «Искра» В.С. Курочкина, «Свисток. Сборник литературных, журнальных и других заметок» (сатирическое приложение к «Современнику»), «Гудок». Так же как и эти издания, «Крапива» была плодом коллегиальной работы: организатором и вдохновителем ее являлся Волховский, принимали участие здесь Станюкович и другие авторы «Сибирской газеты».

⁵⁴ В толпе // СГ. 1885. № 42, 47, 50; 1886. № 4, 9, 13, 18, 20, 22, 24, 29, 31, 33, 35, 39, 41, 44, 48; 1887. № 7, 10.

⁵⁵ Сибирские зигзаги // СГ. 1887. № 4, 5, 15.

⁵⁶ Крапива № 1 // СГ. 1885. № 37; Крапива № 3 // СГ. 1885. № 40; Крапива № 4 // СГ. 1885. № 44; Крапива № 5 // СГ. 1885. № 48; Крапива № 6 // СГ. 1886. № 2; Крапива № 8 // СГ. 1886. № 10; Крапива № 9 // СГ. 1886. № 14; Крапива № 10 // СГ. 1886. № 16; Крапива № 11 // СГ. 1886. № 27.

«Крапива» оформлялась как «газета в газете»: здесь публиковались передовые статьи, «Телеграммы (наших собственных корреспондентов)», выделялись рубрики «Городская жизнь», «Корреспонденции», «Объявления “Крапивы”», стихотворения и т.д. Такая форма позволяла охватить сразу много тем в одном выпуске. Так, в «Крапиве» № 5 были представлены: полемика с «Еженедельным обозрением» о самостоятельности убеждений (передовая «Томск, 30 ноября»), обсуждение положения женщин («Телеграммы»), критика театральной постановки («Городская жизнь»), тема взяточничества («Его уж нет!» – «современный сибирский романс») и т.д. (СГ. 1885. № 48). Но в ряде «Крапив» в разных материалах обыгрывалась одна тема. В «Крапиве № 3», например, полемика с «Сибирским вестником» развернута в передовой статье «Томск, 5 октября» (тема «обличений» «Сибирской газеты» и стремление «Сибирского вестника» освещать «отрадные стороны сибирской жизни»), в рубрике «Объявления “Крапивы”» (пародия на объявление о подписке – «антиреклама» «Сибирского вестника», которого не постигнет «участь “Восточного обозрения”», ибо он будет вести себя «по крайней мере умно» и помнить, что «писать можно о многом, но, при известных условиях, надо только отказаться от раздражающего и резкого тона») и других рубриках (СГ. 1885. № 40).

Интересны трансформации документальных фактов для публикации в «Крапиве»: они подвергались литературной обработке, беллетризировались, а затем им придавалась форма материала публицистического – корреспонденции, «объявления» и т.п. «Крапива», таким образом, выступала как литературное произведение в форме оригинального периодического издания.

Принцип объединения коротких, лаконичных материалов разных жанров применялся и в разделе «Сибирка»⁵⁷, сменившем «Крапиву» в 1887 году. Это были «заметки, анекдоты, курьезы, диалоги, предсказания, афоризмы, изречения в стихах и прозе» (СГ. 1887. № 1). «Сибирка» оказалась менее концептуальной по сравнению с «Крапивой», ее выпуски были неравнозначны по объ-

⁵⁷ Сибирка // СГ. 1887. № 1, 2, 6, 8, 12, 14, 16; 1888. № 1, 18, 31.

ему материалов. Отдельные выпуски состояли из четырех маленьких материалов (СГ. 1887. № 6), а «Сибирка» № 17 заняла «подвалы» нескольких страниц: здесь были помещены «Дума законника», «Некоторые критические рассуждения касательно рассказа г-на Короленко» (рецензия И.И. Живомясова), «Краткая география Сибири», «Письмо г-на Тромбона», сатирические стихотворения («Вопль оскорбленного тромбона», «Элегия обиженной флейты», «Ответ музыканта наборщика», «Послание мадам Тремоло, случайно прочитавшей Элегию в рукописи», «Послание чиновника Тетхарда, ухитрившегося где-то прочесть “Элегию” в корректуре»); «Устав общества против умничанья» и другие материалы (СГ. 1888. № 17).

Процесс трансформации фельетонов Волховского в сторону большей публицистичности продолжился в 1886 году, когда отдел фельетона в «Сибирской газете» стал вести также К.М. Станюкович, и в 1887–1888 годах: в эти годы Волховский возобновил рубрику «Литературное обозрение», которой отдавал много сил и времени. Его фельетонные циклы в 1888 году распались на отдельные фельетоны⁵⁸, каждый из которых воспринимался как самостоятельное произведение.

«Эстафету» фельетона литературного, беллетризованного, в «Сибирской газете» в 1886 году перенял Станюкович. «Станюковича, как романиста, как автора “морских рассказов”, а главное – как талантливого, умного и едкого публициста, знала вся Россия; как автор “Писем знатного иностранца”, он очень давно пользовался известностью, даже в далекой Сибири. Помню, не будучи еще с ним знакома, я очень любила и интересовалась его фельетонами из общественной жизни, которые он печатал в газете “Порядок”, под псевдонимом Пимена. Помню, эти фельетоны возбуждали в то время большой интерес среди учащейся молодежи, – каждый раз их появление ожидалось с нетерпением, и для чтения

⁵⁸ Насчет того, как у нас хорошо // СГ. 1888. № 3, 4; На арене прогресса // СГ. 1888. № 9; В области спиритизма // СГ. 1888. № 15; Отовсюду // СГ. 1888. № 16, 22, 41, 48; Пост и масленица // СГ. 1888. № 20; Весна идет // СГ. 1888. № 24; Сибирские зигзаги // СГ. 1888. № 26; Дешевка // СГ. 1888. № 34; Веяния // СГ. 1888. № 38.

молодежь собиралась большими кружками»⁵⁹, – свидетельствовала Е. Некрасова, хорошо знавшая Станюковича, его постоянная корреспондентка. Станюкович работал в сатирических изданиях 60-х годов, писал в «Искре» Курочкина, т.е. он пришел в «Сибирскую газету» как опытный фельетонист.

Фельетонное творчество Станюковича в период томской ссылки было предметом исследования В.П. Вильчинского⁶⁰, М.В. Грицановой⁶¹, В.И. Милькова⁶² и других литературоведов, в работах которых освещена тематика фельетонов, изучены составляющие образа фельетониста – «Старого холостяка», поднята проблема общности фельетонов и связь их с рассказом «Первая и последняя елка». Необходимо добавить, что фельетоны Станюковича⁶³ типологически восходили к творчеству Салтыкова-Щедрина и связаны с фельетонами Волховского и других авторов «Сибирской газеты».

Можно проследить общие приемы создания образа фельетониста: как «Иван Брут», так и «Старый холостяк» были наделены биографией, это образы, совершенно не совпадающие с реальной личностью автора фельетонов. Так, Станюковичу в 1886 году было 43 года («Старому холостяку» – 60 лет); Станюкович приехал в Сибирь с нежно любимой семьей, женой и детьми; т.е. назвать его старым холостяком нельзя никак. Старый холостяк отличается от реального автора и общественным положением: «...я в отставке с чином надворного советника, живу одиноким холостяком на пен-

⁵⁹ Некрасова Е.С. К.М. Станюкович. Его поездка и жизнь в Томске // Русская мысль. 1903. Кн. X. С. 141–170.

⁶⁰ Вильчинский В.П. Константин Михайлович Станюкович ... М. ; Л., 1963. 334 с.

⁶¹ Грицанова М.В. «Томская тема» в творчестве и судьбе К.М. Станюковича ... Томск, 1996. С. 93–109.

⁶² Мильков В.И. К.М. Станюкович // Русские писатели в Томске. Очерки к 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 33–43.

⁶³ Сибирские картинки. Необходимое предисловие. I. Один из цивилизаторов // СГ. 1886. № 28; Сибирские картинки. II. Из дневника молодого ташкентца // СГ. 1886. № 30, 34; Сибирские картинки (фантастической сон в летнюю ночь) // СГ. 1886. № 37; Сибирские картинки // СГ. 1886. № 42; Сибирские картинки. О выборах // СГ. 1886. № 45; Сибирские картинки. Осажденный город // СГ. 1886. № 47; Сибирские картинки. Торжество «чумазога» // СГ. 1886. № 49.

сию, завоеванную русской грамматикой, почитываю, копаюсь в саду и по временам мараю бумагу» (СГ. 1886. № 28) – рекомендовался Старый холостяк читателям. Найденная Старым холостяком рукопись «молодого ташкентца» (Станюкович использует образ, разработанный Салтыковым-Щедриным) была написана в форме дневника, т.е. вновь в фельетонах «Сибирской газеты» появился «человеческий документ», написанный как бы от лица другого человека. В фельетоне из цикла «Сибирские картинки» с подзаголовком «Фантастический сон в летнюю ночь» (СГ. 1886. № 37) обыгрывался мотив сна, видения, также многократно и эффективно используемый ранее Волховским.

Одновременно с фельетонами Станюкович с № 36 1886 года начал публиковать в «Сибирской газете» роман «Не столь отдаленные места». Эти произведения находились в своеобразной «перекличке», фельетоны стали своеобразными «подготовительными материалами» к роману. Так, один из фельетонов из цикла «Сибирские картинки» имел подзаголовок, восходящий к Салтыкову-Щедрину, «Торжество “чумазого”». В нем фельетонист на выборах сталкивался с многочисленными «образчиками всех видов сибирского “чумазого”, непреклонного, упорного, бравирующего закон и совесть и привыкшего деньгами замазывать всякие дыры, сквозь которые могли бы выйти на свет божий плохо заметенные следы...» (СГ. 1886. № 49). В этом же номере «Сибирской газеты» планировалось опубликовать главу романа под номером девять, которая называется «Один из “чумазых”», однако «за недостатком места» эта глава была отложена до следующего номера⁶⁴.

Кроме Адрианова, Волховского, Станюковича, фельетоны в «Сибирской газете» писали Д.А. Клеменц⁶⁵, фельетонист, публи-

⁶⁴ См. примечание от редакции «Сибирской газеты», опубликованное после стихотворения «Открытые вопросы юристам “Сибирского вестника”» (Неудавшийся юрист) // СГ. 1886. № 49.

⁶⁵ Сказка о двух родителях и девах Платониде, Проскудие и Перепетуге (Д.К.) // СГ. 1887. № 14, 16.

ковавшийся под псевдонимами «И.» и «И.Б.»⁶⁶, Ф. Филимонов («Г.И. Иванов»)⁶⁷ и другие сотрудники «Сибирской газеты».

Фельетон «Сибирской газеты», как и многие другие художественно-публицистические жанры, не был чем-то неизменным от начала до конца издания – он пережил определенную эволюцию, которая заметна при внимательном исследовании газеты. Эту эволюцию можно определить как движение от фельетонов Адрианова, в которых происходит экспериментальное освоение жанра, к литературным и сказочным фельетонам Волховского, к фельетонным циклам – и затем к разделению на фельетон публицистический и рубрику «Крапива», позднее «Сибирка», параллельному ведению фельетонов несколькими авторами, распадения циклов на отдельные фельетоны и формированию рубрики «Фельетон “Сибирской газеты”», объединяющей как фельетоны, так и рассказы, путевые заметки, литературные обозрения, главы романа «Не столь отдаленные места» и т.д.

Лидирующее место жанра фельетона среди всех остальных литературно-художественных жанров «Сибирской газеты» было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, возможностью относительно свободно высказывать свои политические взгляды, выносить на суд общественности неприглядные факты сибирской жизни, критически оценивать происходящее, обходя с помощью приемов «эзопова языка» цензурные препятствия. Во-вторых, для «Сибирской газеты» как издания литературоцентричного, просветительского был очень важен именно литературный потенциал, заложенный в жанре фельетона, – использование художественной формы позволяло эффективно работать с читателем, в игровой форме, незаметно вовлекать его в обсуждение животрепещущих проблем эпохи.

Беллетризация фельетонов «Сибирской газеты» происходила на нескольких уровнях: это и введение в прозаический текст стихотворений, и циклизация фельетонов, выстраивание внутреннего

⁶⁶ Пасхальный фельетон. I. После заутрени. II. После разговенья. (И) // СГ. 1886. № 15; Дорожный фельетон (И) // СГ. 1886. № 32.

⁶⁷ «Вокруг да около...» // СГ. 1885. № 8.

сюжета, введение постоянно действующих героев, работа над образом фельетониста. Авторы фельетонов «Сибирской газеты» придавали текстам драматическую, стихотворную форму, в пределах одного фельетона использовали несколько жанров: пародий, «перепевов» (по терминологии И.Г. Ямпольского), басен, стилизаций – под летописи, рассказы и т.д.

Основываясь на документальном, фактическом материале, фельетонисты «Сибирской газеты» подвергали его сатирической и художественной обработке, вводили в общекультурный контекст, сравнивая с ситуациями, описанными в произведениях Гоголя, Салтыкова-Щедрина, с литературными типами, отчего факты, не теряя своей злободневности, актуальности и значимости, приобретали масштабность и влияли на формирование регионального самосознания. Освоение сибирского материала в литературно-публицистических жанрах силами местных, сибирских, авторов и русских писателей имело важное значение для эстетического воспитания читателей и приобщения их к общерусскому литературному процессу. Именно поэтому имеет смысл говорить не просто о фельетонах, а о «беллетристических фельетонах» в этом издании.

Необходимо добавить, что в истории томской сатиры сатирическая журналистика «Сибирской газеты» была явлением выдающимся. Это было связано, конечно, с участниками этого издания – известными русскими писателями, талантливыми людьми, которые внесли свой вклад в развитие местной печати, оставили высокие образцы работы в этом жанре. Во всех остальных изданиях Томска уровень «Сибирской газеты» так и не был достигнут, и не превзойден.

«Текущий фельетон» в газете «Сибирский вестник»

Если в «Сибирской газете» фельетон относился скорее к жанрам литературным и литературно-публицистическим, то у ее конкурента, газеты «Сибирский вестник», фельетон был сугубо газет-

ным жанром, «текущим фельетоном», который использовался для оперативного освещения вопросов местной жизни.

«Сибирский вестник» (полное название – «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни»), основанный в 1885 году, стал одним из фактов активного развития томской журналистики в конце XIX века. Это была вторая частная томская газета, которая стала «противовесом» и идеологическим противником «Сибирской газеты».

«Сибирский вестник» в самом начале своей деятельности обозначил себя как «орган русских людей», противопоставляя таким образом себя областнической «Сибирской газете». Газеты сразу же начали полемику друг с другом, дискутируя по вопросам оценки роли уголовной ссылки для развития Сибири, проектируемой железной дороги, строящегося университета, областничества и по многим другим проблемам. Неудивительно, что фельетон сыграл огромную роль в этой полемике, став одним из основных жанров, позволяющим высказать свое мнение в адрес противника.

Предметом фельетонной полемики «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» являлись вопросы, обсуждавшиеся и в газетной публицистике, и прежде всего это принципиальные установки изданий: областническая позиция «Сибирской газеты» и «централистская» – «Сибирского вестника». Газеты обсуждали положение Сибири в составе России, роль уголовной и политической ссылки для региона, возможные плюсы и минусы открытия сибирской железной дороги и другие проблемы, по которым высказывали свое согласие или несогласие. Жанр фельетона открывал публицистам широкие возможности для иронических выпадов в сторону противника, для моделирования фантастических ситуаций (сна, сказки, путешествия сквозь время и пространства и др.), которые помогали донести до читателей основные идеи.

В 1885 году автором постоянного фельетона в «Сибирском вестнике» был Павел Моисеевич Полянский – бывший директор-распорядитель московского ссудного банка, попавший в Сибирь как уголовный ссыльный. Он писал под псевдонимом «Щукин».

Его работа высоко ценилась в редакции: по крайней мере один из основателей «Сибирского вестника», Евгений Валентинович Корш, характеризовал фельетоны Полянского как «умные», «талантливые» и «блестящие»⁶⁸.

Несмотря на многие сходные черты фельетонов обоих изданий, фельетонист «Сибирского вестника» сумел придать своему «детису» особенности, которые сохранялись в нем на протяжении многих лет. Прежде всего, это удачно выбранное название всего фельетонного цикла – «Чем мы живы», оно не менялось вплоть до полной смены редакции газеты в начале XX века. В фельетонах Полянского была очень сильна «бытописательская» составляющая: его подробные, яркие зарисовки томской городской жизни конца XIX века до сих пор являются ценным источником сведений для исследователей истории Томска.

Вот, например, описание томских маскарадов:

«У нас скромные, семейные дамы почти никогда не ездят в маскарад под маской, а в простом, обыкновенном платье едут в маскарад, как на вечеринку, танцуют там или играют в карты. Замаскированные мужчины и дамы подходят, здороваются и мирно беседуют как в гостиной, не думая ни о какой интриге. Да и какая тут интрига! Разве кто-нибудь пустится доискиваться, не скрывается ли под маской ученик или ученица, но им вход с открытым лицом запрещен. Больше всего в маскарадах танцуют...» (СВ. 1889. № 4).

Или про зимние забавы томичей:

«Любопытная черта наших нравов и порядков: на улице, ни с того ни с сего, воздвигаются две ледяные горы, которые занимают пространство сажен в шестьдесят длины, захватывая две, три усадьбы, так что въехать в ворота можно только через каток, гладкий, как зеркало. Никому такие горы не мешают, потому что улица широка, а ездить по ней некому, и, вероятно, ни у кого никакого разрешения на устройство таких гор не спрашивается. Несчетное множество гор устраивается во дворах, в садах, и только по шуму

⁶⁸ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. № 7. С. 30.

катающихся санок, хохоту и взвизгиваниям узнаешь, что за высоким забором идет веселая жизнь» (СВ. 1886. № 16).

Характерными чертами фельетонов «Сибирского вестника» можно также назвать обращение к разным темам в рамках одного фельетона, сочетание исторических экскурсов с постановкой социальных проблем, сильную полемическую составляющую. Эти особенности проявились буквально в первом же фельетоне «Чем мы живы», опубликованном в первом номере новой газеты за 1885 год. Фельетонист описывал в нем общее настроение города – жизнь «накануне»: накануне перемен к лучшему будущему, поскольку прошлое города, по мнению автора, – только «пьянство и грязь», и нет «решительно в Томске ничего своего», «ничего не встретите оригинального, особенного, томского». Однако все это неприглядное прошлое позади, ведь в Томске уже построен и ждет своего открытия первый сибирский университет. Автор подчеркивал, что уже совсем скоро «кончится история постоялого двора, и начнется история умственного центра огромной и богатой страны».

Этот оптимистический посыл дополнялся выпадом в сторону областников, которые настаивали на необходимости развивать внутренние ресурсы, не полагаться на приезжих:

«Прибудут с учреждениями и новые люди, которым мы, не спрашивая, где родились они, готовы сказать: добро пожаловать. Не будем горевать о том, что, вероятно, никто из них не родился в Ялуторовске или Балаганске, а будем только желать, чтобы это были хорошие, честные люди, достойные дела, для которого призваны» (СВ. 1885. № 1).

То есть в одном фельетоне подняты темы томской истории, сибирского университета, полемики с областниками в отношении их политики по отношению к местной интеллигенции. Этот ход – «переключение» с хода повествования в полемику с областниками, с «Сибирской газетой», с Ядринцевым – может быть прослежен в большинстве фельетонов «Сибирского вестника».

Тематика выступлений Щукина была чрезвычайно разнообразной: это и положение женщин в Сибири (с приведением историче-

ских примеров о покупке женщин (СВ. 1885. № 3)), и об ожидании сенатской ревизии (СВ. 1885. № 5), о томском театре (СВ. 1885. № 6) и о томских дачах (СВ. 1885. № 7), о школьных проблемах (СВ. 1885. № 12, 15) и т.д. Это соответствовало задачам фельетониста следить за текущей жизнью Томска и откликаться на наиболее значимые события, давать им оценку – преимущественно в ироническом ключе.

Особенностью фельетонов Щукина было включение в тексты небольших стихотворных отрывков – двустиший или четырехстиший, которые подчеркивали авторскую мысль. Так, например, выступая с критикой сатирического отдела «Крапива» (публикуемого в «Сибирской газете»), Щукин писал:

«Не удивляйтесь, господа,
Тут нет ведь дива,
На мусоре всегда
Растет крапива» (СВ. 1885. № 19).

Как раз на примере этого отдела – «Крапива» – четко видно, что фельетонисты двух газет постоянно ссылались друг на друга, не упуская случая задеть своего оппонента. Причем, подчеркнем, методы полемики были примерно одинаковые: сарказм, критика выявленных ошибок и неточностей, язвительные прозвища:

СВ: «Сибирская газета» – «орган истинно невежественных патриотов» (1885. № 19), противники «идут по пути лжи, клеветы и самовосхвалений» (1885. № 28).

СГ: «Сибирский вестник» – «молодой катковский крестник», собственно фельетон определяется как «канцелярский», его участники – культуртрегеры (№ 1885. 44) и т.д.

Надо ли добавлять, что фельетонисты были абсолютно уверены в собственной правоте и за все время полемики не сочли убедительным ни один аргумент противника.

В конце 1885 года Полянский, подводя итоги своей работы в качестве фельетониста «Сибирского вестника», выдвинул утверждение, что он может считаться «первым сибирским фельетонистом»:

«Да, господа, в 1885 году установлен непреложный факт, что возможен постоянный фельетон в сибирском издании. До сих пор его не было, хотя пробы завести этот полезный и приятный род беседы были производимы, но безуспешно» (СВ. 1885. № 33).

Тем самым он подчеркивал «желательность» и «безопасность» своего фельетона по сравнению с «Сибирской газетой», острый характер выступлений которой приводил к постоянным цензурным вмешательствам, в том числе в отдел фельетона.

Кроме постоянного фельетона «Сибирского вестника» «Чем мы живы» в газете периодически появлялась рубрика «Мысли вслух», которую вел редактор газеты В.П. Картамышев (подписываясь «В. К-в» и другими псевдонимами). В этой рубрике нередко обсуждались те же темы, что и в фельетонном разделе, – ревизия Сибири, областники, железная дорога и т.д., но высказывания Картамышева были более адресными, отражали его личную точку зрения, его взгляд на проблему.

Основные мотивы полемики между «Сибирской газетой» и «Сибирским вестником» были отражены в фельетоне 1887 года под названием «Сибирский Колумб»: «Патриотическая комедия в стихах и прозе» (СВ. 1887. № 32, 35, 36). Автор фельетона описывал разговоры в редакции газеты «Пустоцвет» (т.е. «Сибирской газеты»), редактором которой был «Подхалимов» (Адрианов?), а сотрудниками – «Балалайкин – бесшабашный птенец», «Оврагин – старый пройдоха и патриот» и т.д. «Сибирским Колумбом», видимо, называли Г. Потанина. Основное действие в комедии происходило в «сибирской столице» (имелся в виду, по-видимому, Томск), патриоты здесь говорили «на сибирском языке», проводя «экскурсию» по газете, и т.д.

В объявлении о подписке на 1888 год сообщалось, что в течение года будут печататься: 1) «Чем мы живы – в Москве», фельетоны Щукина; 2) «Научные экскурсии в область загадочного», фельетоны Емельянова; 3) рассказы и стихотворения Щукина, Овсянникова, Юшина и др.; 4) «Письма о рудном золоте» Е.Е. Емельянова. Этим подтверждалось, что фельетон занял прочное место в жанровой системе газеты, и в фельетонном жанре те-

перь собирались работать не только Полянский и Картамышев, но и Емельянов.

Однако далеко идущим планам газеты не суждено было сбыться – в 1889 году умер П.М. Полянский. Фельетонист «Пик-мик» посвятил ему несколько абзацев в очередном фельетоне цикла «Чем мы живы», отмечая, что Полянский был человеком, «полным житейского такта» и «закованным в крепкую броню бесстрашия», который «удивительно метко» язвил своих врагов «бичом своей сатиры» (СВ. 1889. № 42).

Закрывать популярную рубрику «Чем мы живы» газета не стала, она привлекала разных авторов для ее поддержания.

В течение 1889–1891 годов постоянным разделом газеты продолжал оставаться «Фельетон “Сибирского вестника”», однако он наполнялся преимущественно несатирическими жанрами. Здесь велись продолжающиеся циклы под названиями «Литературная беседа», «Русская жизнь», «Научное обозрение», «Картинки и наброски» – под этим названием помещались материалы собственных корреспондентов из Тобольска, Иркутска, Барнаула и других сибирских городов. Постоянно публиковались стихотворения местных авторов (В. Долгорукова, М. Цейнера, С. Голодникова, В. Картамышева), путевые очерки, рассказы.

В объявлении об издании газеты «Сибирский вестник» на 1890 год содержание раздела описывалось следующим образом:

«В этом отделе помещается: повести, рассказы, очерки, стихотворения, обозрение ежемесячных журналов и разбор выдающихся произведений в них, очерки из русской и чисто сибирской жизни, статьи о народном образовании, сведения об открытиях в области разных наук, очерки заграничной жизни, статьи экономического содержания, библиографические заметки о вновь выходящих сочинениях и периодических изданиях и т.д.; кроме того – раз в неделю – фельетон из местной жизни, под общим названием “Чем мы живы”» (СВ. 1889. № 113).

Примерно таким же это раздел описывался и в объявлениях на последующие годы, с небольшими вариациями: так, например, в объявлении о подписке на 1895 год были удалены строчки о по-

мещении в «Фельетоне» «разбора выдающихся произведений», «статей экономического содержания, библиографических заметок о вновь выходящих сочинениях и периодических изданиях и т.д.», — но все остальное предполагалось помещать здесь по-прежнему, в том числе и «Чем мы живы».

Именно раздел «Чем мы живы» (его вел «Пик-мик») и оставался собственно сатирическим, традиционным «текущим фельетоном». С середины 1889 и на протяжении практически всего 1890 года в газете также публиковался «фельетон в стихах» под названием «Злобы дня», автором которого был В. Долгоруков (подписывался псевдонимом «Гаврила Томский»). Это была, по сути, сатирическая публицистика, только зарифмованная. Параллельно с этим стихотворным фельетоном Долгоруков писал в газету стихи лирические и сатирические, «пародии», рассказы, в 1890 году публиковал здесь главы из своего романа «Литературная богема» (под псевдонимом «Г.В. Суздальский») и т.д., т.е. был одним из самых активных сотрудников «Сибирского вестника» в этот период.

В 1890 году раздел «Чем мы живы» вел Картамышев, подписываясь «Г. Язвин»⁶⁹. Продолжая отслеживать жизнь Томска, он неоднократно жаловался на то, что очень трудно найти подходящую тему для текущего фельетона:

«Положение местного фельетониста, предпочтительно обязанного, по самому своему назначению, давать отчет о событиях местной жизни, изображать местные факты и делишки, бывает иногда очень затруднительно. Выдается подчас такая неделя, что ни резких фактов, ни чем-либо выделяющихся событий вовсе нет.

⁶⁹ Существуют разночтения в определении автора, скрывавшегося под псевдонимом «Г. Язвин». В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова (М., 1958. Т. 3. С. 294) он приписывается В.А. Долгорукову. Однако в некрологе В.П. Картамышева говорилось следующее: «К его трудам принадлежит несколько фельетонов из текущей сибирской жизни, которые он помещал под псевдонимами «За Щукина», «Вин», «Язвин», «Точка» и др. (СВ. 1894. № 115). По-видимому, в данном случае следует признать, что правы коллеги Картамышева, которые работали с ним в одной газете и знали о том, каким псевдонимами он пользовался.

А говорить о чем-нибудь и дать читателям какой-нибудь материал надо» (СВ. 1890. № 100).

В том же фельетоне он размышлял об особенностях работы фельетониста, о качествах, которые востребованы у человека, работающего именно в этом жанре:

«Фельетонист должен искать новых впечатлений, новых фактов, Читателям дела нет, что жизнь бледна, что она сужена в рамку мелких дневных забот и тревог. Он должен и в этих мелочах найти такие стороны, которые, представляя общий интерес, характеризовали бы окружающую действительность, как бы они ни была мелка» (СВ. 1890. № 100).

Но, так как, как утверждал Картамышев, «новых впечатлений» в Томске отыскать было сложно, авторы газеты пытались найти новые формы для представления материала. Из таких опытов можно отметить, например, стихотворное «Томское попури» (автор Н.Г. Листов), в котором автор «дописывал» куплеты к известным песням:

«Украшая край сибирский,
Томск столицей сльвет,
С мощной силой богатырской
Подымается, растет.

В нем есть новая харчевня,
Вечно пьяными полна...
“Хороша наша деревня,
Только улица грязна!”» и т.д. (СВ. 1890. № 111).

Интересным опытом работы газеты с сатирическими жанрами стала небольшая, состоящая из шести глав, повесть Василия Шевича «Похождения бывшего титулярного советника Тушканчикова» (подзаголовок: «осужденного за свои проступки к лишению особенных прав и причисленного в сибирские мещане») (СВ. 1889. № 50–53, 55–58, 61, 63–64). Согласно сюжету, ее главный герой, бывший титулярный советник Тушканчиков, вместе с партией арестантов прибыл в некий сибирский город, в котором получил возможность быстрого «карьерного роста»: ему немедленно была предложена должность в полицейском управлении, затем в тю-

ремной больнице, в суде и т.д. На новом месте Тушканчикову представилась возможность потрудиться на благо общества, оживив работу городской думы:

«N-ская дума с каждым днем подвигалась в развитии своем вперед. Городским головой был избран Суков, о чем и представлено на утверждение губернатору. В городе образовалось вольное пожарное общества <...> Самое энергичное движение думской деятельности обнаружилось по кабацкому делу» (СВ. 1889. № 61).

При содействии Тушканчикова дума значительно урезала права виноторговцев, сократила число «питейных заведений и провела торги на определение мест для оставшихся кабаков с большой выгодой для себя». Автор подчеркивал сложность нового положения своего героя:

«Новая дума торжествовала. С Тушканчиковым был заключен контракт о ежегодном вознаграждении за его труды по 800 р. и, независимо того, за составление на законном основании, утвержденной думою, инструкции для думы, определено было выдать ему одновременно 200 рублей. Скоро впрочем, обнаружилось сторонники виноторговцев, обвинявшие Тушканчикова во-первых – в дерзких действиях против именитых граждан-виноторговцев, а во-вторых – в волнении умов и интригах против отозванного в губернский город чиновника Лаонова» (СВ. 1889. № 61).

В результате «партия виноторговцев» одержала победу: губернатор не утвердил в должности городского головы Сукова, который покровительствовал Тушканчикову, отменил результаты торгов и запретил Тушканчикову сотрудничать с думой. Итогом этой истории стало обнаружение в окрестностях города мертвого тела без головы, которое опознали как тело Тушканчикова, однако подтверждения этому не нашлось, а о самом герое повести «с тех пор... не было в городе никаких слухов и никаких разговоров» (СВ. 189. № 64).

Одним из кульминационных моментов повести было письмо Тушканчикова к своему брату, в котором он описывал Сибирь, ее общественную жизнь, город, в котором он очутился:

«Город, в котором я сейчас обретаюсь, имеет до 4 тысяч жителей; земли много, воды тоже, лесу тоже, но бедности всего больше, а невежества, глубокой спячки до выпивки и после выпивки, и апатии – невообразимая пропасть!» (СВ. 1889. № 63).

Тушканчиков сообщал своему корреспонденту, что он «видит грозу над собою», но верил в то, что он сможет «освежить» жизнь города. Однако, как могли убедиться читатели, ему не удалось справиться с силой местных «хозяев жизни». Таким образом, сатирический конфликт, положенный в основу повести Василия Шевича, разрешался не в пользу героя.

Обращает на себя внимание акцент автора повести на том, что главное действующее лицо повести, человек, который пытался принести пользу обществу, – был осужден и сослан в Сибирь именно по уголовному делу. Такая установка была полемично заострена против убежденности «Сибирской газеты», вечного оппонента «Сибирского вестника», в том, что уголовная ссылка – беда Сибири, и только политические ссыльные могут положительно влиять на местную жизнь.

В 1891 году стала заметна тенденция к снижению количества оригинальных материалов в разделе «Фельетон “Сибирского вестника”». Одновременно можно говорить о более частой публикации переводных материалов. Раздел «Чем мы живы» с этого года ведется параллельно с фельетонным циклом «О чем говорят» – его автор выступал под псевдонимом «Невидимка». В 1893 году «Невидимка» все более активно начинает публиковаться в газете не только как фельетонист, но и как автор «сенок», «зарисовок с натуры» и т.п. По информации, содержащейся в «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова⁷⁰, этот псевдоним принадлежал Николаю Иосифовичу Соколову 1869 года рождения.

С 1892 года раздел «Чем мы живы» ведется сначала «Четкой», затем, в 1893 году, он подписывается: «Четка», «Скептик»,

⁷⁰ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1957. Т. 2. С. 253.

«За Четку», «Точка»⁷¹, и наконец в одном из фельетоном появился следующий постскрипtum от имени «Точки»:

«P.S. Кстати, два слова о моей подписи «Точка»: надоело мне подписываться «За Четку», и я ставлю на сей раз настоящую мою подпись, тем более что Четке в этом году вряд ли придется беседовать с читателями часто» (СВ. 1893. № 8).

«Точка» вступил в активную полемику с П.И. Макушиным, затем с Посохиним, при этом он, как и все предыдущие фельетонисты, продолжал жаловаться на недостаток тем. К примеру, в одном из фельетонов раздела «Чем мы живы» он писал: «Для такого города самый подходящий фельетон – это “Чем мы мертвы”» (СВ. 1893. № 70).

Фельетоны «Сибирского вестника» неоднократно привлекали внимание цензурного ведомства, о чем свидетельствуют материалы архивов Томска (ГАТО) и Санкт-Петербурга (РГИА). В фондах ГАТО, к примеру, сохранилось письмо начальника главного управления по делам печати томскому губернатору, датированное 1 марта 1893 года. В нем описывалась следующая ситуация:

«В № 10 газеты “Сибирский вестник” за текущий год помещен фельетон под заглавием “Письма современника”. В первом письме, относящимся, как можно полагать, к Енисейской губернии, или Якутской области, описывается в тоне Щедрина-Салтыкова объезд префектом своей губернии, а во втором письме заключается пасквиль очевидно на архиерея.

Фельетон этот совершенно не подлежал пропуску в печать, несмотря на то, что в нем не обозначено с точности личности и место действия. Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство обратить внимание лица, цензурирующего газету “Сибирский вестник”, на неправильный пропуск им к печати указанной статьи, заключающей в себе грубый пасквиль на местное управление, и предупредить редактора газеты г. Картамышева, что стремление его снова дать своей газете направле-

⁷¹ Псевдоним «Точка» принадлежал В.П. Картамышеву – см. его некролог (СВ. 1894. № 115).

ние, которое едва не вызвало применение к ней строжайшей административной меры взыскания, неминуемо повлечет за собою приостановление издания на 8 месяцев <...>⁷².

С увеличением обличительной направленности газеты такого рода претензии со стороны Главного управления по делам печати, томского губернатора и других представителей власти появлялись все чаще. Однако с жалобами в главное управление по делам печати обращались не только начальники разного уровня, но и частные лица, которые узнавали себя в опубликованных фельетонах, несмотря на то, что персонажи этих произведений никогда не назывались настоящим именем реально существующих лиц.

В этом смысле очень характерной является история 1901 года, отраженная в газете «Сибирская жизнь» в разделе «Судебная хроника» под названием «Клевета в печати». Газета писала о том, как 29 марта 1901 года томский окружной суд рассматривал жалобы разных лиц об «оклеветании в печати», а именно две жалобы против редактора «Сибирского вестника» Прейсмана. Первое дело заключалось в следующем:

«В номере 51 “Сибирского вестника” от 5 марта 1900 года помещен был фельетон под названием “Чем мы живы” за подписью “Невидимка”. В фельетоне этом автор между прочим описывает “газетный день”, причем рассказывает о посещении его разными лицами с разного рода заявлениями и жалобами, и в числе таких посетителей указывается на какого-то “восточного человека”, который на невозможно ломаном языке рассказывал, как его пытался ограбить старший стражник Ново-Николаевска, с каковою целью арестовал его ночью в квартире спящим, увел в каталагу и там в сообществе с другими стражи избил» (СЖ. 1901. № 70).

Далее выяснилось, что в фельетоне речь шла о действительно произошедшем случае, который затем был отражен в письмах «старшего стражника» Лобачева и в сообщениях рубрики «Местная хроника». В защиту газеты выступил частный поверенный Долгоруков. Он «доказывал, что в акте помещения в фельетоне

⁷² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 136.

№ 51 “Сибирского вестника” рассказа о каком-то восточном человеке, избитом с целью ограбления каким-то стражником в каком-то Ново-Николаевске – нет признаков преступления, предусматриваемого 1535 ст. ул. о нак., так как, во-первых, в фельетоне не было указано ни имен, ни фамилий, а поселений с названием Ново-Николаевск много в разных губерниях и областях России; во-вторых, нет умысла со стороны Прейсмана оскорбить чью-нибудь честь или опозорить чье-нибудь имя, и что, напротив, Прейсман предоставлял Лобачеву все средства выяснить это дело в выгодном для него смысле; по этим основаниям поверенный Долгоруков просил суд об оправдании его клиента».

В итоге «приговором окружного суда Прейсман признан по этому делу оправданным» (СВ. 1901. № 70).

Точно так же суд оправдал Прейсмана и во втором случае – по обвинению его в клевете, содержащейся в фельетоне «Сон верненского обывателя» (опубликован в «Сибирском вестнике» № 191 от 2 сентября 1899 года). Как писал судебный обозреватель, в нем «описываются виденные “верненцем” во сне разного рода наблюдавшиеся им картинки в каком-то городе, в котором он очутился, причем “вернец” слышит разговор двух офицеров, между прочим, о том, что у них “нижних чинов тухлым мясом кормят” и тем “домики наживают и в довольстве живут”. Описание каждой из этих картинок оканчивается словами “верненца”: “слава Богу, у нас в Верном этого нет”».

Далее выяснилось, что «по выходе этого номера “Сибирского вестника” с означенным фельетоном, заведующим хозяйством 2-го Западно-Сибирского линейного батальона капитаном Кочневым подан был рапорт командиру батальона, в котором капитан Кочнев, указывая на то, что вышеприведенный описанный в фельетоне разговор относится к нему, как заведующему хозяйством расположенного в Верном батальона, уже в продолжении двух лет, – и что таким образом в фельетоне этом оскорбляется честь и позорится доброе имя его, как должностного лица, – просил командование батальона возбудить преследование против редактора “Сибирского вестника”» (СВ. 1901. № 70).

На суде обвинители потребовали назвать имя фельетониста, в чем им было отказано Прейсманом. Защитником же было указано, что требуется для применения статьи о наказании: «чтобы сделанное в печати сообщение было строго индивидуально, чтобы в нем содержались указания на определенное лицо, понятные не только для самого обиженного, но и для третьих лиц – чего в данном случае нет» (СЖ. 1900. № 70).

В следующем году уже в «Сибирском вестнике», в разделе «Местная хроника», была помещена заметка о рассмотрении дела в окружном суде «по обвинению врачом А.А. Грациановым редактора “Сибирского вестника” в оскорблении в печати». Как писала газета:

«Дело окончилось примирением сторон. По заявлению поверенного Грацианова – г. Вологодского, судоверитель удовлетворен объяснением г. Прейсмана, что инкриминируемый фельетон не имел в виду Грацианова и он, г. Прейсман, сожалел о том, что Грацианов принял этот фельетон на свой счет» (СВ. 1901. № 259).

Необходимо отметить, что далеко не всегда фельетоны избгали «индивидуализации». Так, в 1893 году в «Сибирском вестнике» был помещен фельетон, подписанный псевдонимом «Восемь», в котором были изложены детали жизни работника сибирской печати. Фельетон открывался зарисовкой «творческого момента» – окончания работы над статьей; затем фельетонист описывал внезапное получение известия о том, что он стал редактором-издателем «Зеркала», «газеты политики, литературы, финансов, коммерции и общественной жизни». Размышляя о том, как он будет вести разделы литературы, публицистики, «магазинной хроники», фельетонист мечтал о том, как в его газете станет самым прибыльным отдел «Объявления»:

«Тут я думаю внешнюю форму позаимствовать у “Московских ведомостей”. В самом деле, какой получится эффект, когда подписчики увидят на четвертой странице мою собственную фигуру во всем редакторском величии. Надо мною будет надпись аршинными буквами: “Я покупаю”, а по бокам:

Семгу – у Н.Г. Гадалова

Серебряные портсигары у И.Г. Гадалова

Белье и платье в трактире Косолапова,
Пиво и водку в Солдатской слободке, в мелочной лавке...
Кто устоит против этого соблазна?...

Мысль положительно хорошая; но загонять объявления, этот “двигатель торговли” на последнюю страницу все же не следует. Не лучше ли распределить их равномерно по всем отделам? Например, в “Городской хронике” будет сообщено, что Иван Иванович откусил ухо Ивану Никифоровичу и сам остался с половиною бороды. Тут и печатай объявление: “Бальзам Бормани от всевозможных ран” и “Тополин – вернейшее средство для ращения волос”. Или в отделе “Театр и музыка” будет рассказано о трагической смерти от чахотки молодой героини. Здесь и поместить объявление г. Гюйо о дегтярных пилюлях. С одной стороны, рекламы будут лучше запечатлеваться в памяти читателей, с другой – заказчиков можно будет заставлять оплачивать текст газеты» (Сибирский вестник. 1893. № 150).

В мечтах будущий редактор уже видел, как «сам князь Мещерский не устоит и примется восхвалять мою энергию и рекламировать “Зеркало”», «станут ко мне, как ручьи в океан, со всех сторон подписчики стекаться и розничная продажа достигнет до ста тысяч экземпляров в день»; но на этом счастливом моменте сон был прерван.

Обращает на себя внимание тот факт, что в фельетоне употреблены не вымышленные, а реальные названия томских фирм – Гадалова, Косолапова, – что может быть расценено как проявление скрытой рекламы в «Сибирском вестнике».

Кроме «Точки», «Восемь», «Чететки», с газетой активно сотрудничали В. Булыгин (подписывался своей фамилией), Иван Воскресенский, «Дедушка Фаддей», Иван Северный и другие авторы. Однако имя В. Долгорукова и его псевдонимы («Гаврила Томский», «Вс. Сибирский» и др.) в 1893–1894 годах практически исчезли со страниц «Сибирского вестника» – и это не было случайностью. По-видимому, это случилось вследствие неприязни к Долгорукову нового редактора Гр. Прейсмана: он заменил умершего в 1894 году В.П. Картамышева, но уже с 1893 года был его соредактором. В 1894 году в разделе «Чем мы живы» появился резко критический отзыв о «Всеволоде... сибир-

ском», который пишет о Красноярске и Томске «не от скуки» в новую «франко-русскую газету» «Союз», прославляя своих знакомых и особенно г. Айгустова, которому не разрешили основать «новую общественно-литературную газету». Иван Воскресенский, автор этого фельетона, предоставлял читателям самим догадаться, кто это – «Всеволод... сибирский» («Не от скуки» – так назывался стихотворный сборник Долгорукова, который вышел в 1890 году; вместе с Айгустовым Долгоруков пытался основать новую газету «в противовес» «Сибирскому вестнику» и т.д.), и обвинял его в «нахальстве»:

«Молодец, Всеволод не сибирский! Хвалю за изобретательность и находчивость! С такой изобретательностью этот не сибирский Всеволод еще дальше пойдет, ух как далеко пойдет! Вперед без страха и сомнений “всегда вперед”! Смелость, говорят, города берет, а в связи с изобретательностью и нахальством... Мариинск или Ачинск всегда возьмет» (СВ. 1894. № 39).

При этом в примечании к тексту автор фельетона добавлял: «Справедливость требует заметить, что было, к величайшему сожалению, время, когда этот Всеволод... Сибирский помещал свои писания на страницах “Сибирского вестника”» (СВ. 1894. № 39).

Симпатии и антипатии авторов часто отражались на «фельетонной политике» «Сибирского вестника». Особенно заметно это было по отношению к новой томской газете: в 1894 году Макушин получил разрешение на издание «Томского справочного листка», и новую газету немедленно раскритиковали в рубрике «Маленький фельетон» (стала появляться в газете с 1894 года), «Новорожденному на зубок» (автор – «Г.»). Журналист «Сибирского вестника» подчеркнул, что «редакционное слово» новой газеты не дает представление о ее направлении, «местная хроника» – «и жидка, и... контрабандна», а «библиография» – «это каталог книг, продающихся в книжном магазине П. Ив. Макушина» (СВ. 1894. № 76). «Одни надежды и вожделения» – таково, по мнению автора, главное содержание новой газеты – им он и пожелал в дальнейшем исполниться.

В объявлении о подписке в 1895 году, написанном Г.В. Преисманом, были указаны постоянные сотрудники и заведующие отделами

«Сибирского вестника». В их числе Н.Н. Емельянов (передовые), П.Л. Черневич (критика, публицистика и наука), С.К. Кузнецов (история, археология и библиография), Н.В. Арефьев (русская жизнь), Н.А. Гурьев (сибирская жизнь и судебный отдел), А.О. Станиславский (заграничная жизнь и горное дело), А.И. Чеканинский (местная хроника), Е.А. Прейсман (обзоры русских газет), Л.Х. Сабинин (правовые и судебные вопросы), А. Михайлович (школьное дело и педагогика).

Кроме того, отмечалось, что в подготовке фельетонов «Сибирского вестника» принимали участие как бытописатели Невидимка (Томск), В.К. (Тобольск), Пимен Сибирский (Омск), Дедушка Фаддей (Красноярск), Vs (Иркутск), А.Е. (Амур), так и беллетристы Ф.Ф. Филимонов, Некрасова, Владиславлев, Клюге, Ив. Северный, Александрович. Отмечалось также, что изъявили свое желание участвовать в газете беллетристы Станюкович, Гиппиус и Хирьяков (Дужан), одно из произведений которого – «Кающийся грешник» – было уже напечатано. Сообщалось, что во всех сколько-нибудь выдающихся пунктах Сибири имеются постоянные корреспонденты (СВ. 1895. № 104).

Приведенные данные говорят о том, что Прейсман пытался объединить вокруг редакции местных авторов, привлечь иногородних публицистов, политических ссыльных. Это было необходимо еще и потому, что макушинский «Томский справочный листок» даже при урезанной программе составил серьезную конкуренцию «Сибирскому вестнику». Чтобы выиграть в этом соперничестве, кроме привлечения новых сотрудников, Прейсман ввел новый сатирический отдел, по форме являющейся «газетой в газете», под названием «Кача» – ее автором выступал «Дедушка Фаддей» (СВ. 1895. № 18, 163; 1896. № 49); делались попытки наладить сотрудничество с университетскими профессорами. Из старых «авторских» отделов в газете остался фельетон «Чем мы живы». В 1895 году Прейсману было официально разрешено выпускать «Сибирский вестник» как ежедневную газету⁷³.

⁷³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 229.

В 1906 году программу «Томского справочного листка» удалось расширить, а также переименовать его в «Томский листок». Poleмика уже с «Томским листком» активизировалась в 1896 году, когда газеты начали обвинять друг друга в низком качестве поэзии (СВ. 1896. № 32, 36, 38), затем предлогом стали фельетоны Лидина («Томский листок») и «Невидимки» («Сибирский вестник») (СВ. 1896. № 218, 223, 224, 236, 246, 248, 255 и др.). Нападки газет друг на друга продолжались и в 1897 году (СВ. 1897. № 42, 43, 60, 63, 67, 84, 113), причем к ним присоединились выпады «Сибирского вестника» против иркутского «Восточного обозрения» (СВ. 1896. № 62; 1898. № 38).

С 1895 и до 1901 года раздел «Чем мы живы» вел «Невидимка». Кроме этого, стал постоянной рубрикой раздел «Маленький фельетон». В этом новом разделе участвовали разные авторы: Иван Северный, «Дедушка Фаддей», «Е.О.П.», «Наблюдатель» и многие другие. Они продолжали эксперименты с сатирическими жанрами: наряду с «классическими» фельетонами здесь появлялись басни (СВ. 1895. № 50), притчи (СВ. 1896. № 69), «правила для посещающих маскарады» (СВ. 1896. № 23), «рецепт блинов» (СВ. 1896. № 24), «страничка из дневника» (СВ. 1896. № 70) и т.д.

На протяжении четырех лет – с 1896 по 1899 год – под рубрикой «Маленький фельетон» помещались также сатирические зарисовки «По улицам» (часть подписаны «О.Е.П.», часть «Невидимка»). Это были юмористические описания уличных сценок и происшествий, которые автор наблюдал на известных томских улицах: Спасской, Акимовской, Магистратской, Александровской, Еланской и т.д. Этот же состав авторов («Невидимка» – «О.Е.П.») вел цикл «Письма к тетеньке» (СВ. 1895. № 113, 158, 169, 174; 1897. № 49, 108; 1898. № 31, 203), продолжая традицию Салтыкова-Щедрина и частично копируя стиль и приемы знаменитого сатирика.

Материалы «Невидимки» хорошо демонстрируют стремление авторов «Сибирского вестника» периодически возвращаться к определенным темам, к прежним названиям циклов, отчего создавалось впечатление «сквозного» сюжета, выстраивающегося на страницах газеты в течение нескольких лет. Этот прием позволял

редакции повышать узнаваемость своих авторов и их произведений, создавал пространство взаимодействия журналистов и читателей. Этой же цели служила «игра с псевдонимами»: в 1898 году часть материалов продолжали подписываться «Невидимка» (СВ. 1898. № 8, 9), часть – «Невидимка № 2» (СВ. 1898. № 11), фельетон в № 20 был подписан сразу двумя «Невидимками» – «Невидимка» и «Невидимка № 2», в № 63 автором выступил «Новый Невидимка». А в № 114 появился «Невидимка № 3». Это заставляло читателей внимательнее следить за материалами «невидимок», включаться в игру фельетонистов.

Особенностью фельетонов «Сибирского вестника» конца XIX века была их частая «привязка» к погоде или к сезону. Несколько примеров того, как начинались фельетоны:

«Дачный сезон в полном разгаре. Излюбленные дачные места – Басандайка, Заварзино, Куташево – переполнены дачниками...» (СВ. 1899. № 116)

«Запахло настоящей весной...

Пахнет ужасно сильно, особенно за Истоком, на Болоте и тому подобных благословенных местах.

Запахи нельзя сказать, чтоб приятные, но зато специфические» (СВ. 1900. № 97).

«На первых же сроках должен оговориться. Сезонных тем много. Есть серьезные, веселые, приятные, а также и неприятные темы. Говорят, например, об урожаях и неурожаях, о дачах, костюмах и проч.

Я же желал бы беседовать лишь о кислых щах и с осторожностью о фруктовых водах.

Видите ли, кислые щи и фруктовые воды суть неразлучные спутники, по преимуществу, летнего сезона; значит, говоря о них, мы будем развивать тему, касающуюся летнего сезона» (СВ. 1900. № 64).

«Я уже давно не писал.

Это потому, что я искал... вы думаете тему?

Вовсе нет. Искать темы на таких праздниках, как Рождество и Святки, прямо преступно. В это благодарное для фельетониста

время темы самого разнообразного свойства встречаются на каждом шагу.

Цирк и театр, балы, маскарады, собрания, святочная эпопея с ее вакханалиями, визиты и отчаянное беспробудное пьянство без конца с приводящими в изумление инцидентами» (СВ. 1900. № 8).

Фельетоны рождественские, пасхальные, новогодние, масленичные, «маскарадные», «дачные», весенние, летние – повторялись из года в год, структурируя внутреннее фельетонное пространство газеты.

Наряду с «сезонным» фельетоном в газете был очень востребован театральный фельетон. Он позволял авторам поднимать и темы исполнительского искусства, и вопросы эстетического воспитания аудитории, и содержательные особенности пьес. Обсуждались в них и частные вопросы, такие, как, например, «неистовство» во время бенефисных постановок:

«Цветы, корзины, часы, лиры и банковые билеты... все уже положено к ногам оперных и опереточных чародеек... Обезумевшие поклонники рады в конце концов сами распластаться на сцене и знак беспредельного восхищения и упоения пред очаровавшими их барыньками-артистками... Упоительно!» (СВ. 1899. № 270).

Тема бенефисов вдохновила авторов «Сибирского вестника» на необычный ход: в одном из фельетонов прошедшие спектакли обсуждали театральные... крысы. Материал начинался так:

«Действие происходит на театральной сцене после бенефиса. Посреди сцены лежит цветная бумажка» – и тут внутри текста была помещена рамка, которая обычно использовалась в разделе объявлений, а внутри нее был напечатан текст приветствия на реально состоявшемся бенефисе одной из томских артисток:

<p>«Сердечный привет соловью нашей сцены А.А. Картавиной От друзей из Т.И. У.О. Томск, 21 января 1900 г.»</p>

Далее описывалось, как «из-под полы вылезают театральные крысы и подозрительно нюхают воздух»; «заметив бумажку, прячутся; затем снова вылезают и поводят усами». Внезапно в тексте появляется персонаж под именем «Премудрая крыса Онуфрий»: в сатирической журналистике периода 1906 года это один из самых известных псевдонимов томских авторов, он принадлежал Порфирию Алексеевичу Казанскому. Здесь же это одна из «театральных крыс», которая вместе с «Крысой (приятной во всех отношениях)» и «Крысой (просто приятной)», «чернорабочей Крысой» и некоторыми другими обсуждает прошедший бенефис до тех пор, пока их не разгоняет «Театральный кот» (СВ. 1900. № 18).

Из новых разновидностей фельетона 1899–1900 годов можно отметить, к примеру, «Четыре письма Джека Потрошителя» (СВ. 1899. № 183) (автор «Н.П.»): в нем Томск предстает местом, в котором неуютно почувствовал себя даже легендарный преступник. Описав в «письмах к жене» особенности местной жизни, он заканчивал их так:

«Вообще, жизненные условия здесь так ужасны, что я укладываюсь и еду в Красноярск, несмотря на хороший заработок. Серое небо, печальные лица, холод или грязь, или адская жара, отсутствие здоровых развлечений, грязные пивные, сомнительные гостиницы, почти поголовная нищета в связи с ужасными пороками – все это мне так надоело в Томске, что я считаю минуты, когда наконец вырвусь из этого грязного болота» (СВ. 1899. № 183).

Такой резко негативный отзыв о Томске был возможен, конечно, только в фельетонном жанре, поскольку «ответственность» за него возлагалась на выдуманного персонажа.

Новые технологии и новые методы журналистской работы отразились в фельетонах, имитирующих разговор по телефону (О.Е.П. По телефону // СВ. 1899. № 196; Фланер. По телефону // СВ. 1902. № 40) и метод интервью. Интервью был посвящен целый цикл фельетонных материалов:

«Как я был интервьюером» – О.Е.П. (СВ. 1900. № 52),

«Интервью по Барнаулу» – Интервьюер (СВ. 1900. № 74),

«Интервью и интервьюшки» – Фланер (СВ. 1901. № 164, 180, 186, 199, 206, 222, 233)

«Интервью» – И. Ольгин (СВ. 1902. № 100, 102–104, 106, 107, 109, 112, 116, 128, 139, 143, 147, 152, 159, 162, 165, 171, 175, 181, 183, 191, 198, 214).

В этих фельетонных интервью обращает на себя внимание то, что, в отличие от реальных интервью, обращенных к конкретным лицам, фельетонисты «опрашивали» обычно персонажей – представителей определенных социальных слоев или профессий (приказчик, артистка и т.д.) либо «знакомых».

Вообще 1899–1900 годы можно назвать временем расцвета фельетонного творчества автора, пишущего под псевдонимом «О.Е.П.». Он принадлежал молодому сотруднику «Сибирского вестника» Василию Львовичу Мануйлову, умершему в 1900 году от чахотки. Из некролога «Сибирского вестника» можно было узнать, что он сотрудничал в газете около пяти лет, с 1895 года, под псевдонимом «О.Е.П.», главным образом в отделе «Маленький фельетон». Газета писала:

«Покойный пять лет тому назад, только что окончив курс Благовещенской духовной семинарии, полный жажды к высшему образованию, пешком пришел в Томск с далекого Амура с целью поступить в наш университет. Это ему почему-то не удалось... Но покойный все время питал надежду получить медицинское образование».

Коллеги высоко ценили талант Мануйлова:

«Его “маленькие фельетоны”, полные наблюдательности, неподдельного юмора, читались всегда с большим интересом. Из Василия Львовича мог выработаться далеко недюжинный фельетонист... но злой недуг – скоротечная чахотка – в несколько месяцев погубила молодую, много обещавшую жизнь» (СВ. 1900. № 205).

Высокую оценку современников подтверждают исследования его произведений. «О.Е.П.» обращался к разным темам, постоянно пробовал разные подходы, жанровые формы: интервью (СВ. 1900. № 52), «астрологический календарь» (СВ. 1900. № 12), «экскурсия в музей местных феноменов» (СВ. 1899. № 208), театральная ре-

цензия с точки зрения крыс (СВ. 1900. № 18), «разговор по телефону» (СВ. 1899. № 196) и многие другие. Его произведения свидетельствуют о ярком фельетонном таланте автора, их отличает легкий стиль и незаурядное чувство юмора, отчего произведения «О.Е.П.» вызывают улыбку и смех даже спустя столетие. Особенно удачными с этой точки зрения являются два фельетона: «Она покупает весеннюю шляпку (Эскиз)» (СВ. 1899. № 67) и «Часы нового золота» (СВ. 1900. № 90). Это два случая из жизни самых обыкновенных людей, первый – сценка в магазине, когда две дамы выбирают шляпку, второй – рассказ о незадачливой жертве рекламы. Автор снисходителен к своим героям, он не бичует сатирой их пороки, но смеется вместе с читателями над их слабостями. Из известных русских фельетонистов он может быть сравним с ранним Аркадием Аверченко, который был мастером тонкого юмора.

Еще одна тема продолжала оставаться актуальной для всех фельетонистов «Сибирского вестника»: это полемика с макушинской газетой, которая из «Томского справочного листка» была переименована в «Томский листок», а в 1897 году стала «Сибирской жизнью». Конец XIX века для двух томских газет ознаменовался, образно говоря, «битвой фельетонистов»: именно фельетоны и их авторы подвергались в обеих газетах самой резкой критике. Примером подобного рода материалов могут служить такие публикации, как:

«Чем мы живы» – Невидимка (СВ. 1899. № 170).

«Магазин или редакция» (шутка) – «Н.П.» (СВ. 1899. № 210).

«Маленькому фельетонисту “Сибирской жизни”» – Невидимка (СВ. 1900. № 116).

«Зубоскалам из “Сибирской жизни”» – «М.Б.», «Маленькая комедия» – «Не фита не ижица» (СВ. 1900. № 256).

«Аудиенция № 1001-й. Лето» – «Фита № 2-й» (СВ. 1901. № 147) и целый ряд других.

Особенно часто «под обстрел» «Сибирского вестника» попадал фельетонист «Сибирской жизни», пишущий под псевдонимом «Фита». Его обвиняли в том, что он «высасывает из указательного пальца серьезные вопросы» (СВ. 1899. № 170), является челове-

ком, «послушным хозяйскому слову» – т.е. редактору газеты, П.И. Макушину (СВ. 1900. № 116). Как писал «Невидимка», «Фита как фельетонист, почувствовав себя в роли ферта, не ограничивается уже одним языкоблудием: он хватается за мысль, искажает, насилует ее, бьет себя в перси и льет гражданские слезы, дешевенские слезы, по тарифу 2 к. за строчку слез» (СВ. 1900. № 116).

«Сибирская жизнь» сравнивалась с магазином, в котором продаются музыкальные ноты и разные товары (намек на то, что издатель газеты, П.И. Макушин, был также активным предпринимателем, владельцем книжного магазина, в котором торговал книгами, музыкальными инструментами и т.д.) (СВ. 1899. № 210).

В 1901 году «Сибирский вестник» поместил пародию на «аудиенции» «Фиты»: в «Сибирской жизни» на протяжении 1900–1901 годов печатался фельетонный цикл под названием «Аудиенции №...», представляющий собой разговоры фантастических персонажей – Лета, Осени и т.д., – с представителями томского общества. Материал «Сибирского вестника» носил название «Аудиенция № 1001-й. Лето» и был подписан: «Фита № 2-й». В «Предисловии» автор писал:

«Слава знаменитого Фиты, автора “известных” аудиенций, распространилась далеко за пределы Томска и дошла до города Пимоваленского. Здесь нашлось ему немало подражателей, но многочисленные произведения их не увидели свет “по независящим от редакции обстоятельствам”. Впрочем, одна попала в печать и столь прославила автора, что его стали звать вторым “Фитой”» (СВ. 1901. № 147).

В 1902 году фельетонист, пишущий под псевдонимом «И. Ольгин», раскритиковал поэтические опыты «Фиты», умоляя его: «ради создателя не пишите стихов» (СВ. 1902. № 130), и так далее.

В 1902 году со страниц «Сибирского вестника» исчезли псевдонимы «О.Е.П.», «Невидимки», «Дедушки Фаддея», их место заняли другие: «Фланер», «И. Ольгин», «Дядя Артем», «Н. Александров», «Сибиряк» и некоторые другие. С газетой начал активно сотрудничать Р.А. Вейсман, который также присоединился к полемике с «Сибирской жизнью» – но прежде всего с ее редактором. Его авторству принадлежит «Открытое письмо “Моим друзьям из Сибирской жизни”» (СВ. 1902. № 79, 86) и «Маленькие эпизоды из дея-

тельности “великих” сибирских просветителей» (СВ. 1902. № 97). Эти выступления были связаны с конфликтом, произошедшим в редакции «Сибирской жизни» в 1902 году, который привел к увольнению из редакции нескольких сотрудников. В своих публикациях Р.А. Вейсман описывал свой опыт сотрудничества с «Томским листком», раскрывая некоторые псевдонимы, описывая особенности внутриредакционной жизни. Всю вину за конфликт он возлагал на П.И. Макушина, обвинял его в «хозяйском» отношении к сотрудникам, в прославлении себя самого средствами газеты и т.д.

Конфликт П.И. Макушина с некоторыми сотрудниками «Сибирской жизни» привел не только к их уходу из редакции, но и к решению общества книгопечатников исключить Макушина из членов общества. За своего редактора вступился «Фита», раскрыв свой псевдоним: это был В. Федоров, он написал целый ряд острых статей в защиту Макушина.

«Сибирский вестник» не остался в долгу, и в итоге против Макушина, Федорова и «Сибирской жизни» были написаны следующие материалы:

«Телега (Сказка)» – Сибиряк (СВ. 1902. № 113);

«По поводу исключения П.И. Макушина из общества книгопечатников» – И. Ольгин (СВ. 1902. № 176);

«Фита и слава (Басня)» – Не-Крылов; Г. Виталию Федорову на «добрую и вечную» память» – И. Ольгин (СВ. 1902. № 178);

«Вынужденный ответ г. Кононову» – Н. Александров (СВ. 1902. № 206);

«В обществе книгопечатников» – И. Ольгин (СВ. 1902. № 245);

«Маленькой Фите – большой ответ» – М.И. Боголепов, «Пару «теплых» слов в альбом “В.Ф.”» – И. Ольгин (СВ. 1902. № 265) и ряд других.

Как видно из вышеперечисленного, часть претензий к «Фите» была изложена в форме басен, например:

«Фита и слава»

Фита нечаянно в газетчики попала,

А у людей она слыхала,

Что это – верный путь разумницей прослыть:
Лишь стоит “взять да и строчить”.
Бумаги тьму Фита себе достала,
Строчит-пыхтит и так и сяк:
То встречного лягнет, то ближнего оближет,
“Абракадабру” вдруг на сотни строк нанижет,
“Перо” не действует никак!..
“Тьфу пропасть!” – говорит Фита, – “иль я дурак,
Иль тот, кто прочих чтит писак...
Ей-ей, о славе мне наггали...
Плевать... нет больше сил моих”...
И тут Фита с досады и печали
Такой изобразила “стих”,
Что в книжной лавке книги задрожали...

Не Крылов (СВ. 1902. № 178).

Большая же часть материалов была написана в гораздо более жестком и сатирическом ключе.

«Битва фельетонистов» не привела ни к каким радикальным действиям, оставшись исключительно в сфере литературы и журналистики. Сотрудники «Сибирской жизни» вышли из состава редакции по собственным причинам, не связанным с фельетонами; Макушин и Федоров остались в полном сознании своей правоты – как и журналисты «Сибирского вестника». Но эта «битва» способствовала оживлению редакционной жизни, рефлексии журналистов о своей работе, о тех принципах, исходя из которых они строили свою деятельность.

«Отзвуки» этой истории можно было увидеть и в 1903 году; в частности, в «новогодних пожеланиях» на 1903 год газета советовала «Ф.Ф. из “Сибирской жизни”... поумнеть» (СВ. 1903. № 1).

Одним из самых активных сотрудников «Сибирского вестника» с 1902 года и вплоть до закрытия газеты в 1905 году был В. Булыгин. В 1902 году он подписывался псевдонимом «Сибиряк» и своей собственной фамилией, за год было опубликовано более 20 его материалов под рубрикой «Маленький фельетон»; в 1903 году –

более 25; в 1904 Булыгин сменил свой псевдоним на «Рефлектор», напечатано около 20 материалов; в 1905 году – около 60 материалов (псевдоним «Рефлектор»).

Фельетоны Булыгина охватывали самый широкий круг тем: он писал о событиях городской жизни, описывал свои впечатления от поездок по железной дороге (СВ. 1903. № 23, 106), передавал подробности из жизни наборщиков (СВ. 1902. № 145; 1904. № 254), отдавал дань «сезонным» фельетонам о масленице и летних развлечениях, призывал к сочувствию бедным детям (СВ. 1905. № 207) и т.д. Фельетоны Булыгина наполнены едкой общественной сатирой, в них практически нет юмористических элементов.

В роли фельетонистов «Сибирского вестника» в начале XX века выступали известные томские поэты и писатели Г. Вяткин, В. Долгоруков, М. Кларин, В. Курицын. Образная система, свойственная их поэтическим произведениям, проявлялась и в фельетонах, придавая им особую эмоциональность. Так, например, в фельетоне Г. Вяткина «Сергей Петрович (из дневника моего коллеги по перу)» (СВ. 1904. № 220) с большой любовью описывалась работа в редакции газеты, ее персонажи – секретарь, репортеры, корректоры и т.д. Заканчивая фельетон, Вяткин подводил следующий итог дню, проведенному с коллегами:

«Возвратясь из редакции домой – в свою холодную, хмурую комнату, я долго не ощущаю холода и чувствую себя бодрым, сильным и грядущее кажется мне светлым...

Я знаю, что завтра снова увижу Сергея Петровича, редакцию, Анну Евгеньевну... и мне так приятно сознавать это, так хочется работать, работать...» (СВ. 1904. № 220).

Необходимо отметить, что в 1904 году, в связи с событиями Русско-японской войны, военная тематика значительно «потеснила» фельетон на страницах «Сибирского вестника». Большое место стали занимать описания боев, статьи о Японии, корреспонденции Немировича-Данченко, перепечатанные из «Русского слова», репортажи о переменах в томской жизни, связанных с появлением в городе раненых, военных и т.д. В объявлении о подписке на 1905 год в числе постоянных сотрудников перечислялись:

А.В.Адрианов, М.И. Боголепов, П.В. Вологодский, А.А. Грацианов, В.Г. Короленко, Г.Н. Потанин, Рефлектор (псевдоним), Николай Степняк (псевдоним), Г.А. Вяткин, Влас Ярцев (псевдоним) и другие, всего более 20 человек, причем список их постепенно расширялся.

Последний год выхода «Сибирского вестника» – 1905-й – характеризовался активизацией работы редакции во всех отделах, в том числе в отделе фельетона. По-прежнему одновременно велись разделы «Фельетон “Сибирского вестника”» и «Маленький фельетон», появлялись фельетоны и под рубрикой «Мысли вслух», и без определенных рубрик. Их писали «Рефлектор» (Булыгин), «Альфа», Влас Ярцев, А. Клеппер, М. Вознесенский, «Граф Инчик», «Одинокий», Г. Вяткин, Вас. Павлоградский и многие другие. В фельетонах отражалась бурная общественная жизнь России, Сибири, Томска в начале и во время разворачивания революционных событий этого периода, публиковались материалы о новых политических партиях, грядущих выборах и т.д.

Заметно увеличение количества стихотворений и лирических, и выражающих сочувствие тем, кто погиб во время томского черносотенного погрома в октябре 1905 года, и сатирических. Это позволяло авторам в обход цензуры иносказательно обсуждать проблемы современной общественной жизни, оценивать их, вырабатывать общую позицию по важным вопросам.

Характерным примером здесь может служить цикл фельетонов «Мысли вслух». Один из них, с подзаголовком «Мысли вслух. О премудрых пискарях», анекдотический случай о том, как военного офицера перепутали с полицейским и стали отчитываться перед ним о прописке постояльцев, фельетонист «Сибирского вестника» предварил рассуждением о прозорливости «покойного Щедрина», который «увековечил психику забитого, запуганного обывателя в своем бессмертном “Премудром Пискаре”»: в состоянии «дрожания находится трусливый обыватель и по сие время, и дрожь со временем, как будто, усиливается» (СВ. 1905. № 40).

Эта трусость, по мнению «Сибирского вестника», осложняет жизнь и самого обывателя, и газетчика: этой теме посвящен мате-

риал в жанре «открытого письма читателям», которое написано от лица обозревателя местной жизни. Из всех «газетных ампула», по мнению журналиста, «самое неблагодарное – это ампула обозревателя местной жизни», его можно «уподобить немому, которого просят рассказать то, что он чувствует». Автор материала так описывает существующую ситуацию:

«Томск имеет 70 тысяч жителей, считается крупнейшим культурным центром великой Сибири, в нем издаются две ежедневные газеты; но можно ли по местной хронике судить о местной жизни? Коварный вопрос... Главную, постоянную часть местной хроники составляют муниципальная жизнь, железная дорога, деятельность разных обществ, заметка о предполагающемся благотворительном спектакле и т.д. редко промелькнет что-либо действительно животрепещущее, действительно интересное» (СВ. 1905. № 85).

Публицист подчеркивал, что это происходит не из-за отсутствия событий: «перед глазами более или менее внимательного, вдумчивого хроникера проходят непрерывно, точно в калейдоскопе, целый ряд картин и бытовых, и не бытовых, ярко и, пожалуй, достаточно полно иллюстрирующих местную жизнь». Но в печати эти «картины» практически никогда не появляются: этому препятствуют «независящие от редакции обстоятельства», т.е. цензура, и «обывательская трусость», примеры которой автор и приводит в своем материале. Люди боятся «обнажать» «язвочки и язвы» – и потому их нельзя «анализировать» и «исцелять» (СВ. 1905. № 85).

Итак, работа «Сибирского вестника» с сатирическими жанрами продолжалась на всем протяжении его издания – с 1885 года, когда газета была основана, и вплоть до ее закрытия в 1905 году. Можно выделить несколько «пиковых» периодов в «фельетонной истории» «Сибирского вестника», когда работа с сатирическими жанрами велась особенно активно. Прежде всего, это первые годы издания газеты – 1885–1888, когда велась полемика с «Сибирской газетой». После закрытия «Сибирской газеты» и вплоть до 1894 года «Сибирский вестник» оставался монополистом на рынке

частных томских изданий, что, конечно, привело к снижению полемического пафоса в его публицистике и сатире.

Следующий период расцвета сатирических жанров в «Сибирском вестнике» был связан с приходом в газету новых авторов и полемикой уже с «Сибирской жизнью» – это 1901–1902 годы. После некоторого снижения интереса к сатире в период Русско-японской войны произошел еще один всплеск «фельетонной активности» – это 1905 год, однако он стал последним в истории «Сибирского вестника», который вначале был переименован в «Вестник Сибири», а затем окончательно прекращен.

В отличие от «Сибирской газеты», фельетоны «Сибирского вестника» (в конце XIX века) были менее «литературными», они представляли собой скорее «текущий фельетон», отслеживающий события, а не явления. Однако в дальнейшем новые авторы стали работать и с другими разновидностями фельетонов, что сделало «Сибирский вестник» достойным оппонентом преемницы «Сибирской газеты» – «Сибирской жизни».

«Сибирская жизнь»: в поисках новых сатирических форм

После закрытия «Сибирской газеты» П.И. Макушину долгое время не удавалось получить разрешение на выпуск нового издания. Однако в 1894 году ему удалось добиться разрешения на издание «Томского справочного листка», а уже на следующий год главное управление по делам печати поддержало ходатайство о расширении программы и о переименовании газеты в «Томский листок». Одним из новых разделов «Томского листка» стал «Фельетон». В 1897 году «Томский листок» был переименован в «Сибирскую жизнь», и в дополненной и расширенной программе этой газеты по-прежнему занимал свое место раздел фельетона.

Раздел текущего фельетона в «Томском листке» первоначально носил название «Наброски», на протяжении 1895 года его вел автор, выступавший под псевдонимом «Знакомец». Кроме того, не-

сколько фельетонов были подписаны «Н. Новиков»: из объявлений в «Томском листке» можно было узнать о том, что это томский юрист, «действительный студент» Николай Николаевич Новиков. Затем к ведущим рубрики «Наброски» присоединились: Виктор Лидин, Р.Л. Вейсман («Рафаэль Лемблан»), авторы, выступавшие под псевдонимами «Чужой», «Ворон-Челобитчик», «Эхо» и другие.

Авторы «Набросков» освещали проблемы городской жизни: критиковали извозчиков (ТЛ. 1895. № 166), рассказывали о проблемах, связанных с временным отсутствием телеграфной связи (ТЛ. 1895. № 159), обращали внимание на театральные постановки (ТЛ. 1895. № 211; 1896, № 50), писали о борьбе с пожарами (ТЛ. 1896. № 57) и т.д. Николай Новиков сделал попытку стилизовать свои фельетоны «под Салтыкова-Щедрина», используя образ города Грязноболотска, который является «благодатным краем» для всякого рода мошенников (Новиков Н. Забытое письмо – ТЛ. 1895. № 199, 210), однако вскоре он отказался от использования сатирических жанров, дальнейшие его публикации в газете носили публицистический, аналитический характер (см. напр.: Новиков Н. Отделение для душевнобольных при томской больнице приказа общественного призрения – ТЛ. 1895. № 221).

Уже в 1896 году в «Томском листке» начался процесс дифференциации сатирических жанров. «Наброски» остались рубрикой, обозначающим «текущий фельетон»: постоянный автор его, Виктор Лидин, по-прежнему освещал события и явления городской жизни (работа мещанского собрания, деятельность ссудных касс, положение нищих детей и т.д.). Этот раздел отличался разнообразием тематики; как писал сам автор, подчеркивая оперативность и злободневность своих выступлений, – «Злобных дней такое множество, что даже грудь фельетониста не может вместить «избытка волнующих чувств» (ТЛ. 1896. № 64).

С другой стороны, «Наброски» были довольно однообразны с точки зрения приемов: Виктор Лидин последовательно рассматривал несколько происшествий, ставших известными за прошедшее время, сатирически комментируя их. С этой точки зрения можно выделить несколько материалов, в которых использовалось

не только комментирование: это «путешествие на Луну», которое совершил автор «на крыльях фантазии, подогреваемой мечтами о гонораре», – чтобы обнаружить, что Луна населена «такими же пакостниками», как и Земля (ТЛ. 1896. № 220), и «новогодняя фантазия» «Старый год в отставке» (ТЛ. 1897. № 1).

Еще один автор «Набросков», выступавший под псевдонимом «Ворон-Челобитчик», освещал в основном тему образования, положения учащихся и учителей (см. напр.: Ворон-Челобитчик «Наброски (В ожидании зимы. К вопросу о помощи школьной бедноте)» – ТЛ. 1896. № 219 и др.).

Опыты «литературного фельетона» в газете встречались в творчестве «Рафаэля Лемблана»: это «Грустная история о том, как был похоронен господин Фауст» (ТЛ. 1896. № 10) и «Джэк Потрошитель» (ТЛ. 1896. № 23). Фельетонист, делая главными героями своих произведений известных литературных персонажей, поднимал такие проблемы, как низкий уровень театральных постановок в Томске, разгул преступности в городе. Интересно, что в одном из «Набросков» Лидина обсуждалась бурная реакция театральных деятелей на фельетон о «похоронах господина Фауста», поскольку местом действия его был театр Королева. Как писал Лидин: «Маленький фельетон вызвал огромное негодование. В “мире картонных мечей и мишурного блеска” разыгралась целая буря в стакане воды!» (ТЛ. 1896. № 12). Как выяснилось из текста, руководитель труппы г. Брагин настолько обиделся на журналиста, что отнял у редакции «театральное кресло». Впрочем, Лидин подчеркивал, что никакие «реверансы» со стороны театра не могут запретить рецензентам выражать собственное мнение.

«Переключка» материалов и тем вообще была довольно характерным явлением для «Томского листка». Так, например, отклик на фельетон «Болячка студенчества» (автор – «Лемб») (ТЛ. 1896. № 211) была дана в «Письме в редакцию» (ТЛ. 1896. № 219): это свидетельствовало о том, что журналисты поднимали действительно важные темы, которые вызывали у читателей желание поделиться и своим мнением, и принять участие в обсуждении материалов.

Авторы «Томского листка» с течением времени все более охотно начали обращаться к стихотворным жанрам, используя для этого раздел «Зигзаги». В нем помещались небольшие стихотворения «на злобу дня», сатирические комментарии, «пожелания», и даже «колыбельные» – их пели «одному прозябающему учреждению»:

«Спи, младенец, спи, мой крошка!

Бог тебя храни!

Побрыкался ты немножко,

А теперь усни.

Жизни шум не проникает в колыбель твою,

Сладкий сон твой не смущает...

Баюшки-баю!» (ТЛ. 1896. № 26).

О каком именно учреждении так нелестно отзывались фельетонисты хорошо понимали современники, сейчас же об этом трудно говорить с уверенностью.

В 1898 году авторы уже «Сибирской жизни» обратили особое внимание на такой сатирический жанр, как басня. Первые образцы басен в газете можно было встретить еще 1895 году (Номо повус. Лиса на службе – ТЛ. 1895. № 246), но в начале 1898 года этот жанр начал постоянно использоваться в «Сибирской жизни». Это были, как правило, «адресные» басни – в подзаголовке авторы указывали, какое именно учреждение или кого хотели они высмеять, хотя и тщательно зашифровывали адресата. Так, например, басня «Крестьянин и волк» была посвящена «Т-му О. П. О.» (СЖ. 1898. № 26), «Навозный Жук и Шмель» – «Т.-Пр. Б.» (СЖ. 1898. № 29) и т.д. Можно предположить, что первая посвящалась какому-то томскому обществу, вторая – возможно, торгово-промышленному банку.

Сатирические и юмористические рассказы и заметки в «Томском листке» размещались не только в специальных рубриках, они публиковались и отдельными произведениями. Это, например, юмористическая зарисовка о двух слепых старухах под названием «С натуры», подписанная «В. Б.» (ТЛ. 1896. № 98), сатирический рассказ о барине-самодуре «Взвеселил» (автор – «В. Б-н») (ТЛ. 1896. № 161), зарисовка «из мира курьезов» под названием «Князь» (автор – «Ал. Гол-в») (ТЛ. 1896. № 168) и др.

Из отдельных сатирических материалов «Томского листка» необходимо упомянуть о «Приключениях мистера Гобса», автором которого был «Летописец» (ТЛ. 1897. № 55, 78, 83, 95, 104, 117, 145, 179, 196). Жанр был определен «Летописцем» как «юмористический набросок», но растянулся этот «набросок» почти на полгода. Основной темой этого материала стали приключения выдуманного персонажа – «английского путешественника мистера Гобса». «Энглишмэн Джон Гобс», путешествуя без особых целей по Сибири, испытал на себе все сомнительные «прелести» местной жизни: его обманывали и грабили, отняли шубу и украли паспорт, избили, заточили в «каталажку», так что мистер Гобс «проклял тот день и час, когда у него зародилось желание путешествовать». Одним из испытаний стало знакомство мистера Гобса с другим англичанином, мистером Смитом, который ввел героя фельетона в местное «светское общество»: оно произвело на Гобса такое же неприглядное впечатление, как и виденные им тюремная жизнь, полицейский произвол, компании грабителей и т.д.

Итогом злоключений путешественника стало внезапное нападение «огромного белого медведя», который «выкусил из редингота его боковой карман, где были последние деньги и все кредитные карты – и скрылся во мраке» (ТЛ. 1897. № 196). Автор фельетона подчеркивал, что он специально придумал такой абсурдный, фантастический конец истории, предлагая считать медведя «аллегорией» и заключая, что конец мистера Гобса – это даже не его гибель: «лишившись бумажника, уподобился тысячам других, которые не имеют бумажника, так уж что в нем, какой интерес... Прощай, мистер Гобс...» (ТЛ. 1897. № 196).

«Приключения мистера Гобса» стали серьезным этапом на пути освоения местными фельетонистами сатирических жанров. Они отличались глубиной обобщения, удачной композицией, динамикой повествования и умением автора представить в смешном виде самые неприглядные стороны местной провинциальной жизни. Можно сказать, что здесь проявилась гоголевская установка на «смех сквозь слезы», и вообще именно в этом тексте заметно сильное гоголевское влияние на автора.

Как предыдущие томские издания, «Томский листок» (и «Сибирская жизнь») использовали фельетон для полемики со своими оппонентами. В конце XIX века таким постоянным «литературным врагом» был для газеты «Сибирский вестник». Противостояние двух томских газет описывалось в фельетонах:

«Литературный фигляр» (Викт. Лидин) (ТЛ. 1896. № 245),

«Темное пятно сибирской прессы» (А.И. Тюкалинский) (ТЛ. 1897. № 37),

«Вопли и стенания г. Прейсмана» (ТЛ. 1897. № 64) и других публикациях.

Фельетонисты «Томского листка» подчеркивали тенденциозность материалов «Сибирского вестника», защиту им «угнетенной невинности кабатчиков и балаганщиков», констатируя, что газета по-прежнему «верна традициям, завещанным “Сибирскому вестнику” Коршем и Полянским» (ТЛ. 1897. № 37).

Еще одна рубрика – «Маленький фельетон» – стала постоянной в газете начиная с 1896 года. Она использовалась и для публикации сатирических материалов, и для размещения рассказов, авторских выступлений небольшого объема, в том числе перепечаток. Так, в течение одного года в этой рубрике можно было найти и стихотворную «балладу» Баллоу «Дачник» (перепечатка из «Новостей дня») (ТЛ. 1897. № 160), и пересказ материала, опубликованного в иркутской газете «Сибирь», под названием «Ф.М. Достоевский в ссылке» (ТЛ. 1897. № 161), и размышления на «современную тему» «Она» И. Таева (ТЛ. 1897. № 169), и перевод с немецкого юмористической новеллы М. Сафина «Двусмысленный зонтик или приключения с мокрым началом и сухим концом» (ТЛ. 1897. № 166) и т.д.

К концу 1896 года со страниц газеты практически исчезли «Наброски»: авторы искали новые форматы, вводили рубрики под названиями: «О чем говорят (Мелочи, наброски и т.п.)», «Картинки сибирской жизни», «Очерки сибирской жизни» и др. Причем эти рубрики могли появляться и в разделе «Маленький фельетон» (см. напр. ТЛ. 1897. № 191, 205).

Кроме оригинальных произведений местных авторов, «Томский листок» (а затем и «Сибирская жизнь») охотно помещал на своих страницах переводы зарубежных сатирических рассказов: это, например, «Премия за кротость. Юмористический рассказ Э. Фуррье» (ТЛ. 1897. № 13), «Как доктор медицины нанимал женскую прислугу. Юмористический рассказ И. Радера» (ТЛ. 1897. № 31), «Журналистика в Америке. Юмористический рассказ Марка Твена» (ТЛ. 1897. № 211) и др. Кроме этого, в газете можно было обнаружить сатирические рассказы русских писателей и публицистов, перепечатанные из отечественных газет и журналов – «Волжского вестника» («Утро редактора (шуточный эскиз)» – ТЛ. 1896. № 78), «Одесского листка», «Новостей дня», «Саратовского листка» и др.

В 1898 году «Маленький фельетон» стал практически единственной рубрикой, в которой публиковались юмористические и сатирические материалы «Сибирской жизни». Однако отчетливо прослеживалось изменение концепции фельетона: теперь это не «текущий» фельетон, не отражение хроники событий, а публикации, в которых рассматривается отдельное негативное явление местной жизни. Например:

фельетон «Бродяги» – это зарисовка, иллюстрирующая тяжелое положение бродяг (подписано «Ю.Г.» – СЖ. 1898. № 254);

«По поводу одного письма в редакцию» – размышление о нелегкой жизни «простолюдина» (подписано «В. Ф-в» – СЖ. 1898. № 240);

«Страничка из жизни студентов. набросок» – описание нестроенного студенческого быта (подписано «Ив. Алатаев» – СЖ. 1898. № 227);

«Бедная Лиза!» – материал о бесправном положении женщин (СЖ. 1898. № 129), и т.д.

Часть материалов этой рубрики – юмористические и сатирические зарисовки томского быта, томских нравов. Характерным примером здесь является материал «На галерке (С натуры)» (подписано «А. Т-в» – СЖ. 1898. № 225): это «подслушанные» диалоги на театральной галерке, такие как:

«Послушайте, милостивый государь, нельзя ли поосторожнее!

– Ты, дядя, знать-то без билета уселся, это мое место.

– Тише, господа!» (и так далее).

В заключении автор уведомлял читателя:

«Такие и подобные сему разговоры происходили на галерке во время игры “Трильби”. Как думаешь, читатель, можно ли сосредоточиться: только вслушаешься, заинтересуешься игрой артиста, и вдруг в самом патетическом месте пьесы около тебя раздастся: “а чтобы те язвило, да в твои ноженьки-то”. Кое-чего из сего можно бы быть устранено» (СЖ. 1898. № 225).

Однако «рецепта» о том, как именно можно было бы «устранить» разговоры среди зрителей, автор не давал.

К таким же юмористическим зарисовкам можно отнести материалы «Декокт» (СЖ. 1898. № 153), «Подзорная труба» (СЖ. 1898. № 44) и ряд других.

В ряде фельетонов появлялся образ двух городов – Грабиловска (СЖ. 1898. № 170, 223) и Ветропыльска (СЖ. 1898. № 18, 176, 190, 212). Следуя щедринской традиции, эти города описываются как гротескные, населенные легковверными и невежественными обывателями и начальниками-самодурами.

В фельетоне «Вслух (из жизни Грабиловска)» автор апеллировал к «фоновым знаниям» своих читателей, используя скрытое цитирование и открытые ссылки на Гоголя, Островского, Шекспира и Щедрина. Фельетон начинался с фразы «Знаешь ли ты, читатель, украинскую ночь, то бишь, город Грабиловск. О нет, ты не знаешь Грабиловска!» (СЖ. 1898. № 223) – это отсылка читателей к гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки», что должно было настроить их на ожидание чего-то невероятного, фантастического и абсурдного. В тексте также есть прямое указание на Островского: «Помнишь, читатель, у Островского: Моему нраву не препятствуй!» («Ндраву моему не препятствуй» – выражение из «Сцен купеческого быта» Островского). Использовалась в фельетоне также известная фраза из Шекспира: «“Да, много, друг Горацио, на свете есть таких вещей, которые и не снились мудрецам!” – сказал в свое время

Гамлет» – она довольно часто встречалась в материалах сибирских фельетонистов. Этот прием «насыщения» текста разнообразными отсылками к известным русским и зарубежным произведениям свидетельствовал как об эрудиции автора, так и о том, что он давал возможность показать типичность описываемой ситуации, вводил ее в общий контекст русской жизни.

Основное содержание фельетона «Вслух» – это описание нескольких характерных ситуаций, показывающих самодурство начальников Грабиловска. Автор фельетона объяснял этот прием следующим образом:

«Кто-то когда-то сказал: “Великое солнце отражается и в малой капле”. Так и в данном случае: из рассказанного факта можно заключить, что это за городок, какие там люди, нравы и обычаи» (СЖ. 1898. № 223).

Необходимо подчеркнуть, что этот принцип был характерен для многих фельетонов «Сибирской жизни»: показать общую тенденцию, целостное явление через отдельные характерные факты, небольшую сценку, диалоги героев.

Прежде чем перейти к описанию собственно фельетонного факта, автор представил общую характеристику города:

«Грабиловск не просто медвежий уголок, нет, – это уголок, хлебнувший цивилизации: гостиницы, театры, школы, там есть даже вольное пожарное общество. Об этом-то “вольном” обществе и будет речь» (СЖ. 1898. № 223).

Фельетонист рассказал читателям, как председатель грабиловского пожарного общества выступил с оригинальной идеей: он «предложил обществу, в видах увеличения средств, сделать постановление тушить дома только тех обывателей Грабиловска, которые сделают членские взносы в вольное общество». К счастью, «ни один член не присоединился к нему, и предложение председателя заглохло», констатировал фельетонист. Этот и другие эпизоды из деятельности грабиловского председателя пожарного общества демонстрировали самодурство, типичное для маленьких провинциальных начальников, и попытки сопротивления им местного общества.

Ветропыльск стал также «местом действия» для маленького сатирического цикла о переписке иностранца с местным нотариусом, демонстрирующей невежество местных юристов, столкновение иностранной культуры и местного «варварства» (СЖ. 1898. № 176, 190, 212).

Возвращаясь к теме гоголевского влияния на фельетонистов «Сибирской жизни», необходимо подчеркнуть, что оно прослеживалось и на уровне сюжетов, и в использовании имен гоголевских персонажей, и в «нахождении» героев Гоголя в современной сибирской действительности. Так, например, в фельетоне «Осип Осипович Незеваев» автор К. Яренский подчеркивал:

«Задача этого очерка – показать читателю, что до сих пор еще сохранились гоголевские чиновники, вопреки сложившемуся мнению, что все эти Тяпкины, Ляпкины, Сквозняки-Дмухановские и пр. и пр. перевелись. Насколько это удалось мне – предоставляю судить беспристрастному читателю, но еще раз подтверждаю, что Осип Осипович – лицо не вымышленное, а взято с натуры, и едва ли в таких господах ощущается недостаток» (СЖ. 1898. № 44).

Добавим, что П.И. Макушин в своих воспоминаниях подчеркивал, что в 1898 году он как редактор-издатель был обвинен в клевете, якобы содержащейся в фельетоне «Человек с лопнувшей душой»⁷⁴ (был приговорен Томским окружным судом к 3-месячному тюремному заключению; по апелляционной жалобе Омской судебной палатой приговор был отменен), а также по обвинению в диффамации был приговорен Иркутской судебной палатой к денежному штрафу за фельетон «Осип Осипович Незеваев». Можно сделать вывод о том, что фельетоны, несмотря на то что они допускали довольно свободное обращение с материалом, тем не менее, давали повод для судебных преследований и штрафов.

Фельетон «Ба! Знакомые все лица! (сценки из-за стенки в нашем городе)» (подписан «Сибиряк») (СЖ. 1898. № 104) – это фактически «перепев» гоголевского «Ревизора». Начало прямо

⁷⁴ Возможно, здесь какая-то несостыковка – фельетон «Человек с лопнувшей душой», автор Виталий Федоров (подписан В.Ф.), был опубликован в 1902 году, № 176.

взято из пьесы, со ссылкой на нее (знаменитое «Я пригласил вас, господа ...») и до строк «Ревизор, инкогнито»). А затем фельетонист описывает заседание представителей города, которые собираются решить «перечень вопросов, не требующих отлагательства» – «дело в 128 томах». Причем среди членов собрания обнаруживаются и Земляника, и Бобчинский с Добчинским. Заканчивается же фельетон тем, что ревизор приехал, а имя его – «общественное мнение».

Фельетоны «Сибирской жизни» подписывались разными псевдонимами, всего за год использовалось более 30 псевдонимов. Однако сказать, сколько авторов в действительности работали в этом жанре, довольно сложно. Удалось идентифицировать только нескольких: это Виталий Федоров (использовал псевдонимы «В. Ф-в», «Вита-Фита», «Виталий Ф-в»), Модест Глебов («М. Глебов»), М. Вознесенский (подписывался своим именем), Т.В. Каплин («В.Д. Митрич», «В.Д. М-ч»), М.С. Попов (опубликовал в 1898 году один материал в № 241, подписанный псевдонимом «М.С. Кларин»).

К сотрудничеству в газете были привлечены не только представители местной интеллигенции – юристы, чиновники, учителя, университетские профессора, – но и политические ссыльные. Макушин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «представители прогрессивной политической мысли нашли в газете орган, через который они могли более или менее откровенно, а иногда хотя эзоповским языком, делиться своими чаяниями и мечтами о новой жизни, вскрывая общественные язвы и бичуя произвол и насилие. Оппозиционное настроение объединяло представителей различных оттенков протестующей политической мысли – и народники уживались с марксистами»⁷⁵. Говоря о сотрудничестве с политическими ссыльными, Макушин приводил цитату из книги П.Н. Лепешинского «На повороте»:

«“Сибирская жизнь” стала органом казачинских литераторов. На своем островке, т.е. в “Сибирской жизни”, мы чувствовали себя

⁷⁵ Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во времена царизма (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. № 2. С. 97.

почти что хозяевами газеты. В известной мере мы могли располагать общественным мнением сибирского общества. Наша ссыльная жизнь стала осмысленнее, содержательнее, приятнее и более обеспеченной. Газетная работа значительно повышала наше финансовое положение. Союз с макушинской газетой был очень нам на руку. Литературное оружие, чрезвычайно увеличивало наш удельный вес не только в глазах уездного исправника, но и самого губернатора»⁷⁶.

В книге Лепешинского, по словам Макушина, также описывался эпизод избавления колонии политических ссыльных от местного чиновника. Он писал: «Корреспонденции из с. Казачинского лишили заседателя сна и аппетита, а басня “о собольих шкурках”, присланная оттуда и напечатанная в “Сибирской жизни”, оказалась для него роковой». И далее Макушин цитировал отрывок из басни:

«В лесах сибирских вековых
Жил волк с большущей пастью,
Который одарен был властью –
Ну скажем, вроде наших станových
(Известных с давних пор под кличкой “куроцапы”).
Но если “куроцапа” лапы
Привыкли к дани вроде кур,
То наш таежный самодур
Слыл за любителя собольих шкур...» (СЖ. 1899. № 92).

Финал, сообщал Лепешинский, получился такой: «заседатель сошел со сцены, испортив навсегда свою карьеру»⁷⁷.

В 1899 году в редакции «Сибирской жизни» произошел конфликт, который привел к выходу из состава газеты части сотрудников. На страницах «Сибирской жизни» этой ситуации было посвящено несколько материалов: «От редактора (материал для общественной психологии)» (СЖ. 1899. № 42), «Письмо в редакцию

⁷⁶ Цит. по: Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во времена царизма ... 1928. № 2. С. 98.

⁷⁷ Там же.

(от сотрудников)» (СЖ. 1899. № 48) и ответ на это письмо П.И. Макушина (СЖ. 1899. № 48).

Из этих публикаций можно было узнать, что редакцию покинули 9 сотрудников: «М. Туманов (псевдоним), Икс (псевдоним), Сибиряк (псевдоним), Г.Б. Баитов (секретарь редакции), М.Н. Вознесенский, П.В. Вологодский, А.А. Кийков, Е.В. Никитин», которые не разделяли методов редакторской деятельности П.И. Макушина. Макушин был крайне обижен поведением людей, которые до этого демонстрировали свое уважение и доброжелательство, и подчеркивал, что им не удалось парализовать деятельность газеты своим отказом от сотрудничества. Интересно, что многие из этого «черного списка» в следующие годы были постоянными авторами «Сибирской жизни», что позволяет сделать вывод о том, что конфликт носил локальный характер и не стал препятствием для общения Макушина с отдельными его участниками и для их выступления на страницах газеты в качестве публицистов. С другой стороны, у авторов и особого выбора не было: в Томске выходило не так много газет, чтобы можно было их игнорировать и особо ими «перебирать».

Тем не менее в начале 1899 года отсутствие прежнего авторского состава стало заметным именно в разделе фельетона. Это вполне объяснимо, если учесть, что основные газетные рубрики, представляющие собой обзоры сибирской и русской печати, обзоры иностранной жизни, составлялись штатными сотрудниками газеты, с которыми разногласий не было; телеграммы и корреспонденции поставлялись внешними источниками и внештатными авторами. А вот отсутствие фельетонов «Сибиряка» – одного из самых активных авторов, работающих в этом жанре, – и публикаций других фельетонистов, конечно, просто «бросалось в глаза» при анализе газетных номеров начала 1899 года.

С этого времени и на протяжении последующих шести лет, вплоть до смены редакционного коллектива в 1905 году, жанр фельетона в «Сибирской жизни» находился в кризисном положении. Под рубрикой «Маленький фельетон» в преобладающем количестве публиковались перепечатки и переводы, а оригинальные фельетоны принадлежали перу одного-двух авторов. Тем не менее

фельетонисты газеты постоянно находились в поиске новых методов подачи материала.

В 1899 году к уже апробированным формам – басням, зарисовкам, «сценкам с натуры» и др. – добавилось «сатирическое естествознание». В № 141 фельетонист «В. Ветрогонский» (псевдоним) объявил о новой рубрике «Из области зоологии. Популярные лекции по естествознанию». Первая лекция называлась «Что такое торжествующая свинья?», в тексте ее давалась отсылка на знаменитый разговор Свиньи с Правдой из сатирического цикла Салтыкова-Щедрина «За рубежом». Однако, по-видимому, эта жанровая модификация оказалась слишком трудоемкой для авторов, и второй лекции по «сатирической зоологии» не появилось. Через месяц авторы переключились на «Железнодорожную Флору и Фауну» (СЖ. 1899. № 180): первая часть будущего «учебника» называлась «Камбала». Здесь прослеживается прямую параллель с будущим томским сатирическим журналом 1906 года, который назывался «Ерш» и тоже начинался с описания рыбы – ерша, который стал главным персонажем и действующим лицом журнала. Можно сказать, что в каком-то смысле «Сибирская жизнь», как и «Сибирский вестник», стала местом апробации будущих форматов и ходов, сюжетов сатирических журналов периода Первой русской революции.

К жанрам «сатирического естествознания» примыкали также «Наблюдения старого бурундука» А. Клюге: в этом фельетоне люди и их поступки рассматривались с точки зрения главного героя – бурундука, рассказывающего своим молодым сородичам притчу о жадных собственниках, которые воевали из-за земли (СЖ. 1899. № 260).

Неожиданно популярным оказался в 1899 году жанр «сна». В нескольких номерах газеты (СЖ. 1899. № 145, 239, 256) фельетонисты пересказывали свои «сны» о порядках на железной дороге, либо переносили своих читателей на «кладбище думских дел». К этому жанру была близка сатирическая сказка («Сибирская небывальщина» – СЖ. 1899. № 190), дававшая автору большие возможности для сатирического осмысления существующих явлений.

Отдельные фельетоны «Сибирской жизни» разрастались в целые циклы, публикующиеся на протяжении нескольких лет. К таким циклам можно отнести материалы «Красноярск и его обитатели. Прошедшее, настоящее и будущее» (автор «Летописец») (СЖ. 1899. № 193, 239, 273; 1900. № 6, 22, 135; 1901. № 14), «Из дневника захолустного литератора» (СЖ. 1899. № 130, 191; 1900. № 63, 96), «По городам и селам Сибири» (публиковался на протяжении 1898–1901 годов), «Из редакционной корзины» (автор «В.Ф.») (публиковался в 1901–1903 годах), и некоторые другие. Это давало возможность развернуть сюжеты на разном материале, описать явление общественной жизни с разных точек зрения.

Фельетонисты «Сибирской жизни» по-прежнему активно обращались к известным литературным персонажам, делая их героями своих фельетонов, а также заимствовали устойчивые формы названий литературных произведений, переделывая их под «сибирскую действительность». Так, «Село Степанчиково и его обитатели» Ф.М. Достоевского было трансформировано в «Красноярск и его обитатели», «Сибирская Швейцария и ее обыватели» (СЖ. 1901. № 29), грибоедовское «Отрывок, взгляд и нечто» стало основой для цикла фельетонов под общим названием «Взгляд и нечто»⁷⁸ (с эпиграфом из Грибоедова «О чем, бишь, нечто? – Обо всем») и т.д. Активно использовались эпиграфы из произведений Крылова (СЖ. 1899. № 148), Фонвизина (СЖ. 1899. № 254), Некрасова (СЖ. 1900. № 10) и других авторов, что давало широкий, общероссийский контекст для изображаемого явления сибирской жизни.

Авторами фельетонов «Сибирской жизни» в 1899 году – уже после конфликта с частью сотрудников – были В. Федоров (псевдоним «В.Ф.»), И. Алатаев, М.С. Попов (псевдоним «М.С. Кларин»), В.Д. Соколов (псевдоним «В.Д. Митрич»), «Беспокойный», «Иван Земляк», А. Клюге и другие (всего использовалось более десяти псевдонимов).

⁷⁸ СЖ. 1899. № 173, 178, 247.

В 1900 году жанр фельетона оказался в ситуации неравной «конкуренции» с литературно-художественными жанрами: очерки и рассказы – как оригинальные, принадлежащие сибирским авторам, так и перепечатки из общероссийских газет – заметно потеснили сатиру в «Сибирской жизни». На протяжении всего года рубрика «Маленький фельетон» велась в основном двумя авторами: В. Федоровым («В.Ф.»), который вел цикл «Свет и тени. Злободневные наброски», и «Павлом Фивейским» – цикл «На злобы дня». Отдельные фельетоны принадлежали таким авторам, как «Jpse», «М.С. Кларин», «Вл. Хмурый».

Обращает на себя внимание явное преобладание в 1900–1903 годах в разделе «Маленького фельетона» «сказочных» жанров: и перепечатки, и оригинальные материалы авторов «Сибирской жизни» очень часто маркировались как «легенды», «сказки», «предания», «не то сказка, не то быль». Характерными примерами здесь могут служить такие материалы:

«На Олимпе. Легенда» Г. Сенкевича (перепечатка из «Русских ведомостей») (СЖ. 1900. № 122),

«Змей-Горыныч. Сибирская сказка» М. Попова («М.С. Кларина») (СЖ. 1900. № 187),

«О создании человека. Татарская легенда» (перепечатка из «Каспия») (СЖ. 1901. № 228),

«Весенние мелодии. Сказка» Трэвора (СЖ. 1902. № 112), и др. Формат сказок был очень выгоден авторам, так как благодаря ему возможно было поднимать острые общественные проблемы, маскируя их под фантастические сюжеты, высказывать свои суждения, вкладывая их в уста сказочных персонажей.

Фельетонными «новинками» начала XX века в газете были «политические шаржи» (СЖ. 1902. № 149), фельетоны, «стилизованные под интервью («Монополия и обыватели. В некотором роде интервью» – СЖ. 1902. № 136), пересказы фельетонов из других газет (СЖ. 1902. № 205). Тематика была расширена за счет обзора событий не только местной, городской, но и общероссийской жизни: так, фельетонисты «Сибирской жизни» нередко упоминали в своих публикациях представителей консервативной печати –

князя Мещерского, Грингмута, «заочно» полемизируя с ними (СЖ. 1902. № 249; 1904. № 183 и др.).

Из новых форматов 1900–1901 годов необходимо отметить сатирические диалоги – «Аудиенции», принадлежащие перу В. Федорова (подписаны «В.Ф.»). Эти диалоги велись между фантастическими персонажами – временами года (Осенью, Зимой, Весной, Летом), месяцами (Январь, Февраль и т.д.) и др. – и представителями томского общества: мещанами, чиновниками, артистами, кучерами, журналистами конкурирующего «Сибирского вестника» и т.д. Первая «аудиенция» была опубликована в 1900 году (№ 208); всего «аудиенций» было 42, последний материал из этого цикла назывался «В редакции. Вместо аудиенции» (СЖ. 1901. № 212), т.е. всего цикл состоял из 43 материалов. Судя по тому, что В. Федоров и в дальнейшем публиковал фельетоны в виде сатирических диалогов (см. напр. – «Новый год в роли визитера» – 1903. № 13–15, 23, 27, 31, 33; «Разговоры» – 1903. № 94 и др.), можно предположить, что этот формат ему и нравился, и позволял как можно полнее реализовать творческие возможности. Кроме диалогов, в «аудиенциях» было много стихотворных вставок, цитат из реальных документов, из материалов «Сибирского вестника»: это создавало ощущение динамики и «полифонии», присутствия в тексте разных «голосов».

Закончив серию «Аудиенций», В. Федоров начал осваивать новый для себя, но традиционный для сибирской журналистики жанр «газеты в газете». Она называлась «Абракадабра. Газета политическая, экономическая и литературная, при участии всех выдающихся литераторов, как живых, так и покойных» (СЖ. 1902. № 40). В отличие от «Сибирской газеты» 1880-х годов, которая нумеровала выпуски своей «газеты в газете» под названием «Крапива», в «Сибирской жизни» нумерация отсутствовала. Тем не менее подсчитано, что «Абракадабра» выходила на протяжении 1902 года, всего И. Федоров опубликовал семь «номеров» своей «газеты в газете» (СЖ. 1902. № 40, 44, 56, 62, 98, 108, 111). О том, что «Абракадабра» не была задумана как периодическая рубрика, читателям намекал ее подзаголовок: «Выходит очень неопределенно,

на манер “Живописного обозрения”. Подписка на “Абракадабру” не принимается».

Фельетон, структурированный в формате мини-газеты, с традиционными рубриками «Телеграммы», «Передовая статья», «Корреспонденции», «Смесь» и т.д., был эффективным способом предоставления информации в разных форматах, привлекал внимание читателей необычными авторскими «ходами». Так, например, в «Абракадабре» В. Федорова «участвовали» Н.В. Гоголь и В.А. Жуковский (в 1902 году праздновали юбилей этих знаменитых русских литераторов), Иван Тургенев, «титularный советник Акакий Акакиевич Башмачкин» и даже Овидий. В «газете» пародировались распространенные жанры периодической печати: интервью, стихотворения, письма в редакцию, телеграммы и т.д. Тематика выпусков была связана с текущими событиями и явлениями томской жизни: с «литературными юбилеями» Гоголя и Жуковского, с проблемой летней пыли, которая затрудняла жизнь горожан, с плохим качеством телефонной связи и рядом других.

Появление «Абракадабры» на страницах «Сибирской жизни» свидетельствовало об освоении авторами новых форматов, вовлекающих читателей в обсуждение общественных проблем.

Еще один необычный способ подачи материала был также «изобретен» В. Федоровым: в 1903 году в 19 номерах «Сибирской жизни» (с № 176 по № 234) был опубликован его стихотворный фельетон «Странички из дневника». По сути это был все тот же «текущий фельетон», отклик фельетониста на происходящие события, однако поэтическая форма давала возможность В. Федорову более лаконичного и юмористического описания своих впечатлений.

Намечающийся кризис фельетона в 1902 году был временно «купирован» использованием сатирических жанров в полемике В. Федорова с представителями общества книгопечатников и журналистами «Сибирского вестника». Поводом к полемике послужило исключение П.И. Макушина из общества книгопечатников: подробности этой истории были изложены журналистом в материале под названием «Шемякин суд». Известно, что

в старинной русской сатирической сказке «Шемякин суд» обличался произвол и несправедливость, эта же идея лежала в основе материала В. Федорова. С его точки зрения, Макушин не был виноват в увольнении рабочих из типографии, так как вопросами подбора кадров занимался не он, а управляющий типографией; кроме этого, Макушину не дали объяснить ситуацию, исключили его из членов общества «за спиной», в отсутствие «обвиняемого». Кроме того, что из общества был исключен редактор «Сибирской жизни» Макушин, общество также отказалось от бесплатного экземпляра газеты, отчего Федоров требовал ответа: за что оскорбили «целый коллектив редакции, всегда расположенный к обществу и желавший ему успеха и процветания»? (СЖ. 1902. № 174).

Вину за несправедливое решение Федоров возлагал в первую очередь на Булыгина – сотрудника «Сибирского вестника», выбранного председателем во время проведения скандального заседания. Необходимо отметить, что Булыгин уже был вовлечен в один скандал, связанный с «Сибирской жизнью», – он был среди журналистов, которые покинули редакцию газеты в 1899 году в знак несогласия с редакторской политикой Макушина. Федоров прямо писал о том, что Булыгин, как бывший корректор газеты, типографию Макушина «знал не хуже, чем собственную квартиру», но он не разъяснил обществу порядок увольнения типографских сотрудников и не прекратил несправедливые обвинения в адрес Макушина.

Полемика Федорова с обществом печатников и представителями «Сибирского вестника» продолжалась до конца 1902 года: почти полгода, с августа по декабрь, «Сибирская жизнь» публиковала материалы, посвященные этой теме, всего около 20 публикаций. Часть из них были написаны в жанре фельетона:

«Человек с лопнувшей душой» – против Вейсмана, бывшего сотрудника «Сибирской жизни», «переметнувшегося» в «Сибирский вестник» (СЖ. 1902. № 176),

«Паразит на общественной ниве» – против Булыгина (СЖ. 1902. № 177),

«Сын своего времени» – против Вологодского (СЖ. 1902. № 179),
«Человек-страус» – против Д. Калико, одного из членов общества печатников (СЖ. 1902. № 181),

«Адвокат-изобретатель» – против Вознесенского, пытавшегося выступить в защиту уволенных типографских работников (СЖ. 1902. № 196) и т.д.

В этих фельетонах обращает на себя внимание общий принцип: они направлены против какого-то конкретного человека, однако Федоров рассматривает их как типичных представителей общества, «носителей пороков». Форма фельетона позволила Федорову высказываться достаточно резко. Так, «человек с лопнувшей душой» был охарактеризован им так:

«это значит – человек, изменивший своим убеждениям, променявший одно перо на другое, человек неустойчивый, шаткий, вообще тот флюгер, от которого полезно держаться подальше» (СЖ. 1902. № 176).

Далее Федоров приводил примеры того, почему именно Булыгин может быть назван таким человеком «с лопнувшей душой». По тому же принципу были выстроены и остальные фельетоны – в начале текста определение (кто такой «человек-страус» или «адвокат-изобретатель» и т.д.), затем аргументы, подтверждающие выдвинутое обвинение.

«Заклейменные» противники Федорова имели возможность высказать ему все претензии на очередном заседании общества печатников, на котором рассматривалось заявление членов общества, «сдобренное» «рядом таких эпитетов по адресу г. Федорова, как “борзописец”, “лжесвидетельствует”, “передержки”, “шпион от литературы” и проч.» (СЖ. 1902. № 207). Заседание это, как иронически заметил один из участников, превратилось в «литературные чтения». На нем были прочитаны все вышеперечисленные фельетоны Федорова и ответы на них, опубликованные в «Сибирском вестнике», а также письма в редакции, в которых содержались ответы на нападки фельетонистов (СЖ. 1902. № 207, 208).

Заседание превратилось в своеобразный суд, на котором была дана возможность высказаться и Федорову, и членам общества. Обращает на себя внимание реплика М.Р. Бейлина, который призывал участников заседания:

«При суде над Федоровым необходимо помнить об его роли злободневного фельетониста, обязанного откликаться на события дня. Здесь уместно и даже необходимо увлечение, законны страсть и резкость, свойственные борьбе. Вопрос об исключении г. Макушина затронул Федорова не только как члена общества, но и как литературного работника, негодовавшего против несправедливости. Его “Шемякин суд”, вполне приличный по форме, дышит благородным негодованием; он борется за правое дело» (СЖ. 1902. № 208).

Это высказывание дает основание считать, что журналисты и читатели газет начала XX века были склонны оправдывать резкость фельетонистов в полемике, находили «законными» их обличения как существующих порядков, так и конкретных «носителей пороков».

Подводя итоги заседания, председатель высказал мнение о том, что «истина в середине: и г. Федоров не прав, и обвинители его погорячились» (СЖ. 1902. № 208). Кроме этого, автор отчета «Сибирской жизни» подчеркнул: «Заявление же г. Булыгина об оскорблении его г. Федоровым в фельетоне “Паразит на общественной ниве” совсем не обсуждалось» (СЖ. 1902. № 208). То есть Федоров фактически был оправдан в глазах общества, несмотря на свои резкие высказывания об участниках конфликта, поскольку его негодование оправдывалось обязанностью фельетониста откликаться на «злобы дня».

Признание себя персонажем фельетона со стороны читателей происходило нередко, хотя газета, пользуясь особенностями жанра, делала только намеки на то, кто послужил прототипом. Так, например, в 1901 году в фельетоне «В.Ф.» «Весна. Аудиенция № 30» Весна вела диалог с «пивоваренным заводчиком»: он обвинял газету в диффамации, однако выяснилось, что не фельетонист, а помощник пристава «открыл в вашей пивной проституток», обнаружил, что «в содержимой вами пивной приказчица не имела

права на торговлю» и т.д. (СЖ. 1901. 108). Через несколько номеров в газету с письмом обратился владелец томского пивного завода Зеленовский, обвинивший фельетониста в том, что он «преследует его» за «заводскую деятельность» в целом ряде публикаций, в том числе в фельетоне «Весна» (СЖ. 1901. № 113). Таким образом, Зеленовский открыто признал себя героем фельетона, в то время как в Томске одновременно с ним действовало как минимум два пивоваренных завода, принадлежащих Крюгеру и Рейхзелигману. Читатель, далекий от проблем, связанных с пивной промышленностью, мог и не знать точно, кто высмеивался в фельетоне, если бы не реакция Зеленовского.

Встречались в газете также публикации, в которых уточнялись ситуации, описанные в фельетонах:

«В маленьком фельетоне № 88 “Сибирской жизни” рассказывалось, что доверенные одной местной фирмы ездили в Ветропыльск, производить ревизию Ветропыльской конторы и что “результаты” этой ревизии у них на обратном пути в вагоне были украдены. По этому поводу нам сообщают, что подобный факт был в действительности, но ездили не доверенные, а сам хозяин и конторщик и украдены книги не ревизовавшейся конторы <...> а местной хозяйской конторы, неизвестно зачем путешествовавшие с ревизорами» (СЖ. 1901. № 91).

Другими словами, участники ситуации, описанной в фельетоне и происходящей в выдуманном городе Ветропыльске, признали реальность сообщенных фактов, а также внесли свои поправки.

Уточнять факты, изложенные в фельетонах, приходили и лично в редакцию: так, служащий ломбарда, о котором шла речь в одном из «воскресных маленьких фельетонов», явился с ломбардными книгами, чтобы объяснить журналистам, из чего складывается сумма, которая берется с «залогодателей» (СЖ. 1901. № 83). Это свидетельствовало о том, что читатели, понимая всю условность фельетонного жанра, тем не менее, отдавали отчет в том, что публикации были основаны на реальных фактах, а фельетонные персонажи имели, как правило, реальные прототипы. Поэтому они нередко жаловались в редакцию на

несоответствие фактов, пытались защитить себя от нападок, если считали их несправедливыми. Обращались они и в цензурное ведомство, о чем свидетельствуют архивные дела «Сибирской жизни».

Фельетонисты «Сибирской жизни» довольно часто размышляли над особенностями этого жанра. Так, в фельетоне «Первое апреля» его автор, В. Федоров (псевдоним «В.Ф.») с юмором описывал ситуацию, при которой фельетонист обязан был откликаться на «календарные праздники»:

«Как на Масленице принято есть блины, на Пасхе христоваться и есть яйца, в Новый год “наносить” визиты, так первого апреля принято обманывать. В газетах принято печатать фельетоны: на Новый год обязательно что-нибудь страшное и таинственное, в Пасху умильное и елейное, на Масленице смешное, безалаберное и глупое, а на первое апреля что-нибудь забавное и обязательно с каким-нибудь обманом» (СЖ. 1899. № 72).

О сложностях, подстерегающих фельетониста, затрагивающего наболевшие темы, писал автор, укрывшийся под псевдонимом «Беспокойный»:

«Лишь только коснется “глагол фельетониста” одного из этих бесчисленных “почему”, лишь смелою рукой начнешь приподнимать завесу, где скрыты возмутительнейшие картины современной жизни, лишь только вздумаешь поверить печатному станку все то, чему свидетель в жизни будешь, что наболело, накопело на душе, что неудержимо рвется на простор, лишь только сквозь смех польются слезы, – тотчас является задетый за живое и властно требует покрыть нагую истину “законным” покрывалом, грозит полицией, грозит тюрьмой и прочими египетскими казнями...» (СЖ. 1899. № 153).

Не единожды фельетонисты жаловались на то, что им трудно отыскать какую-то тему для материала, потому что в Томске нет общественной активности («Под гнетом застоя, или в поисках за злободневною темою» – СЖ. 1899, № 156), или же говорили о том, что они несвободны в выборе тем для публикаций:

«Такова уж доля фельетониста, что он должен писать не то, что хотел бы, а то, что ему диктует сама жизнь» (СЖ. 1902. № 118).

В 1905 году фельетонист рассказал читателям о причинах, из-за которых прежнее название – «Злобы дня» – пришлось сменить на «Наброски». В. Федоров («В.Ф.»), признаваясь о том, что он «просто скромный провинциальный журналист», делился своими мечтами: иногда ему «страстно захочется “глаголом жечь сердца людей”», или «так и подмывает бросить в лицо людям

...Железный стих,

Облитый горечью и злостью...

Размечаешься и широко взмахнешь рукой, вооруженной пером. Думаешь, что сейчас из-под этого острого стального пера посыпятся искры» (СЖ. 1905. № 20).

Но «бесстрастная и бесцветная действительность», окружающая автора, приводила к тому, что «вместо страстных, горячих слов, вместо ядовитых и обидных, как удар бича, фраз, – на бумаге робко жмутся друг к другу робкие мысли». И в результате – «на чистом листе бумаги вместо прежнего, ко многому обязывавшего –

– Злобы дня!

Я пишу скромное и легковесное –

– Наброски» (СЖ. 1905. № 20).

Это свидетельствовало о том, что кризис жанра фельетона был связан не с творческой беспомощностью авторов или отсутствием желания работать в этом жанре, а с окружающей общественно-политической обстановкой, парализующей общественную жизнь, не дающей реализовываться мечтам о переменах и улучшениях.

В 1903–1905 годах, во время нарастания общественного недовольства политикой правительства, а затем Русско-японской войной 1904–1905 годов, жанр фельетона оказался практически вытеснен со страниц газеты жанрами «документальными»: телеграммами, отчетами, заметками, хроникой, корреспонденциями. С 1904 года много места в газете занимала рубрика «Война», письма и дневники Немировича-Данченко, перепечатанные из «Русского слова», описания боев из «Русских ведомостей», а также иллюстративный материал – изображения военных действий, портреты генералов и участников войны, карты и т.д.

Под рубрикой «Маленький фельетон» в этот период публиковались преимущественно переводы и перепечатки из столичных и провинциальных российских газет. В рубрику по-прежнему часто писал В. Федоров (псевдоним «В.Ф.»), появлялись также публикации Ивана Пальмова, Александра Замиралова, П. Блиновского, Ф. Романова, К. Троицкого, М. Попова («М.С. Кларин») и др. При этом военная тематика «проникла» и в этот газетный раздел: на протяжении долгого времени здесь публиковался материал Николая Коновалова под общим названием «Из манчжурских воспоминаний моего товарища» (СЖ. 1905. № 178, 189, 181. 188, 192, 193, 196, 198).

Ситуация кардинально изменилась в 1905 году, после передачи П.И. Макушиным газеты в руки новых редакторов – И. Малиновского и М. Соболева. Буквально с первого же номера, в котором было объявлено о формировании новой редакции «Сибирской жизни» (СЖ. 1905. № 224), в газете появилась рубрика «Фельетон “Сибирской жизни”» – так с этого времени стал называться «подвальный» раздел на 2-й и 3-й полосах, ранее не имевший отдельного наименования. В нем публиковались стихотворения, рассказы, очерки, фельетоны. В отдельных номерах этот раздел назывался «Научный фельетон “Сибирской жизни”», и в этих случаях здесь печатались научные работы университетских преподавателей – приват-доцента И.В. Михайловского «Преступления толпы» (СЖ. 1905. № 237), приват-доцента Бутягина «О бубонной чуме» (СЖ. 1905. № 240), автора, выступившего под псевдонимом «Д.А.» «Заметки о ради и радиоактивности» (СЖ. 1905. № 248) и т.д.

Одновременно в газете сохранилась рубрика «Маленький фельетон», где помещались небольшие стихотворения Е. Бахарева, М. Попова («М.С. Кларина») и других местных авторов (как правило, лирического характера), фельетонные заметки «В.Ф.» под названием «Из настроений дня» и разные материалы, как оригинальные, так и переводные. В целом складывалось впечатление, что сатирические жанры требовали отдельного пространства, и оно было освоено в виде самостоятельных сатирических журналов Томска 1906–1907 годов. И в этом отношении совершенно не случайно, что первые сатирические журналы были созданы

бывшими сотрудниками «Сибирской жизни»: Булыгин выпустил первый бесцензурный сатирический журнал «И смех, и горе», В. Федоров стал основателем первого легального сатирического журнала Томска под названием «Осы» и т.д. Томская сатира к этому времени уже прошла апробацию на страницах ведущих томских газет, поэтому следующий этап ее развития – появление сатирических журналов – стало логичным и естественным шагом.

* * *

Первые частные газеты Томска сыграли важную роль в становлении сатирических жанров. Именно на страницах «Сибирской газеты», «Сибирского вестника», «Сибирской жизни» впервые появились фельетоны и басни, сатирические куплеты и «перепевы», «газеты в газете» и другие жанровые формы сатиры. В роли сатириков себя пробовали как местные журналисты, так и поэты и беллетристы, что значительно обогатило спектр методов и подходов при создании сатирических жанров.

Особенностью сатиры в Томске конца XIX – начала XX века был ее полемический характер. Это было обусловлено тем, что на газетном рынке практически все время присутствовали две частные газеты разных направлений: сначала это была «Сибирская газета», которой противостоял «Сибирский вестник», затем «Сибирская жизнь» и все тот же «Сибирский вестник». На страницах газет разворачивались настоящие «битвы фельетонистов», которые повышали интерес публики к газетам, вовлекали ее в процесс регулярного чтения газетной периодики. Фельетоны живо обсуждались в обществе, их упоминали в письмах в редакцию, а нередко и самим фельетонистам приходилось отстаивать в суде свое право на изображение отрицательных фельетонных персонажей, «списанных с натуры».

У истоков томской сатиры стояли публицисты «Сибирской газеты» – А.В. Адрианов, Ф.В. Волховский, К.М. Станюкович, Д.А. Клеменц. Они задали высокую планку для сатирических жанров, послужили образцом для последующих поколений томских сатириков. В «Сибирском вестнике» «старые кадры» – П.М. Полянский и В.П. Картамышев – на рубеже веков сменились молодыми талантливыми

сатириками, публикации которых – фельетоны Н.И. Соколова, В.П. Булыгина, В.Л. Мануйлова – стали настоящим украшением этой газеты. Также в «Сибирском вестнике» постоянно публиковались местные поэты – В.А. Долгоруков, Г.А. Вяткин, Е.А. Бахарев и др.

В ряду самых известных и талантливых фельетонистов этого периода были также участники «Сибирской жизни», и прежде всего В. Федоров. Однако нетрудно было заметить, что нередко одни и те же фамилии (и псевдонимы) встречались на страницах обеих газет: и в «Сибирском вестнике», и в «Сибирской жизни» публиковались В.П. Булыгин («Сибиряк», «Рефлектор»), В.В. Курицын («Дон Валентино»), М.С. Попов («М.С. Кларин»), Р.Л. Вейсман и др. Это свидетельствовало о высокой востребованности сатирических жанров: фельетонистам даже «враждующих» изданий охотно предоставляли возможность публиковать их произведения. Кроме того, количество изданий в Томске до периода Первой русской революции было очень невелико, и для авторов также не было особо большого выбора для публикации.

Первая русская революция 1905–1907 годов позволила томским сатирикам выйти на новый уровень: теперь у них появилась возможность публиковаться не только в газетах, но и в сатирических журналах. Наиболее активные фельетонисты – В.П. Булыгин, М.С. Попов, В. Федоров – воспользовались новыми обстоятельствами, чтобы создать собственные журналы, о которых пойдет речь в следующем разделе.

Что же касается сатирических жанров в газетной периодической печати, следует отметить, что «конкуренция» их с сатирическими журналами не была особенно острой. У газетной сатиры было свое место и свои задачи, которые она выполняла и в дальнейшем в томской периодике. В настоящем издании мы не будем больше рассматривать сатирические жанры в газетах, констатируя, что они по-прежнему считались обязательной частью периодической печати. Фельетонисты новых томских газет продолжали традиции томской сатиры, пробовали новые формы и жанровые разновидности. Однако сатирические журналы давали гораздо большую свободу для работы с комическим, и ее не стали упускать фельетонисты Томска.

Глава 2.

РАСЦВЕТ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ТОМСКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 годов. САТИРА И ЦЕНзуРА

Расцвет российской сатирической журналистики 1905–1907 годов – явление достаточно изученное и систематизированное в различных каталогах⁷⁹. «География» сатирических изданий, по подсчетам исследователей, включает три с половиной десятка городов, «рассыпанных по всей территории страны, начиная от западной границы и кончая Владивостоком»⁸⁰. Из 259 учтенных сатирических журналов периода Первой русской революции наибольшее количество изданий выходило в Санкт-Петербурге (132) и Москве (27), однако и в российской провинции, в отдаленном сибирском регионе в это время выходили сатирические журналы, достойные внимания исследователей.

В Сибири в 1905–1907 годах выходило около 20 сатирических журналов, из них 8 в Томске: «И смех, и горе», «Осы», «Бич», «Бубенцы», «Рабочий юморист», «Ерш», «Красный смех», «Негативы».

Первым в череде сатирических журналов Томска стал бесцензурный журнал **«И смех, и горе»**, который указывал на титульном листе: «Эпизодический листок общественной жизни с ее треволнениями. Имеет наибольшую склонность к юмористике и сатире – первый в Сибири». Журнал был издан в декабре 1905 года. Редак-

⁷⁹ См. напр.: Русская сатирическая периодика 1905–1907 годов: сводный каталог / сост. З.А. Покровская. М. : Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1980; Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: каталог / науч. ред. В.А. Зибарев. Томск : Изд. Том. ун-та, 1988, и др.

⁸⁰ Там же. С. 3.

тором его был «Рефлектор» (псевдоним В.П. Булыгина). Вышел только один номер, отпечатанный в паровой типографии Н.И. Орловой».

«Литературно-сатирический листок» «**Осы**» стал первым «легальным» в целой череде сатирических журналов, возникших в течение 1906 года: первый номер его вышел 1 января. «Осы» выходили почти целый год, с января по ноябрь 1906 года, всего было выпущено 30 номеров. Журнал печатался в паровой типографии П.И. Макушина, в качестве редактора-издателя выступил В.И. Федоров. Вокруг журнала сосредоточился довольно многочисленный круг авторов – местные поэты Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин, В. Курицын, М.С. Попов (в дальнейшем выпускавший собственный сатирический журнал «Ерш»), И.Л. Симанин (впоследствии участник журнала «Рабочий юморист»), С.П. Швецов (политический ссыльный – революционер-народник, публицист, исследователь Сибири) и др.

12 марта 1906 года появился еженедельный литературно-сатирический журнал «**Бич**». Его существование оказалось недолговечным, всего вышло 3 номера. Журнал печатался в типографии А.И. Дворецкой, в качестве редактора-издателя выступил В.Ц. Черемных. Авторы этого журнала – В.А. Долгоруков (известный издатель периодики, поэт, писавший под псевдонимом «Всеволод Сибирский» – позднее также выпускал сатирическое приложение к собственному журналу «Сибирские отголоски» «Бубенцы»), П.А. Казанский (хорошо известный читателям под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий»), уже упоминавшийся М.С. Попов и др.

14 апреля 1906 года к существующим сатирическим изданиям присоединился еженедельный литературно-сатирический журнал «**Рабочий юморист**». Вышло всего 2 номера, журнал также печатался в типографии А.И. Дворецкой. Редактором-издателем была Л.Н. Симанина, в работе над журналом ей помогал супруг И.Л. Симанин.

20 мая 1906 года вышел летучий сатирический листок «**Ерш**», за судьбой которого с неослабевающим интересом следила вся томская пресса. Редактором журнала был М.С. Попов, в журнале

принимали участие Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин, К.В. Дубровский, П.А. Казанский, В. Курицын, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин – одним словом, почти все вышеперечисленные участники «Ос» и «Бича». Первоначально журнал выходил в типографии В.М. Перельмана, однако в ноябре владелец типографии отказался от печатания журнала по «независящим обстоятельствам», № 19 «Ерша» не вышел, и издание было временно приостановлено. Издатель подумывал о переводе журнала в Ново-Николаевск (Сибирская мысль. 1906. № 27), однако в декабре 1906 года выход был найден – «Ерш» стал печататься в томской типографии «Конкуренция». Но уже 1 марта 1907 года в этой типографии был произведен обыск, весь тираж «Ерша» и шрифты были изъяты, станки опечатаны. Эта информация также была опубликована в «Сибирской мысли» (от 6 марта 1907 года, № 105), и благодаря ей мы имеем данные о тираже «Ерша» – он выходил в количестве 118 экземпляров. «Ерш» был приостановлен «на все время военного положения» за «вредное направление», непосредственной же причиной гнева томского генерал-губернатора, постановлением которого и был прекращен журнал, явилась статья «Христос на земле», поскольку в ней были «допущены кощунственные суждения, касающиеся основных догматов православной церкви» (Сибирская мысль. 1907. № 117).

В конце июня 1906 в ряды издателей сатирических журналов вступил В.А. Долгоруков, который начал выпускать сатирический и карикатурный отдел журнала «Сибирские отголоски» **«Бубенцы»**. Он выходил до середины 1907 года, всего было издано около 20 номеров. «Бубенцы» также печатались в паровой типографии П.И. Макушина, в журнале принимали участие Е.А. Бахарев, П.Я. Блиновский, В.П. Булыгин, В.Э. Дембовецкий, В.А. Долгоруков, П.А. Казанский, В. Курицын, А.А. Мокшанцев, А.К. Ордынцев, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин, Ф.Ф. Филимонов и др.

Первый и единственный номер литературно-сатирического еженедельника **«Красный смех»** вышел в октябре 1906 года. После его выхода на квартире редактора-издательницы Л.Е. Удоновой был произведен обыск, а журнал по распоряжению администрации закрыт «на все время военного положения». Номер вышел

в типо-литографии К.Я. Зеленовского, в нем приняли участие П.А. Казанский, В. Курицын и ряд других авторов.

Наконец, журнал **«Негативы»** начал издаваться 30 мая 1907 года. Многие исследователи не включают его в список сатирических журналов Томска периода Первой русской революции, так как в основном журнал заполнялся рекламой, а юмор использовался как средство привлечения внимания читателей.

Содержательной особенностью томских сатирических журналов стало сочетание сатиры на события и лица местного, томского, и общероссийского масштабов. Деятельность Государственной думы и политических партий, произвол чиновников, тяжелое положение крестьянства и рабочих, черносотенные погромы в России и в Томске – эти и другие темы постоянно обыгрывались авторами журналов. С одной стороны, в материалах представлен «взгляд из провинции» на события, происходящие в столицах (напр., «Ода на освобождение Москвы Дубасовым» – Бич. 1906. № 2), с другой – особый интерес представляет освещение (хотя и в своеобразной форме) явлений местного, сибирского и томского, масштаба. В карикатурах томичей были узнаваемы видные общественные и политические деятели Сибири, в текстах сатирически представлена их деятельность и реакция местного общества. Нередко карикатуры использовались для изображения типов (игроков, гласных, черносотенцев) или для выражения критического отношения к определенной общественной организации. Так, на обложке журнала **«Бубенцы»** (1906. № 4) был изображен крепко спящий на кровати человек, на одеяле которого написано: «Общество физического развития». Карикатура подписана: «Баюшки баю» – тем самым журнал давал свою оценку «сонной» деятельности общества.

Если говорить о соотношении общерусского и местного материала, то в первых журналах («Осы», «Бич») предметом сатиры являлись преимущественно столичные политические деятели и события российского масштаба: введение конституции, годовщина Мукденского сражения, восприятие обществом Думы и думцев, а также отзвуки революционных событий 1905 года; регио-

нальная составляющая была невелика. Но, начиная с «Ерша», томский материал стал гораздо чаще становиться предметом осмысления в сатирических журналах. Выборы в местные органы власти и борьба томских партий, деятельность содержателей местных гостиниц и «портреты» предприимчивых томичей, томский черносотенный погром 1905 года и литературная борьба сатирических журналов Томска – весь этот местный материал стал неисчерпаемым источником вдохновения сатириков «Ерша».

От всех предыдущих (и последующих) томских журналов «Ерш» отличался особым подходом к самопрезентации издания, применяя широко распространенный в русской сатирической журналистике прием «одушевления» образа журнала-«Ерша», который стал действующим лицом, автором и героем материалов. В первом номере было опубликовано «Завещание “Ерша”» – отклик на запрещение первых выпусков журнала; статья «Ерш-задира» (М.С. Кларин) может быть оценена как редакционная статья с определением позиций и направления журнала, хотя она выстроена как описание «рыбы малой, некрасивой, но вкусной», которая «живет в проточных реках», борется с «зубастыми щуками и прожорливыми окунями», «к пчелам относится сочувственно за их трудолюбие и терпение» (зафиксированная еще в «Пчелах» Писарева аллегория рабочих), «свободу считает единственным благом», однако «не принадлежит ни к каким политическим партиям» (акцентирование внимания на «беспартийности» служило, как правило, целью обезопасить себя от цензуры). Сквозной образ «Ерша-задирь» внутренне организует пространство журнала, заставляя вспомнить о его блестящих сатирических предшественниках (журналах Новикова «Трутень», «Пустомеля», об «Искре» Курочкина).

«Бубенцы» были самым умеренным изданием из сатирических журналов 1906–1907 годов, хотя здесь обсуждались практически те же самые темы, что и в «Ерше», и в «Осах»: деятельность Думы, жизнь Томска, томские «знаменитости», цензура – местная и общероссийская и т.д. В целом уровень сатиры в «Бубенцах» был относительно невысоким.

Сатирические журналы представляют богатый материал для изучения рецепции «большой» русской литературы в сибирской периодике и становятся основой для размышлений о дне сегодняшнем. Одним из самых распространенных приемов для создания комического эффекта здесь является пародийная переделка произведений русских и зарубежных классиков: стихотворения Лермонтова и Пушкина, басни Крылова, некрасовские стихотворения, «Письма к тетеньке» Салтыкова-Щедрина, «Фауст» Гете.

«Из басен Крылова» (автор – «Ноль»):
«Демьянова уха»

– Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, послушай...
– Соседушка, оглох я совершенно: – Нужды нет,
Еще статеечку прослушай:
Газета, ей-же-ей, на славу сведена!
– Я три заметки прочитал. – И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, –
А то во здравие: читай брат, до конца! (и т.д.) (Осы. 1906. № 12).

В этой пародии «ухой», от которой в ужасе сбежал сосед Фока, была местная газета октябристов «Время»; таким образом, сатира приобретала ярко выраженную политическую окраску.

Газете «Вече» (автор – «Скептик»):

Ее помоев бешеная гадость
В ближайшем времени погибнет без следа.
При памяти о ней зардеет от стыда
Старик, забыв преклонные года,
И резвая задумается младость... (Бубенцы. 1906. № 7)

В этой переделке сатирический эффект также усиливается сочетанием лирической литературной основы и нарочито сниженным стилем; обращает на себя внимание общая агрессивная позиция либе-

ральной и демократической печати по отношению к черносотенным изданиям, проявившаяся в этом материале наиболее ярко.

Если в столичных журналах «центром притяжения» сатиры был российский самодержец, о чем свидетельствуют работы В. Боцяновского⁸¹, А.А. Нинова⁸², то в томских изданиях фигуры российского масштаба появлялись довольно редко. Это были в основном политические деятели и члены правительства – Горемыкин, Гапон, Дурново, Витте, Плеве, Столыпин, Трепов и др. В «Ерше», кроме того, можно встретить и упоминания о деятелях литературы (Горький, Толстой, Андреев, Буренин). Спектр имен томичей был более широким: подробно обсуждалась деятельность городского головы Некрасова, профессоров Соболева, Базанова, Курлова, предпринимателей Фуксмана, Кухтерина, архитектора Крячкова и т.д. Необходимо добавить, что местная тематика нередко затрудняет понимание сатиры, поскольку подразумевалось, что читатель хорошо осведомлен о контексте происходящего. И если общероссийские события и лица легко могут быть «расшифрованы», то обстоятельства томской жизни 1906 года не всегда понятны.

Кроме собственно сатирического материала, во всех журналах можно обнаружить лирические стихотворения, философские зарисовки, аллегории, сказки. Сатирические журналы стали центром объединения местных литературных сил, «творческой лабораторией» писателей и поэтов.

В целом можно говорить о том, что художественный и публицистический уровень сибирских журналов вполне сопоставим с лучшими сатирическими изданиями периода первой русской революции. Косвенное свидетельство этому – тот факт, что из почти 400 стихотворений, вошедших в состав сборника «Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)» (Л., 1969), 15 принадлежат авторам, публиковавшимся в томских сатирических журналах.

⁸¹ Боцяновский В.Ф. Русская сатира первой революции // Русская сатира Первой революции. 1905–1906. Л., 1925.

⁸² Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, 1969.

**«И смех, и горе»: неизвестный
сатирический журнал Томска периода
Первой русской революции**

Несмотря на то, что сатирическая журналистика периода Первой русской революции 1905–1907 годов является достаточно хорошо изученным явлением, однако до сих пор исследователи обнаруживают отдельные дореволюционные издания, не попадавшие ранее в круг научной рефлексии. Это касается и томского сатирического журнала «И смех, и горе», который был выявлен профессором Национального исследовательского Томского государственного университета Е.Н. Косых и главным библиотекарем ТОУНБ им. А.С. Пушкина А.В. Яковенко. В сводном каталоге периодических и продолжающихся изданий, составленном Е.Н. Косых и А.В. Яковенко и изданном в 2011 году, журналу посвящена следующая запись:

«И смех, и горе.

Эпизодический листок общественной жизни с ее треволнениями. Имеет наибольшую склонность к юмористике и сатире – первый в Сибири.

Эпиграф: «В хмурый день не грешно улыбнуться».

1905, № 1. Томск (вышел 1 номер): объем – 24 стр.

Редактировал Рефлектор (псевд. В.П. Булыгина).

Цена – 5 коп.; «подписка не принимается» (см. стр. 1 издания).

Паровая типография Н.И. Орловой»⁸³.

Указано и место хранения журнала – Научная библиотека Национального исследовательского Томского государственного университета.

⁸³ Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Изд-во «Ветер», 2011. С. 89.

Необходимо отметить, что в каталогах периодических изданий Научной библиотеки НИ ТГУ – дореволюционном «блокнотном», традиционном карточном, современном электронном, а также в указателе «Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета»⁸⁴ – сведений об этом журнале нет. Карточка с данными о журнале была обнаружена в книжном каталоге Научной библиотеки НИ ТГУ, что объясняет тот факт, что исследователи никогда не включали журнал «И смех, и горе» в список томских сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 годов, начиная с дореволюционных работ.

Заметим, что и автор статьи «Периодическая печать в Томске» Вс. Крутовский⁸⁵, который был современником описываемых событий, публицистом, сотрудником многих томских изданий, в обзоре сатирических и литературных журналов Томска ни словом не упоминал журнал «И смех, и горе». Он начинал свой обзор с сатирического журнала «Осы», затем давал краткую характеристику журналов «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Негативы» и заканчивал перечисление «Силуэтами г. Томска», впоследствии переименованными в «Силуэты Сибири». Он также упоминал о юмористическом журнале «Бубенцы» – приложении к журналу А.В. Долгорукова «Сибирские отголоски». Все это позволяет сделать вывод о том, что, по-видимому, Вс. Крутовский не знал о выходе журнала «И смех, и горе». Добавим, что он не писал и о выходе единственного номера томского сатирического журнала «Красный смех» (его тираж был арестован и уничтожен, в Томске издания нет, экземпляры журнала сохранились только в архиве Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург).

Известный сибирский журналист А.В. Адрианов в работе 1919 года «Периодическая печать в Сибири» также перечислял журналы «Осы», «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Бубенцы», «Силуэты Томска», «Негативы», умалчивая о «И смех, и горе» и «Красном

⁸⁴ Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах ... Томск, 1988. 42 с.

⁸⁵ Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 279–309.

смехе»⁸⁶. Этот же список полностью повторен в статье «Журналы и временники», опубликованной в «Сибирской советской энциклопедии» в 1929 году⁸⁷, его же придерживаются современные исследователи⁸⁸.

Журнал «Красный смех» включен в списки сатирических изданий Томска в советский период, когда был обнаружен в столичных архивах⁸⁹. Однако «И смех, и горе» пребывал в забвении до начала XXI века.

Исследование содержания журнала «И смех, и горе» обнаружило еще одну причину его «исчезновения». Дело в том, что данные о многих дореволюционных изданиях, в том числе о несостоявшихся замыслах изданий, были в полицейских, цензурных, губернских и других архивах, содержащих документы официального делопроизводства. Таким образом, если бы издатель журнала «И смех, и горе» подавал прошение об издании, сохранилась бы достаточно обширная переписка, сопровождавшая эту процедуру: заявление предполагаемого издателя, программа будущего издания, секретная характеристика благонадежности издателя и имеющиеся о нем сведения у полицмейстера, разрешение либо отказ на издание и т.д.

В журнале же «И смех, и горе» сообщалось:

«Видите ли, мы разрешения на газету не испрашивали. Скучная это история: туда напиши, тут подожди, там подложи, здесь доложи, – тьфу! А мы себе издаем, да посмеиваемся. “Да ну их, говорим”!...» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 1).

⁸⁶ Адрианов А.В. Периодическая печать ... Томск, 1919. С. 13–14.

⁸⁷ Дурьлин С., Казаринов П., Киржнец З. и др. Журналы и временники ... Новосибирск, 1929. Стлб. 972.

⁸⁸ Лепилкина О.И. Система русской провинциальной ... М., 2010. С. 309.

⁸⁹ . См.: Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг. ... М., 1980. 136 с.; Русские сатирические журналы 1905–1907 гг. Каталог коллекции / сост. З.В. Федотова, Н.Ф. Чернышева. М. : Гос. публ. ист. б-ка, 1973. 57 с.; Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах ... Томск, 1988. 42 с.; Сатирические журналы Первой русской революции 1905–1907 гг.: Каталог / сост. П.Т. Рудзинский. Новосибирск : ГНТБ СО АН СССР, 1990. 125 с.

По-видимому, статус издания можно определить советским словом «самиздат», означающим неофициальное бесцензурное распространение произведения, издаваемого без ведома и разрешения официальных органов.

На первой странице издания, хранящегося в Научной библиотеке ТГУ, есть также дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от автора». Это позволяет предположить, что тираж издания предназначался не столько для продажи, сколько для распространения среди друзей и единомышленников, и он был невелик.

Журнал «И смех, и горе» представляет собой издание карманного формата (немногом меньше современного А5), без иллюстраций. Сохранившиеся выходные данные также достаточно скудные: год издания в журнале не напечатан, число и месяц выхода номера также отсутствуют. Однако на первой полосе была опубликована программа издания, которая была четко исполнена в изданном первом номере журнала:

«1) Статьи духовно-нравственного содержания, в стряпке которых лица духовного звания участия не принимают;

2) Статьи сокрушительные;

3) Статьи утешительные;

4) Статьи иного свойства;

5) Корреспонденции (бывают даже с того света);

6) Местная хроника;

7) Фельетон по силе возможности;

8) Русская жизнь;

9) Заграничная смерть;

10) Объявления бесплатно (пользуйтесь случаем и помещайте)»

(И смех, и горе. 1905. № 1. С. 1).

Несмотря на явную пародийность этой программы, ясно видно желание издателя структурировать материал по жанрам и темам, сосредоточенность его на общественно-политических проблемах (нет литературных рубрик, научных, экономических и т.д.).

Типологический статус издания «И смех, и горе» представляет собой определенную проблему, которая нередко возникает в от-

ношении сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 годов. В истории журналистики закрепилось общее определение изданий этого типа именно как журналов – иллюстрированных еженедельников⁹⁰. Однако сами издания не придерживались строгих определений, называя себя то газетой, то журналом, то «листочком» и т.д. «И смех, и горе» был назван издателем «сатирическим листочком», в текстах упоминается «брат-газетчик», и часть рубрик этого издания относится к традиционно «газетным» (особенно «Местная хроника»). Однако «листочками» называли себя и томские журналы «Осы», «Ерш» и некоторые другие. Поэтому, следуя исследовательской традиции, мы будем называть «И смех, и горе» сатирическим журналом, имея в виду, что это издание совмещало в себе признаки и газеты, и журнала.

О точной дате выхода журнала можно узнать из объявления, опубликованного на первой полосе газеты «Сибирский вестник» от 10 декабря 1905 года. Оно гласило:

«Вышел из печати под редакцией Рефлектора эпизодический листок общественной жизни с ее тревожениями
“И смех, и горе”».

Программа издания: 1) Статьи духовно-нравственного содержания, в стряпке которых лица духовного звания участия не принимают; 2) Статьи сокрушительные; 3) Статьи утешительные; 4) Статьи иного свойства; 5) Корреспонденции (бывают даже с того света); 6) Местная хроника; 7) Фельетон по мере возможности; 8) Русская жизнь; 9) Заграничная смерть; 10) Объявления бесплатно.

Склады издания: типография Н.И. Орловой, киоски “Товарищества Новое дело”.

Цена 5 коп» (СВ. 1905. № 250).

Как и другие сатирические журналы, «И смех, и горе» был построен по пародийной модели обыкновенного периодического издания. Он начинался со статьи «От редакции», в которой, по традиции, излагались основные цели и задачи нового органа периоди-

⁹⁰ См. напр.: Махонина С.Я. История русской ... 2002. С. 190–192.

ки. Эта статья была построена как речь неуверенного в себе чиновника, который постоянно бормочет себе под нос «г-м! г-м!»:

«Приступая к настоящему изданию... г-м! г-м!.. и имея в виду... г-м! г-м!.. обещанную нам свободу слова... г-м! г-м! г-м! от слова не сбудется...» и т.д. (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 2).

Автор статьи подчеркивал, что воображаемый чиновник не просто сочиняет текст – он диктует ее своему секретарю, о чем свидетельствуют ремарки: «Секретарь, дайте мне носовой платок», «Секретарь, зачеркните эти три слова». «Случайная описка» показывает, к кому в действительности обращена программа – к «вашему благородию», поэтому читателю становятся понятны попытки «чиновника» придать журналу вид «благонадежного». В результате рождаются обещания «никогда не переходить на сторону хулиганов», сообщается от имени редакции, что «мы твердо верим, что наша отчизна находится на пути прогресса и под усиленную охраной», и выражается уверенность, что «мы божею милостию будем всегда живы и здоровы». Сатирический эффект возникал от создания образа растерянного чиновника, который, с одной стороны, демонстрирует покорность, с другой – витиевато намекает, что «околоточные надзиратели, приставы, полицмейстеры и ротмистры и прочие ревнители охранения основ» не рвутся спасти «женский и детский пол из огня и пламени» во время митингов, а также сомневается в том, что «вместе с свободой все будут свободны» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 2).

В заключении автор говорил: «Итак, вы знаете, что мы шутить не будем. Читайте!» – подчеркивая и серьезность намерений, и ситуацию каламбура, когда сатирический журнал уверяет в том, что он не собирается шутить (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 3).

Следующий привычный для русской периодики раздел «Телеграммы» состоял из трех предложений:

«Телеграммы Российского телеграфного агентства в самом непродолжительном времени будут переданы в Томск по беспроводному телеграфу, который уже нам выслала Доброжелательная Америка через северный полюс – наложенным платежом. Вот бу-

дут деньги и телеграммы будут... а теперь – облизись» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 3).

Несмотря на то, что речь идет о действительно существующей организации – Российском телеграфном агентстве, которое передавало телеграммы в Томск, – здесь описана фантастическая история о посланном через северный полюс американским беспроводным телеграфом, который якобы сможет поправить положение с доставкой телеграмм. Таким образом в сатирическом аспекте была отражена ситуация с ухудшившимся телеграфным сообщением в России во время Первой русской революции, когда отдаленные российские центры оставались практически без связи в самые нестабильные и опасные периоды, требующие оперативных решений и знания общей ситуации в стране.

Далее, следуя намеченному плану, следовали одна за другой статьи «душеспасательная», «сокрушительная», «утешительная» и «иною свойства». Все они обыгрывали положение в городе, сложившееся после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 года и томского черносотенного погрома, произошедшего 20–22 октября 1905 года.

Статья «душеспасательная» состояла из ряда обращений: к гражданам, гражданкам и «гражданятам», с советами подчеркнута бытового свойства: «пейте лучше малину или липовый цвет», «кушайте, но не обкушивайтесь и потейте», «не курите табак» и т.д. (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 3). Однако часть их была составлена таким образом, что намекала читателям об окружающей их неспокойной городской обстановке. Так, гражданам советовали «не упиваться вином, когда заперты винные лавки» (торговые точки нередко закрывалась хозяевами из-за угрозы грабежа); гражданкам рекомендовалось «свободно гулять с кавалерами, ибо у каждого из них есть оружие» (находиться на улицах безоружным было опасно во время черносотенного погрома) (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 4). Обращаясь к «гражданятам», сатирик писал: «Ходите в школу и ничего не бойтесь, так как в каждой школе стоят городовые и ежи что-то уж – сделай милость – тащи и не пушай», тем самым одновременно рисуя картину военного положе-

ния в Томске и намекая на несостоятельность власти, которая действует прежними неэффективными методами даже в изменившейся обстановке. Причем весь этот перечень «советов» начинался с утверждения «Аз есмь червь, а не человек (Наверное, этого цензура не выбросит)»: автор намеренно максимально «снижал» образ городского обывателя, своего потенциального читателя, до уровня «червя», в притворной заботе о цензуре, в то же время показывая, что для части населения было более безопасным метафорически «забиться в угол», при этом ощущая, что как к низшему классу к ней относится и власть, озабоченная революционными событиями (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 3–5).

Статья «сокрушительная» была посвящена цензурным условиям существования периодики в России. Автор обращал внимание читателей на многоточия в текстах газет и журналов, заменяющие то, что редакторы вынуждены вычеркивать на основании 140 статьи цензурного устава. Эти многоточия он называет «каплями лебединой крови», «с чистого светлого неба упавшими звездочками»: «Это человеческие мысли, чистые как слезы детей, ясные как солнце, правдивые, выстраданные мысли...». Несмотря на провозглашенную свободу слова и «отстранение от должности» 140-й статьи, автор был полон скептицизма и заканчивал статью, боясь вновь «увидеть те звездочки, ту кровь лебединую, о которой я говорил выше» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 4–6).

Основной сюжет статьи «утешительной» заключался в противопоставлении прошлого времени, когда материала для «утешения» было достаточно, и настоящего, в котором из безопасных тем осталась только погода:

«Хо-орошая у нас погода, господа. Шубы хоть и совсем не надо.
Тепло, снежок, влага...
А впереди-то, впереди...
Свобод-то этих самых – сколько вам угодно...
И на счет слова, и на счет собраний, и на счет союзов...
Хо-орошая у нас погода; жаль только, что на снегу нет цветов
и трав душистых, нет веселых летних мотыльков.
О-ох!..

Сидишь это, сидишь теперь и такая-то тебя одурь возьмет от радости, но и на улицу выйти не решаешься.

Городовой подумает, что ты пьян, ну – а тогда пиши пропало...

Хо-орошая у нас погода, господа...» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 7–8).

Приведенный отрывок дает представление о методе автора: описывая погоду (по-видимому, поздней осени или начала зимы), он вставляет в текст свои иронические размышления о приобретенных благодаря Манифесту 17 октября 1905 года «свободах». Они представляются автору столь же недостижимыми, как цветы зимой, и особенно в свете обстановки на улице, когда безопаснее сидеть дома, чем попадаться на глаза тому, кто призван обеспечивать провозглашенные «свободы».

Тему смирения, которое оказывается особенно желательно власти и цензуре, раскрывает «статья иного свойства»: в ней автор доказывает, что «мы должны быть почтительны и терпеливы», «должны знать, что о нас заботятся и что нам дадут все то, что нам полагается». В качестве идеала «терпения и смирения» приводится образ собаки Пестри, которая могла в ожидании кусочка хлеба часами сидеть неподвижно; однако автор предупреждал читателей: «Вы, пожалуйста, чего-нибудь не подумайте, да еще не скажите господину цензору, а то ей Богу беда будет...». «Сидите себе у моря и ждите погоды», советовал сатирик, потому что уже скоро, по его мнению, будет введено военное положение (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 8–9).

Пародийные «корреспонденции» в журнале «присланы» из Красноярска, Нарыма, Захолустья и Тартара; сюжеты их соответствуют наиболее часто встречающимся в обычных корреспонденциях ситуациям. Это назначение «злодея» на ответственное место («директором черной сотни» становится господин Смирнов, отчего все Смирновы отказываются от своей фамилии); представители туземного населения требуют «полной отмены сдирания с них шкур мироедами»; есть даже зарисовка «культурного досуга» в Захолустье («собрались лупить интеллигенцию») и сообщение о прибытии в Тартар конституции (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 9–11).

Одной из самых информативных рубрик журнала оказалась «Местная хроника» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 11–13). Здесь встречается единственная во всем журнале хронологическая привязка: после первой новости, в которой читателям было сообщено о том, что «по всем улицам города лежит снег», приводится информация о том, что «с 1 декабря ночная охрана находится в новых руках», – а именно под управлением городской управы.

Другие новости «Местной хроники» носили пародийный характер, но во многом были основаны на существующих реалиях – они повествовали о нехватке дров в Томске (однако автор объяснял это тем, что крестьяне заняты на предвыборной агитации), о слухах о появлении «антихриста» (причем ловить его предписывалось становому приставу), о выдаче низшим чинам в связи с похолоданием нового обмундирования (но не теплой одежды, а «летних фуражек», а «дырявые сапоги в начале следующего столетия будут неукоснительно заменены новыми») и т.д.

Самым объемным материалом номера является «Фельетон», он занимает 5 страниц (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 13–18) и состоит из нескольких зарисовок, объединенных общей темой – состояние общества после 17 октября 1905 года. Герой первой из них – дядя одного из журналистов, который пытается объяснить полиции, что они поступают незаконно, приговаривая: «Позвольте, 17 октября...», «Но ведь 17 октября...», а вместо этого все больше ухудшает положение, в конце концов его убивают полицейские. Увольняют и самого журналиста, который «самых простых вещей не понимает», продолжая настаивать на соблюдении обещанных свобод. Автор критикует действия губернатора, обвиняет его в попустительстве своему окружению, состоявшему из «взяточников, лицемеров и подлецов», описывает «пришествие конституции» на томские улицы, а завершает фельетон размышлениями о том, что необходимо верить в лучшее. «Она пришла, эта заря, и мы не должны дать ей потухнуть» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 18).

Рубрика «Русская жизнь» в журнале была составлена из вымышленных сообщений из Симферополя, Варшавы, Дребедени, Гражданослава, Чухломы, Петербурга и Москвы (И смех, и горе.

1905. № 1. С. 18–19). В большинстве этих городов «все обстоит благополучно», уверял автор, и даже «многочисленные митинги» в Гражданославе «прошли совершенно спокойно»: «Убитых 192, раненых 838» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 19). В Петербурге «все тихо», поскольку «изоляция от всего мира полнейшая», а в Чухломе главным злом оказались курительные трубки, которые и были отобраны у населения по распоряжению исправника (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 19).

Если предыдущие рубрики в целом повторяли структуру обычных периодических изданий, то раздел «Заграничная смерть» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 19–22) в журнале был выстроен по другому принципу. Автор объяснял свое понимание «заграницы», сатирически сравнивая заграничные и российские порядки:

«Там есть короли и президенты, есть парламент и рейхстаги. Ну это отчасти напоминает наши губернские правления. Та лишь разница между парламентом и управлением, что в первом всегда все делается посредством языка и слова, а во втором ничего не делается посредством чернил и бумаги» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 20).

В итоге он делал вывод о том, что за границу ездить не нужно – «там все скверно, гадко, мерзко и мертво»: «То ли дело у нас? Разлюли-малина!» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 22).

В содержание журнала были включены также «Объявления» сатирического характера: ищется кухарка, «умеющая кормить без провизии», предлагаются услуги «опытного хулигана», разыскиваются посетители для гостиницы и т.д. Завершается журнал выходными данными: «Редактировал Рефлектор. Томск. Паровая типография Н.И. Орловой» (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 24).

По сравнению с другими сатирическими изданиями этого периода в журнале «И смех, горе» практически нет упоминаний реальных людей. Один раз автор называет томского губернатора Азанчеева-Азанчевского (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 16), в «местной хронике» появляется бывший директор колонии для малолетних преступников Никольский (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 11), и наконец, в «Русской жизни» упоминается фамилия Витте (И смех, и горе. 1905. № 1. С. 19). Остальные персонажи – это «один рос-

сийский сановник», «дядя», «остяки» и т.д. Эта «разреженность» журнального пространства, описательность и акцентированная иносказательность была обусловлена не только сатирическим характером издания, но и личностью издателя – журналиста и социал-демократа В.П. Булыгина. Он прошел настоящую «школу» подцензурной журналистики в провинциальных изданиях, поскольку был сотрудником ведущих газет Томска «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», а также журнала «Сибирский наблюдатель». В них Булыгин овладел многочисленными приемами эзоповского языка, позволяющими обходить цензурные «рогатки», и даже в собственном, свободном от надзора издании, не мог сразу решиться на прямое выражение своих мыслей. Поскольку в журнале не подписан ни один материал, можно сделать вывод о том, что единственным автором издания был собственно «Рефлектор», т.е. В.П. Булыгин.

Журнал «И смех, и горе» самым достойным образом открыл череду сатирических журналов Томска периода Первой русской революции: на своих страницах он отразил рост общественного самосознания, процесс осмысления происходящих после объявления Манифеста 17 октября 1905 года событий, дал яркие зарисовки городской жизни Томска в конце первого революционного года, хоть и в сатирическом преломлении. Несмотря на то, что журнал не получил широкого распространения и широкой известности, он является важным фактом развития местной журналистики, а знание о нем дополняет общую картину становления системы провинциальной периодической печати в начале XX века.

«Осы»: первый легальный сатирический томский журнал

15 декабря 1905 года потомственный почетный гражданин города Томска Виталий Иванович Федоров – более известный читателям «Сибирской жизни» как неугомный фельетонист «Фита»,

он же «В.Ф.» – подал прошение об издании нового журнала на имя томского губернатора. Он писал:

«На основании Высочайшего указа о временных правилах о повременной печати, принятой Государственным Советом 23 ноября 1905 года, имею честь заявить Вашему превосходительству, что я намерен издавать в г. Томске периодический орган – литературно-сатирический листок под названием “Осы”.

Программа предполагаемого издания такова: отклик на современные явления общественной и политической жизни, как местной так и общероссийской, причем отклик этот будет выражаться как в серьезных статьях, так и в сатирических набросках, юмористических фельетонах, стихах, шутках, а также рисунках-кариатурах. Срок выхода предполагаемого мною издания – не более одного раза в неделю и не менее двух раз в месяц. – Подписная плата: для городских подписчиков три рубля в год, для иногородних – четыре рубля в год. – Печататься издание будет в типографии П.И. Макушина, находящейся в г. Томске, на Дворянской улице. Ответственным как редактором, так и издателем литературно-сатирического листка “Осы” буду я, потомственный почетный гражданин Виталий Иванович Федоров, проживающий в г. Томске по Спасской улице, д. № 34, и отвечающий всем условиям» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 7).

В этом заявлении обращает на себя внимание оперативность реакции Федорова: только 23 ноября вышли новые правила о печати, согласно которым стал возможен явочный порядок новых газет и журналов, а меньше чем через месяц в Томске уже появилось первое прошение о разрешении нового органа печати. Кроме этого, в заявлении отразилось стремление Федорова публиковать в журнале не только юмористические и сатирические произведения, но и «серьезные статьи».

Несколько листов архивного дела отражают переписку губернатора с Томским губернским жандармским управлением и томским полицмейстером, которые уверили высшее губернское начальство в том, что Федоров «к делам политического характера при Томском губернском жандармском управлении привлекаем

не был» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 10), «ни в чем предосудительном не замечен, состоит сотрудником газеты “Сибирская жизнь”, к ответственности по делам политического и уголовного характера не привлекался» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 11).

22 декабря 1905 разрешение на издание «Ос» было получено, а 31 декабря 1905 года вышел первый номер первого «легального» томского сатирического журнала. Об этом на первой полосе торжественно сообщила «Сибирская жизнь» в последнем номере уходящего года – № 264. Заметим, что в № 1 было указано, что он вышел 1 января 1906 года.

«Сибирская жизнь» уведомляла своих читателей практически обо всех выходявших номерах «Ос», иногда анонсируя в этих объявлениях отдельные материалы дружественного журнала. В номерах 18 и 20 за 1906 год «Сибирская жизнь» писала:

«Первый в Сибири сатирический журнал (№ 1-й вышел 31 декабря 1905 года).

Продолжается подписка на новое периодическое
иллюстрированное издание в Томске
литературно-сатирический листок “Осы”.

“Осы” выходят от 2 до 4 раз в месяц (до 35 №№ в год).

Каждый номер состоит не менее как из 8 страниц формата столичных сатирических журналов.

Программа “Ос” – отклик в сатирических и юмористических фельетонах, в стихах, шутках и карикатурах на общественно-политические явления современной действительности. Особенное внимание будет уделяться Сибири и, в частности, Томску. <...> Редактор-издатель В. Федоров» (СЖ. 1906. № 18).

Также «Сибирская жизнь» отмечала, что:

«№ 5 “Ос” выйдет завтра в увеличенном размере и с большим числом рисунков» (СЖ. 1906. № 25);

«В непродолжительном времени следующий № 7 листка “Осы” выйдет в 12 страниц с увеличенным числом рисунков на местные

и провинциальные темы. О дне выхода будет объявлено особо» (СЖ. 1905. № 39);

«Завтра выйдет следующий № 6 “Ос” в 12 страниц, с 7-ю рисунками и карикатурами на местные и провинциальные темы» (СЖ. 1906. № 41) – почему сначала был анонсирован № 7, и только потом № 6 – непонятно;

«“Налим”, сказка “Старожила” (из быта одного болота) – в следующем № 7 “Осы”» (СЖ. 1906. № 48);

«Со следующего № 9 номера “Осы” будут выходить при участии почти всех сотрудников предполагавшихся к изданию сатирических журналов “Колокольцы” и “Рабочий юморист”. В № 9 будет 12 страниц и 7 рисунков» (СЖ. 1906. № 59);

«Сегодня “Осы” № 10 (Пасхальный), 12 страниц текста и рисунок в обложке исполненный в две краски. Цена в розницу 20 коп.» (СЖ. 1906. № 70);

«№ 26 “Осы”. Поэма Г. Вяткина “Легенда о царе Басандае, дочери его Томи и князе Ушае”. Номер вышел сегодня» (СЖ. 1906. № 204).

Можно констатировать, что все номера «Ос» с первого по 22-й анонсировались газетой (с 11 по 22 номер публиковались извещения о выходе номеров, без подробностей).

Первый номер нового сатирического журнала имел необычное для Томска оформление: на его обложке был нарисованный логотип и большая иллюстрация, занимающая практически всю полосу (см. рис. 1).

Логотип «Ос» представлял собой стилизованные под «вырезанные из дерева» буквы названия журнала – «Осы», под и над ними были изображены летающие и сидящие насекомые (читатель должен был понять, что это осы). В левом углу размещалось изображение сухого пня, на котором стояла чернильница с пером, рядом с ним также лежали перо и остро заточенный карандаш. На чернильнице была размещена надпись: «Difficile est satiram non scribere»: это известное изречение Ювенала из «Сатир», которое переводится как «Трудно не писать сатир», или «Нельзя не писать сатиры».

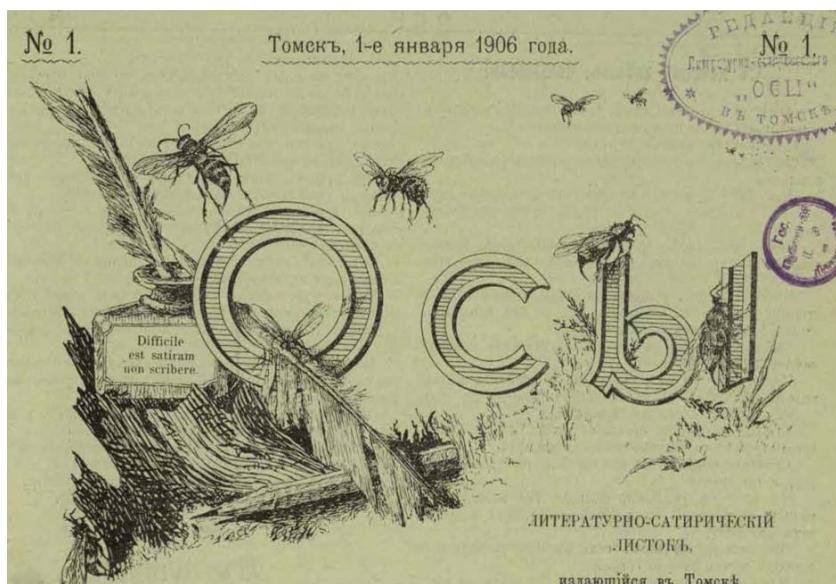

Рис. 1. Первый логотип сатирического журнала «Осы»

Рисованный логотип «Ос» вызывал ассоциации с логотипами известных сатирических журналов 1860-х годов – «Искры», «Гудка» и других, в которых тоже использовались изображения людей, зверей, предметов, в них вставлялись подписи и т.д.

Иллюстрация на обложке первого номера (рис. 2.) изображала двух людей: в левом углу – бородатого старца, в правом – обнаженного стоящего младенца, олицетворявших старый и новый годы. Старый год протягивал младенцу кисть: между ними находился недописанный плакат с надписью «Конститу...», имелось в виду, что Старому году не удалось дописать это слово, передавая эту обязанность году новому. От плаката же на рисунке во все стороны расходились лучи, давая понять, что «Конституция» воспринималась автором рисунка как нечто, равное солнцу, чему-то ослепительно сияющему. Над рисунком была надпись «С Новым годом, читатель!».

Рис. 2. Иллюстрация на обложке первого номера сатирического журнала «Осы» (1906. № 1)

Передовая статья, открывающая номер «Ос», также назвалась «С Новым годом, читатель!»: она была посвящена не направлению и не программе нового издания, а осмыслению итогов прошедшего 1905 года. Журналист писал:

«“Осы” от души желают, чтобы вместе с новым годом пришло к Вам и “новое счастье”».

Старый год – страшный год.

Он залил нашу страну кровью, окутал ее дымом пожаров.

Он унес в могилу десятки тысяч человеческих жизней, наградил нас за чужие грехи позорным миром.

Он, – этот год, – принес с собой голод, междоусобную войну, унижение рабочих, разорение всей страны» (Осы. 1906. № 1).

Однако, настаивал автор, не только бедами ознаменовался прошедший год: благодаря ему теперь можно «отправиться на митинг к социал-демократам» или «объявить себя членом какого-нибудь союза», наконец – теперь можно издавать журнал «Осы» в Томске. Иначе говоря, старый год – «как злой ростовщик за

огромную плату – дал нам небольшую часть того неоцененного сокровища, которое называется свободой». И журналист призывал бороться за эту свободу, потому что только она может принести всем «новое счастье».

Передовая статья «Ос» может считаться программной в том числе и потому, что в ней четко была обозначена ориентация журнала на политическую сатиру. Это подтверждалось всем содержанием первого номера: в нем обсуждались вопросы политики внешней и внутренней, читателям напоминали об октябрьских событиях в Томске (о черносотенном погроме), о выборах в Томскую городскую думу и т.д.

Тема свободы, заявленная в передовой статье, рассматривалась с несколько иной позиции в разделе «Фельетон Ос». В нем был размещен фельетон «Вернутся ли? (исповедь старого фельетониста)», подписанный инициалами «В.Ф.», т.е. принадлежал этот материал перу самого редактора журнала В.И. Федорову. В нем он вспоминал:

«За те девять лет, которые я работаю в провинциальной печати, я привык к гнету цензуры, я привык чувствовать за своей спиной тень соглядатая моих лучших мыслей, душителя моих сокровенных дум, я привык к тому трафарету, к тому шаблону, который называется фельетоном провинциальной подцензурной газеты» (Осы. 1906. № 1).

Федоров приводил примеры такого «трафарета»:

«Я прекрасно знал, о чем я мог писать и о чем не мог.

Я мог писать о пьяном городовом, но не смел сказать ни слова о запоровшем до полусмерти пьяного мужика частном приставе.

Я мог писать о неаккуратном посещении службы регистратором Горемыкиным и не смел пикнуть о том, что статский советник Счастливец размотал казенные деньги» (Осы. 1906. № 1), и т.д.

Описав положение фельетониста при «старых порядках», Федоров приветствует новое время, «когда красный карандаш сломался, когда цепи, сковывавшие, как Прометея, русскую печать, разбиты, когда над Русью занимается заря новой жизни, жизни

свободной», однако признает, что теперь он не может «кричать полным голосом»:

«За девять лет цензурного гнета я отвык дышать и говорить полной грудью. За девять лет цензурного гнета мой звонкий голос превратился в робкий и слабый полушепот» (Осы. 1906. № 1).

Заканчивался фельетон вопросом о том, вернутся ли к автору «молодые силы», «юношеские золотые мечты», «огневая страсть» и «благородные порывы сердца», – но этот вопрос оставался без ответа.

Авторский состав первого номера включал в себя, кроме самого редактора В.И. Федорова (псевдоним «В.Ф.»), – М.С. Попова («М.С. Кларин»), К. Троицкого («Кит»), Е. Бахарева («Б.»). Также использовались псевдонимы «Икс», «Гри-гри», «Бывший», пока не расшифрованные.

Остальные номера «Ос» выходили по модели, обозначенной первым номером: в журнале использовались «на равных» как прозаические, так и поэтические произведения, причем номер, как правило, открывался стихотворением лирического (редко сатирического) содержания. Затем шли «крупные формы»: фельетоны, «сказки», «легенды», «словари», басни, сценки, а в конце номера помещались небольшие по размеру афоризмы, «разговоры», половицы, поговорки, анекдоты и т.д.

Постоянных разделов в журнале практически не было. Исключением был отдел «Фельетон “Ос”»: он присутствовал в номерах, которые редактировал Федоров. После того как сменился редактор, отдел исчез, но появился новый – под названием «Телеграммы» (позднее – «Телеграммы агентства “Свобода”»). Остальные материалы размещались без рубрик.

Каждый номер содержал по несколько иллюстраций – от пяти до восьми, считая рисунок на обложке. Судя по стилю и технике, они выполнялись разными людьми, но подписей на них в основном не было. Лишь на некоторых указывалось имя автора – «Кекс». В основном это были карикатуры с подписями, занимавшие довольно много места – до полосы целиком. В отдельных но-

мерах к карикатурам добавлялись графические заставки в виде насекомых (ос), изображений черепов и т.д.

Во втором номере издатель, во-первых, предупредил своих читателей на обложке журнала о том, что изменились условия выхода – «в Томске объявлено военное положение», тем самым предупреждая, что уровень свободы опять резко снизился. Во-вторых, номер важен тем, что в нем начались два продолжающихся фельетонных цикла: «Из области экскурсий» (автор «Горацио») и «Кому привольно весело живется в нашем городе...» (автор «Кит», то есть К. Троицкий). Второй цикл, написанный «по мотивам» знаменитого некрасовского «Кому на Руси жить хорошо», в итоге «прошел красной нитью» через весь журнал, в последнем номере (№ 30) был очередной выпуск этого стихотворного фельетона, и он заканчивался обещанием продолжения в будущем.

В четвертом номере «Ос» редактор решил все-таки обозначить направление и «платформу» своего журнала (статья «О платформе “Ос”»). Он указывал на то, что понимает удивление читателей, которые до сих пор не познакомились с редакционной политикой, но приводил свои доводы для объяснения такого положения дел:

«Обыкновенно всякий новый журнал, всякая новая газета считают неперменным долгом выступить перед читателем с своей платформой, представиться, так сказать, в первом же номере. Мы имеем честь заявить, что не причисляем себя к “всяким”, и потому правила, относящиеся до “всяких”, не считаем для себя обязательными. Это во-первых. Во-вторых, глубоко ошибаются те, которые предполагают, что так легко придумать, то есть мы хотели сказать, выработать и изложить какую бы то ни было платформу» (Осы. 1906. № 4).

В итоге «платформа» журнала была обозначена следующим образом:

«Журнал “Осы”, можете себе представить, будет наполняться различными литературными и научными произведениями, – произведениями нашего ума и сердца, а затем – произведениями наших художественных способностей, в виду различных карикатур, иллюстраций и пр.» (Осы. 1906. № 4).

Кроме этого, добавлял автор, в журнале будут публиковаться объявления, письма в редакцию и т.д. Далее он переходил к «программе» журнала:

«Наша программа вполне исчерпывается одним маленьким словом – “все”. Да! Никакая область человеческого познания, ни одна из областей наук, политики и искусств, завоеванных величественным и гениальным умом и благородным сердцем человека, не застрахованы от того, чтобы и мы не приняли посильного участия в их расширении и наши собственные завоевания в том направлении не поместили бы на страницах “Ос”. Но, в виду того соображения, что наш орган предполагает быть верным отражением современной жизни, быть, как говорят, органом “дня”, а центр тяжести современной жизни явно склоняется к областям политики и общественных отношений, то и мы будем предпочтительное внимание оказывать именно этим областям. С другой стороны, так как наш орган издается в г. Томске, то естественно, что дела Сибири вообще и делишки г. Томска в частности, будут пользоваться нашим наибольшим благосклонным вниманием, как уже и объявлялось об этом раньше» (Осы. 1906. № 4).

При этом редактор подчеркивал, что такой тип журнала – сатирический – был выбран не случайно:

«Наш журнал, по своему званию литературно-сатирического журнала, является чрезвычайно удобным для помещения всякого рода статей. Самая серьезная ученая статья, которую не могли бы выдержать даже рамки газет, “издающихся в формате больших провинциальных”, отлично поместится на страницах “Ос”» (Осы. 1906. № 4).

Автор приводил примеры того, как он сможет писать о самых острых вопросах, прикрываясь тем, что журнал – сатирический: «Помилуйте – скажем – разве можно было принимать это за чистую монету! Ведь наш журнал сатирический, иронический и пр.!».

Итак, заключал редактор, «полный титул нашего журнала предстается в следующем виде: “Осы” – журнал поэтически-прозаически-сатирически-иронически-юмористически-романически-

рассказнически (от слова “рассказ”)... сказочно-балладный и прочая в этом роде; политико-общественно-бытовой, научный, и прочая в сем роде». Он выражал надежду на то, что журнал просуществует долго – «впредь до кончины по какой-нибудь статье, служащей дополнением разъяснением к манифесту 17 октября» (Осы. 1906. № 4).

Эта «платформа», изложенная в фельетонном стиле, оказалась довольно точным описанием программы журнала. Действительно, на всем протяжении своего существования «Осы» уделяли преимущественное внимание томским проблемам и событиям, сочетали на своих страницах как прозу, так и поэзию, и прежде всего были нацелены на отражение политических аспектах жизни общества.

Читатели «Ос», получив пятый номер, наверняка изумились, увидев его изменившееся «лицо» (см. рис. 3). Прежний логотип был изменен: исчез рисунок, остались только декоративные буквы – квадратной геометрической формы с округленными углами, стилизованные «под модернизм» (они были отдаленно похожи на заголовок модернистского российского журнала «Весы», издание его началось в 1904 году – логотип «Весов» был разработан Л. Бакстом). Но неверно было бы думать, что изменения были связаны с приходом новой редакции или нового редактора: они произошли еще при В. Федорове и наверняка были связаны с желанием «осовременить» внешний облик журнала.

Увы, Федоров недолго издавал журнал, который был ему так дорог – подвело здоровье. 20 января 1906 года он подал заявление томскому генерал-губернатору, в котором писал:

«Ввиду серьезного нездоровья и скорого отъезда моего из Томска на юг для лечения, я передаю временное редактирование издаваемого мной листка “Осы” отставному канцелярскому служителю Константину Ивановичу Троицкому, место жительства которого – Томск, угол Спасской и Монастырского переулков, д. Гундобина» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 16).

Троицкий объявлял о том, что он согласен быть редактором «Ос», сообщая о себе, что он «русский, 28 лет» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 17).

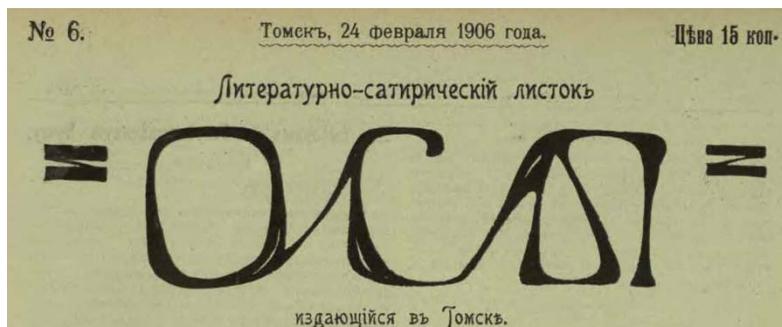

Рис. 3. Новый логотип сатирического журнала «Осы» (с № 5, 1906 г.)

Обращает на себя внимание рапорт томского полицмейстера о Троицком, который был передан губернатору 22 февраля 1906 года. Полицмейстер сообщал:

«Троицкий в настоящее время определенных занятий не имеет, проживает в доме Голдобина с 21 декабря минувшего года и за это время ни в чем предосудительном замечен не был, но так как Троицкий служил в службе движения Управления сибирской железной дорогой, служащие которой, как известно из прокламации “Резолюция служащих Сибирской железной дороги”, присоединились к партии социал-революционеров, то он, отнести Троицкого к политически благонадежным считает с своей стороны опасным, тем более потому еще, что неизвестны причины, по которым Троицкий оставил службу на железной дороге» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 21).

К счастью, эти соображения не были приняты во внимание, и Троицкий был утвержден в звании редактора-издателя сатирического журнала.

В феврале в № 34 «Сибирской жизни» было помещено следующее сообщение от редактора-издателя «Ос»:

«Ввиду болезни и отъезда для лечения на юг я лишен возможности продолжать издание литературно-сатирического листка “Осы”, а потому передал как редактирование “Ос”, так и права из-

дания бывшему секретарю “Ос” Константину Ивановичу Троицкому.

По всем делам, касающимся листка “Ос”, прошу теперь обращаться к новому редактору-издателю. Адрес редакции прежний» (СЖ. 1906. № 34).

Если у Федорова и были идеи о том, что он мог бы поправить здоровье и вернуться к изданию «Ос», им не суждено было реализоваться. «Сибирская жизнь» в апреле сообщила о том, что ею было получено «печальном известие, что в Ялте скончался наш сотрудник В.И. Федоров»; ему было всего около 30 лет. 13 апреля в помещении редакции газеты была совершена панихида, а газета поместила его некролог, в котором так описывала его жизненный и творческий путь:

«10 апреля, в 11 часов утра, в г. Ялте, в санатории Фортунато, скончался бывший секретарь редакции “Сибирской жизни” Виталий Иванович Федоров. Покойный работал в редакции сначала в качестве судебного репортера, затем корректора и, наконец, секретаря, больше 10 лет.

В конце минувшего 1905 года В.И. Федоров был одним из основателей первого в Сибири литературно-сатирического листка “Осы” и высказывал постоянную надежду, что это его детище увидит лучшие дни русской жизни, более светлые, чем те, когда ему приходилось работать.

Но ужасный недуг, – чахотка, – в продолжение нескольких лет подрывавший его здоровье, свел его в могилу в то время, когда в недалеком будущем можно было ждать так страстно желанных В.И. светлых дней, когда восток русской жизни “горел бы зарею новой”...

В.И. был даровитым литературным работником, искренне любившим печатное слово. Газетному делу он отдавался со всей горячностью молодого сердца. Он умел писать и всегда был искренен, глубоко презирая все пошлое и клеймя зло своим, подчас беспощадным, пером» (СЖ. 1906. № 76).

Смерть Федорова вызвала полемику между редакциями «Ос» и «Сибирской жизни». «Осы» обвинили газету в том, что новая

редакция ведущей томской газеты (сформировавшаяся после отказа Макушина от редактирования и издания «Сибирской жизни» и передачи прав профессорам Малиновскому и Соболеву) излишне нагружала Федорова работой и при этом мало ему платила. Редакция ответила материалом «По поводу заметки в “Осах”», в котором последовательно разъяснила денежные и рабочие отношения с В. Федоровым как при Макушине, так и при новых редакторах. «Сибирская жизнь» подчеркивала, что она очень ценила своего сотрудника, старалась снять с него часть обязанностей, помогала материально, узнав о его состоянии здоровья. Газета писала:

«Насколько хороши были отношения В.И. к редакции “Сибирской жизни” свидетельствует и трогательное прощание его с составом редакции перед отъездом, и ряд телеграмм, посланных им из Ялты ни в какое другое место, а именно в редакцию “Сибирской жизни”» (СЖ. 1906. № 88).

В «ответном слове» под названием «Редакции “Сибирской жизни”» (Осы. 1906. № 13) редакция сатирического журнала уведомила читателей, что «Сибирская жизнь» нисколько ее не убедила в своей правоте, но от «дальнейшей газетной полемики» журнал отказывался.

Судя по тому, что на первой полосе «Сибирской жизни» продолжали выходить анонсы номеров «Ос», эта история не разрушила окончательно отношения газеты и сатирического журнала.

Троицкий с самого начала проявил себя как инициативный редактор-издатель, планирующий расширить «Ось» за счет нового приложения. Став руководителем журнала в феврале, в апреле он уже получил свидетельство о разрешении на издание «Сибирских новостей». Оно гласило о том, что разрешается «издание в г. Томске, при литературно-сатирическом листке “Осы”, прибавления под названием “Сибирские новости”». Программа его была объявлена следующая:

«1) правительственные распоряжения, 2) хроника местная, сибирская, русская и судебная, 3) статьи, 4) фельетон злободневный, литературный и художественный, 5) смесь, 6) рисунки и карикатуры, 7) агентские телеграммы. Прибавление “Сибирские новости”»

будет выходить от 3 до 5 раз в неделю <...> Печататься прибавление будет в типографии П.И. Макушина в Томске» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 25).

Необходимо отметить, что, несмотря на активную рекламу «Сибирских новостей», этот журнал не был издан по неизвестным причинам.

В «Осах» при Троицком не было никаких особых перемен: модель журнала сохранилась, единственное изменение касалось, как уже было отмечено, исчезновения раздела «Фельетон Ос» и появления раздела «Телеграммы».

Троицкий активно привлекал к участию в газете новых авторов. Кроме тех, которые принимали участие в первых номерах «Ос», к редакции в течение года присоединились:

– поэт Г. Вяткин, который публиковал в журнале свои лирические стихотворения;

– фельетонисты закрытого в 1906 году «Сибирского вестника» Н.И. Соколов (псевдоним «Невидимка», продолжал в «Осах» свои фельетонные циклы «Письма к тетеньке» – № 18, 21, 24, 27) и В.П. Булыгин (псевдоним «Рефлектор»);

– молодой автор В. Курицын (псевдоним «Дон Валентино», писал для журнала сатирические стихотворения);

– И.Л. Симанин (псевдоним «Рабочий юморист», впоследствии участник журнала «Рабочий юморист») и некоторые другие.

Из объявления в «Сибирской жизни» становилось понятно, что круг сотрудников этого журнала расширился за счет сатириков, которые планировали принять участие в журналах «Колокольцы» и «Рабочий юморист» (СЖ. 1906. № 59). «Колокольцы» в итоге вышли под названием «Сибирские отголоски» (редактор-издатель В. Долгоруков), и уже при «Сибирских отголосках» издавался сатирический журнал «Бубенцы». «Рабочий юморист» же начал издаваться на месяц позже, чем вышло объявление «Сибирской жизни» – в апреле. Обращает на себя внимание то, что В.П. Булыгин («Рефлектор») не стал продолжать издание своего «самиздатовского» сатирического журнала «И смех, и горе», а присоединился к «Осам» и другим сатирическим изданиям этого периода. То есть

«Осы» стали центром, объединяющим сатириков и молодых литераторов, предоставляющим им «платформу» для размещения материалов разных направлений и стилей.

Кроме этого, журнал обращался к читателям, призывая их к сотрудничеству:

«Желая возможно полнее отзываться на жизнь даже самых глухих углов Сибири, просим читателей присылать нам сообщения о фактах, заслуживающих общественного внимания; просим не стесняться и присылать нам и свои литературные опыты» (Осы. 1906. № 3).

В восьмом номере журнал объявил о проведении конкурса. Как было написано в объявлении:

«Чтобы дать своим читателям лучший материал в пасхальном номере, “Осы” объявляют

КОНКУРС С ПРЕМИЯМИ

За два лучших произведения в стихах или прозе две премии,

За два лучшие рисунка или карикатуры две премии.

Первая премия – 15 рублей,

Вторая премия – 10 рублей» (Осы. 1906. № 8).

В «пасхальном номере» «Ос» (1906. № 10) (рис. 4) были опубликованы работы победителей и участников этого конкурса: первой премии было удостоено стихотворение Г. Вяткина «Голод (из Гюи-де-Ровелена)»; вторую премию взял рассказ М. Идина «Свершилось»; фельетон «Об осторожности» (опубликован без подписи автора), судя по примечанию, участвовал в конкурсе, хоть и не занял призового места.

К иллюстрациям таких примечаний сделано не было, поэтому неизвестно, присылали ли в редакцию рисунки или карикатуры.

«Осы» выходили с разной периодичностью:

январь: вышло 3 номера (1 января, 13 января, 25 января);

февраль: вышло 3 номера (1 февраля, 10 февраля, 24 февраля);

март: вышло 4 номера (4 марта, 10 марта, 18 марта, 30 марта);

апрель: вышло 2 номера (14 апреля, 26 апреля);

май: вышло 3 номера (7 мая, 19 мая, 26 мая);

июнь: вышло 4 номера (3 июня, 13 июня, 21 июня, 28 июня);
июль: вышло 3 номера (7 июля, 14 июля, 22 июля);
август: вышел номер, датируемый 5 августа.
Остальные 7 номеров издавались без указания даты выхода.

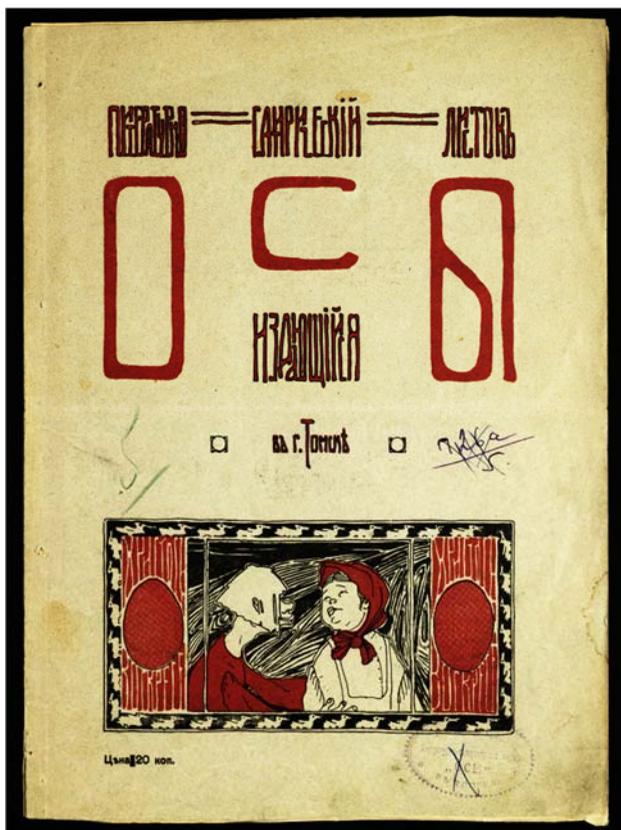

Рис. 4. Цветная обложка «пасхального» номера «Ос» (№ 10 за 1906 г.)

По этим данным можно проследить активную работу редакции на протяжении первого полугодия – и постепенное снижение интереса к выпуску журнала, начиная с августа.

Жанровая палитра «Ос» была довольно разнообразной. Из прозаических жанров наиболее востребованными были сказки, они публиковались практически в каждом номере (Осы. 1906. № 1, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16, 25, 26, 27, 30). Кроме этого, постоянно публиковались рассказы (Осы. 1906. № 3, 11), сказания (Осы. 1906. № 5, 91), путевые картинки (Осы. 1906. № 5, 11, 19), сценки и т.д. Авторами использовались не только сатирические жанры: в журнале публиковались лирические стихотворения, в № 26 была опубликована «легенда» под названием «О царе Басандае, дочери его Томи и князе Ушае» Г. Вяткина. В примечании к легенде Вяткин писал:

«Близ Томска есть место “Басандайка”, к этому месту и относится пересказываемая мною в стихотворной форме легенда. Слышал я ее давно, некоторые детали ускользнули из памяти и за точность пересказа поручиться не могу» (Осы. 1906. № 26).

Иными словами, на страницах журнала находилось место и сатирическим пародиям, и стихотворениям о любви, и притчам о свободе и т.д.

Из сатирических жанров обращали на себя особенное внимание «словари», поскольку в них давались характеристики реально существующих людей. В «Опыте словаря современных деятелей» (автор – «Горацио») (№ 14, 17), а также во «Втором опыте словаря современных деятелей» («Горацио») (№ 19, 21) назывались имена томских известных политиков, предпринимателей, редакторов, профессоров и т.д., и каждому посвящалось несколько строк, сатирически описывающих их статус или деятельность. В «Словаре томских литераторов» (автор – «Жорж В.») местным «литературным знаменитостям» давались такие характеристики:

«Бахарев. Поэт гражданских доблестей; стихотворный валик его поэзии напет в изобилии модными словами: “народ”, “свобода”, “долгой” и т.д. Стихотворения г. Бахарева советуем читать при аккомпанементе барабанного боя. <...>

Долгоруков. Редактор-издатель “Сибирских отголосков” – издания, имеющего громадное распространение: последний номер разошелся более, чем... в 5 экземплярах. <...>

Рефлектор. Известный всем томичам фельетонист на злободневные темы; пишет и стихи» (Осы. 1906. № 18) и т.д.

Особенной популярностью пользовались «перепевы» и переделки знаменитых произведений русской литературы. Так, например, в № 6 были опубликованы «сцены из “Горе от ума”» А.С. Грибоедова под названием «Чацкий в тюрьме» (автор – «М.С. Кларин»). В этих сценах на узнаваемый сюжет грибоедовской комедии (диалоги с Молчалиным, приезд Чацкого) были «наложены» реалии начала XX века: Софья рассказывала Молчалину, что Чацкий ее «учиться убеждал в воскресной школе», «Скучал все о какой-то воле», «меня в народ, в деревню звал / Советовал отдаться на служенье» и т.д. К Фамусову приходит «жандармский ротмистр Скалозуб», который забирает Чацкого в тюрьму, а тот на прощанье произносит следующую речь:

«Тяжелый сон мне снился!

Свободу скованной вели

В тюрьму, пытали, жгли,

А вы, смеясь, блаженством упивались,

Толстели, нежились и объедались –

Рабы, рождали вы рабов,

Предателей, тюремщиков-сынов...»

После чего следует реплика Скалозуба:

«Заткните ему глотку...

В тюрьму его и за решетку!» (Осы. 1906. № 6).

Читателям, таким образом, становилось ясно, что и в XIX веке, и в начале XX роли не изменились: по-прежнему Чацкий был носителем прогрессивных идей, а ему противостояли «темные силы» русского общества – Фамусов, Скалозуб, которые одерживали над ним верх.

Еще одним материалом «по мотивам Грибоедова» стал фельетон под названием «Что за комиссия, Создатель!!!» (с подзаголовком «Фамусов, «Горе от ума») (автор – «Дневной обходной») (Осы. 1906. № 28) – в нем описывалась деятельность «рыбоудинской» комиссии, ловящей рыбку в мутной воде.

Разрекламированная «Сибирской жизнью» сказка «Налим (сказка для грудных младенцев от 20 до 60-летнего возраста)» (автор «Старожил») вызывала у читателей ассоциации с щедринскими «сказками». В ней шла речь о болоте, в котором жили разные рыбы: «были осетры, народ все умный, ученый, почтенный и солидный»; «ерши ходили ежедневно на службу и высиживали те часы, которые указали их столоначальники»; «караси пузатые – те торговлей занимались», и т.д. Налим характеризовался как «рыба скользкая, так и норовит, чтобы шубу выворотить, и самому из рук уйти». В сказке описывался путь обогащения Налима Муксуныча, построенный на обмане и эксплуатации других рыб. Вершиной его «карьеры» стали выборы, в результате которых он стал «болотом править», – здесь все рыбы вместе с ним пошли на пирог, и автор «стыдился вспоминать», как он «подавился этим пирогом, когда произносил речь и восхвалил идеальную честность незабвенного Налима Муксуныча» (Осы. 1906. № 7).

В нескольких номерах были опубликованы басни под общим названием «Из басен Крылова»: «Чиж и Голубь» (№ 11), «Демьянова уха», «Мартышка и очки», «Медведь у пчел» (№ 12), «Ларчик» (№ 13), «Ворона и лисица» (№ 14), «Волк и пастух», «Лев и лисица» (№ 18). В них известные крыловские сюжеты переделывались в соответствии с обстановкой начала XX века, а персонажи Крылова оказывались политическими деятелями, обывателями и т.д.

Произведения Гоголя также были неистощимым «источником вдохновения» для авторов «Ос». Например, в № 16 были опубликованы «Мелочи» с подзаголовком «Из Гоголя», в которых гоголевские персонажи с комфортом устраивались в России 1905 года. Так, например, автор писал:

«Чичиков разбогател.

Бюрократы поставили ему массу социалистических душ; предлагали свои, но Чичиков руками и ногами отрещивается: “этой прелести, говорит, у нас много”» (Осы. 1906. № 16).

«Переделку» знаменитого «Ревизора» представляла «пародия» под названием «В день смерти газеты» (автор – «Рефлектор») (Осы. 1906. № 23). В этой пародии действовали Анна Андреевна

и Мария Антоновна, судья Ляпкин-Тяпкин, Бобчинский и Добчинский и другие гоголевские герои. Из их диалогов становилось понятно, каким образом им удалось закрыть газету, но в заключение Мария Антоновна произносит:

«Мамочка! А вдруг они будут другую газету издавать!» – и после этого следует пародия на знаменитую немую сцену:

«Все приподнимаются со своих мест. Городничий хватается за эфес шпаги. Судья втягивает голову в плечи. Анна Андреевна превращается в вопросительный знак. Бобчинский и Добчинский выпучивают друг в друга глаза. Марья Антоновна меланхолически улыбается.

Занавес нехотя падает» (Осы. 1906. № 23).

В № 20 было опубликовано стихотворение под заголовком «Из трагедии Сумарокова. Гибель Конституции» (автор – «Вл. Чек»). В нем содержалось два «явления»: в первом из них участвовали «Витте и Конституция», во втором – «Те же и народ»; «трагедия» повествовала о том, как Витте «уничтожил» Конституцию, надавав ей по голове «основными законами».

Некрасовские произведения стали «основой» для таких материалов «Ос», как «Кому вольготно весело живется в нашем городе» (на основе «Кому на Руси жить хорошо») – (Осы. 1906. № 2, 3, 5, 6, 30), «Перевод с Некрасова» (автор – «Рабочий юморист») – (Осы. 1906. № 25), «Из записок N-ского» (автор – «Кит») (на мотив отрывка «Однажды в студеную зимнюю пору...») – (Осы. 1906. № 28). Кроме этого, в журнале также печатались «переделки» под названиями «Из Козьмы Пруткова» (Осы. 1906. № 21, 23).

«Малые» жанры журнала «Осы» – афоризмы, анекдоты, реплики, диалоги, «разговоры», шутки, «песни», объявления и так далее – представляли собой остроумные отклики на происходящие события как местной, так и российской, и мировой жизни. Некоторые из них не совсем понятны современным читателям и исследователям, но для современников они были остро актуальны, а высмеиваемые персонажи – абсолютно узнаваемы.

Приведем несколько примеров таких «малых» жанров.

«Объявления:

Дача отдается на берегу Ушайки. Громадное помещение (переделано из свинарни), прекрасный лес (г. Фуксмана, видно из окон), фруктовый сад (картофель, репа, горох), ягоды (на базаре у торговки), по праздникам музыка (гармония, балалайка), по вечерам поют солисты (“караул!”, “убили!”, “ограбили”).

Цена 400 р. за лето» (Осы. 1906. № 14).

Объявление содержало набор тех «преимуществ», которыми обычно заманивали дачников местные предприниматели. В скобках же автор «расшифровывал» истинное содержание этих «преимуществ», которые на деле ожидали доверчивых людей.

«Разговоры.

Государственная Дума служит теперь самым главным предметом обывательских разговоров. “Осам” удалось как-то невольно подслушать некоторые из них, и мы спешим поделиться ими с читателями, которые тоже, вероятно, интересуются Думой.

– А здорово в Думе говорят... Так и режут, так и режут... И, ведь, какие все прекрасные речи!

– Мало, батенька, утешительного: во многоглаголении несть спасения...» (Осы. 1906. № 15).

Многие «разговоры» и реплики были посвящены сначала выборам, затем работе первой Государственной Думы: местные сатирики критиковали ее за множество «пустых разговоров» и отсутствие реальных дел, видимых изменений.

«Поговорки на современный лад.

“Грамоте учиться – всегда пригодиться!” – назидательно изрек Трепов, приступая к корректуре погромного воззвания к истинно-русским людям, набранного жирным шрифтом в типографии департамента полиции» (Осы. 1906. № 20), и т.д.

Черносотенцы были одним из самых часто встречающихся объектов критики: сатирики «Ос» никогда не упускали случая подчеркнуть, что их поддерживают власти всех уровней, в том числе полицмейстеры, генерал-губернаторы и др.

Из жанров политической публицистики были востребованы «воззвание» (Осы. 1906. № 6), открытое письмо (Осы. 1906. № 14): «Осы» поддерживали партию кадетов («партию народной свобо-

ды)), призывали своих читателей пойти на выборы и проголосовать именно за эту партию. Интересно, что, несмотря на симпатии к партии, «Осы» резко выступали против отдельных представителей кадетов – например, против редактора «Сибирской жизни» М.Н. Соболева (Осы. 1906. № 14).

В «Осах» публиковался не только оригинальный, но и переводной материал, и перепечатанный из других периодических изданий. В журнале встречались перепечатки из сатирических журналов «Стрелы» и «Искры» (Осы. 1906. № 13, 15), «Адская почта» (Осы. 1906. № 18), из газет «Северная Россия» (Осы. 1906. № 15) и «Харбинская неделя» (Осы. 1906. № 17), из сборника «В борьбе» (Осы. 1906. № 19). Это позволяло расширить тематику, представить образцы творчества не только местных авторов.

С иллюстрациями «Ос» выстроился особый сюжет, связанный с тем, что они – в отличие от текстовых материалов – попадали под предварительную цензуру согласно «Временным правилам о печати 1905 года» (рис. 5). Журнал постоянно предупреждал своих читателей о новых обстоятельствах, связанных с рисунками.

В № 13 было помещено следующее объявление: «Рисунки “Ос”, на основании дополнения к временным правилам о печати, прежде напечатания посылаются на просмотр г. отдельному цензору г. Томска. Обращаем на это обстоятельство внимание наших читателей».

В № 17: «От редакции. Некоторые рисунки в нашем журнале появляются без соответствующих подписей по независящим от редакции обстоятельствам: предварительная цензура, вновь введенная для рисунков дополнением к временным правилам о печати, наложила на них свою тяжелую руку в лице г. томского цензора Виноградова».

В № 18: «От редакции. Подписей под рисунками в этом № “Ос”, как и в предыдущем, нет по независящим от редакции причинам. Предлагаем господам читателям самим разобраться, что каждый рисунок обозначает».

В № 19 на первой полосе было напечатано: «От редакции. Все подписи под рисунками в этом номере, как и в предыдущих, вычеркнуты цензором».

№ 27 и 29 вышли без рисунков – «по независящим от редакции обстоятельствам» (Осы. 1906. № 27).

Но даже в номерах, где рисунки были запрещены, редакция украшала журнальные страницы графическими заставками, шаблонами, которые «кочевали» из номера в номер и потому не требовали особого согласования. По-видимому, для журнала было принципиально важным оставаться иллюстрированным, даже если не было возможности помещать сатирические карикатуры.

В № 29 редакция объявила:

«Открыта подписка на 1907 год

На литературно-сатирический листок “Осы”

Под редакцией К.И. Троицкого (Кит)» (Осы. 1906. № 29).

Однако в 1907 году журнал не издавался, причины его прекращения пока неизвестны.

Современник описываемых событий, Вс. Крутовский, в книге «Город Томск» таким образом описывал появление журнала и реакцию на него томичей:

«Эра общественного оживления и несбыточных, как потом оказалось, надежд, породила повсюду и у нас, в Сибири, целую плеяду литературных кружков, особенно среди молодежи, так или иначе стремившихся высказать свое отношение к совершившемуся у них на глазах перевороту, особенно в форме политической и социальной сатиры.

Так, группа сотрудников “Сибирской жизни” с 1905 года издает на паевых началах литературно-сатирический журнал “Осы”, перешедший впоследствии к К.И. Троицкому и просуществовавший до февраля 1907 года. “Осы” пользовались симпатией публики и расходились довольно бойко»⁹¹.

⁹¹ Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 306.

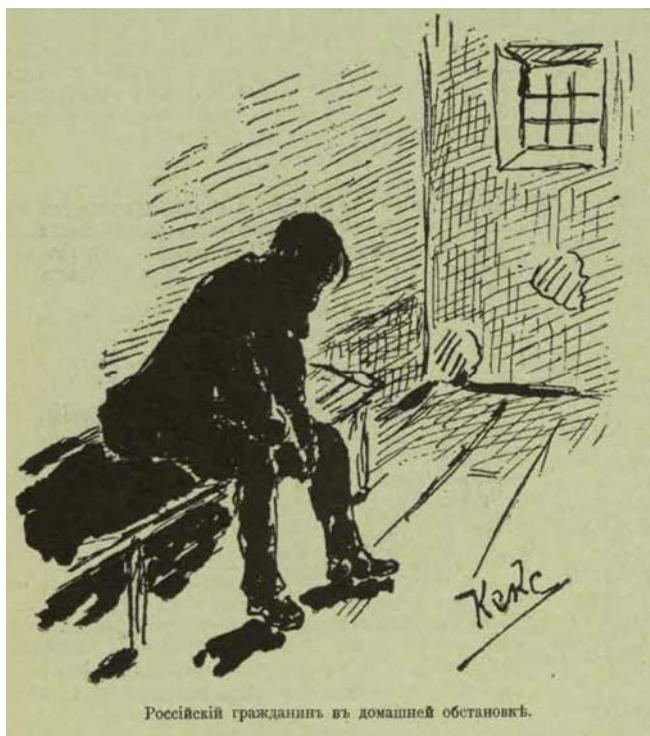

Рис. 5. Пример карикатуры сатирического журнала «Осы» с подписью (№ 17 за 1906)

О том, что «Осы» были «проектом» «Сибирской жизни», свидетельствовал не только Крутовский. В самой газете можно было найти такую заметку, опубликованную 13 января 1906 года:

«Кому это надо?»

«Какие-то недоброжелатели распускают слухи, что издание литературно-сатирического листка “Осы” не будет продолжать выход. Считаю долгом выяснить, что это издание предпринято на товарищеских началах кружком газетных работников, которые могут прекратить издание только “по независящим обстоятель-

ствам». Кому это понадобилось распускать ложные слухи?» (СЖ. 1906. № 9).

Крутовский указывает, что журнал выходил и после 1906 года, но номеров за 1907 год пока не обнаружено ни в местных, ни в столичных библиотеках и архивах.

Первый легальный сатирический журнал Томска «Осы» самым достойным образом выполнил свою роль «открывателя» этого типа периодической печати. Как первый, так и второй редактор сделали все для того, чтобы журнал стал ярким явлением в общественной и литературной жизни Томска. Они заботились о расширении авторского состава, привлекали к сотрудничеству молодых поэтов и писателей, позволяя им публиковать произведения разных жанров, стилей, направлений. Многие из участников «Ос» затем писали в другие сатирические журналы, а некоторые стали их основателями.

Тематическое поле «Ос» представляло собой в первую очередь реакцию жителей России, Сибири, Томска на происходящие в стране изменения. Кроме этого, на страницах журнала отразился процесс политической дифференциации российского общества в период Первой русской революции. Редакция внимательно следила за процессом подготовки и проведения выборов в Первую государственную думу – и одновременно наблюдала за тем, как в провинции отражаются и интерпретируются события «большой» российской и мировой политики.

«Резко непримиримый»: томский «Бич»

16 февраля 1906 года томский генерал-губернатор получил от «ирбитского мещанина Владимира Цезарьевича Черемных, живущего в Томске», заявление о том, что Черемных тоже решил выступить в качестве издателя сатирического журнала. Будущий издатель писал:

«Имею честь заявить о моем намерении издавать и редактировать под личную ответственностью перед законом в Томске пери-

одический орган – литературно-художественно-сатирический листок под названием “Бич”, программа которого будет отражать в себе проявления как местной, так и общероссийской жизни в серьезных статьях, сатирических набросках, юмористических фельетонах, стихах и шутках, а также и рисунках-кариатурах. Листок будет выходить от одного до двух раз в неделю и не менее четырех раз в месяц. Подписная цена для местных подписчиков 3 р. 50 к. в год, для иногородних 4 р. 50 к.» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Дело 693. Л. 183).

О себе Черемных сообщал, что он «русский подданный, имею от роду 26 лет». Томский полицмейстер подтверждал политическую благонадежность нового издателя, добавляя, что его род занятий – «служит у нотариуса» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Дело 693. Л. 185).

Об этом событии немедленно узнала газета «Сибирская жизнь», которая поспешила поделиться со своими читателями новостью: «Мы слышали, что В.Ц. Черемных сделано начальнику губернии заявление об издании им в г. Томске литературно-сатирического журнала “Бич”. (СЖ. 1906. № 34).

Газета внимательно следила за судьбой нового сатирического журнала. Под рубрикой «Литературный новости» она поместила сообщение о том, что «с 1 марта сего года в г. Томске выйдет первый номер художественного юмористически-сатирического журнала “Бич”. Редактором-издателем утвержден В.Ц. Черемных» (СЖ. 1906. № 45).

Однако выход задерживался. Только через полмесяца читатели увидели следующее объявление:

«С воскресенья 12 марта сего года
в Томске будет выходить “Бич”»

Еженедельный литературно-сатирический журнал с рисунками в красках и тонах... Редактор-издатель В.Ц. Черемных» (СЖ. 1906. № 56, 57).

Также газета писала о выходе второго номера (СЖ. 1906. № 65); больше известий о «Биче» в «Сибирской жизни» не встречается.

Рис. 6. Логотип сатирического журнала «Бич» (№ 2 за 1906 г.)

«Бич» был издан в количестве трех номеров, однако все они сохранились только в Москве – в РГБ и Государственной публичной исторической библиотеке.

Обложки первых двух номеров «Бича», в отличие от других томских журналов, выполнялась с добавлением одного дополнительного цвета – красного. Это резко выделяло ее на фоне томской черно-белой периодики. Логотип «Бича» представлял собой красные буквы, нарисованные шрифтом, стилизованным под готику: буквы располагались на фоне щита (или похожего на него предмета), из-за которого высывалось несколько кнутов с развевающимися веревками (см. рис. 6). В логотипе указывалось место и дата издания, цена номера (20 копеек), тип издания («еженедельный

литературно-сатирический журнал»). Ниже размещалась иллюстрация, выполненная также с добавлением красного цвета. Так, в № 1 иллюстрация была подписана «Реакция»: она изображала старуху с клюкой, с котомкой за спиной, в которой сидели четыре рыдающих ребенка. Кругом были изображены черные вороны. Красные пятна покрывали одежду старухи, и фон также был красный, что подчеркивало трагичность и ужас изображаемой «реакции».

В № 2 на заднем плане изображались горящие дома, огонь (красного цвета) поднимался до самого неба; перед домами с поднятыми руками металась черные силуэты людей. На переднем же плане были нарисованы вооруженные казаки на лошадях, которые, повернувшись спиной к пожару и людям, удалялись по своим делам. Картинка не была подписана, но читателям было понятно осуждение автором позиции казаков, которые отказывались помогать людям в беде (см. рис. 7).

Однако в № 3 логотип уже был другой: подобно многим другим томским сатирическим журналам, «Бич» отказался от рисованной заставки и стал печатать название крупными черными буквами без любых других изобразительных элементов и второго цвета: «Бичь». Иллюстрации на обложке в этом номере не было.

Вышедшие три номера журнала «Бич» издавались с задержкой. О задержке первого номера можно было узнать из газеты «Сибирская жизнь»; во втором номере было размещено объявление «От редакции», в котором читателям сообщалось:

«№ 2 журнала “Бич” выходит в свет вместо воскресенья 19 марта, в среду 22 марта по независящим от редактора-издателя обстоятельствам» (Бич. 1906. № 2).

В журнале активно публиковались такие авторы, как П. Казанский («Премудрая крыса Онуфрий», «П.К»), В. Долгоруков («Вс. Сибирский»), а также публикующиеся под псевдонимами «Герцог Корневильский», «А.П.», «Гейне из Уржатки», «Рабочий-юморист» и др. Для переписки с авторами редакция завела раздел «Почтовый ящик» (в № 2 за 1906 год), но работа его не успела наладиться, поскольку журнал быстро был прекращен.

В первом номере первый же материал объяснял значение, которое издатели придавали названию своего журнала: «Бич» – не просто длинный кнут или плеть для того, чтобы погонять скот, но – «бич божий». Это было стихотворение «Бич», без подписи, а в подзаголовке указывалось: «От Матв. XXI, 12» – это отсылка к знаменитому эпизоду из «Евангелия от Матфея», глава 21, когда Иисус выгнал торговцев из божьего храма. Автор писал:

«...И поднял он божественной рукою
Суровый бич и, гневен и силен,
Торгующих из Божьего престола
Изгнал, как гадов, вон...» (Бич. 1906. № 1).

Поэт выражал надежду, что «торгаши и гады», угнетающие родину, также будут изгнаны бичом «суровой, карающей Правды».

Авторы «Бича» выступали в таких жанрах, как «восточная легенда», «ода», «стихотворение в прозе», «очерк» и др. В каждом номере были опубликованы 1–2 объемных прозаических материала: № 1 – «Неблагодарные люди (Восточная легенда)» (автор «П.К.») и «Из дневника мелкой железнодорожной сошки» (автор А.П.), № 2 – очерк «Ограждение» (автор «П.К.»), № 3 – «Победитель (сценка)» (автор «П.К.»). Остальные были невелики по объему: это стихотворения и разнообразные «мелочи» – диалоги, афоризмы и т.д. Первый и третий номера «Бича» завершались подборкой сатирических рекламных объявлений (во втором номере они отсутствовали), такими как, например:

«БЕСПЛАТНО даю уроки “Русского красноречия”. Обращаться в городскую ветеринарно-санитарную станцию.

НОВЫЕ ШУЛЕРА требуются Ново-Николаевскому собранию» (Бич. 1906. № 1) и т.д.

Публицисты «Бича» реагировали на события, происходящие в местной журналистике. Так, например, в одном из номеров был опубликован «совет», адресованный «Угасшему Красноярскому “Фонарю”» – закрытому сатирическому журналу:

«Слегка мерцал он светом красным
И волею судеб угас.
Не заменен другим запасным.

Имейте ж фонарей запас!» (Бис. 1906. № 3).

Кроме этого, автор, выступавший под псевдонимом «Рабочий-юморист», в стихотворении «Господину, который потерял с правой ноги сапог» подчеркивал, что он комментирует ситуацию из «Сибирской жизни», № 50.

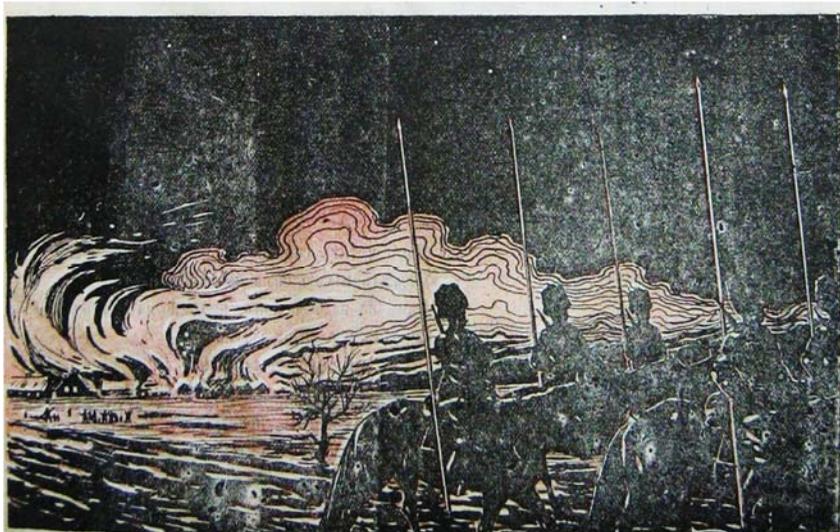

Рис. 7. Иллюстрация на обложке сатирического журнала «Бич» (№ 2 за 1906 г.)

Главными «героями» сатирического журнала, как и в других подобных изданиях, были анархисты, политики, бюрократы, деятели Думы, забастовщики и мятежники, обыватели, казаки, и многие другие.

Так, например, «Герцог Корневильский» передавал такие «Размышления бюрократа из “недальновидных”»:

«Посмотри, как кругом все прекрасно.

Тишина и порядок царят.

Анархистов боятся напрасно;

Анархисты по тюрьмам сидят...

Так безоблачно синее небо,

Так прохожие чинно идут.

Недостатка воды или хлеба
Пережить нам теперь не дадут!
Забастовщики духом упали;
Подвело без работы живот...
Дни тяжелые нас миновали.
Обыватель доверчиво ждет.
Сам не знаю: во сне, наяву ли,
Только вижу – кругом благодать!
Дефилируют мирно патрули...
Для чего ж теперь Думу сзывать?!» (Бич. 1906. № 2).

«Премудрая крыса Онуфрий» констатировал «торжество дубинки», которой можно было «всех студентов побить», «всех жи-дов разнести» («Патриотическая Дубинушка» – Бич. 1906. № 2), а также напоминал читателям о событиях на Пресне в декабре 1905 года в «Оде на освобождение Москвы Дубасовым» (Бич. 1906. № 2).

Поднимался в статьях и рабочий вопрос. Так, например, в очерке «Ограждение» (автор – «П.К.») хозяин, стремясь предотвратить забастовку, поручает управляющему послушать разговоры рабочих. Результаты этого прослушивания были следующие:

«– Ну, что?

– Слушал, Сила Фомич!

– Да что выслушал-то?

– А они, Сила Фомич, к нам никаких претензий не имеют и на ваш характер очень полагаются, говорят, с вами ладить можно; а только тут, я вам скажу, пропаганда-с!

Последнее слово управляющий произнес почти шепотом, наклонившись как можно ближе к Силе Фомичу. Тот так и обомлел.

– Ка... какая пропаганда?

– Политическая-с! Они говорят, что ежели на прочих фабриках забастуют, то и они тоже, для поддержки!

– Батюшки! Да ведь... ведь это с жандармами не развяжешься... Что же теперь?

– А я полагаю-с, что прекратить это надо. Потому ведь это чистые бараны-с: куда вожак, туда и они. А убери вожака, и стадо никуда-с.

– Да вожаки-то где? Кого убирать-то?

– А Семенова-с, да Тимохина, да Колесова. Около них все собираются, они и смущают-с» (Бич. 1906. № 2).

Послушавшись управляющего, хозяин объявил о расчете Тимохину и Колесову – и получил в результате ту самую забастовку, которую он так стремился предотвратить.

Так же, как и в «Осах», в «Биче» публиковались не только сатирические, но и лирические произведения. Так, «В.К.» в «стихотворении в прозе» под названием «Одинокая могила» призывал к сочувствию к «молодым, безвременно угасшим силам», чьи «одинокие могилы разбросаны по занесенным снегами сопкам, по мрачным утесам холодной пустыни» (Бич. 1906. № 2).

Большинство текстов освещали общероссийские события, однако часть публикаций были посвящены Томску – например, материал «Что поют на берегах Ушайки». В нем автор приводил следующие «песни» томичей:

«“Что день грядущий мне готовит?” –

поют члены различных профессиональных союзов, сжигая свои уставы и программы.

“Только станет смеркаться немножко,

Буду ждать, не дрогнет ли звонок” –

Поет обыватель в ожидании непрошенных гостей», и т.д. (Бич. 1906. № 2).

В номерах 1 и 3 публиковались «Портреты томских знаменитостей» (автор «Герцог Корневильский»), однако для современных исследователей в них слишком мало деталей, чтобы можно было «опознать» тех, о ком писал сатирик. Вот, например, один из «портретов»:

«Мой дед простым был ямщиком,

Ходил с кнутом,

А я его достойный внук

Вкусил наук.

По-европейски я одет
От юных лет.
По Томску – первый гулеван
Себе потребовал и съел
Весь хор, что пел!» (Бич. 1906. № 1).

В «Песне о бойкоте» (автор «Гейне из Уржатки») описывается «бойкот», объявленный томским обществом ресторану «Россия» и октябристской газете «Время», считается, что это действенное средство выражения общественного мнения:

«В нашей общественной жизни
Новая сила растет,
Новая форма протеста;
Имя той силе – бойкот!» (Бич. 1906. № 1).

Иллюстрации в «Биче», кроме обложки, были черно-белые. Это были карикатуры, обычно сопровождавшиеся подписями. К примеру, на одной из карикатур был изображен полный лысый мужчина в пиджаке, бородатый, сидящий перед конторкой, на которой лежала газета «Время». Подпись гласила:

«Ищу репетитора, чтобы научил меня без азбуки писать три слова: “Гласный Псой Пустоплясов” за приличное вознаграждение.

Студентам не ходить» (Бич. 1906. № 2).

Вс. Крутовский в своей статье о периодической печати в Томске так характеризовал «Бич»:

«В том же 1906 году в марте месяце, выходит из печати резко непримиримый “Бич”. После трех номеров типография Дворецкого отказалась печатать его, опасаясь неминуемых репрессий администрации. Сотрудники сами помогли рабочим набирать статьи и верстать номер. Опасения Дворецкого оправдались: типография его была закрыта»⁹².

Можно констатировать, что редакции удалось объединить вокруг себя интересных авторов, умеющих работать с сатирическими жанрами, и довольно опытных карикатуристов. Особая

⁹² Крутовский В. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 306.

«непримиримость» «Бича», судя по анализу сохранившегося журнала, заключалась в его резкой критике властей разных уровней, начиная от общероссийских и заканчивая местными, а также в постановке рабочего вопроса, особенно острого для эпохи Первой русской революции.

Главные темы «Рабочего юмориста»

К изданию сатирических журналов в 1906 году примкнули не только коренные жители Томска, но и «новые томичи» – такие, как, например, недавно переехавшая в Томск из Барнаула семья Симаниных. 25 января на имя томского генерал-губернатора поступило следующее заявление от жены коллежского секретаря Симанина:

«Заявление

Прошу начальника Томской губернии разрешить издавать в Томске, под моей редакцией, сатирический журнал “Рабочий юморист”.

Издаваться журнал будет еженедельно.

Томск, 1906 год. 19 января.

Жена коллежского секретаря Лидия Николаевна Симанина.

Сведения для справок:

Мне 27 лет. Под судом и следствием я не была и не состою. Никакого административного наказания тоже не отбывала. Проживала я все время в г. Барнауле, а в Томск переехала в ноябре 1905 года. Мой адрес: контора страхового товарищества “Саламандра”» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 171).

Томский полицмейстер в ответ на запрос генерал-губернатора подтверждал данные сведения и добавлял, что Симанина «занимается преподаванием частных уроков по программе средне-учебных заведений» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 173).

Пока власти собирали информацию о будущей издательнице, 13 февраля 1906 года она предоставила генерал-губернатору еще одно заявление с программой «Рабочего юмориста»:

«Обзор жизни Томска. Областная жизнь. Историческое и заграничное остроумие. Жизнь общерусская. Телеграммы объявления» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 174).

Подписная цена была назначена 4 рубля в год, розничная продажа – 5 копеек. Печатать журнал предполагалось в типографии Орловой.

Необходимо отметить, что страховое общество «Саламандра» к этому времени уже зарекомендовало себя как контора «неблагонадежная»; в одном из полицейским рапортов отмечалось, что «за служащими названной конторы жандармской полицией установлено строгое наблюдение» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 226). Тем не менее издание вышло в свет по «явочному порядку», установленному благодаря Первой русской революции.

В первом – и единственном дошедшем до нас – номере обнаружилось, что цензура все-таки «дотянулась» до журнала. Правда, выпуск его запретить было невозможно, но зато, как писала издательница, «вследствие непредвиденных обстоятельств настоящий номер выходит без карикатур» (Рабочий юморист. 1906. № 1). Из-за этого «Рабочий юморист» являлся единственным сатирическим журналом Томска без иллюстраций.

Первый номер вышел объемом 8 полос, с четким логотипом, набранным обычным шрифтом увеличенного размера (см. рис. 8). На первой полосе была указана дата выхода – 14 апреля 1906 года, тип издания – еженедельный литературно-сатирический журнал, цена – 5 копеек.

На первой полосе номер открывало стихотворение под названием «Пасхальная мелодия (что-то вроде современной баллады)». Автор указан не был. Начало стихотворения было традиционным для пасхальных материалов того времени – автор восклицал:

«Христос Воскрес! Христос Воскрес! –
Твержу я, – радостное чудо!»

Но оказывалось, что герой стихотворения сомневался в этом очевидном для православных людей факте:

«Не верь, мне шепчет в ухо бес:
“Христос в гробу... Живет Иуда!”».

Рис. 8. Логотип сатирического журнала «Рабочий юморист» (№ 1 за 1906 г.)

Бес рассказывает автору о том, какую же роль исполняет Иуда в современном мире:

«Искаринотский наш герой
Теперь работает на славу:
Ведь это он ночной порой
Ведет полиции облаву!».

Несмотря на сомнения автора в том, что Иуда мог «пасть так низко», бес в итоге оказывается прав: приходит «Иуда-полицейский», который арестовывает и автора, и беса:

«Я не шепчу уже: “воскрес”,
Довольно было мне обману:
Ведь правым оказался бес –

Иуда поступил в охрану» (Рабочий юморист. 1906. № 1).

Столь резкое антирелигиозное и даже «богохульное» заявление автора «Рабочего юмориста», уравнивающего полицейскую власть и Иуду, было возможно, конечно, только в издании, не прошедшем предварительную цензуру.

Первым же стихотворением «Рабочего юмориста» была заявлена одна из трех главных тем, которые развивались в журнале: тема противостояния Бога и Дьявола, «богоборчества», заканчивающаяся всегда победой зла. Эта тема была продолжена в материале «Дон Педро (с испанского)» (автор – «Бобыль»). В этом «мнимом переводе» описывался его главный герой, «великий инквизитор Дон Педро», с радостью сжигавший грешников. Он осудил на вечное изгнание юношей, в которых дьявол «посеял семя ереси», и даже не испытал при этом никаких угрызений совести:

«Дон Педро пал на колена пред распятием и, воздев руки к небу, воскликнул: “Ты Господи дал, Ты и взял, да будет святая воля Твоя”. И успокоенный лег на ложе и вскоре уснул» (Рабочий юморист. 1906. № 1).

Повествование наводило читателя на мысль, что такая расправа не была божеским делом, а чистым произволом «великого инквизитора». И это заставляло задуматься: так ли уж были виновны юноши, действительно ли «семя ереси» было делом рук Дьявола, и если бог допустил такую жестокую кару – справедлив ли он?

В очерке «В деревне» автор описывал свое пребывание в деревне у отца, куда он вернулся после студенческой забастовки. Услышав разговор своего отца с местным священником Пудом о том, что они критикуют Льва Толстого, автор бросился на защиту писателя. Он произнес пламенную речь, в которой обвинял власть в злоупотреблении и обмане, а своих собеседников – в непонимании ситуации:

«А вы бормочите, как попугаи: “Несть власть, я же не от Бога”. Целуете кулаки, с которых каплет ваша кровь! И ругаете скверными словами великого старика, за то, что он повторяет забытые вами слова Христа! Рабы! Кто вы, я вас спрашиваю?»

Своей горячностью и слезами автор прекратил нападки на Толстого, но не смог «найти путь в сердце к ним». В этом он убедился на следующий день, когда разговоры отца, священника и прикннувшего к ним почтмейстера продолжились в том же духе.

Открытая защита Льва Толстого, отрицание божественной природы верховной власти еще раз доказывали радикальный характер нового журнала.

Второй темой, которая развивалась в нескольких материалах «Рабочего юмориста», была тема свободы. Она была заявлена в притче, опубликованной без заголовка, автор был обозначен как «К-я З-в». В притче описывалась некая женщина, уносившая с собой «ребенка, которого люди с благоговением называли свободой». Автор, терзаемый мыслью о том, куда и почему уносят этого ребенка, вступил в разговор с женщиной и узнал, что свободе не место там, где «тираны находят еще удовольствие в крови и кандалах». Однако у человечества, судя по словам женщины, еще оставался шанс вернуть свободу обратно:

«Но когда люди придут к сознанию – сбросить с себя гнет неволи, я приду к вам. Я навею человечеству чудную, гордую песню. Я покажу ему другую жизнь, полную яркого стремления к счастью.

Я дам ему возможность искать истину, чтобы озарить весь мир ее красивыми блестками» (Рабочий юморист. 1906. № 1).

Тема свободы продолжалась в небольшом стихотворении «Экспромт (Глядя на вскрытие реки)» (без указания автора). Читатели могли себе представить, как автор, любуясь ледоходом (апрель – обычное время для вскрытия рек в Томске), внезапно приходит к мысли о том, как картина просыпающейся природы похожа на ситуацию в стране:

«И наш грядущий путь таков!..

Пример того в самой природе!

Река разбилась от оков,

И мчится бурно на свободе...

Но при “незыблемых” основах

Мы все живем еще в оковах!» (Рабочий юморист. 1906. № 1).

То есть даже полученная свобода казалось автору недостаточной, потому что в стране все еще существовали «незыблемые основы» – самодержавия конечно, – которые продолжали сковывать общество.

Третья тема, которая пронизывала все пространство «Рабочего юмориста», – политика. Политический подтекст считывался и в материалах «богоборческого» характера, и в «свободолюбивых» текстах, но часть публикаций были посвящены именно политической жизни России: выборам в первую государственную Думу, работе первого российского парламента, политическим партиям и их представителям.

Главным объектом внимания авторов «Рабочего юмориста» были кадеты. Им были посвящены стихотворения «Предостережение томским кадетам», «Совет кадету».

В первом из них автор предостерегал кадетов, празднующих свою победу на выборах в первую государственную Думу «под непрерывный левых свист», от мести октябристов:

«И, берегись его, кадет,
Смотри, не быть тебе живому,
Коль, по примеру прошлых лет,
Прибегнет снова он к погрому».

Во втором четверостишии кадетам советовали опять же не опьяняться победой, так как их, возможно, в ближайшем будущем ждал тюремный обед.

Кадеты появлялись также в небольшом материале «Из разговоров»: здесь передавались диалоги обывателей, обсуждавших участие кадетов и октябристов в работе Думы.

Состав первой государственной Думы, ее работа были постоянным объектом внимания сатириков «Рабочего юмориста». В стихотворении «По поводу двух палат в России (Посвящается первому российскому парламенту)» сатирик выражал сомнения в том, будет ли «ума палата» в появившихся «двух палатах» Думы. В стихотворении «Состав первого российского парламента» автор возвращался к мыслям о том, почему Дума стала кадетской: по его

мнению, это произошло потому, что радикальные партии недостаточно серьезно отнеслись к выборам:

«Нашим крайне беспокойным радикалам
Казался выбор в думу делом детским,
И будущий состав ее отсталым,
Но... выйдет дума корпусом кадетским».

В одном из материалов поднималась тема рабочих: это стихотворный фельетон «Отчего беспокоился его степенство купец Надулин» (автор «Якобинец»). Купец выражал свое недовольство «новыми порядками», забастовками, дерзостью рабочих, которых нельзя припугнуть свинцом, и т.д. Автор обещал продолжить тему в следующем номере, но, как известно, продолжения не последовало.

Большая часть публикаций носила либо абстрактный характер, либо относилась к общероссийским событиям. Однако несколько стихотворений относились к местным реалиям. Одно из них посвящалось «Г. Базанову, бывшему редактору “Времени”». Автор обвинял Базанова в том, что он

«Издавал газету скверную,
Призывал идти назад,
Конституцию химерную
Выдавал за чистый клад!».

Однако в конце концов Базанов, по мнению автора, прислушался к голосу совести и «от органа поганого / устремился наутек». Газета «Время» же, свидетельствовал автор, не пользовалась популярностью у читателей:

«“Время” – совести крушение –

Только на обертку шло» (Рабочий юморист. 1906. № 1).

К стихотворению «Попробуйте же прав себе, какие Моисеем даны» (автор «Ваня Заноза») был дан эпиграф:

«На стенах одного казенного учреждения в Томске красуется подпись: пить чай на месте, в буфет не собираться».

Стихотворение являлось размышлением об этом факте, вынесенном в эпиграф; автор задавался вопросом о том, почему «чиновники граждане» так покорно подчинились начальству, и советовал им

потребовать «прав себе, какие Моисеем даны». Права же эти заключались в том, что «ядущий будет на свободе» – т.е. начальство ограничивало чиновников в том, чтобы кушать в буфете.

Тема Томска продолжалась также в стихотворении «Томскому городскому голове, который поставил себе первой и священной обязанностью очистить дворы, нужные места и т.д. у обывателей». Автор высмеивал начальника города, который главной задачей поставил очистку города, игнорируя все остальные городские проблемы, именуя его «Голова навозный наш» и «нужным головой» (от слова «нужник»).

Бывшие барнаульцы, Симанины и в «Рабочем юмористе» продолжали освещать темы, связанные с Барнаулом. Этому городу и его жителям было посвящено два стихотворения. В первом из них, под названием «По поводу одного заседания Союза 17 октября в Барнауле (Посвящается О.И. См-ву)», с эпиграфом «Разрушь, Господь, совет нечестивых!», выражалось недоумение, «как в сей притон попала ряса» (автор «Нин-ма-си»). Второе называлось «Незабвенному Барнаулу. От изгнанника», и его главная мысль выражалась строками:

«Вот, в Барнауле, как в гнилом дупле,

Дышать от черносотенности трудно» (Рабочий юморист. 1906. № 1).

Всего в номере было опубликовано 19 материалов: 13 стихотворений и 7 прозаических текстов. В основном материалы печатались без указания авторства. Встречаются только шесть псевдонимов: «Горюм», «Бобыль», «Якобинец», «Ваня Заноза», «Нин-ма-си», «А. З-въ» и «К-я З-въ». В других сатирических изданиях Томска эти псевдонимы не встречаются – возможно, что круг сотрудников «Рабочего юмориста» был очень невелик, состоял из малоизвестных авторов – или все эти псевдонимы принадлежали семье Симаниных. Интересно, что в журнале не использовался псевдоним «Рабочий юморист», известный по публикациям, например, в журнале «Оса». Можно констатировать, что редакции не удалось привлечь в журнал известных томских сатириков – возможно, ре-

дакция надеялась сначала заинтересовать их содержанием и направлением журнала.

По крайней мере «Сибирская жизнь» журнал заметила. В № 54 она писала:

«Новый сатирический журнал. Жене коллежского секретаря Лидии Николаевне Симаниной разрешено издавать в г. Томске сатирический журнал “Рабочий юморист”, но типография Орловой, на которую было указано в заявлении Симаниной, печатать отказалась, ввиду нового закона о печати» (СЖ. 1906. № 54).

Действительно, в выходных данных «Рабочего юмориста» было указано: «Томск. Типография А.И. Дворецкой. Миллионная ул., собственный дом».

Затем газета уведомила читателей о выходе первого номера «Рабочего юмориста» (СЖ. 1906. № 75), а в № 90 появилась такая заметка:

«Открытие типографии. Опечатанная по распоряжению полиции типография А.И. Дворецкой, ввиду приобретения прав на ее содержание И.И. Дворецким, вновь открыта и, таким образом, печатающиеся в этой типографии периодические издания “Рабочий юморист” и “Томский вечерний листок” по-прежнему будут продолжаться выходом в свет» (СЖ. 1906. № 90).

Зная о «дерзости» содержания номера «Рабочего юмориста», можно предположить, что полиция опечатала типографию именно в связи с выпуском этого журнала. Тем более что современник описываемых событий, Вс. Крутовский, характеризуя «Рабочий юморист» как «литературно-сатирическую эфемериду», писал: «Выпущенные два номера были немедленно конфискованы»⁹³. Сведений о втором номере журнала на сегодня не имеется, – возможно, именно его конфисковали и из-за него закрыли типографию.

«Рабочий юморист» в ряду сатирических журналов Томска 1906 года стал экспериментом в области исследования границ сатиры. Его резкая антирелигиозная критика, открытая защита Л. Толстого, выпады в сторону местной главы города и политиче-

⁹³ Крутовский В. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 306.

ская оппозиционная направленность сделали журнал нежелательным с точки зрения властей, и она сделала все для того, чтобы «Рабочий юморист» был прекращен. Это стало сигналом для других журналов о том, что тот, кто хочет более-менее постоянно издавать периодический орган, должен выбрать более мягкие – или более завуалированные – способы сатиры.

От «Томского вечернего листка» – к сатирическому листку «Ерш»

Одним из малоисследованных аспектов газетно-журнального дела в дореволюционной России остается проблема, связанная с изменением типологического статуса издания. В истории русской журналистики постоянны указания на то, что газеты из еженедельных трансформировались в ежедневные и наоборот; довольно распространенным явлением был переход издания из газетного в журнальный формат⁹⁴. Эти процессы происходили не только в столицах, но и в русской провинции, так как были обусловлены стремлением издателей более точно угадать интересы и потребности читателей, и при этом не выйти за рамки существующих цензурных ограничений.

Подобная смена типологического статуса произошла в 1906–1907 годах с томским изданием «Томский вечерний листок», которое началось как общественно-литературная газета, затем было трансформировано в сатирический листок, позднее – в сатирический журнал «Ерш». Эти журналы давно известны исследователям томской периодики: издания отражены в каталогах⁹⁵, о них упоминается как в дореволюционных⁹⁶, так и в современных работах⁹⁷.

⁹⁴ См. напр.: История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. проф. Л.П. Громоной. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. С. 250; 444; 625.

⁹⁵ Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959). Ч. 1, 2. Новосибирск : Новосибирская областная библиотека, 1972, 1974.

⁹⁶ Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 306.

⁹⁷ Юшковский В.Д. Эскиз сюжета ... Томск, 2003. С. 142–143.

Однако существующие сведения страдают неполнотой и обрывочностью, что объясняется прежде всего труднодоступностью «Томского вечернего листка»: он сохранился только в фондах Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), где был обнаружен и исследован автором. Теперь, когда недостающие данные собраны, появилась возможность включить эти журналы в обзор сатирической журналистики Томска 1906 года.

Сведения о первоначальной концепции издания были изложены в прошении о разрешении на издание «Томского вечернего листка», поданном на имя томского губернатора 19 февраля 1906 года. Михаил Степанович Попов, сын чиновника, просил разрешить издание в Томске, обозначив его статус как «еженедельная общественно-литературная газета». Новый орган печати должен был выходить по понедельникам, «между 3–4 часами пополудни». Это было необычное время для издания, поскольку после выходных типографии отдыхали, к тому же печатать газету надо было не до обеда, как обычно, а после, чтобы выпустить ее вечером. Необходимо добавить, что сам тип вечерней газеты был известен в России с 1860-х годов, когда была основана «Вечерняя газета» и «Биржевые ведомости»⁹⁸, однако в Томске это была первая попытка создать подобного рода издания.

В заявленной программе, между тем, не было никаких особых отделов, которые требовали бы статуса именно «вечерней газеты». Были запланированы следующие основные рубрики: «1) хроника местной жизни; 2) фельетон: рассказы, стихотворения; 3) маленький злободневный фельетон; 4) судебная хроника; 5) театр; 6) библиографический листок; 7) справочник и 8) объявления»⁹⁹. Издатель заявлял также о желании иллюстрировать номера рисунками и карикатурами. Цена за годовую подписку была объявлена 4 рубля. О себе Попов сообщал, что ему 33 года, под судом и след-

⁹⁸ Горохов В.М. Вечерние газеты // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1971. Т. 4. С. 43.

⁹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 188; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 145. Л. 1.

ствием он не был, и потому надеется, что удовлетворит требованиям, предъявляемым к издателям периодики.

Первый номер «Томского вечернего листка» увидел свет 27 марта 1906 года. В заголовочном комплексе сообщалось, что газета «будет посвящена обозрению томской жизни в фельетонах, карикатурах и репортерских заметках» (Томский вечерний листок. 1906. № 1). Традиционной для русской журналистики статьи от имени редакции в номере не было, однако в разделе «Местная хроника» была помещена публикация под названием «“Томский вечерний листок” и его программа». В ней были сформулированы следующие цели и задачи новой газеты:

«Создать независимый внепартийный орган с строго прогрессивным направлением – вот задача редакции “Томского вечернего листка”. На первое время редакция ограничилась чисто местной программой жизни. Правдиво и беспристрастно освещать местную жизнь, не лestia и не угодничая сильным, называть по имени порок пороком, клеймить, обличать. Более широкие планы впереди» (Томский вечерний листок. 1906. № 1).

Издатель также обращал внимание читателей на то, что «в газете не будет телеграмм, потому что за последние месяцы телеграммы агентств служат только балластом», однако был готов абонироваться на получение телеграмм во время работы Государственной Думы.

Особый акцент Попов сделал на том, что существующий формат «еженедельного летучего листка» со временем может измениться в «ежедневную газету»:

«Все зависит от благоприятных обстоятельств и, главным образом, от сочувствия читателей. С верой в это сочувствие, с верой в “друга-читателя” редакция выступает на усыпанную терниями дорогу, на которой немало погибло честных самоотверженных тружеников слова» (Томский вечерний листок. 1906. № 1).

Уже по этому выступлению издателя можно было увидеть склонность нового органа печати к «обличению», причем на местном, а не общероссийском материале. Поставленная задача последовательно воплощалась в жизнь, в первых трех номерах газеты

были помещены стихотворные и прозаические фельетоны, критикующие постановку университетского дела в Томске, томскую политическую жизнь, местное духовенство: это такие статьи, как «Лицедеи науки» и «Манекены зашевелились» (Томский вечерний листок. 1906. № 2), «Страничка из жизни духовенства» (Томский вечерний листок. 1906. № 3) и другие материалы.

Но главным «камнем преткновения» оказались не публицистические амбиции редактора-издателя, а экономические проблемы. Во втором номере «Томского вечернего листка», в рубрике «Местная хроника» вновь было помещено обращение Попова, под названием «Отчего дорого?». Редактор-издатель писал:

«Читатели “Томского вечернего листка” жалуются, что цена номера – 5 копеек – очень высока, ссылаясь на подтверждение своей претензии на дешевизну больших томских газет. Правда. Но отчего это происходит?» (Томский вечерний листок. 1906. № 2).

Попов последовательно перечислил три основных причины дороговизны:

«“Томский вечерний листок” выходит в дни послепраздничные. Набор, или, вернее часть набора и печатание производится в праздники за сдельную оплату, конечно, двойную. Это раз. Технические затруднения типографии, где печатается “Томский вечерний листок” (это была типография А.И. Дворецкой, находившаяся по адресу: Миллионная улица, собственный дом. – *примечание Н.Ж.*), очевидны для всякого, газета печатается ручным способом и, следовательно, более дорогим. Это два. Если бы редакция гонялась за пятаками с целью наживы, то она выступила бы не с открытыми картами, а с помпой, рекламируясь на страницах газет, на заборах, крича и шумя на всех перекрестках. Дело не в пятаке. Вдумчивый серьезный читатель, для которого дорого более всего живое, свободное слово, не позволит бросить упрека в дороговизне, и вот для такого читателя и выходит “Томский вечерний листок”» (Томский вечерний листок. 1906. № 2).

Однако вопрос не был исчерпан, и в следующем номере читатели «Томского вечернего листка» увидели очередное обращение редактора-издателя, все в той же рубрике «Местная хроника», под

названием «Непонятное – понятно». Попов по уже установившейся традиции сообщал о результатах своего общения с публикой:

«Некоторые из читателей “Томского вечернего листка” удивляются назначенной подписной годовой плате за “Томский вечерний листок”, несообразной с розничной продажей. И правда, если сравнить годовую плату с розничной, разница получится громадная. Для читателя выгоднее покупать отдельный номер, чем состоять годовым подписчиком, переплачивающим около двух рублей. В чем же заключается такая несообразность?» (Томский вечерний листок. 1906. № 3).

В ответе на этот вопрос издатель-редактор продемонстрировал весьма своеобразное понимание обязательств редакции перед подписчиками:

«Ни для кого не тайна, что в наше время газеты быстро нарождаются и едва ли не быстрее умирают, вследствие гнета военного времени и других условий, неблагоприятных для свободного слова. Чтобы не ставить читателя в положение, невыгодное для него, редакция “Томского вечернего листка” умышленно назначила большую годовую плату в тех расчетах, чтобы не было подписки. С одной стороны, она гарантировала подписчика от риска потратить свои деньги за газету, которая по независящим обстоятельствам могла прекратить свое существование, а с другой – редакция не ставила себя ни в какие обязательства перед постоянными читателями, превращаясь только в летучий листок и рассчитывая лишь на случайных читателей» (Томский вечерний листок. 1906. № 3).

Таким образом, уже на третьем номере стало понятно, что редакция не справляется с ситуацией – читатели выражали недовольство, издавать вечернюю газету оказалось слишком дорого и невыгодно, подписчики не торопились вкладывать деньги в издание. Если посмотреть на содержание «Томского вечернего листка» в целом, можно также констатировать, что газета была достаточно бедной, неинтересной и малоинформативной: главное место здесь занимала местная хроника, фельетоны и реклама, писал в газету в основном сам редактор под псевдонимом «М.С. Кларин», ему в каждом номере принадлежало по несколько материа-

лов. Никаких особенных «прорывов» в области новых рубрик, имен, подходов, аспектов газета не совершила, и самым примечательным в ней в итоге были рассмотренные обращения редактора к читателям.

Не прошло и месяца, как М.С. Попов обратился к губернатору (20 апреля 1906 года) с новой просьбой – «Томский вечерний листок» «переименовать в летучий сатирический листок с названием “Ерш”», а также изменить программу:

«Так, взамен отделов местной и судебной хроники “Томского вечернего листка” я желал бы помещать в “Ерше” стихотворные шутки, пародии из местной жизни, а также и из хроники других городов Сибири» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 194).

Срок выхода Попов решил изменить с еженедельного на 1–2 раза в неделю. Несмотря на то, что в «Томском вечернем листке» иллюстраций в итоге не публиковалось, издатель вновь просил разрешение на помещение теперь в «Ерше» «шаржей и карикатур, преимущественно из сибирской действительности». Подписная цена оставалась на том же уровне, а вот место издания было решено сменить на типографию Перельмана.

О причинах трансформации газеты Попов писал: «по личным соображениям». Тем не менее проанализированный материал позволяет уверенно говорить о том, что здесь сыграли свою роль причины как экономического характера (дороговизна вечернего издания, завышенная цена годовой подписки), так и связанные с направлением газеты. Обличение местных порядков, к которому стремилась редакция, было более безопасным в форме иносказаний, а значит, необходима была смена статуса. Сатирический листок «Ерш» уже не претендовал на вечерний выход (а значит, не должен был быть таким же убыточным, как его предшественник), и мог всецело посвятить себя критике и сатире. Наконец, очевидно желание издателя найти свою аудиторию, поскольку читатель «Томского вечернего листка» не был тем «вдумчивым и серьезным» контингентом, на который рассчитывал Попов.

История обновленного издания началась со схватки с цензурой: первый же номер «Ерша» от 20 мая 1906 года был немедленно за-

прещен томским цензором из-за материала «Сказочка об одном короле и многих подданных» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 202). Томский полицмейстер докладывал, что номер был изъят из продажи в количестве 516 экземпляров (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 203), из чего мы можем сделать вывод о том, что тираж первого выпуска «Ерша» был в любом случае не меньше этой цифры.

Кроме редактора-издателя М.С. Попова, в «Ерше» принял участие многочисленный коллектив авторов: Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин, К.В. Дубровский, П.А. Казанский, В. Курицын, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин. Большинство из них сотрудничали также в других томских изданиях – газете «Сибирская жизнь», сатирических журналах «Осы» и «Бич».

В 1906 году вышло 19 номеров летучего сатирического листка, в 1907 году «Ерш» был объявлен «еженедельным журналом сатиры и юмора», вышло всего три номера. Первоначально «Ерш» выходил в типографии В.М. Перельмана, однако в ноябре 1906 года владелец типографии отказался от печатания издания по «независящим обстоятельствам». Газета была временно приостановлена, издатель подумывал о переводе ее в Ново-Николаевск (см. Сибирская мысль. 1906. № 27). В декабре 1906 года выход был найден – «Ерш» стал печататься в томской типографии «Конкуренция». Но уже 1 марта 1907 года в этой типографии был произведен обыск, весь тираж «Ерша» и шрифты были изъяты, станки опечатаны. Эта информация также была опубликована в газете «Сибирская мысль» (Сибирская мысль. 1907. № 105), благодаря этому мы имеем данные о тираже «Ерша» – он выходил в это время в количестве 118 экземпляров. После трех вышедших номеров «Ерш» был приостановлен «на все время военного положения» за «вредное направление». Непосредственной же причиной гнева томского генерал-губернатора, постановлением которого и был прекращен журнал, явилась статья «Христос на земле», поскольку в ней были «допущены кощунственные суждения, касающиеся основных догматов православной церкви» (Сибирская мысль. 1907. № 117).

Как и «Томский вечерний листок», «Ерш» был нацелен прежде всего на отражение местной жизни. Выборы в Городскую Думу,

создание томских партий, деятельность содержателей местных гостиниц и портреты предприимчивых томичей, томский черносотенный погром 1905 года и литературная борьба сатирических журналов Томска – весь этот местный материал был неисчерпаемым источником вдохновения сатириков «Ерша».

В сохранившихся номерах «Ерша» можно увидеть три логотипа: рисованный – с № 1 1906 года, графический – с № 17 1906 г. и графический с иллюстративными элементами, выполненный с добавлением второго (красного) цвета – в 1907 году. В этом отношении «Ерш» сначала (вслед за «Осами») отказался от излишнего иллюстрирования первой полосы, перейдя на лаконичную графику, но затем усилил визуальную составляющую первой полосы.

На первом логотипе было изображено озеро, на дальнем берегу которого виднелись крошечные деревенские постройки: мельница, церковь, несколько избышек. На поверхности озера плавали кувшинки, а на первом плане крупно была изображена рыба с колючим плавником – ерш. На фоне этой рыбы располагалось название журнала из четырех букв: «Ершь» (см. рис. 9).

Второй логотип (рис. 10) представлял собой четыре буквы, дугообразно расположенные в верхней части первой полосы. Что же касается третьего, цветного логотипа, то он, единственный из всех, был подписан псевдонимом автора «Гонг» (см. рис. 11). На этом логотипе маленький колючий ерш уплывал от клешней шипастого краба; вокруг этих двух фигур были расположены морские звезды, воспринимавшиеся как революционные символы, тем более что они были красного цвета.

В качестве редакционной статьи первого номера выступала публикация «Ерш-задира» М.С. Кларина. В ней он давал аллегорическую характеристику ерша-рыбы:

«Ерш – рыба малая, некрасивая, но вкусная. Живет в проточных реках, а не в стоячей воде, избегает болот и тины и свободно плавает в речной глубли, не боясь зубастых щук и прожорливых окуней. <...> К пчелам относится сочувственно за их трудолюбие и терпение» (Ерш. 1906. № 1).

Рис. 9. Первый логотип сатирического журнала «Ерш» (с № 1 1906 г.)

Рис. 10. Графический логотип сатирического журнала «Ерш» (с № 17 1906 г.)

Рис. 11. Цветной авторский логотип сатирического журнала «Ерш» (1907 г.)

Большое место в описании героя статьи занимала характеристика его политических взглядов. М.С. Кларин обращал внимание на следующие моменты:

«Ерш-задира не принадлежит ни к каким политическим партиям. Он презрительно лавирует между брюхом толстого откормленного буржуя-окуня и широко раскрытой пастью противной щуки. <...> Он – прогрессист. К сильным рыбам чувствует глубокую ненависть. Рыб-генералов совсем не признает. <...> Свободу считает единственным благом и ведет широкую пропаганду среди идеалистов-карасей, добродушных чебаков и смиренной сороги. Даже рыбье офицерство прислушивается к его смелым речам о том, что вода принадлежит вообще всем рыбам, которые и должны сами устраивать свою общественную и государственную жизнь» (Ерш. 1906. № 1).

М.С. Кларин использовал в своей статье традиционные сатирические методы, вызывающие в памяти читателя знаменитые «сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, особенно «Премудрого пескаря». С их помощью журналист дал читателям возможность оценить позицию нового издания как беспартийного органа печати, который сочувственно относится к рабочему классу (образ пчел как рабочих, четко выстроенный Д.И. Писаревым в его знаменитом памфлете 1860-х годов «Пчелы») и готов к борьбе за политическую свободу. Это свидетельствует о том, что трансформация вечерней газеты в сатирическое издание предоставило журналистам большую свободу в выражении своих политических взглядов и предпочтений, в определенном смысле облегчило диалог журналистов и аудитории.

Сквозной образ «Ерша-задиры» внутренне организовывал пространство журнала. В номерах 5 и 12 были опубликованы стихотворения «Из песен «Ерша», в которых проводилась мысль отстаивания своих убеждений, верности идеям в самых неблагоприятных обстоятельствах, необходимости революционной борьбы:

«Пусть шипят ненавистные гады,
Пусть сползаются в кучи кольцом, –
Не отнять им добытой отрады
Ни секирой, ни острым мечом» (Ерш. 1906. № 5).

В целом политическая ориентация «Ерша» была довольно расплывчатой: в журнале встречаются сатирические высказывания по поводу:

– томских кадетов (см. напр. рис. 12 – карикатуры на первых страницах «Ерша» в № 2 1906 года);

– октябристской газеты «Время» (Ерш. 1906. № 7 – «Действие происходит в редакции газеты «Время»; 1906, № 10 – «На местные темы»);

– социал-демократов (Ерш. 1906, № 2 – «Молитва эс-дека», 1906, № 13 – «Мать социал-демократки»), а также эсеров (Ерш. 1906, № 2 – «Эпитафия»). Это позволяет согласиться с исследователем сатирической журналистики периода Первой русской революции А.А. Ниновым, который писал, что «попытка провести прямую аналогию между политическими направлениями и направлениями сатирических изданий <...> искусственна и не отвечает реальному положению вещей. При всей пестроте политических оттенков, русская сатира 1905–1907 гг. не знала слишком строгой и жесткой дифференциации. Вызванная к жизни подъемом русского движения, она в массе своей воодушевлялась общедемократическими требованиями и идеалами, объединявшими разные политические силы»¹⁰⁰.

Тем не менее «Ерш» не останавливался на изображении «пороков вообще», он всегда пытался определить виновника происходящих событий. Так, в материале «Вместо передовой» (Ерш. 1906. № 7), описывая анекдотический случай с подменой ценной рыбы, осетра, на дешевого ерша для приготовления ухи для солдат (осетра тем временем приготовили для офицеров), журналист приводит фамилии конкретных людей, ответственных за снабжение «низших чинов», опирается на реальные жизненные факты. Но при этом основные причины происходящего он видит в самом социальном строе, при котором «вышестоящие» могут оставаться безнаказанными в любых ситуациях, и не только той, которая описана в публикации.

¹⁰⁰ Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов ... Л., 1969. С. 24–25.

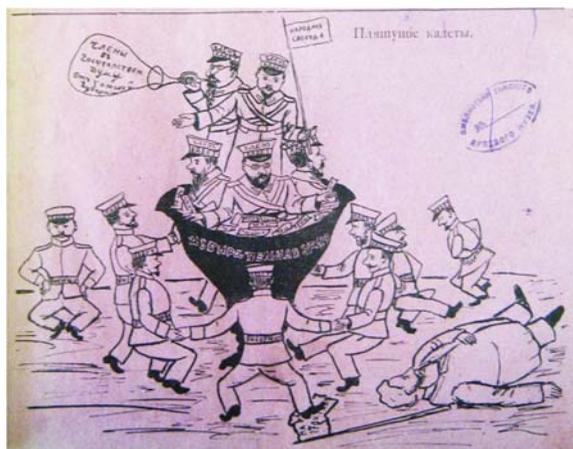

Рис. 12. «Пляшущие кадеты»: иллюстрация на обложке сатирического журнала «Ерш» (№ 2 за 1906 г.)

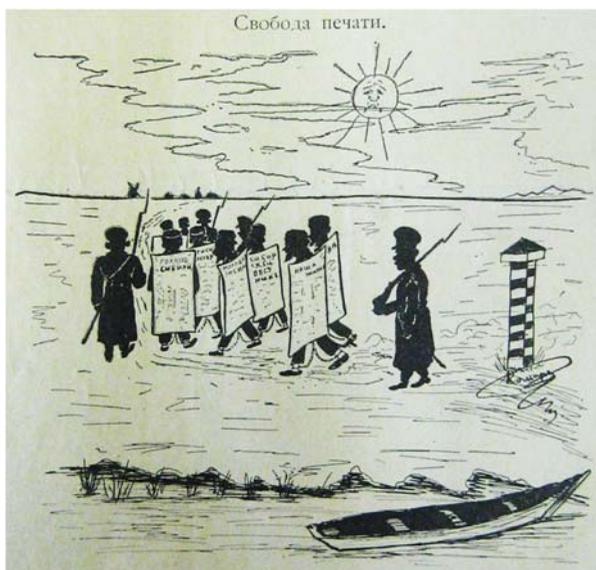

Рис. 13. «Свобода печати»: карикатура в сатирическом журнале «Ерш» (№ 7 за 1906 г.)

В «Ерше» не было четкой структуры, из постоянных разделов можно выделить «Что делают в провинции?», «Правда ли?», «Почта «Ерша», «Мелочи, «Эпиграммы», однако и они встречались не в каждом номере. Но Попову удалось ввести иллюстрации в структуру «Ерша», что было значительным достижением по сравнению с «Томским вечерним листком» (рис. 13).

Попов активно использовал стихотворные жанры, пародии, анекдоты, публиковал карикатуры и т.д. В «Опыте словаря социальных положений» (Ерш. 1906. № 4, 5) этот жанр использовался для характеристики вредных общественных явлений, для политической полемики.

«Ерш» вобрал в себя традиции всего богатого сатирического наследия XVIII–XIX веков. Здесь можно проследить и мотивы курочкинской «Искры» (особенно это заметно на уровне псевдонимов – подобно «Гейне из Тамбова» в «Ерше» появляется свой «Гейне из Уржатки»), увидеть отсылку к добролюбовским «Пчелам»; отчетливо заметны щедринские традиции в характеристиках действующих лиц, в описании ситуаций, в конструировании развернутых аллегорий (русское общество как «рыбье царство») и т.д. Тем не менее основной подход к формированию внутреннего пространства журнала, «одушевление» его берет начало именно с новиковского «Трутня». Насколько сознательным было обращение Попова к наследию Новикова, сказать в настоящий момент нельзя; однако обращает на себя внимание тот факт, что сам тип подобного издания был актуализирован в кризисной ситуации, когда происходило формирование свободы слова. И во времена Екатерины II, и в период Первой русской революции общество требовало открытого обсуждения возникающих проблем, выяснения «лиц», виновных в определенных ситуациях, но сталкивалось с цензурой, запретами, требованиями «улыбательной» сатиры. Журналы, говорящие со своим читателем «эзоповым языком», пользовались в этой ситуации большей свободой, чем общественно-политические издания, и потому были востребованы и авторами, и аудиторией.

Особый интерес представляют объявления, публикуемые в этом издании, так как они служат для исследователей информационным

источником о литературной деятельности сотрудников «Ерша». На протяжении практически всего 1906 года в «сатирическом листке» публиковалась следующая реклама:

Издания М.С. Кларина:

«Тетушка Конституция» – 8 к.

«Утро тетушки Конституции» – 8 к.

«Абрашка» – 10 к.

«Тетушка Конституция сбежала» – 8 к.

Продаются в магазинах П.И. Макушина, В.А. Феофанова, в kiosках и у автора. Кондратьевская ул., д. 25» (Ерш. 1906. № 1).

Кроме того, в отделе рекламы постоянно размещалась реклама газеты «Сибирская жизнь», что также не было случайностью: сам М.С. Попов был сотрудником этой газеты (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 190.), в ней участвовали и другие авторы «Ерша».

Сопоставляя «Томский вечерний листок» и «Ерш», необходимо отметить, что на первый взгляд сходства между ними практически нет: первая газета была общественно-политического характера, вторая, безусловно, принадлежала к типу иллюстрированных сатирических изданий. Однако, несмотря на эти различия, между «Томским вечерним листком» и «Ершом» существовало много общего, что позволяет говорить о преемственности изданий: акцент на освещении преимущественно местной жизни, стремление к разговору с читателем, «обличительное» радикальное направление. В то же время несомненна эволюция – и в плане изменения типологического статуса от вечерней газеты к сатирическому листку, а затем к сатирическому журналу, и в усилении сатирической направленности, что привело в итоге к закрытию издания; можно отметить также увеличение численности авторского состава, расширение жанровой палитры и т.д. Смена типологического статуса издания действительно помогла привлечь внимание читателей, а также позволила авторам более свободно высказывать свои мысли в период общественных потрясений. Во время Первой русской революции 1906–1907 годов издатель «Томского вечернего листка», а затем «Ерша», как и журналисты других российских провинциальных изданий, стремился к реализации объявленной

«свободы слова», расширению читательской аудитории, что приводило к поискам наилучшей типологической модели и изменению существующих типов изданий.

«Бубенцы»: сатирическое приложение к журналу «Сибирские отголоски»

Сатирический журнал «Бубенцы», в отличие от всех остальных томских сатирических изданий, не имел статуса отдельного органа печати: это был «сатирический и карикатурный отдел» журнала «Сибирские отголоски» (трансформированного из журнала «Сибирский наблюдатель»), а затем газеты «Сибирские отголоски».

Издателем всех этих органов печати был В.А. Долгоруков – бывший князь, представитель известного русского рода Долгоруковых, который за уголовные преступления был лишен по суду княжеского сана и сослан в Сибирь, в Томск в конце 1870-х годов¹⁰¹. В 1893 году Долгоруков был амнистирован и получил право вернуться в столицу, но он остался в Томске до конца своих дней: здесь бывший преступник нашел свое истинное призвание – он стал активным участником местных газет, издателем периодических изданий, обнаружил в себе поэтический дар. В Томске Долгоруков издавал «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России» (1895–1899), «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1898–1900), затем журнал «Сибирский наблюдатель» (1901–1905), журнал «Сибирские отголоски» (1905–1907), газету «Сибирские отголоски» (1907–1910).

В «Путеводителе», «Дорожнике» и «Сибирском наблюдателе» не было специального сатирического раздела. Однако в 1906 году в «Сибирском наблюдателе» изредка стали появляться сатирические стихотворения в отделах «Для досуга» и «Смесь». В качестве

¹⁰¹ О нем. см. подробнее: Всеволод Алексеевич Долгоруков : сб. материалов / Томская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина; сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск : Ветер, 2013. 239 с.

примера можно привести следующий текст, принадлежащий самому редактору В.А. Долгорукову, пишущему под псевдонимом «Гаврила Томский»:

«За свободу гонялись
И свободы мы желали,
Но свободы не дождались
И вновь в клетку мы попали.
И крепки ее запоры:
Охраняют их исправно.
Но зато – ликуют воры
И нас, граждан, грабят славно» (Сибирский наблюдатель. 1906.

№ 1).

Стихотворение свидетельствовало о том, что размышления о свободе во время Первой русской революции 1905–1907 годов проникали даже на страницы изданий, явно не демонстрирующих свои политические пристрастия, какими были издания Долгорукова.

Во время общественных перемен увеличилась потребность в более оперативном освещении событий, потребность в политической сатире, которую уловил Долгоруков. Впрочем, возможно, что ему помог осознать новые тенденции его сотрудник В.П. Булыгин – известный томский фельетонист, выпустивший в 1905 году бесцензурный сатирический журнал «И смех, и горе». А может быть, это было совместное решение редакции. Как бы то ни было, в январе 1906 года томскому генерал-губернатору поступило «Прошение» от «частного поверенного при Томском окружном суде Всеволода Алексеевича Долгорукова, живущего 3 уч. г. Томска по Воскресенской ул., д. 5». Долгоруков просил:

«разрешить издавать мне в Томске иллюстрированный листок общественной, политической и литературной жизни под заглавием “Колокольцы” с правом выпуска этого издания в свет в количестве от трех до пяти раз в месяц.

Цена изданию в год 3 рубля, для иногородних 4 руб.

Звание ответственного редактора по этому изданию принимает на себя коллежский регистратор Владимир Павлович Булыгин <...>

Газета печататься будет в Томске в типографии Н.И. Орловой.

Программа издания:

- 1) Правительство распоряжения.
- 2) Жизнь Сибири (корреспонденции из разных городов Сибири, перепечатки из разных газет и проч.).
- 3) Обзорение русской жизни.
- 4) Обзорение жизни за границей.
- 5) Фельетон (романы, повести, рассказы, стихотворения и проч.).
- 6) Театральная хроника. Судебная хроника.
- 7) Всякого рода рисунки, гравюры, эстампы и т.д.
- 8) Объявления» (ГАТО. Ф.3. Оп. 12. Д. 693. Л. 85).

В этом «Прошении» обращало на себя внимание несколько моментов. Во-первых, название «Колокольцы»: сразу вспоминается, что сатирический отдел «Сибирских отголосков» назывался «Бубенцы», т.е. у Долгорукова было желание отразить в названии что-то звенящее, но не колючее (как например, в журнале «Ерш») или жалящее («Оса»).

Во-вторых, из архивного дела можно было узнать о том, что у Долгорукова была договоренность о редактировании нового проекта В.П. Булыгиным – почему и рассматривается вероятность того, что проект «Колокольцев» был подсказан им Долгорукову.

В-третьих, в проектируемых «Колокольцах» было место разделу «Фельетон», но сатирические жанры в нем не указывались.

Наконец, в архивном деле, в седьмом пункте программы, в первоначальном варианте вместо слов «всякого рода рисунки» было написано «карикатуры». Затем это слово было вычеркнуто, а сверху подписано «всякого рода рисунки». То есть изначально Долгоруков рассчитывал на помещение в «Колокольцах» карикатур, вполне возможно – в разделе фельетона.

Однако буквально через неделю планы Долгорукова изменились. Первое прошение было подано 20 января, а 28 января этого же года Долгоруков снова писал на имя начальника губернии:

«В дополнении к прошению, поданному мной о разрешении издания журнала “Колокольцы”, имею честь заявить, что я, вместо “Колокольцев”, желаю дать название журналу “Сибирские отго-

лоски”, выпуская его в свет по той же программе, которая мною была представлена Вашему Превосходительству, за исключением того, что, вместо помещения исключительно карикатур, – я прошу о разрешении помещать всякого рода рисунки.

“Сибирские отголоски”, как иллюстрированный журнал, будут выходить вместо разрешенного мне господином министром внутренних дел под моим редакторством повременного издания “Сибирский наблюдатель”.

Обязанности редактора буду по-прежнему исполнять я сам. Печататься журнал будет, как и “Сибирский наблюдатель”, в типографии П. Макушина, а не Орловой» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 87).

Таким образом, вместо «Колокольцев» увидел свет журнал «Сибирские отголоски», редактором В.П. Булыгин не стал. Долгоруков не стал менять прежнюю типографию, и отнюдь не настаивал на помещении карикатур в журнале – из первоначальных планов осталась только программа издания. Тем не менее раздел фельетона в журнале «Сибирские отголоски» был, и он легко трансформировался сначала в «отдел юмористики», а затем в сатирический отдел журнала под названием «Бубенцы» – без отдельных прошений на имя губернатора. Поэтому в цензурных делах отразились только сюжеты, связанные с основанием и трансформациями «Сибирских отголосков», а не с его отделом «Бубенцы».

«Бубенцы» именовались «сатирически-карикатурным листком», Долгоруков считал их непериодическим приложением к «Сибирским отголоскам», о чем уведомлял читателей в сообщении о подписке на газету. В объявлении о подписке на 1908 год указывалось, что «в виде премии к газете в течение года будет дано бесплатно господам подписчикам несколько приложений, состоящих из номеров сатирически-карикатурного листка, под названием “Бубенцы”» (СО. 1907. № 90). В аналогичных объявлениях о подписке на 1909 и 1910 годы речь уже не шла о «премиях»: Долгоруков писал, что к газете будет «время от времени» прилагаться сатирически-карикатурный листок «Бубенцы».

Необходимо отметить, что только малая часть сатирических материалов «Сибирских отголосков» выделялась в «Бубенцы». В самой газете постоянно велись отделы «Юмористика», «Искорки», «Маленький фельетон», в которых участвовали известные томские фельетонисты, поэты, писатели: К. Порфирьев (псевдоним «Премудрая крыса Онуфрий»), Г. Вяткин, Е. Бахарев, М. Попов (псевдоним «М.С. Кларин»), В. Курицын, а также сам редактор-издатель В. Долгоруков и несостоявшийся редактор «Сибирских отголосков» В.П. Булыгин.

Политическое направление «Сибирских отголосков» можно определить как умеренное, близкое к кадетскому. Дореволюционный исследователь томской журналистики В. Крутовский считал Долгорукова человеком «менее всего интересовавшимся политикой», а редакцию «Сибирских отголосков» называл «тишайшей» и «удивительно наивной и невинной в политических вопросах», приводя в пример отрывки из передовых статей газеты за март и апрель 1906 года, в которых редакция призывала «забыть всякую рознь, всякое недоброжелательство друг к другу» и превозносила «великое Царское Слово, манифест 17 октября»¹⁰².

Причину неуспеха «Сибирских отголосков» Крутовский видел в том, что «В.А. Долгорукову нечего было сказать сибирскому обществу, немудрено, если последнее осталось безучастно глухим ко всем его попыткам издательства. Все же с уверенностью можно сказать: обычно В.А. Долгоруков, как издатель-редактор, умел избегать всего того, что могло быть истолковано как некрасивый поступок в той сфере деятельности, где, особенно за последние годы, нередко бывали падения. Исключением явилось печатание им серии типично бульварных романов-фельетонов. До В.А. Долгорукова сибирская пресса была чужда подобной пошлости»¹⁰³.

В отчете Павла Виноградова, инспектора по делам печати в г. Томске, давалась следующая характеристика «Сибирских отголосков»: «Газета откликнулась на вожделения прогрессивной

¹⁰² Крутовский В. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 302.

¹⁰³ Там же. С. 303.

партии, не вдаваясь в крайности. Оригинальных передовых статей было мало. В рубрике фельетона довольно много места занимал роман из местной жизни с революционным пошибом: “В зареве пожара”. Газета печаталась всегда в количестве 1 200 экз., из которых часто $\frac{1}{4}$ оставалась в типографии. Материальное положение “Сибирских отголосков” плохое: редактор из своего кармана покрывал дефицит по изданию газеты, а дефицит за год простирался свыше 3 000 руб.» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182).

Сам Долгоруков считал направление газеты «прогрессивным», и подчеркивал, что «Сибирские отголоски» выходят, «не принадлежа в узком смысле ни к одной из политических партий и стоя в некотором роде особняком» (СО. 1908. № 41). В полном согласии с политикой «основного издания» выходило и его приложение «Бубенцы».

Существуют определенные трудности с подсчетом точного количества вышедших номеров «Бубенцов». Дело в том, что на титуле «сатирически-карикатурного листка» указывался только номер, однако не печатались ни дата выхода, ни даже год издания. Номер же означал, судя по сохранившимся данным, тот номер «Сибирских отголосков», приложением к которому служили очередные «Бубенцы». Именно поэтому нумерация сохранившихся «Бубенцов» (вышедших в виде приложений) выглядит следующим образом: № 1, 4, 7, 10, 13, 16, 18, 20 и т.д.

О загадочной судьбе одного из номеров «Бубенцов» мы знаем из объявления «Сибирских отголосков»:

«Приложение к № 18 “Сибирских отголосков” – “Бубенцы”, сатирический карикатурный отдел, – не мог быть разослан городским подписчикам, так как приготовленные для рассылки им 300 номеров были похищены из типографии. Туда, после окончания уже работ, пришел какой-то мальчик и, заявив, что он послан из редакции для получения этих остальных номеров, получил их. Из редакции же никого за этими остальными номерами не посылали. Эта проделка неизвестного маленького “артиста” была обнаружена только во вторник 11 июля, когда предполагалось начать рассылку “Бубенцов” городским подписчикам и было послано за ними в типогра-

фию. Ранее же полученные из типографии экземпляры были уже все распроданы в воскресенье понедельник (10 и 11 июля).

Следующий № 20 будет исключительно сатирически-карикатурный. Продолжение рассказа “Вне мира” И. Тихова появится в № 21» (Сибирские отголоски. № 19).

Судя по тому, что № 18 в списке номеров «Бубенцов» присутствует, вероятно, неизвестному «фанату» журнала не удалось украсть весь тираж.

Атрибуция «Бубенцов» в Государственной публичной исторической библиотеке России (г. Москва) проведена так:

Бубенцы: Сатирическо-карикатурный отдел «Сибирских отголосков»; в 1907 – Сатирический и карикатурный отдел... Прилож. к журн.-газ. «Сибирские отголоски». Томск. 1906–1909. 1–2 раза в мес.; с 1907 неопред. Ред.-изд. В.А. Долгоруков. 31 см., 4–8 с. Илл.

[1906] № 16 [июнь] всего вышло 10 вып.

[1907] № 1 [янв.] – № 40 [авг.] 18 вып.

1908 24-VII, 7-IX 2 вып.

1909 28-VIII 1 вып.

Кроме того, в 1908–1909 годах нерегулярно «Бубенцы» печатались на страницах газ. «Сибирские отголоски». В 1907 году до № 18 (8-VII) нумерация «Бубенцов» чередовалась с нумерацией журн. «Сибирские отголоски», а с № 18, после преобразования «Сиб. отгол.» в газету, – выходили под одним номером с газетой. (<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15627>)

Однако почему сотрудники библиотеки распределили номера именно таким образом, не поясняется.

Поскольку нумерация «Бубенцов» была не последовательная, но хотя бы сплошная (т.е. не сохранилось, скажем, двух разных номеров под № 1 или двух № 4 за 1906 и 1907 годы), то можно сделать вывод, что вышло всего 18 номеров за 1906–1907 годы (№ 1, 4, 7, 10, 13, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40). Кроме этого, сохранился один выпуск «Бубенцов» газетного формата, на котором было указана дата выхода: 24 июля 1908 года. О его выходе газета писала в № 124 за 1908 год, из чего можно

сделать вывод, что этот номер был приложением к № 125 «Сибирских отголосков» 1908 года.

В № 139 от 19 августа 1908 года «Бубенцы» вышли не в качестве приложения, а в составе самой газеты, как ее сатирический отдел.

Также в № 149 газета сообщала:

«К настоящему номеру прилагается сатирически-карикатурный листок “Бубенцы”. Следующий номер выйдет 10 сентября» (СО. 1908. № 149).

Этот листок не сохранился, но его также можно включить в список вышедших номеров «Бубенцов».

В 1909 и 1910 годах в «Сибирских отголосках» нет ни объявлений о выходе отдельных номеров «Бубенцов», ни включения их в структуру газеты как отдельной рубрики. Несмотря на это, в объявлениях о подписке сохранялась строчка о том, что «время от времени» «Бубенцы» будут издаваться.

На настоящем этапе можно констатировать, что «сатирически-карикатурный листок» «Бубенцы» регулярно издавался в 1906–1907 годах (вышло 18 номеров), 3 единичных выпуска «Бубенцов» были изданы в 1908 году; всего современные исследователи предполагают 21 номером «Бубенцов» за 1906–1908 годы.

В первых номерах «Бубенцов» размещался рисованный логотип: на нем была изображена тройка лошадей, впряженных в повозку. Ею управлял молодой ямщик с кнутом в руке, взвившимся над лошадьми. Тройка мчалась по дороге вдоль поля, на котором колосились злаки, вдали виднелись кусты, а из-за горизонта восходило солнце. На фоне этого рисунка располагались рисованные буквы, составляющие название журнала – «Бубенцы» (причем буква «н» была написана латиницей – «N»). Ниже было подписано: «сатирически-карикатурный отдел “Сиб. Отг.”» (см. рис. 14).

По-видимому, читатель сразу должен был вспомнить знаменитую гоголевскую тройку и воскликнуть про себя: «Эх, тройка! Птица-тройка, кто тебя выдумал?». Становилось также понятно, откуда взялись «бубенцы» – они звенят на шеях лошадей, несущих

щихся вдаль; это отзвуки событий, происходящих в устремившейся в неизвестность России периода Первой русской революции.

Рис. 14. Первый логотип сатирического отдела «Сибирских отголосков» «Бубенцы» (1906 год)

Этот логотип был изменен в № 18: теперь он представлял собой сложный рисунок, на котором с двух сторон к центру тянули знамена, на складках которых были написаны буквы «Б», «У», «Б», «Н», «Ц», «Ы». Буква же «Е» в середине была нарисована отдельно, и на ней сверху красовалась декоративная елочка. Вся композиция располагалась на фоне восходящего солнца (см. рис. 15).

Третий логотип «Бубенцов» появился в 1908 году: это была графика, стилизованная под «мазки кистью», без иллюстративных элементов.

Такие трансформации были связаны со стремлением повысить узнаваемость журнала: у нескольких сатирических томских журналов первоначально были рисованные логотипы, и «Бубенцы» не особо выделялось на общем фоне. Однако следующим шагом был не переход к графике, а попытка усложнения логотипа, введение в него «загадочных символов», которые с трудом расшифровывались читателями. Поэтому понадобился еще один этап – переход к хорошо читаемой графике, привлекающей внимание и информативной.

На фоне других томских сатирических журналов «Бубенцы» оставляли ощущение издания бесцветного и малоинтересного. Это удивительное явление, ведь авторский состав «Бубенцов» во многом совпадал с другими журналами. Здесь публиковались В. Долгоруков («Гаврила Томский»), К. Порфирьев («Премудрая крыса Онуфрий»), М. Попов (псевдоним «М.С. Кларин»), В. Курицын («Дон Валентино»), Г. Вяткин, Е. Бахарев, В.П. Булыгин и другие томские сатирики, писатели, поэты.

Рис. 15. Второй логотип «Бубенцов» (с № 18 за 1906 год)

Рис. 16. Логотип «Бубенцов» 1908 года

Похож был и тематический спектр материалов: журнал Долгорукова писал о черносотенцах и о выборах в Думу, критиковал городские и губернские власти, настаивал на свободе слова и т.д.

Сатирики подчеркивали такие вызывавшие общественное осуждение черты черносотенного движения, как его «воинствующую»

ций консерватизм), агрессивность и зверства во время черносотенных погромов и т.д.

Так, в одном из диалогов агрессивность дворника объяснялась его черносотенным «семейным диагнозом»:

«Отчего это у вашего дворника такая зверская физиономия?»

– Не знаю. Но его брат состоит членом “истинно русских людей”» (Бубенцы. 1906. № 7).

В материале под названием «Неразрешимые задачи, пословицы, изречения и проч.» (автор А. Кочующий) одной из таких «неразрешимых задач» было: «Истребить черносотенный дух в нашей городской управе» (Бубенцы. 1906. № 10), т.е. избавить ее от «воинствующего консерватизм».

Критику черносотенцев можно было увидеть и в карикатурах «Бубенцов». Характерным примером была карикатура в № 4, изображавшая дюжего мужчину с огромной дубиной в руках, она была подписана «Тип “истинно” русского».

Политическая тематика также включала в себя тему выборов разного уровня: в Первую государственную думу, в местные органы власти и т.д. Журнал иронически относился к предвыборной агитации, считал деятельность Думы не особо влияющей на политическую жизнь страны. Так, например, в «сценке с натуры» под названием «Поучительная картинка» (автор К. Порфирьев) описывалась сцена партийной агитации от оратора, который «сам пять раз в тюрьме сидел, все их художества узнал! Уж мне поверить можно!» (Бубенцы. 1906. № 10).

В материалах К. Порфирьева «Первые шаги Думы (Фантазия)» (Бубенцы. 1906. № 13), «Премудрой крысы Онуфрия» «Шумная Дума» (Бубенцы. 1906. № 13) и ряде других заседания Думы описывались как малоинформативные, «шумные», не имеющие особого смысла. Эта же мысль прослеживалась в иллюстративном ряде. В одной из карикатур Августова, к примеру, был изображен мужик, который приложил руку к уху и слушает птичку в клетке. На клетке надпись: «Государственная Дума». Карикатура была подписана: «Хоть и мала, а поет славно» (Бубенцы. 1906. № 13).

Темой многих карикатур служила деятельность томской городской управы и думы, они нередко изображались в виде толстых женщин, как, например, на карикатуре в № 10 за 1906 год. На платье изображенной здесь толстушки было написано «Томская управа», а подпись под карикатурой «озвучивала» мысли управы:

«— Замучилась я: то голова больная, то хворая. Больная в отпуск ездила, а хворая — на людей кидалась» (Бубенцы. 1906. № 10) (рис. 17).

Рис. 17. «Томская управа»: карикатура в сатирически-карикатурном отделе «Сибирских отголосков» «Бубенцы (№ 10 за 1906 г.)

Главное политическое событие страны — Первая русская революция — отражалось во многих материалах «Бубенцов».

Чаще всего это была констатация реакции обывателей на революционные потрясения. Так, например, в стихотворении «На военном положении» (автор «Скептик») на все вопросы о свободе, о казнях, обо всем происходящем рефреном звучало одно:

«Я не знаю ничего:

Я, брат, знаю положение» (Бубенцы. 1906. № 7).

Отличительной чертой «Бубенцов» была постоянная, из номера в номер, «бытописательская» городская тема. Сатирики описывали Томск как город грязный, наводненный криминалом, пораженный болезнями и т.д. Чаще всего эта тема была представлена в стихотворениях, таких как, например, «Времена года в Томске» (автор «Иван Лучина»). Описывая смену сезонов в городе, в каждом из них сатирик находил свои недостатки:

Весной – «Снег растаял, сразу грязь»;

Летом: «Вонь и пыль и гром колес»;

Осенью: «Помогите! Караул! Тут извозчик утонул!»;

Зимой: «Что ни шаг – ухаб, нырок...» (Бубенцы. 1906. № 4).

Стихотворение «Томск» (автор «Вик. Шуточкин») пародировало известное стихотворение Ф.Н. Глинки «Москва» («Город чудный, город древний...»):

«Город чудный, город древний!

Ты в концы свои вместили

И трактиры, и харчевни,

Хулиганов и громил! <...>

Кто мог, смелый, управленья

И театр с людьми спалить?

Хватит у кого уменья

Магазины разгромить?..<...>

Процветай же славой вечной

Город с умной “головой”!

Град чахотки скоротечной!

Град Сибири коренной! (Бубенцы. 1906. № 4)

В стихотворении также видны отзвуки событий, произошедших в октябре 1905 года, когда во время черносотенного погрома были сожжены здания управления железной дороги и театра Королева, во время пожара погибли сотни людей.

Сатирики часто писали о развлечениях томичей, подчеркивая их грубость, неприязнительность. В традиционном «масленичном» номере в материале «Фельетон» (автор «Гаврила Томский») так описывалось времяпровождение жителей города:

«Проводили в Томске славно

Время карнавала,

Объедались исправно

Все мы до отвала.

Со сметаною блинами

И с икрою – тоже.

Посещали цирк толпами:

Все в нем было – гоже» – и т.д. (Бубенцы. 1906. № 10).

Описание общественной атмосферы в это время можно было найти в разделе «Телеграммы Бубенцов». Основными ее характеристиками были скука, тишина, отсутствие общественной жизни, неблагоустроенность городских улиц:

«Ввиду теплой погоды в городе паника: снег сильно стаял, тротуары размыло, люди то и дело падают на улицах в обмороки. Остальное все по-прежнему. Только после масляной недели многие начали страдать катаром желудка от чрезмерного употребления блинов» (Бубенцы. 1906. № 10).

Сатирики журнала обращали внимание и на самих томичей, старались «классифицировать» их по «типам и типикам», описывали «томские нравы». В продолжающемся цикле стихотворных эпиграмм «Типы» (авторы «Звонкая лютня», «В. Шуточкин») давались, например, определения типов «черносотенцев», «шулеров», «простых конокрадов»:

«Ни либерал, ни бюрократ,

А просто томский конокрад» (Бубенцы. 1906. № 4).

Текстовые материалы о томской жизни перемежались карикатурами на эту же тему: изображались сценки возле тюремных сцен, встречи влюбленных на скамейках, велосипедисты и т.д.

Одной из важных частей томской общественной жизни был театр. Театральной теме в «Бубенцах», как и в других томских изданиях, было отведено немало места, при этом сатирики обращали внимание и на «профессиональный» театр – постановки гастролирующих в Томске трупп, – и на разнообразные любительские постановки. В основном журнал указывал на низкое качество спек-

таклей. Так, например, «Драматическому кружку при Минусинской семинарии» посвящалось следующее двустишие:

«И впрямь мы спятили с ума,

Коль ставим “Горе от ума”» (Бубенцы. 1906. № 4).

«Сквозной» темой, встречающейся практически в каждом номере, была тема железнодорожная. Фельетонисты «Бубнецов» описывали разные «сцены», «происшествия», «случаи» на железной дороге в таких материалах, как:

«Не делится... (сцена на линии железной дороги)» («В. Шуточкин») – (Бубенцы. 1906. № 1);

«Подвел» (истинное железнодорожное происшествие) («Гонг») – (Бубенцы. 1906. № 4);

«Труженики на ст. Краснопыльск» («Анч») – (Бубенцы. 1906. № 4);

«Купальни на ст. Тат-кой с.-ж.-д. (Фактическое происшествие)» («Гонг») – (Бубенцы. 1906. № 7) и др.

Довольно часто журнал обращал внимание на международную политику: в разделе «Телеграммы», в текстовых и иллюстративных материалах, не только отслеживались текущие события, но и давалась их оценка. Так, например, на первой полосе № 7 (1906) была помещена карикатура следующего содержания: корабль мчится по реке по направлению к водопаду, в котором уже крутятся какие-то обломки. За этим зрелищем наблюдают с берега три фигуры, которые пьют какие-то напитки, фотографируют. Фигуры подписаны: «Америка», «Европа», «Азия». Корабль же, по-видимому, изображал революционную Россию, которая на всех парах плывет к своей гибели, и никто из-за границы не предлагает ей никакой помощи.

Так же, как и в других сатирических журналах, в «Бубенцах» активно использовались «перепевы» и литературные реминисценции на известные произведения русской и зарубежной классики. В стихотворении «Кошмар» автор «Скептик» описывал, как к поэту прилетал «буржуя странный, темный дух» и искушал его следующим образом:

«Поэт, отбрось свои мечты:

Ведь в вашем мире суеты

Счастлив лишь тот, кто “греет руки”...

<...>

Средь богатств необозримых

Ходят важно, без стыда,

Буржуа неукротимых

Разжиревшие стада.

Час погромов – час постыдный

Радость им, а не печаль:

Им грядущего не стыдно,

Им прошедшего не жаль»... (Бубенцы. 1906. № 4).

Сатирический эффект создавался за счет «наложения» образа «буржуа» на узнаваемую литературную основу – лермонтовского «Демона», в котором

«Средь полей необозримых

В небе ходят без следа

Облаков неуволнимых

Волокнистые стада.

Час разлуки, час свиданья –

Им ни радость, ни печаль;

Им в грядущем нет желанья

И прошедшего не жаль»...

Читатели, которые помнили строки из стихотворения А.С. Пушкина «Птичка»:

Я стал доступен утешенью;

За что на бога мне роптать,

Когда хоть одному творенью

Я мог свободу даровать! –

могли оценить четверостишие «В. Шуточкина», который в узнаваемую пушкинскую строфу вложил совершенно противоположный смысл. Его герой не даровал свободу, а лишал ее окружающих:

«Я стал доступен утешенью,

Теперь Творца буду хвалить...

Когда хотя одно творенье

Сумел в тюрьму закабалить!» (Бубенцы. 1906. № 4).

Пародийный эффект создавался также от наложения на знаменитую «гомеровскую строфу» мелких городских событий: такой прием использовал автор «Бес» в стихотворении «С древнего (отрывок)»:

«О богиня, воспой ты Порткичина славного сына,

Сына (?), который Дневник издает Ветропыльский» (и т.д.) (Бубенцы. 1906. № 13).

В целом жанровая палитра публикаций в «Бубенцах» была довольно разнообразной. Здесь можно было встретить фельетоны, «диалоги», афоризмы, экспромты, «поговорки», басни и т.д.

К достоинствам «Бубенцов» следует отнести и то, что в нем практически не было «анонимных» карикатур: в основном они были подписаны фамилиями и псевдонимами художников, такими как «Гонг», «Заноза», Августов, «И.С.», «Кеке Ваш» и др.

Однако, несмотря на тематическое и жанровое разнообразие материалов журнала, на наличие карикатур, читатели-современники оценивали «Бубенцы» как издание малоинтересное. Проведенный анализ дает основание утверждать, что ощущение «бесцветности» «Бубенцов» складывалось из трех основных аспектов.

Во-первых, в журнале отсутствовала явно выраженная концепция. В нем не было ни яркой самопрезентации «Ерша», ни «литературоцентричности» «Ос», ни острой политической сатиры «Рабочего юмориста» или «Бича». «Бубенцы» производили впечатление механически собранных разножанровых материалов, хаотически размещенных на страницах журнала.

Вторая особенность «Бубенцов» – отсутствие четкой внутренней структуры издания, и это было связано с первой особенностью журнала. Стихотворения и фельетоны перемежались диалогами и карикатурами без всякой логики, которая хотя бы частично просматривалась в других томских сатирических журналах.

Наконец, третья особенность, снижающая уровень сатиры издания, – это преобладание бытового юмора над политической сатирой. Развлекательному материалу в «Бубенцах» отводилось много места, при этом чаще всего описывались мелкие факты и случаи, городские происшествия, из которых не делалось общих

выводов. «Бубенцы» не вступали в полемику, и это также отражалось на общем направлении журнала, снижало интерес к нему читателей.

«Красный смех»: «потерянный» томский журнал периода Первой русской революции

К одним из «потерянных» сатирических изданий периода Первой русской революции относится журнал «Красный смех», один номер которого вышел в Томске в 1906 году и немедленно был запрещен цензурой.

Основной причиной «потери» томского журнала «Красный смех» является его отсутствие в библиотечных и архивных фондах города Томска. Первый и единственный вышедший номер журнала не упоминался в дореволюционных «списках» сатирических журналов¹⁰⁴, сведения о журнале отсутствуют и в Сибирской советской энциклопедии¹⁰⁵. «Красный смех» был обнаружен в столичных архивах в советский период, с этого времени он отражается в каталогах периодики¹⁰⁶. Однако исследование журнала по-прежнему затруднялось его пребыванием вне Томска: из-за одного номера затевать дорогостоящую командировку, конечно, не имело смысла. Остается открытым вопрос о том, почему к журналу не обращались столичные исследователи, изучающие сатирическую журналистику начала XX века: возможно, он казался малоинтересным и вторичным по сравнению с блестящей санкт-петербургской и московской сатирической журналистикой этого периода.

История «потери и обретения» «Красного смеха» в определенном смысле является довольно обычной для многих изданий пери-

¹⁰⁴ Крутовский В.с. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 279–309; Адрианов А.В. Периодическая печать ... Томск, 1919. С. 13–14.

¹⁰⁵ Дурьлин С., Казаринов П., Киржнецт З. и др. Журналы и временники ... Новосибирск, 1929. Стб. 972.

¹⁰⁶ См.: Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг. ... М., 1980. 136 с.; Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах ... Томск, 1988. 42 с. и др.

ода Первой русской революции. Современные историки журналистики подчеркивают: «На сегодняшний день сатирические журналы 1905–1907 гг. являются библиографической редкостью. Их полного комплекта нет ни в одном из книгохранилищ страны»¹⁰⁷.

Об издании журнала сохранилось крайне мало материалов. В Государственном архиве Томской области сведений о журнале не обнаружено. Что же касается дела о «Красном смехе», хранящемся в Российском государственном историческом архиве, к нему оказался затруднен доступ: обнаружены карточки только старого образца, нужна дальнейшая поисковая работа для работы с делом. В томской периодике сохранилась только информация о запрещении издания. Об этом писала газета «Сибирская мысль» в № 18 от 12 ноября 1906 года (рубрика «Местная жизнь»):

«Закрытие “Красного смеха”. На днях произведен обыск в квартире редактора – издательницы сатирического листка “Красный смех” г-жи Удоновой, причем предосудительного найдено ничего не было. Листок “Красный смех” по распоряжению администрации закрыт на все время военного положения» (Сибирская мысль. 1906. № 18). Именно эта информационная заметка позволяет говорить о том, что «Красный смех» был выпущен не позднее 12 ноября 1906 г., скорее всего, в конце октября – начале ноября 1906 г.

Сохранившийся номер журнала открывался титулом, обозначившим типологическую принадлежность «Красного смеха»: «литературно-сатирический еженедельник». Здесь же был указан год издания – 1906 (однако ни числа, ни месяца не было приведено), порядковый номер выпуска (№ 1), и цена номера – 15 копеек, это была средняя цена для издания такого рода. Ниже по центру полосы помещался рисунок, выполненный в красном цвете (см. рис. 18).

На нем было изображено мужское лицо – возможно, Леонида Андреева, поскольку словосочетание «красный смех» было широко известно в России именно в связи с рассказом писателя, опубликованной еще в 1904 году. Под изображением было опублико-

¹⁰⁷ Цит. по: Лепилкина О.И. Система русской провинциальной ... М., 2010. С. 308.

вано стихотворение под названием «Красный смех» (без подписи), рисующее картину пробуждения в России нового явления – «рокового смеха», «красного рокового смеха». Но если у Л. Андреева «красный смех» был олицетворением военного ужаса, безумия и смерти, то в томском журнале этот образ переосмыслен в более позитивном ключе. Автор стихотворения рисует обстоятельства, при которых начинает звучать этот «роковой смех»:

«Если горе гнетет без пощады людей,
Если ужас холодный рукою своей
Неустанно сжимает людские сердца,
Если смерть сторожит у крыльца
И героев ряды без пощады разит,
И бедой каждый час и минута грозит» (Красный смех. 1906. № 1).

«Красный смех» в новых обстоятельствах «слабым силу дает и на бой беспощадный зовет», он поднимает на бой «всех, кто молод и смел, всех, кто силен душой», и он все сильнее «растет, красным вихрем идет и победную песню поет».

В завершение стихотворения «красный смех» приобретает общероссийский масштаб:

«Этот смех целый год по России гремит
И народа врагов без пощады клеймит;
Скоро вспомнят они в страшный час боевой
Этот смех, красный смех роковой» (Красный смех. 1906. № 1).

Таким образом, «красный смех» в стихотворении являлся метафорой революционного движения, соответствуя социал-демократическому настроению неизвестного автора. Этот мотив подкреплялся рисунком внизу стихотворения – птицей, летящей над морем, возможно буревестником, что вызывало в памяти уже горьковскую «Песню о Буревестнике» (написана в 1901 г.). Созданный «на пересечении» двух эстетических систем известных российских писателей – Леонида Андреева и Максима Горького, – образ «красного смеха» в томском журнале приобретал дополнительный смысловой объем для сибирского читателя, знакомого с первоисточниками.

Рис. 18. Обложка сатирического журнала «Красный смех»

Обращение к методам рецепции было обусловлено, по-видимому, и надеждой на обход цензуры.

Вторая полоса также была отдана под стихотворение: оно называлось «Казнь», было подписано инициалами «В.К.». Произведение описывало сцену расстрела, происходящего утром, на пустыре «спящей столицы». При виде «свежей насыпи» автор задавался вопросом:

«Кого ж в эту яму, в предутренней мгле
Зароют, чью молодость, силу –
Засыплют комками промерзшей земли
И грубо затопчут ногами,
Кому роковое, бездушное “пли”
Последними будут словами?..»

Образ того, кого ведут на казнь, соответствовал представлениям о молодом революционере, отдающем жизнь за свои убеждения. Он рисуется автором с большим сочувствием и симпатией:

«Вот он... Молодой еще, бледен челом...
Рука в перевязке белела...
Как пойманный сокол с разбитым крылом,
Смотрел он сурово и смело...»

Его палачи – подневольные солдаты, они не высказывают радости от того, что им предстоит («угрюмы солдатские лица»), но и не осмеливаются нарушить приказ:

«Отчетливо, громко в солдатских рядах
Команды слова прозвучали,
И брякнули ружья к плечу на прицел,
Томительно миг этот длился...»

В последний момент казненный попытался произнести лозунг, выражающий дорогие для него убеждения, ради которых он идет на смерть, – но выстрел оборвал его слова:

«Он громко воскликнул, спокоен и смел –
“Да здравствует...”»

Залп раскатился» (Красный смех. 1906. № 1).

Характеристика казненного, который смотрит «сурово и смело», не протестует и не сожалеет ни о чем, производит сильное

эмоциональное впечатление. Читателю не сообщалось о том, за что было решено расстрелять молодого человека, но было совершенно очевидно, что это было связано с политикой, с революционной ситуацией, в которую были погружены россияне в 1905–1907 годах.

От событий общероссийского масштаба авторы «Красного смеха» переходили к местной жизни. Событиям, произошедшим в Томске год назад – черносотенному погрому 20–22 октября 1905 года – была посвящена статья «Жертвы 20-го октября», также принадлежащая автору «В.К.». К ней был предпослан эпиграф из книги «История Парижской Коммуны» французского политического деятеля, публициста и писателя Артура Арну: «Шапки долой! – мы будем говорить о мертвецах коммуны!».

Статья томского публициста и по сути, и текстологически перекликалась с произведением Арну: если французский писатель вспоминал о «мучениках коммуны», то «В.К.» – о тех, кто погиб во время черносотенного погрома 1905 года, о «жертвах 20-го октября». Вслед за Арну «В.К.» вопрошал: «...Сколько их было?!», предлагая спросить об этом – «у безвестных братских могил», или у «мрачных полуразрушенных стен сгоревших зданий, стен, на которых еще сохранились следы ружейных пуль», и т.д. «В.К.» рисовал трагические сцены гибели людей в огне (во время погрома было подожжено здание, в котором находились люди, многие из них сгорели заживо), от рук «озверелой толпы», от «ружейной пули».

Отдельные строки были посвящены «светлому образу одного юноши», имя которого осталось неизвестным. Он не мог помочь своим товарищам, но смог «разделить их участь»: крикнул в толпе «Долой палачей! Да здравствует...», после чего был растерзан на месте. В заключение автор выражал уверенность в том, что память об этих жертвах будет жить долгие годы, к ним будут относиться как к святыне, поскольку в могилах «спит беззаветная любовь к ближнему» и «непобедимое мужество» (Красный смех. 1906. № 1).

Следующее стихотворение «Памяти жертв (20 октября 1905 года)» продолжало прежнюю тему. Оно принадлежало автору, обозначенному инициалами «П.К.» (под ними скрывался журналист

П.А. Казанский). Произведение начиналось строками из знаменитого похоронного марша русского революционного движения: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Но далее текст относился уже к томским событиям, поскольку автор с сочувствием писал:

«Толпе вы забавой служили,
В жестокой, кровавой расправе зверей
Вы головы ваши сложили».

Погром в стихотворении характеризуется как «безумная, страшная казнь», которая затмила собой свободу. Основные идеи перекликались с предыдущим прозаическим текстом: здесь осуждалась «безумная толпа», описывались ужасные обстоятельства гибели людей («свириное пламя пылало», «стлался клубами зловещими дым» и т.д.), выражалась уверенность в том, что «в душу людей / Предсмертные стоны запали». Это произведение также заканчивалось выражением надежды на то, что в будущем этот день не будет забыт:

«Настанет пора, и проснется народ
И к жизни и мести воспрянет,
И, сбросив тяжелый, мучительный гнет,
С любовью погибших помянет» (Красный смех. 1906. № 1).

Завершало комплекс материалов, посвященных черносотенному погрому, стихотворение «Плач о губернаторе» с подзаголовком «Воспоминание о 20-м октября», автор «J.X.». В нем перечислялись представители томской власти (квартильный, казак), а также «представитель сотни черной / Здоровенный хулиган», которые оплакивали своего «благодетеля», бывшего томского губернатора Азанчевского-Азанчеева (общество винило его в потворстве черносотенцам, что и привело к трагическому исходу):

«Горько плачет Вахрамеев:
“Ох, беда моя, беда!
Азанчевский-Азанчеев
Закатился навсегда!
Где ты, где, дружок-приятель,
В чужедальной стороне?..
Пожалей меня, создатель,

И верни его ко мне...» (и т.д.) (Красный смех. 1906. № 1).

Кроме воспоминаний об октябрьских событиях 1905 г., в журнале «Красный смех» разрабатывались темы столичной – министерской и думской – жизни, местной политики, крестьянский вопрос.

Одним из самых объемных материалов выпуска стала «фантазия» К. Порфирьева под названием «Орудие твердой власти». Это рассказ о приобретении министром народного просвещения фантастического прибора, позволяющего читать мысли, и его неудачной «апробации» на заседании совета министров: в любом российском городе, как неожиданно для себя выяснили министры, им слышались «голоса то негодующие, то злорадствующие, то озлобленные, то торжествующие... и ни одного голоса искреннего сочувствия!». Не оправдал надежд даже господин Грингмут: «почтенный публицист был в эту минуту занят расчетом, какую субсидию дадут ему либералы за поддержку их министерства, если оно возникнет». Итогом эксперимента стало всеобщее разочарование, отставка и отъезд всего кабинета министров в полном составе за границу.

Тематически к «фантазии» примыкала зарисовка «Интересное медицинское открытие», повествующая об обнаружении у К.П. Победоносцева своеобразной болезни, причем она «поражает, по-видимому, исключительно высших сановников государства». Автором описываются такие симптомы, как «легкая степень мании преследования», «потеря сна и аппетита», а также возникновение «галлюцинаций, во время которых больному мерещатся разнообразные предметы без всякой видимой связи, как-то: апельсины, браунинги, фонарные столбы и т.п.». Лекарством же, как и в предыдущем случае, являлось открытое чиновниками универсальное средство от всех неприятностей российской жизни: «выезд заболевшего за границу». Возможно, это был намек на участвовавшие заграничные командировки представителей российской власти, которые оценивались обывателями как стремление «отдохнуть» от своих обязанностей по отношению к родному отечеству.

Сатирическое описание Думы содержалось также в небольшом стихотворении «Из восточных разговоров» (подписано «Шурум Бурум»), в котором герой, объясняя, что такое Дума, отсылал собеседника к зарубежному опыту:

«А парламынт ты видал

За границым тоже?..

Ну, так Дума на него

Совсым ны похожа!» (Красный смех. 1906. № 1).

По сравнению с фантастическими зарисовками жизни высших сановников и думцев, написанных с большим юмором, резким контрастом выглядело стихотворение «Песнь о веревке», подписанное «Дон Валентино» (это псевдоним томского сатирика В. Курицына). Здесь явно были слышны некрасовские мотивы в описаниях тяжелого крестьянского труда:

«На взгорьях родимой долины

Кольшется зреющий лен...

Здесьгнулись мужицкие спины,

Мужицким он потом вспоен...

Соткут этот лен, обмолотят,

Пеньку кулакам продадут.

Те “щедро” крестьянам заплатят

И в город пеньку повезут...» (Красный смех. 1906. № 1).

Главный «герой» произведения – лен, из которого производят веревку, а ее, в свою очередь, везут «на лихую расправу / В голодный бунтующий край», и на этой же веревке вешают того самого мужика, который вырастил лен. Эта ситуация описывается как решение слепой судьбы, однако сатирический пафос, заложенный в произведении, явно указывает на виновника трагедии – «усмирителя сурового», который расправляется с мужицкими голодными бунтами.

Остальные материалы выпуска были посвящены местной жизни: это зарисовки из некоей редакции томской газеты (разговор репортера и редактора), реплика «по поводу инцидента со “Временем”» (томской октябристской газетой), обсуждение по телефону

военного положения, «подслушанные разговоры» барнаульских жителей, сатирическая телеграмма из Петропавловска и т.д.

Иллюстрации в журнале достаточно слабо соотносились с текстами, они представляли собой самостоятельные произведения. В номере было помещено (кроме уже описанных рисунков на первой полосе) четыре карикатуры.

Первая карикатура изображала купца, обнимающего бутылку с надписью «Казенное вино. Столовое. Цена...»: она была помещена между материалами о жертвах томского погрома, но не связана с их содержанием. Карикатура поднимала тему спаивания народа, указывая на его виновника – купца, озабоченного только своими прибылями и поклоняющегося источнику этой прибыли – винной бутылке.

На второй карикатуре была нарисована мышь, сидящая возле открытой мышеловки, на дне которой надпись: «Таврический дворец». Этот рисунок соотносился с «фантазией» о министерском эксперименте, хотя он не прямо иллюстрировал текст, а воплощал представления автора о высшей власти, которой нельзя доверять («Таврический дворец» как мышеловка). Поскольку журнал, скорее всего, вышел в октябре-ноябре 1906 года, к этому времени уже было известно о том, что Таврический дворец был местом пребывания Думы.

Третья карикатура была размещена рядом с «Песнью о веревке», она представляла собой изображения черных силуэтов людей, среди которых можно было различить полицейского в фуражке, мужика с дубинкой, парня в кепке; все они стоят в ряд и, по-видимому, о чем-то спорят. Подписи к рисунку нет, но в целом можно предположить, что здесь были изображены отдельные участники «Песни».

Последний рисунок был помещен вместе с достаточно объемной стихотворной подписью автора, выступающего под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий» (это еще один псевдоним журналиста П.А. Казанского):

«Начинай сначала,
Исполняли думушку

Русского народа:

Собирали Думушку

Целые полгода.

Собрались, гуторили,

Слушать их не стали;

С кривдой чуть поспорили,

Живо разогнали.

А страна безвинная

До поры молчала...

“Песня эта длинная,

Начинай сначала!”» (Красный смех. 1906. № 1)

На карикатуре были размещены изображения трех солдат, идущих по улице. В целом иллюстрация подводила читателя к мысли о том, что и вторая Дума находится под угрозой разгона, как и первая, которая посмела спорить с «кривдой».

Номер завершался обращением к предполагаемым сотрудникам журнала. Издательница журнала указывала адрес для обращения со своими произведениями (г. Томск, Никольский переулок, дом № 2), затрагивала вопрос о гонораре, который устанавливала редакция, и т.д. Кроме этого, было опубликовано объявление о подписке на журнал «Красный смех», из которого становится понятно, что он позиционировал себя как «новый литературно-сатирический еженедельник с рисунками» (подчеркивалось, что рисунки «в красках»). В выходных данных указывалось, что номер отпечатан в Томске, в типографии К.Я. Зеленовского.

Таким образом, основной темой журнала «Красный смех» было воспоминание о жертвах черносотенного погрома 20 октября 1905 года. В большинстве случаев авторы журнала демонстрировали свои социал-демократические симпатии, с сочувствием писали о революционерах, осуждали представителей власти и черносотенного движения.

В ряду томских сатирических журналов «Красный смех» был изданием, «закрывающим» их череду в 1906 году: 1 января вышли сатирические «Осы», 12 марта – «Бич», 14 апреля – «Рабочий юморист», 20 мая – «Ерш», в конце июня увидели свет «Бубенцы».

Наконец, в октябре-ноябре 1906 года был издан «Красный смех». К этому времени уже определился основной круг томских сатириков, принимающих участие почти во всех журналах, их имена и псевдонимы встречаются и в «Красном смехе»: это В. Курицын, П.А. Казанский, «В.К.».

Как и большинство томских сатирических журналов, «Красный смех» выходил в формате, близком к современному А4, был достаточно скромен с точки зрения дизайна.

Журнал был характерным представителем томских сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 годов, но имел свои особенности. В нем с наибольшей полнотой была отражена реакция общества на черносотенный погром 1905 года, ярко проявились демократические настроения авторов, активно использовались рецептивные методы при создании сатирических материалов. В условиях, когда томские власти сделали все возможное, чтобы как можно незаметнее и тише провести «годовщину» октябрьской трагедии 1905 года («Сибирская жизнь» писала о том, что полицейские власти рапортовали об отсутствии беспорядков в Томске в день 20 октября 1906 года), журнал оказался единственным «нарушителем спокойствия» и, вероятно, потому был прекращен на первом же выпуске.

Короткая история «Красного смеха» дополняет сведения о развитии сатирической журналистики Томска и России в целом, предоставляя возможность для создания более полной картины становления системы СМИ в период Первой русской революции.

Юмор как «оживитель» рекламы: к истории журнала «Негативы»

Журнал «Негативы», издававшийся в Томске в 1907 году, традиционно не попадал в круг исследовательского внимания по нескольким причинам. С одной стороны, он позиционировал себя как «еженедельный юмористического содержания журнал», с другой – имел явную коммерческую направленность, публикуя пре-

имущественно рекламу. Современники характеризовали журнал как «паразита, жившего чужим материалом и объявлениями»¹⁰⁸. Тем не менее «Негативы» всегда присутствуют в ряду других томских сатирических журналов практически во всех известных каталогах и энциклопедиях¹⁰⁹. Исследование журнала затруднено также тем, что его номера не сохранились в Томске, они доступны только в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург) и Российской государственной библиотеке (г. Москва), где и были исследованы автором.

Первый номер журнала «Негативы» вышел 30 мая 1907 года, его редактором-издателем был Н.С. Чирков. Иллюстраций в издании не было, реклама товаров, магазинов и услуг заполняла страницы на 80 процентов. Однако между ними помещались юмористические миниатюры, четверостишия, анекдоты, афоризмы, взятые как из томских, так и из общероссийских сатирических ежедневников: «Шут», «Будильник», «Стрекоза», «Осколки» и т.д.

Уже в третьем номере журнала (от 20 июня 1907 года) слово «юмористический» исчезло с титульной страницы издания: теперь в подзаголовке указывалось, что «Негативы» – «еженедельный журнал, без подписной платы». В этом же номере было помещено рекламное объявление о выходе «подробной справочной книги» «Путеводитель по г. Томску и его уезду», автором которой был издатель журнала Н.С. Чирков. Судя по тексту, как книга, так и журнал преследовали одну цель – получение прибыли.

В № 5 журнала неожиданно появилась статья «От редакции». В ней сообщалось:

«К нам поступают ежедневно как личные, так и письменные запросы: какой программы, направления думает придерживаться журнал “Негативы”?»

¹⁰⁸ Адрианов А.В. Периодическая печать ... Томск, 1919. С. 14.

¹⁰⁹ См. напр.: Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Новосибирск : Сибирское краевое изд-во, 1929. Стб. 972; Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959 гг.). Ч. I: Журналы. Продолжающиеся издания. Новосибирск, 1972. С. 142 и др.

Редакция отвечает всем интересующимся, что журнал «Негативы» совершенно беспартийный орган, для него не существуют никакие политические партии: это исключительно орган промышленников.

Вся задача журнала сводится к тому, чтобы масса (потребители производства) была осведомлена о существующих и возникающих различных заводах, фабриках, промышленных предприятиях, разных конторах: технических, посреднических, строительных, транспортных, экспедиторных, частных предприятий и др. Поэтому журнал рассылается и раздается повсюду бесплатно. <...> Помещаемый же между объявлениями текст юмора, является как бы «оживителем» рекламы, благодаря чему журнал просматривается весь и запоминаются помещенные объявления» (Негативы. 1907. № 5).

Прояснение позиции журнала, однако, не способствовало его популярности. Об этом свидетельствует тот факт, что следующий – шестой – номер стал последним в существовании «Негативов».

История журнала, тем не менее, является очень характерным и показательным эпизодом. В период оживления издательского дела, прямо связанного с активизацией общественной жизни страны после Первой русской революции 1905–1907 годов, в сферу журналистики вошли новые люди, которые пытались найти свою нишу на рынке периодики. Журнал «Негативы», как выяснилось, представлял собой попытку издания специализированного рекламного журнала, посвященного торговле и промышленности. Сознавая узость аудитории, которой был бы интересен подобный журнал, издатель предпринял шаги для привлечения более широкого круга читателей, «разбавив» коммерческое содержание юмористическими перепечатками. Однако инициатива оказалась неудачной: читатели, привлеченные сатирой, не интересовались рекламой, а до потенциальной целевой аудитории журнал, вероятно, и не дошел. К тому же издатель слишком поздно осознал необходимость прояснения своей позиции: только тогда, когда стало очевидным падение интереса к журналу, Н.С. Чирков решил на объяснение с читателями.

Краткая издательская история «Негативов», таким образом, являла собой тот самый «отрицательный пример», на котором современники могли научиться более четко ставить перед собой цели, учитывать интересы целевой аудитории и добиваться выполнения задач адекватными методами.

* * *

Сатирические журналы Томска 1906–1907 годов ознаменовали собой новый этап развития томской сатиры, подготовленный предыдущим «газетным» периодом, когда сатирические жанры развивались на страницах выходящих томских органов газетной периодики. Сатирические журналы стали ярким явлением общественной и литературной жизни Томска: их обсуждали на страницах ведущей газеты Сибири «Сибирская жизнь», за ними пристально следила цензура, вокруг них группировались местные поэты, прозаики, художники.

Несмотря на то что круг сотрудников сатирических журналов был невелик и во многих случаях «дублировался», у каждого из них было свое «лицо», свои особенности. Журнал «И смех, и горе» стал единственным томским «самиздатовским» органом периодики, на страницах которого свободно «резвился» его редактор Булыгин. «Осы» «отпочковались» от «Сибирской жизни», унаследовав ее оппозиционный характер и «профессорскую интеллигентность»; в определенном смысле «Осы» стали эталоном томской сатиры этого периода. «Ерш» стал смелым экспериментом, соединив традиции новиковской сатиры с современной общественно-политической повесткой дня. Тот, кто предпочитал юмор и бытовую сатиру, мог обратиться к «Бубенцам», а любители «непримиримости» с удовольствием читали журнал «Бич». Одиночные номера «Красного смеха» и «Рабочего юмориста» показывали разные варианты развития томской сатирической журналистики, расширяли спектр тем и подходов. Своя роль была даже у журнала «Негативы», который продемонстрировал возможности «рекламного» применения сатирических текстов.

Журналы были более разнообразны в жанровом отношении – по сравнению с газетами: здесь использовалась практически вся жанровая палитра сатиры и юмора, за исключением романских форм. Фельетоны, басни, «словари», диалоги, шутки, анекдоты, пародии, «перепевы», сценки и многие другие жанры давали возможность местным сатирикам точнее выразить свою мысль, обойти цензурные препятствия, хотя это получалось не всегда.

Важным достижением сатирических журналов была возможность иллюстрирования изданий. Карикатуры, публиковавшиеся на их страницах, может быть, и не отличались высоким качеством, нередко производили впечатление любительских «проб пера и кисти». Однако, дополняя текст, они заостряли внимание читателей на самых проблемных моментах, которые трудно было описать, но можно было показать.

Практически все сатирические журналы Томска периода Первой русской революции отличались своей «литературоцентричностью». Местные авторы черпали вдохновение в произведениях русских классиков – Гоголя, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Лермонтова и многих других. Их узнаваемые произведения ложились в основу сатирических произведений томских сатириков, переосмыслились и «перепевались». Было очевидно, что томская сатира была рассчитана на эрудированного читателя, знакомого с литературной «первоосновой».

Однако сатирический журнальный «расцвет» продолжался недолго. В связи с ужесточением цензуры и наступлением правительственной реакции сатирическая журналистика была «свернута», и, как и во всей России, в дальнейшем развивалась уже в виде единичных сатирических газет и журналов.

Глава 3.

РАЗВИТИЕ САТИРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ТОМСКА В 1910-х ГОДАХ

Современные историки называют 1910-е годы в истории России периодом политической и экономической стабилизации, когда правительству удалось обуздать революционные порывы и установить временное «перемирие». Российская журналистика в это время осмысляла итоги революции и искала пути дальнейшего развития, продолжая складываться в систему периодической печати страны. Важное место в этой системе занимали сатирические журналы, которые, хоть и не выходили в прежнем количестве, однако по-прежнему представляли собой «островки свободы» в годы реакции.

Интересно, что, изучая сатиру периода Первой русской революции, ученые обращаются к разнообразным журналам – и столичным, и провинциальным. Но в работах, посвященных сатирической периодике 1910-х годов, рассматривается преимущественно один «Сатирикон» (и его продолжение – журнал «Новый Сатирикон»)¹¹⁰.

Такое неравномерное распределение исследовательского внимания связано, безусловно, с разным количеством материала для изучения: если в 1905–1907 годах выходили сотни сатирических журналов, и это время недаром считают одним из периодов расцвета русской сатиры, то в 1910-х годах можно говорить лишь

¹¹⁰ Филиппова Т.А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. По материалам журнала «Новый Сатирикон» // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 40–46; Брызгалова Е.Н. Творчество сатириконцев и русская эстрада // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 6. С. 13–19; Костырева О.В. «Массовый» человек на страницах журнала «Сатирикон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 96–99; Щербакова А.В. Создание иронии средствами лексики и фразеологии в художественной прозе авторов «Сатирикона» // Вестник Костромского государственного университета. 2005. Т. 11, № 1. С. 37–40.

о единичных сатирико-юмористических изданиях, из которых самыми значимыми были журналы «сатириконцев».

Сложившаяся ситуация была характерна и для Сибири, и для Томска, являвшимся в начале XX века крупным культурным, промышленным, торговым центром. Томская сатирическая журналистика была представлена многочисленными журналами периода Первой русской революции («Осы», «Ерш», «Красный смех», «Рабочий юморист» и др.). Однако в 1908–1912 годах в городе выходили только отдельные сатирические издания: газеты «Бенефисная газета» (1908) и «Синдетикон» (1912) и журнал «Силуэты жизни родного города» / «Силуэты Сибири» (1909–1910). Соответственно, исследователи гораздо чаще обращаются к сатирическим журналам Томска 1905–1907 годов, чем к томским изданиям периода реакции.

Одной из причин, по которой сатирические журналы и газеты 1908–1912 годов редко оказываются в круге научной рефлексии, является отсутствие оригиналов изданий в местных томских архивах и библиотеках, а в интернет-пространстве на данный момент доступен лишь один оцифрованный номер журнала «Силуэты жизни родного города» (на сайте Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина по адресу <http://elib.tomsk.ru/purl/1-7171/> – Силуэты жизни родного города. 1909. № 7 (28 февр.)). Остальные сохранившиеся номера журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) и его продолжения «Силуэты Сибири» (1910) доступны в читальных залах РГБ и РНБ, где с ними работал автор исследования.

Тем не менее сатирические издания этого периода были заметным явлением в томской журналистике. В них развивались уже заложенные традиции томской сатиры и пробировались новые подходы к осмыслению и представлению материала.

Этот раздел выстроен по хронологическому принципу: вначале в нем пойдет речь о единственном номере «Бенефисной газеты» (1908 год), затем будет рассмотрена история самого крупного сатирического издания Томска этого периода – журнала «Силуэты жизни родного города – Силуэты Сибири», после этого будет дан анализ единичного номера студенческой газеты «Синдетикон». Глава будет завершена разделом о нереализованном проекте журнала «Сибирское кабаре».

«Бенефисная газета»

Редактор-издатель «Бенефисной газеты» был хорошо известен томичам как куплетист и мастер пародий. В 1908 году он вместе с группой театра «Варьете» несколько раз выступал в ресторане «Россия» И.Г. Горланова, о чем уведомляла своих читателей газета «Сибирские отголоски»:

«Ресторан “Россия” И.Г. Горланова, – в субботу 22 марта, начало в 12 часов ночи. Большие концерты-монстры при участии всех артистов. Приготовлена масса новинок сезона артистом Ю.В. Убейко. Исполнено будет “Новые злобы дня!”» (СО. 1908. № 57).

«Ресторан “Россия” И.Г. Горланова. В понедельник 14 апреля и ежедневно состоятся грандиозные дивертисменты при участии лучших артистов театров “Варьете”. Артистами будут исполнены лучшие номера своего репертуара. Конкурс-новинка! Любимцем публики артистом Ю. Убейко исполнены будут “Новые злобы дня!”» (СО. 1908. № 73).

В августе 1908 года Ю.В. Убейко «переместился» на сцену театра «Буфф», в связи с чем и был выпущен первый и единственный номер «Бенефисной газеты». Он вышел 9 августа 1908 года, в Томске. Редактором-издателем был указан Юлий Владимирович Убейко. Газета была напечатана в типо-литографии Товарищества печатного дела.

Газета носила рекламный характер: она была посвящена предстоящему бенефису Убейко в Буфф-саду. Однако эта цель решалась комическими средствами, газета носила юмористический характер, пародируя структуру и содержание обычных русских газет.

В подзаголовке указывалось, что «Бенефисная газета» «политическая (во всех отношениях), литературная (не особенно) и экономическая (т.е. бесплатная)». В ней было 4 полосы, содержащих традиционные рубрики: «Томск, 9 августа» (передовая статья), «Телеграммы», «Хроника и происшествия», «Фельетон», «Письма

в редакцию», «Объявления». Все эти рубрики, включая рекламу и заголовочный комплекс, были пародийными.

Так, о периодичности газеты сообщалось:

«Выходит в г. Томске один раз в 365 дней за исключением – которые прошли».

О месте расположения: «Контора редакции помещается... Впрочем, кому это интересно? Где она помещается – не все ли равно для читателей» (Бенефисная газета. 1908. № 1).

Условия подписки выглядели следующим образом:

«Подписка принимается: В Томском полицейском управлении неблагонадежных лиц... о невыезде» (Бенефисная газета. 1908. № 1).

В том же стиле были описаны и адрес редакции и конторы:

«Кривая улица, дом, то есть не дом, а что-то в этом роде, – если идти прямо, то сто третий по левой стороне. А чтобы не заблудиться, так самый верный адрес: не доходя до портного, две недели в сторону» (Бенефисная газета. 1908. № 1).

Основной темой номера был «босяцкий бенефис» Ю.В. Убейко в саду «Буфф», она обыгрывалась практически во всех материалах, включая «рекламные». На первой полосе, в частности, помещались объявления следующего рода:

«Сад Буфф. Сегодня босяцкий бенефис Юлия Владимировича Убейко. Вечером что-то будет».

«Цирк-театр Э.А. Стрепетова. Сегодня по случаю босяцкого бенефиса в саду “Буфф” спектакля нет, а может быть и будет, не знаем».

«Томское общественное собрание. Все члены, полу-члены и не-члены отсутствуют. Кроме швейцара никого видеть нельзя. Все в саду “Буфф”» (Бенефисная газета. 1908. № 1).

Передовая статья «Томск, 9 августа» была составлена по традиционной схеме редакционного выступления, с которого начинались первые номера русских газет: здесь говорилось о целях и задачах нового издания, но в юмористическом ключе. Так, редакция утверждала, что «и по настоящему выпуску читатели поймут, что

мы преследуем все цели, за исключением тех, которые ведут к виле или на каторгу».

Задачи газеты были сформулированы так:

«Мы постараемся постепенно освещать факты и только факты, а не улицы, ибо, если бы мы освещали все факты так, как в Томске улицы, то из этого ничего бы хорошего не вышло» (Бенефисная газета. 1908. № 1).

Соответственно о специфике газеты сообщалось, что «наша газета, так сказать, газетная газета, а не какая-нибудь, как, вот, есть у нас в России миллионы лубочных изданий вроде: “Новое время”, “Русское слово”, “Сибирская жизнь” и тому подобных жалких листков». Кроме этого, газета утверждала, что она «далека от всякой критики, как и критики далеки от нас», что «мы твердо и смело пойдем по раз намеченному нами пути и дальше кутузки не уйдем. А если и уйдем, так от этого тут читатели очень мало потеряют», и так далее. В заключение передовой статьи редакция выражала уверенность, что «после этого номера читать подобные газеты у всякого охота отпадет, да другого номера и не выйдет», и в этом «никто и не сомневается».

В рубрике «Телеграммы» вновь акцентировалось внимание на бенефисе Ю.В. Убейко:

«Петербург. Государственная Дума закрыта по случаю бенефиса босяка Ю.В. Убейко. Все депутаты выехали в Томск».

«Москва. Вся Москва разукрашена флагами по случаю торжественно дня бенефиса Ю.В. Убейко в г. Томске (И откуда там-то узнали?)» (и так далее) (Бенефисная газета. 1908. № 1).

На развороте (2–3 страницы) были размещены юмористические диалоги приятелей, босяков, матерей, пародийные «письма в редакцию», стихотворная «Легенда о происхождении реки Ушайки в Томске» и другие материалы юмористического и сатирического характера, высмеивающие томские нравы, криминальную обстановку, неухоженность города, грубость извозчиков и другие проблемы городской жизни.

Последняя полоса номера была отдана под «объявления», из них самым значительным была «бенефисная» реклама:

«Сегодня обязательно в саду “Буфф” В.Л. Морозова состоится бенефис известного босняка Ю.В. Убейко, и он таки, то есть бенефис, состоится, но может и не состояться. На это есть три больших причины (не считая тысячи мелких причин), во-первых, смерть самого босняка Ю. Убейко, во-вторых, может не прийти публика, а в-третьих, если пойдет дождь. Прошу читающих и в сад идти желающих иметь это в виду.

На сегодня директор, управляющий, режиссер, редактор, издатель, фельетонист, корреспондент, куплетист и все, что хотите, Ю.В. Убейко» (Бенефисная газета. 1908. № 1).

Добавим, что бенефис действительно состоялся, о чем писала газета «Сибирская жизнь» в рубрике «Томская хроника»:

«Бенефис г. Убейко. В субботу, на открытой сцене сада “Буфф”, состоялся бенефис буффской “знаменитости”, куплетиста Ю.В. Убейко. Бенефис привлек в сад небывалое количество публики. Но несмотря на то, что большая часть ее пришла к 9 часам вечера, бенефициант появился на сцене лишь в третьем часу ночи. Он исполнил несколько не лишенных остроумия куплетов и монологов и получил два подарка: от труппы легкой комедии и фарса и от кафештанной труппы» (СЖ. 1908. № 170).

Кроме первого номера, «Бенефисная газета» больше не издавалась, и в библиотеках и архивах Томска не сохранилась. Оригинал ее находится в читальном зале газет Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Юмористический журнал Томска **«Силуэты жизни родного города» –** **«Силуэты Сибири»**

Одним из самых заметных журналов Томска 1910-х годов был журнал, который начал издаваться в 1909 году под названием «Силуэты жизни родного города», в 1910-м году выходил как «Силуэты Сибири». Он включен во многие каталоги, обзоры, упоминается в статьях, но его содержательная часть практически ни-

кем не рассматривалась, так как годовая подшивка «Силуэтов жизни родного города» находится в Новосибирской библиотеке, Российской государственной библиотеке (г. Москва) и Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), а годовая подшивка «Силуэтов Сибири» – только в РГБ И РНБ.

Малоизученность журнала приводит к возникновению вопроса о том, был ли у этого издания «предшественник» – журнал под названием «Силуэты Томска». Это издание упоминается в нескольких источниках, хотя в настоящее время о его существовании не находится никаких свидетельств.

Название «Силуэты Томска» встречается в одной из первых дореволюционных работ, посвященных томской журналистике – в статье Вс. Крутовского «Периодическая печать в Томске». Автор – современник описываемых событий, журналист, участник многих томских периодических изданий, – характеризуя сатирические издания начала XX века, писал:

«Самым долговечным оказался литературно-юмористический журнал “Силуэты г. Томска”, переименованный затем в “Силуэты Сибири”, прекратившийся в начале 1911 года, как кажется, вследствие разногласия издателей»¹¹¹.

Это название появилось также в работе А.В. Адрианова «Периодическая печать в Сибири», в следующем предложении:

«В том же 1906 г. появились сатирические журналы “Бич”, “Ерш”, “Рабочий юморист” и “Силуэты Томска”, – все они кроме “Силуэтов Томска”, переименованных затем в “Силуэты Сибири” и продержавшихся до начала 1911 г., быстро сошли со сцены, поворачаясь частой конфискацией и репрессиям»¹¹².

Здесь необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, логично предположить, что упомянутыми авторами «Томск» и «родной город» воспринимались как синонимы, отчего длинные «Силуэты жизни родного города» сократились до «Силуэтов Томска». Во-вторых, у дореволюционных авторов достаточно

¹¹¹ Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске ... Томск, 1912. С. 306–307.

¹¹² Адрианов А.В. Периодическая печать ... Томск, 1919. С. 14.

часто встречались неточности и пропуски (к примеру, ни один из них не упоминал выходящий в Томске в этот же период журнал «Красный смех»). «Силуэты» были отнесены Крутовским и Адриановым к журналам 1906 года, в то время как они выходили с 1909, а закончились не в 1911, а в 1910 году. В сохранившихся архивных делах не найдено ни одного намека на издание «Силуэты Томска», нет упоминаний журнала под этим названием и на страницах крупнейшей томской газеты «Сибирская жизнь» за 1906–1908 годы, а в то время обо всех газетах и журналах, особенно о новых, газета писала достаточно регулярно, в ряде случаев отмечая даже замыслы будущих изданий.

Название «Силуэты Томска» также можно найти в каталоге периодических изданий Западной Сибири, в записи о «Силуэтах жизни родного города». Составители указывали: «Ранее: “Силуэты Томска” (1907–1908). Затем: “Силуэты Сибири” (1910)»¹¹³, однако специальной записи о «Силуэтах Томска» нет. В новейшем каталоге 2011 года¹¹⁴ этот журнал уже не упоминается.

Таким образом, на данном этапе исследований мы предполагаем, что во всех работах речь идет о журнале «Силуэты жизни родного города», который ошибочно относится к сатирическим журналам Томска периода Первой русской революции 1905–1907 годов, видимо, по причине их типологического сходства.

Сведения о замысле издания и его первоначальной программе содержатся в фондах Томского губернского управления Государственного архива Томской области (ГАТО). Из хранящегося здесь дела известно, что первым издателем журнала «Силуэты жизни родного города» был «крестьянин Черниговской губернии, Конотопского уезда» Александр Николаевич Козловский. 11 декабря 1908 года он писал в Главное отделение по делам печати:

«Имею честь покорнейше просить разрешить мне издание в городе Томске еженедельного иллюстрированного журнала под

¹¹³ Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959 гг.) ... Новосибирск, 1972. С. 143–144.

¹¹⁴ Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири ... Томск, 2011. 376 с.

названием “Силуэты жизни родного города”, исключительно с розничной продажей последнего, по цене 10 копеек за номер, с приемом объявлений, как обыкновенных, так и особого отдела коммерческих публикаций о неисправных должниках.

Отдел открывается с целью оградить торговые фирмы от профессиональных, безденежных должников, а также для того, чтобы способствовать успешному поступлению денег от неисправных плательщиков.

Журнал будет выходить по следующей программе: обзор местной жизни за неделю, рассказы, стихотворения, басни, сказки, биографии всех местных выдающихся деятелей, судебные процессы, злободневные фельетоны, отчеты заседаний городской думы, разных обществ и партий, театральные рецензии, сообщения корреспондентов, анекдоты, афоризмы, шутки, смесь, ответы редакции.

Журнал будет по преимуществу касаться жизни города и говорить на местную злобу дня» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 105).

Заметим, что и здесь будущий издатель не упоминает ни о каком предшественнике журнала, хотя, если бы «Силуэты Томска» выходили буквально год-два назад, это было бы отражено в прошении.

Остальные документы, относящиеся к журналу, посвящены вопросам смены редакторов: 7 января 1909 года он был передан Всеволоду Ивановичу Савинову («красноярскому мещанину») (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 111), 2 мая 1909 года – Николаю Ивановичу Ландышеву («потомственному гражданину») (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 121), 5 мая 1909 года – Михаилу Прокопьевичу Игнатову («томскому мещанину») (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 128). Наконец с 10 декабря 1909 года журналом стал заведовать Вениамин Иванович Романов («студент медицинского факультета Императорского Томского университета») (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 134).

В ГАТО также обнаружены сведения о тираже журнала: инспектор по делам печати в г. Томске, посылая в Главное управление по делам печати сведения о томских изданиях 1909 года, сообщал, что еженедельный «литературный юмористический журнал с карикатурами» «Силуэты жизни родного города» печатался ми-

нимальным тиражом 800, максимальным – 600 экземпляров» (ГАТО. Ф.3. Оп. 12. Д. 735. Л. 67).

Издатели-редакторы характеризовались следующим образом: «Всеволод Григорьевич Саввинов, обучался в гимназии до IV класса, православный, и Михаил Петрович Игнатъев, мещанин, домашнего образования, православный» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 176).

Первый номер, по сведениям инспектора, вышел 17 января 1909 года. Журналу также посвящена подробная характеристика в инспекторском отчете 1910 года:

«Этот еженедельный иллюстрированный юмористический журнал, осмеивая разного рода бытовые недостатки из жизни города Томска, главным образом, давал материалы, доставлявшие возможность читателю кое-что видеть в комическом освещении.

Не касаясь вопросов политики, в разных рассказах журнал мог доставлять приятное развлечение.

Журнал печатался порядка в количестве 1 000 экземпляров в одном номере, а чаще всего в количестве 600 экземпляров.

В течение года вышло 43 номера.

Материальное положение «Силуэтов жизни родного города» было незавидно, так как от годовичного издания получился дефицит, хотя и незначительный» (ГАТО. Ф.3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181).

В этой характеристике обращает на себя внимание некоторое расхождение в отношении количества экземпляров журнала («максимальное 800» – в общих сведениях о тиражах томских изданий, «1 000 экземпляров в одном номере» – в подробном отчете), а также указание на аполитичность и развлекательный характер «Силуэтов».

Необходимо добавить, что в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) хранится дело, озаглавленное «Силуэты жизни родного города», «Силуэты Сибири». Журнал. Томск. 1909 год (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 5.), также содержащее документы, относящиеся к двум этим журналам.

О журнале «Силуэты жизни родного города», как и о «Силуэтах Сибири», можно было узнать из газеты «Сибирская жизнь». 15 января газета поместила на первой полосе следующее объявление:

«Иллюстрированный юмористический журнал
СИЛУЭТЫ ЖИЗНИ РОДНОГО ГОРОДА

Первый номер выйдет в субботу, 17 января.

Отделение конторы и редакции в магазине В.А. Феофанова, в городском каменном корпусе у Базарного моста. Продажа отдельных номеров во всех книжных магазинах, киосках и у разносчиков» (СЖ. 1909. № 11).

От других объявлений о выходе периодических изданий, которые постоянно публиковала «Сибирская жизнь», реклама «Силуэтов» отличалась своей рисованной заставкой. Собственно название «Силуэты жизни родного города» было выполнено в виде картинки – стилизованных карт, частью которых были буквы, а частью – изображения разных узнаваемых персонажей: балерины на сцене театра, пьяницы с бутылкой, залезающего в разбитое окно вора и т.д. Всего было шесть «карт». Эта же заставка использовалась и в самом журнале (рис. 19). Благодаря рекламному ходу повышалась узнаваемость журнала, к тому же это объявление «бросалось в глаза» даже при беглом просмотре первой газетной страницы.

Рис. 19. Логотип журнала «Силуэты жизни родного города» (1909 г.)

В этом же номере в разделе «Томская жизнь» газета сообщала читателям подробности о новом томском журнале:

«12 января красноярскому мещанину В.И. Савинову разрешено издавать в г. Томске юмористический иллюстрированный журнал под названием “Силуэты жизни родного города” по следующей программе: 1) обзор местной жизни; 2) рассказы, стихотворения, басни, сказки, биографии всех местных выдающихся деятелей; 3) судебные процессы; 4) злободневные фельетоны; 5) отчеты заседаний думы и разных обществ и партий; 6) театральные рецензии, сообщения корреспондентов; 7) анекдоты, афоризмы, шутки; 8) смесь и т.д. Журнал будет выходить один раз в неделю; цена номера 10 к.» (СЖ. 1909. № 11).

В этом объявлении, в отличие от прошения А.Н. Козловского, указаны конкретные восемь разделов журнала, нет упоминаний о коммерческих публикациях. Нет и традиционного предложения о подписке: журнал первоначально продавался только в розницу.

В течение 1909 года на первых полосах газеты появлялись однотипные объявления о выходе очередного номера журнала «Силуэты жизни родного города»: сверху рисованной заставки печаталась информация о дате выхода, снизу – подробный адрес конторы и цена номера (см.: СЖ. 1909. № 33, 39, 46, 51, 58, 63 и т.д.). Среди них можно выделить несколько объявлений, отличающихся от других. Так, в феврале сообщалось: «При журнале открыты два конкурса: литературный и томских красавиц. Барышни и дамы! Не стесняйтесь, присылайте фотографии Ваших головок! Подробные условия конкурсов помещены в журнале» (СЖ. 1909. № 33). В марте в добавление к стандартному тексту объявления были допечатаны сообщения: «Следующий номер будет посвящен юбилею Гоголя» (СЖ. 1909. № 58), «Посвящен юбилею Гоголя. С портретами Гоголя и его героев» (СЖ. 1909. № 63).

В это же время «Сибирская жизнь» написала в рубрике «Томская жизнь» заметку под названием «Новые томские издания»:

«Недавно вышла вторая книжка литературно-политического журнала “Молодая Сибирь” и девятый номер юмористического журнала “Силуэты жизни родного города”. Первый номер “Моло-

дой Сибири”, как мы уже сообщали, был конфискован, второй же разошелся весь и в данное время к печати готовится № 3. Что же касается “Силуэтов родного города”, то первые девять номеров также разошлись почти все и к печати готовится уже № 10-й, который, как мы слышали, будет посвящен главным образом 100-летнему юбилею Н.В. Гоголя. Оба эти издания хотя и не отличаются выдающимися силами, но ведутся в прогрессивном направлении, которое позволяет думать, что оба эти журнала будут приносить ту или иную общественную пользу» (СЖ. 1909. № 62).

По-видимому, это «прогрессивное направление» было замечено не только коллегами-журналистами, но и цензурным комитетом. Уже с апреля у журнала начались сложности с цензурой, о чем читатели также могли узнать из объявлений, сообщавших: «по независимым от редакции причинам» выпуск № 13 был задержан, но выходит 11 апреля (СЖ. 1909. № 76). Продолжались и перемены в жизни редакции, о них журнал информировал в прежнем формате объявлений:

«Вследствие перемены главы кабинета редакции юмористического журнала “Силуэты” задержан выпуск очередного № 16, который выйдет во вторник, 5 мая.

Успех журнала и настойчивые требования доставки на дом вынуждают открыть с 1 июня подписку. Плата будет назначена, с доставкой в Томске: на год – 5 руб., на 6 мес. – 2 р. 50 к., на 3 мес. – 1 р. 25 к., на 1 мес. – 50 коп. С пересылкой иногородним 6 руб., 3 руб., 1 р. 50 к. и 60 к. Отделение конторы при магазине В.А. Феофанова в Томске» (СЖ. 1909. № 88).

Во втором полугодии к стандартным объявлениям, сообщавшим о выходе очередных номеров и об условиях подписки, было только три дополнения. Одно из них сообщало, что в № 31 «помещено описание неудачной экспедиции под почтовую контору. Рисунки, план» (1909. № 213). Другое сообщало о том, что в городе Ново-Николаевске «агентом журнала по приему подписки и объявлений состоит П.К. Гецевич» (СЖ. 1909. № 252). Наконец, третье информировало читателей о переименовании и грядущих изменениях в жизни журнала:

«С января месяца 1910 года журнал “Силуэты жизни родного города” будут выходить реформированным в виде еженедельного иллюстрированного художественно-литературного и юмористического журнала, с широкой программой под названием “Силуэты Сибири. Жизнь Сибири в рисунках”. Карикатуры и рисунки в несколько красок. Фототипия. Журнал будет выходить еженедельно. Подписная цена для иногородних подписчиков, на год (10 месяцев) – 5 руб., ½ г. (5 мес.) – 2 р. 50 к., 1 м. – 50 к. Для городских в те же сроки: 4 р., 2р., и 40 к. На линии железной дороги стоимость номера – 15 к., в городе 10 к. Подписка принимается в конторе журнала, при конторе редакции газеты “Сибирская жизнь” и во всех книжных магазинах г. Томска» (СЖ. 1909. № 271).

Рисованная заставка был изменена: теперь название журнала располагалось на фоне заснеженной равнины, по которой вдаль уходили рельсы, а по обочинам железной дороги, между столбами, тянулись телеграфные провода; дорога уходила в тайгу. В верхней части рисунка находились изображения топящихся людей, среди которых можно было различить купца, солдата в фуражке, студента с газетой под мышкой, женщину и шляпке и др.

Таким образом, существование журнала «Силуэты жизни родного города» ограничено одним годом – 1909-м. За это время вышло 43 номера журнала. Материал газеты «Сибирская жизнь» свидетельствует о том, что редакция энергично работала над распространением журнала: «Силуэты жизни родного города» продавались в розницу не только в киосках и книжных магазинах города, но и на железной дороге. Кроме того, журнал распространялся по подписке в городе, в дачных поселках и по России. У журнала был и собственный агент по приему коммерческих объявлений в соседнем бурно развивающемся городе Ново-Николаевске. Заметим, что цена на журнал все время его существования оставалась стабильной – 10 копеек за номер в городе Томске. Тем не менее редакции не удалось сделать издание журнала прибыльным делом, добиться больших тиражей.

Объявления о выходе очередных номеров переименованного журнала по-прежнему располагались на первой полосе газеты

«Сибирская жизнь» в течение 1910 года, но теперь они вдвое уменьшились в размере, а рисованная заставка помещалась на полосе вертикально, возможно, ради экономии места (или для привлечения внимания читателя необычным расположением на газетной странице). Дополнительной информации объявления практически не содержали, за исключением единственного случая. В июле, сообщая читателям о том, что продолжается подписка на журнал на четвертое полугодие, издатели писали: «С целью дать возможность получать журнал наименее состоятельному классу населения, стоимость подписной платы понижается. Для иногородних подписчиков: на $\frac{1}{2}$ г. (5 месяцев) – 1 р. 40 к., на 1 м. – 30 к. Для городских: на $\frac{1}{2}$ г 1 р. На 1 м. – 25 к.» (СЖ. 1910. № 159). Это объявление любопытно еще и тем, что здесь, видимо, по недосмотру наборщиков, была поставлена заставка журналы «Силуэты жизни родного города», и до и после публиковалось верное название «Силуэты Сибири».

Кроме рекламных объявлений, «Сибирская жизнь» опубликовала в рубрике «Томская жизнь» информационную заметку, которая называлась «Силуэты Сибири» и напоминала читателям о предыстории и обстоятельствах выхода этого журнала:

«С января месяца 1909 года в г. Томске, как известно, стал выходить юмористический еженедельный журнал под названием “Силуэты жизни родного города”. Цена журнала была 4 р. в год для местных подписчиков и 5 р. – для иногородних.

За первый год существования журнал не имел распространения и давал убытки.

С 1 января 1910 года журнал перешел в другие руки, стал выходить под редакцией студента г. Романова и был переименован в “Силуэты Сибири”. В настоящее время размеры “Силуэтов” увеличены, приблизительно, на два листа, в нем печатаются цинкографические рисунки, причем для большего распространения журнала плата уменьшена: для городских подписчиков 2 р. И для иногородних 2 р. 60 к.

И несмотря на сравнительное увеличение журнала и уменьшение подписной платы, – он в данное время убытка предпринимате-

лям уже не дает. В общем дело постепенно улучшается» (СЖ. 1910. № 120).

Несмотря на оптимизм журналистов, «Силуэтам Сибири» не суждена была долгая жизнь. В октябре на первой полосе появилось объявление, гласящее: «Выход журнала “Силуэты Сибири” ввиду переговоров о передаче издания временно приостановлен». Однако журнал больше не возобновлялся. В итоге в 1910 году удалось выпустить всего 26 номеров.

Юмористический характер журнала обусловил использование его авторами разнообразных псевдонимов. На страницах журнала встречаются «Хмурый», «Тихий мальчик», «Зиг-Заг», «Премудрая крыса Онуфрий», «Бой-кот», «Ив. Ив. Иванов» и др. Некоторые из них принадлежали достаточно известным в Томске авторам: так, псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий» подписывался сатирик Порфирий Алексеевич Казанский, автор томских сатирических журналов «Ерш», «Бич», «Бубенцы», «Красный смех», а также общественно-политического журнала «Сибирские отголоски». Псевдонимы использовались и для подписи карикатур («Фон Клякс», «М.Щ.» и др.).

Из пародийных отчетов о редакционных собраниях можно было узнать о примерном количестве сотрудников «Силуэтов...». Судя по упоминавшимся псевдонимам, их было около десяти человек: «Иван Иванович», «Бернарден де Сент Пьер», «Зиг-Заг», «Або-Риген», «Точечка», «Юс», «Мина», «Премудрая крыса Онуфрий», «Миша Буфф» и некоторые другие.

В 1909 году в журнале были опубликованы следующие «отчеты»:

- О.С.Р.К.П.Ж. // Силуэты. 1909. № 1.
- Кризис (редакционный этюд) // Силуэты. 1909. № 17.
- Несколько теплых слов (от редакции) // Силуэты. 1909. № 27.
- Редакционное совещание // Силуэты. 1909. № 34.
- От редакции // Силуэты. 1909. № 43.

Особняком в журнале стояла статья «От редакции», опубликованная в 1910 году, в № 20, в «Силуэтах Сибири» – она не носила сатирического характера, была посвящена итогам выхода журнала в текущем году.

Первая статья, под названием «О.С.Р.К.П.Ж.», располагалась на месте традиционной редакционной (или передовой) статьи и, по сути, являлась программой издания. Ее необычный заголовок пояснялся редакцией следующим образом:

«Опытный наборщик, взглянув на заголовок статьи, заявил, что так номер не пройдет. – Почему?..

– А особое положение?.. За такие словеса Нарыма не желаете?

– Какие?

– Я, говорит, разве не понимаю: объявление социал-революционной и кадетской партии, на жизнь и на смерть.

– С ума спятил?.. Теперь так принято сокращать длинные названия. Читай: организационное совещание редакционного комитета по изданию журнала» (Силуэты. 1909. № 1).

В этом небольшом отрывке обыгрывалось повышенное внимание цензуры к периодической печати, поиск «крамолы» и скрытых «революционных» смыслов в любых непонятных словах и сокращениях; пародировалась «мода» на длинные названия и составление причудливых аббревиатур; акцентировалось внимание на «особом положении» Томской губернии, во время которого журналы находились под особым контролем, что вынуждало их быть особенно осторожными в высказываниях. Таким образом, буквально с самого начала, с заголовка, читатель вовлекался в игру по «расшифровке», по угадыванию «двойного дна» в высказываниях журналистов.

Статья «О.С.Р.К.П.Ж.» была написана от имени «Секретаря», который объявил о своем решении: следовать принципу «ничего тайного от читателя». Взяв за основу «стиль сообщений телеграфного агентства о ходе заседаний Государственной Думы», он подробно описал первое заседание редакции, на котором «решались все важнейшие вопросы, касающиеся существования журнала» (Силуэты. 1909. № 1).

Воплощение заявленного принципа («ничего тайного») было реализовано, прежде всего, в описании угощения: «На столе стоял самовар, закуска и шесть бутылок... с мадерой, № 36, хересом, № 55, коньяком Шустова, запеканкой, рябиной и английской горь-

кой, большой графин с водкой». Кроме этого, от имени «Секретаря» в тексте шли реплики, заключенные в скобках, комментирующие происходящее:

– «(требуют исключить пункт о вине. Не желаю и поясняю, что еще был принесен второй графин очищенной)»;

– «(заявляют, что вставками нарушаю единство впечатлений. Наплевать на единство, раз оно расходится с фотографией момента)»;

– «...прожевывая кусок колбасы, невнятно заявил второй оратор (Протестует. Ну, хорошо, добавляю: когда прожевал, то говорил внятно и с приятностью)» и т.д. (Силуэты. 1909. № 1).

«Алкогольный» декор и юмористические реплики обрамляли редакционные диалоги о направлении журнала. И за юмористической формой обнаруживались серьезные проблемы, которые пыталась решить редакция на своем – реальном или выдуманном – совещании.

Первый вопрос, поставленный на совещании, это отсутствие единой партийной платформы у редакции:

«В совещании принимали участие шесть членов-организаторов. При вопросе о направлении журнала произошел спор, из которого выяснилось, что два члена комитета – октябристы, два – кадеты, один – “левее” и один умеренный беспартийный (требуют уничтожения указаний партийности. Ни за что: еже писах – писах). Ввиду такого деления голосов и “особого положения”, сужающего широкие взгляды, решено воздержаться от политических тем, всецело предоставив их обсуждение Государственной Думе, и говорить на местную злобу дня» (Силуэты. 1909. № 1).

Подчеркивая, что в состав редакции входили представители разных политических направлений, журналисты отстаивали свое право на «внепартийность» и в то же время акцентировали внимание на главную редакционную установку – «говорить на местную злобу дня». Хотя следует добавить, что редакция находила способы разговора на политические темы, пользуясь средствами сатиры.

Вторым принципом, обсужденным редакцией, стало «привлечение к суду общества, к суду совести, известных грязных, порочных элементов и лиц, душителей справедливости, преследование

их со всею беспощадностью, указание пальцем» (Силуэты. 1909. № 1). В этой цитате прямо чувствовалось следование идеологии «Искры», знаменитого сатирического журнала 1860-х годов, который проповедовал «своеобразный террор по отношению к властям всех рангов»¹¹⁵, а также требование сатиры на «лица» (вслед за новиковским «Трутнем»).

Однако редакция томского журнала считала, что действовать в этом направлении следовало осторожно:

«Удар человека публично в физиономию – ожесточится; ничего доброго от такого приема не будет.

Единственное пугало для всякой хищной и озорной птицы – смех; единственное наше оружие – насмешка. Не думайте, что эти удары легки. Раны, наносимые ими, болезненны и называются пренебрежением и презрением.

Будем смеяться так, чтобы “сквозь видимый миру смех слышались незримые слезы”. Это – первое. Второе – выступим на защиту “всех судьбой гонимых”. Пусть каждый униженный и оскорбленный найдет у нас помощь (общий шум. Крики – Найдет! Найдет!). Предложение выпить за гонимых судьбой принято большинством пяти против одного» (Силуэты. 1909. № 1).

Последние «тосты» участников заседания были связаны с правдой («за правдивые Силуэты жизни!»), с честованием «всех честных и добрых людей, которые живут в Томске»; «далее пошла уже сухая материя, выраженная лаконически в следующих тезисах:

«Приняться за самую основательную чистку всех темных углов города и тащить оттуда на свет Божий всю плесень и гниль, которая как огня его боится.

Избегать, по возможности, старого, избитого тракта и идти новой дорогой.

Не изображать из себя непогрешимых жрецов истины – первоуродный грех всех редакций, – памятуя, что тот не ошибается, кто ничего не делает, и откровенно признаваться в допущенных промахах.

¹¹⁵ Ямпольский И.Г. Сатирические журналы 1860-х годов («Искра», «Гудок», «Будильник») // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2: Вторая половина XIX века. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. С. 166.

Всеми силами стремиться к правде, добру и красоте!» (Силуэты. 1909. № 1).

Таким образом, первый пародийный «отчет» о редакционной жизни являлся полноценной передовой статьей, поскольку он касался главных принципов, сформулированных журналом в отношении его направления. Выбранная форма пародии позволила, с одной стороны, смягчить остроту высказываний, с другой – сделала текст более «легким» для восприятия той массовой аудиторией, на которую ориентировался журнал: основным читателем журнала был городской обыватель, которому была более чем близка тема «дружеской попойки», заседания, щедро сдобренного алкоголем.

Остальные редакционные «отчеты» описывали собрания редакционного комитета по разным поводам жизни журнала:

«Редакционный этюд» «Кризис» (Силуэты. 1909. № 17) был посвящен отказу редактора от своего поста и побегу его из редакции;

«Несколько теплых слов» (Силуэты. 1909. № 27) – обсуждению ужесточения редакционной политики по отношению к мошенникам;

«Редакционное совещание» (Силуэты. 1909. № 34) – итогам выборов в городскую думу;

«От редакции» (Силуэты. 1909. № 43) – «редакционному объяснению» по итогам первого издательского года.

Все они следовали одному и тому же принципу: юмористическое описание действий сотрудников (всегда обозначаемых только псевдонимами), шуточные реплики автора «отчетов», которые «маскировали» постановку важных общественных вопросов: о невозможности «независимой журналистики» в условиях реакции, о работе томской думы, о проблемах городской жизни и т.д. С другой стороны, эти материалы приоткрывали для читателей «внутреннюю кухню» редакционной жизни, знакомили с журналистами, которые испытывали те же проблемы, что и обычные горожане: вынуждены были снимать квартиры – и не всегда могли в срок их оплатить; ездили на извозчиках, когда были деньги, – и мокли под дождем в их отсутствие, и т.д. Так, например, в статье «Редакционное совещание» журналисты так описывали свое положение:

«Оказалось, что все сотрудники по вине думы платили за квартиры на 50% дороже, чем они стоят на окраинах, на последних же жили только трое: Бернарден, разорвавший во время путешествия по Заплоту среднюю часть нового костюма; Зиг-Заг, оставивший в безднах Уржатки 3 пары галош и сапог, и Або-Риген, который отдал пальто несчастным пролетариям, встретившим его у одного потухающего фонаря» (Силуэты. 1909. № 34).

В пародийных «отчетах» обращало на себя внимание сочетание реальных фактов и гротескных персонажей, гиперболизированных ситуаций, карикатурных образов. Так, смена редактора в 1909 году – реальный факт – в описании журнала выглядела как его «бегство», исчезновение, во время которого он «мгновенно из шестнадцати пар калош выбрал свои» (Силуэты. 1909. № 17); обсуждение в редакции деятельности городской думы закончилось тем, что журналисты «стали располагаться на ночной отдых бивуаком, растилая на столы и стулья, составленные в каре, пальто, пиджаки и тому подобные вещи» (Силуэты. 1909. № 34), и т.д. Этот прием давал возможность затрагивать самые острые темы, маскируя их под выдуманные, юмористические ситуации.

Редакция настоятельно призывала к сотрудничеству «братьев писателей», но не обещая гонораров, о чем прямо предупреждала: «авторы, за немногим исключением, могут рассчитывать только на лавры и не должны думать о презренном металле». Особое внимание было обращено на «молодых, начинающих поэтов»: журнал объявлял, что «произведения их, все без изъятия, будут печататься, для суда самой публики, в особом отделе, вблизи почтового ящика, без всяких комментариев и критических заметок, за весьма умеренное вознаграждение в 10 коп. со строки петита (конечно в пользу конторы редакции)». Наконец, корреспондентов редакция просила «в своих сообщениях идти рука об руку с истиной, не смущаться давать голые факты, особенно при обличении, и, ради Бога, не врать» (Силуэты. 1909. № 2).

Одним из самых выдающихся выпусков журнала был номер от 20 марта 1909 года, посвященный 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Уже на первой полосе здесь были размещены цитаты

из «Мертвых душ» и рисунки персонажей гоголевской поэмы – Собакевича, Плюшкина, Коробочки, Ноздрева (автор иллюстраций был подписан «Salve»). Они располагались вокруг портрета самого Гоголя. В номере были опубликованы стихотворения: «В день юбилея (Н.В. Гоголя)» (подписано: Иосиф Хайсин), «Герой “Мертвых душ” и “Гоголевский дом”» (подписано: «Премудрая крыса Онуфрий»), а также целый ряд статей и прозаических произведений, посвященных великому сатирику и его творчеству.

Первая статья под названием «Его памяти» развивала мысль о «тревожном сне» Гоголя, который по-прежнему скорбит о русской жизни, не особо изменившейся за прошедшее столетие: «Злые неземные силы оторвали от холста и бумаги мертвые души, прикрепленные к ним, и внедрили их в другие тела, другие существа... Тысячи тысяч живых копий распространились всюду... Великие ничтожества сугубо давят и беременят землю...» (Силуэты. 1909. № 10). «Тень поэта», по мнению автора статьи, «ужасается, пролетая над родным гнездом» и наблюдая торжество своих персонажей. Журнал последовательно перечислял их:

«Больше всего Иванов Антоновичей Кувшинное рыло, повытчиков, лишь в иных, чем ранее, мундирах, зато обладающих большей ловкостью и аппетитами...

Сколько Плюшкиных расселись по одной только Почтамтской... Маниловы и Чичиковы сбились в целые партии...

Хлестаковы по-прежнему собирают обильную дань, а многие, многие учреждения давно ждут настоящих ревизоров...» (и т.д.) (Силуэты. 1909. № 10).

Такое положение дел представляется автору особенно грустным в юбилейные дни, когда «уступается место разного рода референтам, представителям ученых обществ и корпораций, которые, взойдя на кафедры в разных местах города, будут, попивая от времени до времени воду, тревожить, как и мы, грешные, тень поэта в то время, как толпа, значительно разреженная Чичиковыми, Маниловыми и другими многочисленными небокопителями, станет зевать, разговаривать потихоньку про свои делишки, а затем похлопает в ладоши...». Но в заключение статьи высказывается

мысль о том, что молодое поколение сможет оправдать надежды на будущее:

«И, тем не менее, если из всей этой массы найдется одна-две молодые души, сердце которых дрогнет от призыва: “будем человечней”, – улыбкой счастья озарится потревоженная тень поэта» (Силуэты. 1909. № 10).

Если материал «Его памяти» выполнял в гоголевском номере роль передовой статьи, то публикацию под названием «Записки сумасшедшего» (автор – «Бернардер де Сен Пьер») можно было бы определить как «продолжение традиций гоголевской сатиры». Написанный в стиле знаменитых «Записок сумасшедшего» материал включал в себя прямые цитаты из гоголевского текста («Сегодняшний день – день величайшего торжества. В Испании есть король. Он отыскался... Этот король – я...») и др.), а затем основная мысль развивалась в отношении «современного сумасшедшего». Как и у Гоголя, этот герой – чиновник, но с «передовыми взглядами» о химических процессах и стремлением писать доносы, а главная его забота – «наблюдение за неукоснительным соблюдением законов прочими». Последней фразой «записок» тоже является вопрос, но сформулированный так: «А знаете ли, что большинство жителей в нашем городе – франкмасоны?» (Силуэты. 1909. № 10).

«Томский колорит» гоголевскому номеру придавали ссылки на томские реалии: например, упоминание Почтамтской улицы в статье «Его памяти»; в названии стихотворения «Гоголевский дом» имеется в виду реальный дом, построенный в Томске и названный в честь великого сатирика, и т.д. Одна из карикатур называлась «Ревизор на томской сцене» (художник «М.Щ.»). Ее сюжет: на сцене собрались герои гоголевской пьесы, они располагаются вокруг стола, на котором стоит портрет Гоголя и смотрит на них с критическим видом. В номере был также опубликован «афоризм» «Из томской жизни» о Гоголевском доме:

«Господин (обращаясь к извозчику): Вези меня в “Гоголевский дом”».

Извозчик: Где он?

Господин: На берегу Ушайки.

Извозчик: Ах, знаю, это постоялый двор» (Силуэты. 1909. № 10) – этот диалог демонстрировал критическое отношение томской интеллигенции к местоположению Гоголевского дома, выстроенного на «задворках». Приведенный разговор должен был показать, что в глазах невежественного обывателя, даже хорошо знакомого с городом в силу профессии извозчика, этот дом ассоциировался с расположенными там же постоялыми дворами.

Гоголевским дням была посвящена и традиционная журнальная рубрика «Дневник томского обывателя», которую вел постоянный автор, выступающий под псевдонимом «Ив. Ив. Иванов». В «дневнике» он описывал «желчное состояние» редакционного комитета, который в едином порыве восклицал: «Что мы можем написать после Гоголя!». Тем не менее томский сатирик нашел в местной жизни персонажей, которых «упустил» Гоголь – «даму неприятную во всех отношениях», из-за которой очутился в больнице ее квартирант, «Бронислава Ноздрева», который «месит кулаками не только разное тесто, но и своих учеников-ребятишек» и т.д.

В качестве иллюстраций в номере были помещены также рисунки под названиями «Повесть о капитане Копейкине», «Ночь перед рождеством» (художник «Кацап») и другие изображения, связанные с гоголевской темой.

Гоголевский номер «Силуэтов» продемонстрировал его прогрессивное направление, близкое к томской либеральной газете «Сибирская жизнь» и противопоставленное «правой» газете «Сибирская правда». Как и «Сибирская жизнь», журнал отмечал «живучесть» гоголевских персонажей в современной русской жизни, критически относился к «шумихе» вокруг гоголевских дней, развивал традиции гоголевской сатиры. Что же касается черносотенной прессы, то она подчеркивала «русскость» Гоголя, его религиозность и т.д. – эти тенденции в журнале не просматриваются.

Одним из часто встречающихся сатирических методов, используемых в материалах, была пародия. Пародировались не только основные рубрики в «серьезных» журналах, но и, например, «девизы». Так, в № 6 на одном из разворотов был помещен девиз «Колбаса, французские булки и фляки по-польски должны быть

изгнаны из пищи» – пародировалась томская черносотенная газета «Сибирская правда», которая в первых номерах 1909 года печатала на своих разворотах скандальный девиз «Жида должны быть обязательно выселены из России».

Основной темой, которая постоянно обсуждалась в журнале, был городской быт: осуждалась неблагоустроенность улиц, грязь и ухабы на дорогах, скользкие тротуары зимой и пыль летом и т.д. (Томск – Силуэты. 1909. № 2; Весенние приметы – Силуэты. 1909. № 13; Классики о Томске и его обывателях – Силуэты. 1909. № 17 и т.д.). Затрагивалась тема поведения томичей (Наши Дон-Жуаны – Силуэты. 1909. № 8), бездействие городских депутатов (Спит... – Там же. 1909. № 18). Железная дорога также была «источником вдохновения» для томских сатириков, существовала даже специальная рубрика под названием «Этюды железнодорожного хозяйства», которые подписывались «Комитет железнодорожного единения и прогресса» (Силуэты. 1909. № 41, 42 и др.).

В поле внимания журнала постоянно попадала литературная жизнь России и Томска. Авторы высмеивали поэтов-модернистов (Хочу быть дерзким (по Бальмонту) – Силуэты. 1909. № 12; Из альбома декадента – Силуэты. 1910. № 3), местных поэтов разных направлений (Галерея томских поэтов – Силуэты. 1909. № 24).

Образцом для подражания для «Силуэтов...» был, безусловно, «Сатирикон»: томичи в подражание своему «общероссийскому собрату» начали создавать сатирическую «Историю города Томска (от древности до наших дней)» (публиковалась в № 1–17 1909 года). Практически в каждом номере помещались перепечатки из «Сатирикона» на протяжении 1909 и 1910 годов.

В 1910 году на страницах журнала стали появляться фамилии известных поэтов и писателей Томска: Г.А. Вяткина, И. Хейсина, С. Чеботаря, П. Ильинского, В. Курицына и др. Это было связано с переменной типологического статуса издания, а именно попыткой совместить в рамках одного журнала литературно-художественное и юмористическое направления.

В объявлении о подписке на «Силуэты жизни родного города» подробно расписывалась структура номера:

«Дневник томского обывателя» (обзор томской жизни за неделю).

«Преступление и наказание» (юридические недоразумения разных субъектов).

«Сцена и кулисы».

«Столбы отечества»: биографии и интервью всех выдающихся деятелей, будущих и бывших членов Государственной Думы.

«Отцы города» (не смешивать со столбами отечества).

Фельетоны, фельетончики и фельетошки, современные, своевременные и злободневные.

Стихотворения на гражданские, военные и духовные темы.

«Около союзов и партий»: около потому, что на заседания некоторых обществ сотруднику так же трудно проникнуть, как верблюду пройти игольные уши.

«В парламенте» – отчеты думских заседаний.

«Провинциальная почта» (отдел корреспонденций).

Анекдоты. Шутки. Басни, Афоризмы. Ответы редакции и прочее, способное вызвать хотя мимолетную улыбку» (Силуэты. 1909. № 2).

Необходимо сказать, что далеко не вся эта программа реализовывалась в каждом номере: она была заявлена скорее «на вырост», максимально охватывала все задуманные редакцией направления.

В 1910 году тематический спектр журнала расширился за счет культурной и научно-популярной тематики. В «Силуэтах» стали публиковаться статьи о современных писателях (А.П. Чехов как юморист – Силуэты. 1910. № 1) и о выдающихся сибиряках (Полезная жизнь (биографический очерк о Г.Н. Потанине) – Силуэты. 1910. № 4; Пионеры сибиреведения. В.В. Сапожников – Силуэты. 1910. № 6), о явлениях природы (Неожиданная гостья (астрономический этюд) – Силуэты. 1910. № 3) и о введении в Сибири института присяжных заседателей (Суд правый, скорый и милостивый – Силуэты. 1910. № 5). Много внимания уделялось выставке картин алтайского художника Г.И. Гуркина, об этом журнал писал на протяжении нескольких номеров, помещал гравюры некоторых картин (Выставка картин художника Г.И. Гуркина – Силуэты. 1910. № 9; От мусштабеля иконописца до мастера кисти (биогра-

фический очерк) – Силуэты. 1910. № 10; Выставка картин художника Г.И. Гуркина. Река Кучурла – Силуэты. 1910. № 11 и т.д.).

В 1909 году основной формой иллюстрации была карикатура. Тематика, как правило, касалась городских неурядиц: художники высмеивали пьянство и распутство горожан, порядки на железной дороге, грязь на томских улицах и т.д. Некоторые карикатуры выступали в качестве своеобразных иллюстраций к текстовым материалам, некоторые являлись вполне самостоятельными произведениями, публиковались с собственными заголовками и подписями. В качестве примера можно привести карикатуру на тему бедности томских пожарных, лишенных необходимого инструментария для выполнения своей задачи. Карикатура называется «Томский красный петух»: на ней изображено горящее здание, пожарные на фоне огня, внизу размещена подпись:

«Кукареку, кукареку,

Купили б новую кишку!» (художник «М.Щ.») (Силуэты. 1909. № 18).

Фотографии в 1909 году появились только один раз: под названием «Томские достопримечательности» были опубликованы изображения захламленных томских закоулков (Силуэты. 1909. № 19).

Чтобы выделиться на фоне черно-белых томских изданий, журнал печатался с цветными обложками. В течение 1909 года были использованы желтые, оранжевые, зеленые, синие цвета. Кроме того, редакция постоянно искала возможность применения цвета в самом номере. Так, № 11 за 1909 год – пасхальный – был напечатан целиком красными чернилами, и тексты, и карикатуры. Осенью 1909 года редакция применила синий цвет только для карикатур (№ 27, 30, 36, 42), в № 39-м рисунки были выполнены в коричневом цвете. В последнем номере за 1909 год журнал поместил трехцветные раскрашенные карикатуры – здесь был применен желтый и синий цвет, наложение их дало еще и зеленый оттенок.

В 1910 году журнал изменил принципы иллюстрирования. Теперь обложки издавались не на цветной, а на белой бумаге, но здесь помещались иллюстрации либо с применением красного цвета, либо в полноцвете. Несмотря на невысокое качество печати

и самих изображений, а также примитивное цветodelение, в определенном смысле эти попытки были «шагом вперед» в развитии томской полиграфии.

В самом номере иллюстрации были черно-белыми. Теперь карикатуры занимали целые полосы, здесь появились также своеобразные «комиксы» – развернутые сюжеты из нескольких картинок с подписями, на темы томской жизни. К карикатурам в 1910 году добавились гравюры и фотографии.

В целом необходимо отметить, что редакция действительно стремилась превратить журнал в полноценное иллюстрированное издание с разными типами и видами изображений – карикатурами, фотографиями, гравюрами, рисунками. Выполнить свою задачу на достойном полиграфическом уровне помешал уровень развития техники в томских типографиях и недостаточное материальное положение издателей.

Исследование журнала позволяет сделать вывод о том, что одной из причин прекращения издания была неудачная попытка совмещения разных типологических статусов, предпринятая редакцией в 1910 году. Из иллюстрированного юмористического журнала издатель попытался сделать журнал литературно-художественный и юмористический, однако разница в подходах к подаче материала, в принципах изображения действительности оказалась слишком резкой. В 1909 году журнал определил круг тем, не выходящих за пределы интересов томичей, не затрагивающих «большой политики» и общероссийских проблем. Узкий аудиторный круг, сложившийся к этому времени, не удовлетворял издателей, которые попытались расширить круг тем и проблем. Однако этот эксперимент привел к потере прежнего «лица» журнала, отпугнул неприятельных прежних подписчиков, но остался не востребовавшимся интеллигентной публикой.

Тем не менее журнал «Силуэты...» был достаточно заметным явлением в журналистике города Томска начала XX века. Здесь участвовали известные томские сатирики, поэты и писатели, которые продолжали по мере сил традиции сатирической журналистики России. Выбрав образцом для подражания знаменитый «Сати-

рикон», издатели провинциального журнала попытались воплотить на томском материале принципы подачи материала, характерные для «столичных собратьев», познакомили публику с отдельными произведениями сатириков.

Активная работа редакции по привлечению к сотрудничеству местных самодельных сатириков и карикатуристов способствовала оживлению литературной и художественной жизни города.

Журнал был достаточно тепло воспринят и вне Томска, о чем и писал в одном из последних номеров: «Последним и заключительным словом будет глубокая благодарность за внимание великому писателю русской земли Л.Н. Толстому, почувствовавшему, быть может, в наших слабых творениях не только один “пустой” смех, а и “невидимые миру слезы”, и приславшему как одобрение “для сотрудников” журнала потрет со своим автографом» (От редакции – Силуэты. 1910. № 20). Этот факт свидетельствует о том, что «Силуэты...» являются достойным представителем сатирической журналистики России начала XX века.

«Синдетикон»: юмористическая студенческая газета

Материалы о российских студентах, о студентах-сибиряках регулярно появлялись на страницах томской дореволюционной периодики, что было свидетельством особого внимания к студенческой теме в этом городе, ставшим в конце XIX века местом основания первого в Сибири университета. О необходимости открытия собственного сибирского высшего учебного заведения писали в 1860-х годах областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей»; о тяжелой жизни сибирских студентов в российских столицах, об их долге перед «малой родиной» и о желательности возвращения в Сибирь не раз рассуждали публицисты частной «Сибирской газеты».

После того как в городе начали свою работу Императорский Томский университет (1888 год) и Томский технологический ин-

ститут имени Николая II (1900 год), студенты принимали участие в деятельности существующих газет и журналов, пытались основать собственный орган печати. Ослабление цензурного режима в провинции в результате революционных событий 1905–1907 годов привело к тому, что студенты появились в качестве издателей периодики: третьекурсник Томского университета Н.Н. Алексеев издавал журнал «Молодая Сибирь» (1909 год), студент Романов в 1910 году был издателем журнала «Силуэты Сибири».

Собственно студенческие издания появились в Томске только в начале XX века: это юмористическая газета «Синдетикон» (1912), ежемесячный журнал «Сибирский студент» (1914–1916), однодневные газеты «Студенческий день» (1915) и «Студенты-технологи – жертвам войны» (1915). В настоящей работе нас интересует прежде всего юмористическая газета.

Первую из томских студенческих изданий, газету «Синдетикон», можно назвать вновь выявленным источником: она не сохранилась в Томске, для работы с изданием необходимо было обратиться к фондам Российской национальной библиотеки. Однако газета не могла стать предметом отдельного исследования, поскольку существует только один номер этого издания – № 1 от 22 октября 1912 года, продолжения не было. Эти обстоятельства привели к тому, что упоминания о газете можно встретить во многих каталогах томской и сибирской периодики, однако о ее содержательных особенностях никто ранее не писал.

Газета носила юмористический характер, влияющий на ее позиционирование и организующий внутреннее пространство издания. Уже в заголовочном комплексе, где в обычных газетах указывалась общая характеристика органа периодики (например, «газета литературная, политическая, экономическая»), в «Синдетиконе» стояла фраза: «газета приличная и видом на жительство служить не может». Читатель, который хотел бы узнать о месте издания и о том, для кого предназначается газета, получал следующую информацию: «Выходит в г. Томске и продается преимущественно в зале Общественного Собрания всем без различия пола, возраста и национальностей»; «Лицам с чутким сердцем, отзывчивым на дела благотворительно-

сти, допускается покупка нескольких номеров»; «Даже для учителей и учительниц народных школ скидка не допускается»; «Конспиративный адрес редакции: двухэтажный дом во дворе направо, вниз»; «Телефона пока нет и не будет»; и так далее. Все это должно было настроить читателя на несерьезный, шуточный лад, подготовить к восприятию дальнейшего юмористического материала.

Структура номера полностью повторяла обычные, общественно-политические газеты: в номере были рекламные блоки, телеграммы, фельетон, традиционные рубрики «Корреспонденции», «Объявления», «Письма в редакцию», даже передовая статья. Первая полоса была отдана под рекламные объявления, причем в «Синдетиконе» это были пародийные объявления, в основном на студенческую тематику. Так, в качестве «анонса» объявлялось:

«Готовятся к постановке картины:

“Государственный экзамен”! Сильная драма в 1200 метров. Первокурсников просят не приходить.

“Опасная переправа студентов через минимум”. Яркая видовая картина в красках» (Синдетикон. 1912. № 1).

Часть объявлений обыгрывала тему бедности студентов и дискриминации евреев: «Утеряна по дороге к Знанию возможность поступления в Университет. Нашедшего прошу доставить Хацкелевичу» (Синдетикон. 1912. № 1). Под видом объявления газета также сообщала читателю о своей «аполитичности»:

«Не желая омрачать веселья

М-м Политика

Выехала

Со страниц “Синдетикона”

И шлет привет родным и знакомым» (Синдетикон. 1912. № 1).

Среди пародийных текстов на первой полосе было размещено и реальное объявление – программа устраиваемого в университете «Студенческого вечера».

Передовая статья «Наша платформа» под видом объяснения названия издания давала остроумную характеристику положения российской прессы в этот период. Так, авторы описывали сложный процесс получения разрешения на издание:

«Вы решите издавать газету и, наверное, сразу придумаете название: сатирическая газета “Бич”, или что-нибудь еще громче.

Посоветуйтесь с опытными людьми и пойдите просить разрешение на газету “Кнутик”.

Вам разрешат издавать “Хлыстик”.

Тогда вам придет идея назвать свою газету “Рожки да ножки”». (Синдетикон. 1912. № 1).

Авторы «Синдетикона» делились с читателями теми вариантами, которые первоначально возникали у них по поводу названия газеты:

«Назвать себя “Пластырь” и прилипнуть к обществу, по меньшей мере, не эстетично.

Назвать себя “Смола”, “Деготь” – рискованно – не во всякое общество пустят.

Предлагали назвать “Гуммиарабик” – неприлично. <...> Мы искали благородное незапятнанное слово и остановились на “Синдетиконе”» (Синдетикон. 1912. № 1).

Собственно слово «синдетикон» происходит от греческого *syndetikon* (связующее, скрепляющее), означает жидкий клей. Клей с названием «Синдетикон» действительно продавался в Томске – его рекламу можно было увидеть на страницах газеты «Сибирские отголоски» (1910. № 25).

По мнению авторов передовой статьи, оно было самым подходящим для намеченного проекта – «без прошлого», «не с подложной репутацией», переносящее в далекую Грецию, при произнесении которого представляется «южное небо, классический профиль, журчащий фонтан и т.д.». Несомненно, что для основателей «Синдетикона» была важна переключка его названия с «Сатириконом»: в тексте нет прямого упоминания знаменитого предшественника, но есть отсылка к Д.И. Иловайскому. Читателям же, знакомым с творчеством сатириковцев, было хорошо известно, что этот российский автор учебников по истории постоянно служил объектом сатиры в «Сатириконе».

Остальные рубрики газеты также обыгрывали темы студенческой жизни: на страницах издания были помещены юмористиче-

ские зарисовки и стихотворения о студенческом бале, телеграммы о «розысках в Сибири обеспеченного студента», пародийные корреспонденции и т.д.

Кроме объявления о студенческом вечере на первой полосе, в газете была помещена обычная, не пародийная реклама, и на последней странице указывалось имя редактора-издателя «Синдетикона» – им был А.Н. Гаттенберг.

Судя по тому, что был выпущен только один номер «Синдетикона», попытка издавать юмористическую студенческую газету оказалась неудачной. Возможно, причиной этого были материальные обстоятельства издателя либо газета оказалась невостребованной в условиях напряженной предвоенной жизни.

Нереализованный проект журнала «Сибирское кабаре»

О возможности существования еще одного сатирического журнала 1910-х годов мы знаем из архивного дела, хранящегося в РГИА: «По изданию в гор. Томске журнала «Сибирское кабаре» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 70). Оно было начато 5 апреля 1912 года, когда в Главное управление по делам печати поступило уведомление от томского губернатора о следующем обстоятельстве:

«На основании Именного Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату 24 ноября 1905 г. (Временные правила о повременных изданиях – Приложение к ст. 114 Уст. О ценз. и печати по прод. 1906 г.) мною 24 текущего марта за № 2255 и 2256 выдано сыну чиновника Аркадию Петровичу Таловскому свидетельство в том, что ему разрешается, под ответственным его редактированием, издание в г. Томске литературно-художественного журнала сатиры и юмора, под названием “Сибирское кабаре”, по следующей программе: 1) Сибирские ягоды – обзорные события сибирской жизни во всех ее проявлениях; меланхолические миниатюры – литературно-сатирические заметки; 3) юмористические рассказы, стихотворения и фельетон; 4) наши корре-

спонденты – отклики на события мировой жизни; 5) Кабаре “Сибирского кабаре” – шаржи, юморески и юмористические мелочи; 6) Почтовый ящик; 7) объявления и 8) рисунки, шаржи и карикатуры. Журнал будет выходить еженедельно при подписной цене, с доставкой в г. Томске: в год – 3 руб., на 6 месяцев – 1 руб. 50 коп., на 3 месяца – 80 коп., на 1 месяц – 30 коп, с пересылкой в другие города: на 1 год – 4 руб., на полгода – 2 руб. и на 3 месяца – 1 руб.; отдельный номер в г. Томске 8 коп, в других городах 10 коп. Печататься журнал будет в типо-литографии “Сибирского товарищества печатного дела” в Томске.

Об этом уведомляю Главное управление по делам печати для сведения» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 70. Л. 1).

Благодаря этому архивному документу мы имеем представление в первую очередь о личности издателя. А.П. Таловский (1878 – ?), писатель и публицист, был активным участником многих сибирских изданий. Он публиковался как в томской «Сибирской жизни», так и в барнаульской «Жизни Алтая», омском «Степном крае», тобольском «Сибирском листке» и других газетах и журналах. Писал в основном под псевдонимами «А.Т.», «П.», «Петрович А.», «Т»¹¹⁶. В 1912 году он принял на себя редактирование «Сибирской жизни», и это стало причиной отказа от издания «Сибирское кабаре». Об этом мы также можем узнать из донесения губернатора в Главное управление по делам печати, датированного 22 мая 1912 года:

«В дополнение к отношению от 19 октября 1910 г. за № 7325, уведомляю Главное управление по делам печати, что издающуюся в городе Томске правлением Сибирского товарищества печатного дела газету, под названием «Сибирская жизнь», согласно ходатайству последнего мною разрешено, при прежней программе и подписной плате, выпускать под ответственным редактированием, вместо заболевшего томского мещанина Григория Борисовича Бабитова, сына чиновника Аркадия Петровича Таловского.

¹¹⁶ См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей ... Т. 2. М., 1957. С. 361; Т. 4. М., 1960. С. 463.

При этом добавляю, что названный Таловский издание разрешенного ему к выпуску в г. Томске юмористического журнала, с вступлением в исполнение обязанностей редактора газеты «Сибирская жизнь», прекращает (отношение мое от 24 марта 1912 г. за № 2259)» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 70. Л. 2).

Такова была цензурная история журнала «Сибирское кабаре». Вышел ли хоть один номер этого журнала – неизвестно, издание предлагается считать неосуществленным проектом Таловского.

Тем не менее по тексту первого уведомления губернатора можно представить, какой именно журнал был задуман издателем: не просто сатирический, а «литературно-художественный журнал сатиры и юмора». Это дает основание говорить о том, что издание Таловского было призвано продолжить линию литературно-художественных журналов Томска – «Молодая Сибирь» (1909) и «Сибирская новь» (1910). Но, если чисто литературные журналы не смогли стать прибыльными и востребованными в обществе, то журнал с сатирико-юмористическим «уклоном» вполне мог бы найти свою аудиторию – тем более что в 1912 году в Томске не выходило ни одного сатирического издания.

Обращает на себя внимание хорошо продуманная программа предполагаемого журнала. В ней не просто перечислялись рубрики – фельетон, обозрение иностранной жизни, художественный отдел и тому подобное, как нередко делалось в программах новых журналов. В «Сибирском кабаре» практически каждая рубрика уже имела свое название: «Сибирские ягоды» – сибирское обозрение, «Меланхолические миниатюры» – авторский литературно-сатирический отдел, «Наши корреспонденты» – обзор зарубежных событий, «Кабаре “Сибирского кабаре”» – юмористический отдел. В журнале должны были найти себе место и стихотворения, и переписка с авторами («Почтовый ящик»), и раздел фельетона. Кроме этого, журнал предполагалось сделать иллюстрированным, о чем свидетельствует содержание последнего отдела: здесь планировалось публиковать «рисунки, шаржи и карикатуры».

Несмотря на то что проект «Сибирского кабаре» не был реализован, эта история свидетельствует о том, что в томском обществе

был востребован тип сатирического журнала, и издатели время от времени пытались воплотить в жизнь проект, который бы отвечал на этот аудиторный запрос. Однако издание сатирического журнала требовало сочетания многих факторов, которые совпали в период Первой русской революции: активизация общественной жизни, цензурные послабления, уверенность авторов в том, что они свободно могут обсуждать самые актуальные «злобы дня», без опаски критиковать власть имущих и вредные общественные явления. В 1910-х годах, на фоне продолжающейся реакции, такого счастливого совпадения уже не было. Поэтому часть изданий быстро закрывались, а некоторые – такие, как «Сибирское кабаре» – не выходили в свет.

* * *

Последний этап развития сатирической журналистики дореволюционного Томска, несмотря на то что в этот период она была представлена только тремя очень неравноценными изданиями, был чрезвычайно значим для формирования целостного представления о томской сатире. Сатирические и юмористические издания считались настолько привлекательными для публики, что могли быть использованы в качестве «рекламной акции», о чем свидетельствует история «Бенефисной газеты». Журнал «Силуэты жизни родного города» – «Силуэты Сибири» показал внутренний потенциал юмористического издания как издания литературно-художественного, и то, что типологическая трансформация журнала действительно произошла, свидетельствовало об успешности этого эксперимента. Наконец, газета «Синдетикон» показала возможность выхода сатирического издания для малой специализированной аудитории – для студенчества, и это было тоже большим шагом вперед для томской сатиры.

В ряду сатирических и юмористических изданий 1910-х годов мог бы оказаться еще один журнал – «Сибирское кабаре», однако он остался на этапе нереализованного замысла. Тем не менее сам факт появления такого рода проекта свидетельствовал об интересе аудитории к сатирическим изданиям и о том, что издатели стремились воплотить в жизнь идею такого рода журналов.

Вступление России в ряды участников Первой мировой войны, социальные потрясения и революции 1917 года прервали процесс развития сатирической журналистики Томска. В новых условиях были более востребованы общественно-политические газеты и журналы, а периодика, рассчитанная на малые группы, требующая своего вдумчивого и в то же время расслабленного, желающего отдыха и веселья читателя, оказалась вытесненной с газетно-журнального рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сатирическая журналистика дореволюционного Томска прошла долгий путь, став неотъемлемой частью системы провинциальной периодической печати. Первоначально сатира зародилась в фельетонных разделах первых частных сибирских газет, где она прошла апробацию, нащупала свои «границы» в описании негативных явлений, обозначила возможности в деле постановки важных общественных проблем. В начале XX века в Томске выходили уже полноценные сатирические журналы разных направлений, основанные бывшими газетными фельетонистами, почувствовавшими потенциал сатиры как общественно-политической силы. С течением времени на газетно-журнальном рынке Томска стали появляться экспериментальные сатирические издания – студенческие, рекламные, литературно-художественные, – что ознаменовало новый этап развития сатиры как области специализированной журналистики для малых аудиторных групп.

Выдающиеся образцы сатирической журналистики Томска – фельетоны первой частной «Сибирской газеты». Авторами фельетонов этого издания были как представители молодой местной интеллигенции, например публицист А.В. Адрианов, так и политические ссыльные, оказавшиеся в Томске – месте уголовной и административной ссылки. Поэт-народник Ф.В. Волховский, соединив в газетном фельетоне публицистику, сатиру и сказку, создал жанровые формы, новаторские для провинциальной периодики: сатирические фельетонные циклы, «газету в газете», стихотворный фельетон и т.д. Совершенно новым для провинциальной публики оказался и жанр романа-фельетона, с которым вступил на страницах «Сибирской газеты» известный русский писатель К.М. Станюкович, также оказавшийся на несколько лет «невольным жителем Сибири». Острые общественно-политические темы поднимали

в своих фельетонах и другие фельетонисты этого издания, в том числе известный публицист Д.А. Клеменц.

Фельетоны «Сибирской газеты», как и вся газета в целом, характеризовались такой чертой, как «литературоцентричность». Это дало возможность расширить границы жанра, ставить острые общественные проблемы в провинциальной подцензурной газете. Poleмика со второй частной томской газетой, «Сибирским вестником», послужила на пользу обоим изданиям, сделав их яркими, боевыми, умеющими формулировать свои принципы и отстаивать их.

«Эстафету» «литературоцентричного» фельетона подхватило следующее макушинское издание: «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь». Как и «Сибирская газета», «Сибирская жизнь» развивалась в полемике с «Сибирским вестником»: в конце XIX и начале XX века обе томские газеты были приблизительно равны в отношении фельетонов. И «Сибирский вестник», и «Сибирская жизнь» осваивали новые фельетонные формы, активно использовали литературные реминисценции в сатирических произведениях – как прозаических, так и стихотворных, и драматургических. Блестящие томские фельетонисты – В. Федоров, М. Попов, В. Булыгин и другие – в итоге стали и руководителями собственных сатирических журналов, появившихся благодаря ослаблению цензурного контроля во время Первой русской революции.

Расцвет томской сатиры 1905–1907 годов сменился заметным упадком в 1910-е годы. Лишь отдельные сатирические и юмористические журналы и газеты продолжали традиции, заложенные их предшественниками. Однако и в это время сатира продолжала оставаться востребованной как издателями, так и читательской аудиторией, о чем свидетельствовали попытки использовать сатирические издания в рекламных целях.

Отличительной чертой томской сатирической журналистики была ее тесная связь с другими томскими газетами и журналами – и друг с другом. Поскольку круг пишущих журналистов в дореволюционном Томске был невелик, они принимали активное участие во всех выходивших изданиях: общественно-политических, сати-

рических, литературно-художественных, специализированных – студенческих, медицинских и т.д. Сатирики «Сибирской жизни», «Сибирского вестника», позднее – «Сибирских отголосков», «Утра Сибири», «Сибирского студента» – это в большинстве случаев одни и те же люди, со своими индивидуальными, узнаваемыми стилистическими особенностями, сатирическими приемами и т.д. Это выделяло томскую журналистику на фоне остальных сибирских городов, способствовало ее узнаваемости, восприятию как единого целого.

Настоящим изданием далеко не исчерпывается тема исследования томской сатиры. За рамками монографии остался огромный пласт сатирических материалов томских общественно-политических и специализированных изданий 1905–1917 годов; не были затронуты и сатирические книжные издания (например, издания М.С. Попова). Остался открытым вопрос о переключке тем сатирических и несатирических материалов в томской журналистике; дополнительные сведения о томской сатире могут обнаружиться в цензурных делах, хранящихся в российских архивах.

Но, тем не менее, задачи, поставленные в настоящем издании, выполнены. Это оказалось не очень легко: исследование томской сатирической журналистики потребовало не только научно-исследовательских, но и нередко «детективных» навыков. Газеты и журналы оказались разбросанными по разным хранилищам, и вполне возможно, что со временем обнаружатся и другие томские сатирические издания – в личных библиотеках, в цензурных архивах и т.д. Поэтому рано ставить точку: скорее, настоящая монография – только первый подступ к осмыслению этого своеобразного явления – томской сатиры.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Этапы развития сатирической журналистики в Томске (конец XIX – начало XX века)

I этап: 1880–1904 годы – зарождение и апробация сатирических жанров в частной периодической печати Томска:

- «Сибирская газета» (1881–1888);
- «Сибирский вестник» (1885–1905);
- «Сибирская жизнь» (1897–1905).

II этап: 1905–1907 годы – расцвет сатирической журналистики Томска в период Первой русской революции:

- «И смех, и горе» (декабрь 1905);
- «Осы» (1 января 1906–1907);
- «Бич» (12 марта 1906);
- «Рабочий юморист» (14 апреля 1906);
- «Ерш» (20 мая 1906–1907);
- «Бубенцы» (конец июня 1906–1909);
- «Красный смех» (октябрь 1906);
- «Негативы» (1907).

Нереализованные замыслы: «Рабочий зубоскал» (1906), «Колокольцы» (1906), «Пером и карандашом» (1906).

Сатирические жанры в газетах и журналах: «Сибирская жизнь», «Томский вечерний листок», «Время», «Сибирские отголоски», «Голос Томска» и др.

III этап: 1908–1916 годы – развитие сатирических традиций в журналистике Томска в 1910-х годах:

- «Бенефисная газета» (1908);
- «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910);
- «Синдетикон» (1912).

Нереализованный замысел: «Сибирское кабаре» (1911–1912).

Сатирические жанры в газетах и журналах: «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски», «Утро Сибири», «Сибирская правда» и др.

2. Тексты

«СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА»

С Новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)

Каждый человек по-своему встречает новый год. Но наверно никто не встретил его так, как довелось встретить мне.

Впрочем, извините пожалуйста, я даже не отрекомендовался вам. А надо же вам знать, с кем вы разговариваете¹¹⁷. Ведь от этого в значительной мере зависит и самое понимание речи. Возьмите хоть такой пример. Если Андрей Негорев¹¹⁸ скажет про кого-нибудь – «какой прекрасный человек!» – то это значит, что тот человек никакой пакости не сделает, душу свою за товарища и за все доброе положит; если квартальный надзиратель Ловец воскликнет: «какой прекрасный человек!» – то это значит, что у того человека кулебяка хорошая и что он, буде чувствует, что пойман – за деньгой не стоит; если, наконец, то же самое скажет офицер, имеющий назначением «утирать слезы», то это значит, что перед тем человеком надо ухо держать востро, а язык за зубами. Так вот что значит личность говорящего! Ясно – мне не избежать рекомендации.

Рекомендацию свою я принужден начать несколько издалека. Помните вы Тиберия Горобця? Нет? – Жаль. Умный был человек! Ведь вот не много слов, кажись, сказал он тогда в корчме звонарю Халяве, а какие

¹¹⁷ Во избежание недоумений и превратных толкований, редакция «Сибирской газеты» считает долгом известить читателей, что «В тиши расцветший василек» в тиши же и увял. Всю зиму морозы вредили полному его цвету, обивая подчас довольно много отдельных листочков и лепестков; все же он мог хоть как-нибудь цвести: но в декабре прошлого года холода усилились до того, что однажды заморозили «василек» до самого корня, а в другой раз – наполовину. Выводя из этого, что температура настоящего времени вовсе не благоприятствует культуре цветов, редакция с прискорбием прекратила свои занятия цветоводством и с настоящего номера поручила ведение постоянного фельетона г. Ивану Бруту. – Ред.

¹¹⁸ Андрей Негорев – одно из действующих лиц романа Кушевского «Благополучный россиянин», квартальный Ловец – действующее лицо в шедринской сказке «Совесь»; прочих упоминаемых далее субъектов (Горобца, Халяву и др.) читатель найдет в повести Н.В. Гоголя «Вий». – Ред.

умные были слова! Да. А Хому Брута помните? – того самого, который ведьму поленом до смерти заколотил? – Еще ведьма эта две ночи понапрасну его преследовала в церкви, где он читал над ней слово истины, и только на третью ночь удалось ей с помощью Вия напустить на Хому весь сонм нечистых, темных сил, которые и растерзали его. Вспомнили? – ну, слава Богу. Так ведь об нем-то и сказал Горобец свои умные слова: «А я знаю, – сказал он, – почему пропал Хома; оттого, что побоялся; а если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать».

Да, это верно. Не испугайся Хома чертовщины – и чертовщина не одолела бы его. Это верно. Да вот, я живой тому пример...

Однако я опять отвлекся.

Ну-с, так вот видите ли, у этого самого Хома Брута («царство ему небесное, бедняге», – как говаривал один знакомый мне диакон, ставя под стол опустевший полуштоф) был младший брат Тарас. Внук этого Тараса, Ничипор Брут, был сподвижником Максима Зализняка и грозой всех тогдашних привилегированных панов, угнетателей чужой воли, утеснителей совести и пиявок мужского труда. Когда Максим был бит кнутом и сослан в Сибирь, та же самая участь постигла бы и Ничипора Брута, если бы он не удрал перед самым носом искавших его. Ничипор думал затем продолжать дело Зализняка и, чтобы получить от последнего нужную «грамоту», ходил к нему в Сибирь. Но не застал уже своего «батяка» в живых, да и сам сложил свои кости в Сибири. Однако, успел оставить по себе в этой стране потомство, от которого произошел и ваш покорный слуга.

Теперь, зная, что я коренной сибиряк, согласитесь, что вы много покойнее, не правда ли? «Все-таки, если обдерет так не обидно: знаешь, что свой человек ободрал!» – как говаривал один богобоязненный купец, приговляясь заплатить кредиторам по гривенничку за рубль. Но я могу вас еще более успокоить, читатель, объяснив вам, что вы относительно меня можете считать в полной безопасности и ваш карман, и вашу особу и все вообще, «елика суть ближнего моего». Дело в том, что я человек несколько старозаветный; в том смысле, по крайней мере, что все наиболее популярные современные занятия и искусства мне чужды: по интендантству не служу и не служил; ни скопинскому банку, ни банкирской конторе Мантке, ни иному какому учреждению этого рода причастен не был; выемок, выдворений, препровождений и водворений не производил; сока из фабричных, присковых и иных рабочих не выжимал; во «Святая Святых» «по обязанностям службы» не лазил и там не пакостил... Живу

себе в глухом медвежьем углу, на дальней заимке, все работы справляю сам с членами семьи, либо с принятыми в долю людьми. Если к этому прибавить, что я страстный охотник, то вы не удивитесь, если я скажу вам, что 31 декабря, перекинув через плечи винтовку, обвесился пороховницей, дробовницей, патронташем, фляжкой, заткнул за пояс нож и на лыжах отправился в тайгу. Очень уж погода была хороша: самая охотничья!

Понятно, к ночи я рассчитывал вернуться домой. Но едва я отбежал верст 20 от своего гнезда, как подул ветерок, все сильнее, все порывистее и не далее, как через полчаса уже света божьего не было видно от бурана. Идти – вперед ли, назад ли – при таких условиях было бы безумием, и мне ничего не оставалось, как залезть в снеговую воронку, образовавшуюся вокруг столетнего развесистого кедра. Долго я просидел тут, и только фляжка спасала меня от замерзания.

Я ждал, прислушиваясь к вою и свисту ветра, к шуму колеблемых ветвей. Звуки эти были мне хорошо знакомы. Но чем более я вслушивался в них, тем более новых, странных, поразительных нот я открывал. Тут был и скрежет зубов, и яростный визг, и звяканье цепей, и крики, и даже как будто лязг оружия. Я стал глядеть вверх, и новое обстоятельство поразило меня: ветер бушевал по-прежнему, но он не поднимал более снежной пыли, так что в те моменты, когда месяц, уже явно вступивший в свои права, освобождался от окутывавших его туч, он протягивал по искрящемуся свету свои мягкие тени, и при его ярком голубоватом свете можно было рассмотреть мельчайшую подробность окружающего. По положению месяца и длине теней я убедился, что дело идет к полночи.

Я вылез из своей воронки и огляделся. Ранее буран закрывал от меня местность; теперь она лежала передо мною необъятною панорамой равнин, падей, рек, озер, дремучих лесов, извечных болот, горных кряжей и бесконечного, мертвого ледовитого морского побережья... Мне казалось, будто вся Сибирь лежит перед моими глазами, но я не мог понять, каким образом мог бы я обнять взором такое пространство? Однако, это было лишь наименее поразительное из того, что представилось мне. Прямо перед собою, но в профиль ко мне, я увидел древнего-преддревнего старика с песочными часами в одной руке и косою в другой. Полное равнодушие, тупое и неумолимое, было написано на его изрытом морщинами лице. Он шел ровною, легкою походкой и мне казалось, что звук его шагов тождественен с звуками тикающего маятника. Каждый его шаг оставлял на снегу след и, взглядевшись, я удивлением увидел в каждом отпечатке четыре цифры: 1882. Вдруг старик взмахнул косою и ткнул

древком ее в снег, как бы опираясь на нее при ходьбе. В тот же миг в этом месте явилась какая-то невидимая, но непреодолимая граница между прошедшим и будущим. Когда старик поднял ногу для следующего шага, я увидел, что на подошве его стояло уже не прежнее число, а «1883».

Я отвел глаза от старика и первое, что мне бросилось в глаза, была величественная женщина поразительной красоты. Черты ее лица были суровы, но в глазах светилась бесконечная доброта. На ней была горностаевая шуба, подбитая соболем; но когда я всматривался в эту богатую одежду, горностаи представлялся мне, по временам, просто снежным пологом, на котором были раскинута села и города, казавшиеся, за дальностью расстояния, черными пятнами. Подол ее платья был, спереди и сбоку, окаймлен обшивкой цвета морской воды; роскошные голубые ленты опоясывали ее и, словно гигантские реки, сбегали волнистыми полосами вниз. Голову венчала прелестная диадема, походившая очертаниями на профиль Алтая, посредине которой переливался всеми цветами радуги громадный опал, словно большое озеро. Ожерелье из всех горных пород Урала украшало ее шею.

Долго не мог я оторвать глаз от этой величественной фигуры. Она казалась мне не только знакомою, но и близкою и дорогою; мне подумалось, что это моя мать. Сравнив ее с портретом матери, висящим у меня на заимке, я должен буду признаться, что в чертах лица нет ни малейшего сходства; и все же я не мог отделаться от мысли, что это моя мать!

Но всего удивительнее было то, что женщину эту я видел всюду, куда бы ни посмотрел; хотя не в одинаковом виде и хотя в каждый данный момент я видел ее лишь там, куда глядел. Чем далее вглядывался я в ту сторону, откуда шел старик, тем грубее были и очертания, и подробности этой монументальной фигуры; на самом дальнем расстоянии она казалась почти дикою. Напротив, на границе, проведенной стариком, она была и мягче в очертаниях, и изысканнее в одежде, и безгранично добра во взгляде. Полой своей богатой шубы она с равной любовью старалась укрыть и русского мужика, и купца, и промышленника, и переселенца-малоросса или поляка, и дикого тунгуса, и жалкого самоеда, остяка или якута... Миллионы детей, принадлежавших ко всем этим группами, окружали ее и всех их она с равной готовностью и добротой кормила грудью...

Но, Боже мой, чему подвергалась она за это! Целые легионы отвратительной, жадной нечисти осаждали ее и терзали, сколько могли! Собственные дети завистливо устраняли своих слабейших братьев и сестер

от общей матери, стараясь захватить больше чем им было нужно. Я с ужасом видел, как один урод этого типа вырвал зубами клочок живого мяса из груди матери! С другой стороны целые своры совершенно чуждых ей выродков с клеймами позора сбегались сюда же, жадно облизываясь. У одних на лбу были начертаны цифры уворованных ими кушей; другие носили на шее вместо медальонов сердца, головы, запачканное доброе имя погубленных ими жертв... Но все они имели в виду, со временем, принять на себя звание родных детей и на случай, если повезет, заблаговременно надевали на себя личину сыновней любви и преданности. Толпы алчных грабителей, отмеченных бесстыдством и надменностью, заметив, что при каждом движении из ее диадемы, ожерелья, браслет и карманов сыплются драгоценности, вооружились жгутами и истязали несчастную, заставляя ее корчиться от боли. В то же время отвратительные крылатые нетопыри старались своими крыльями не допустить света до глаз страдальцы и закрыть ей рот, чтобы не могла кричать. Одеревенелые оскотители чувств и мыслей с бледными лицами силились наложить «малую» и «большую» печать на детей величавой женщины, а бесстыжие обнаженные публичные женщины, в мужском и женском образе, сеяли пригоршнями душевную и умственную проституцию, насмехаясь над стойкостью и чистотой убеждений. Ругательства, смешанные со страстными песнями и воплями оттесняемых, попадающих под ноги триумфаторов, стояли стоном в морозном воздухе; свист бичей и жгутов, крики, жалобы выделялись из общего гама в иные моменты; но все это покрывалось звоном падающих монет и шелестом бумажных денег – до такой степени звуки эти являлись господствующими: словно тысячи тысяч змей ползли тихонько по сухим, мертвым, опавшим листьям трепещущего леса!..

Еще значительно ранее, чем старик с косой провел невидимую границу между прошлым и будущим, вся эта необъятная армия зла пришла в особое, лихорадочное движение. Стаи черных воронов отлетали от трупов и еще живых людей, затоптанных при расхищении драгоценностей величавой женщины, садились длинными правильными рядами, лицом к стороне будущего, чистили окровавленные носы и мрачно каркали при каждом добром, ободряющем звуке. За ними выстраивались бескровные скопцы, черные сбиры и блестящие жгутовики, сидя верхом на нетопырях, бесшумно махавших своими крыльями. Далее шли колоннами шелкавшие зубами волки с горящими глазами; задние ряды их ходили на задних лапах, под руку с крупными ворами; последние отличались безу-

коризненным покроем платья, безукоризненными духами, безукоризненно выбритыми подбородками, и тщательно расчесанными бородами, безукоризненно мягкими манерами и безукоризненной благонамеренностью и т.д. и т.д.

Долго переходил я глазами от одних чудищ к другим, поражаясь их разнообразием и численностью. Оторопь брала меня. Но когда я дошел до задних рядов армии зла, я содрогнулся, я на несколько мгновений потерялся от ужаса: тут на необъятное пространство уходила вдаль бесформенная, серая, студенистая масса безучастия, косности, составившаяся из отдельных человеческих существ, но почти расплывшихся в какой-то кисель; это однообразное, скользкое, бесцветное море индифферентизма и инертности тихо, но непрерывно надвигалось, заливая все неровности почвы, погребая все встречное под одну гладкую, зыбкую поверхность мертвенного безразличия! Чувствовалось, что эта необъятная бесформенность неумолима, неуловима, обширнее и потому в миллион раз страшнее только что виденного мною активного зла!

Итак, вся эта активная и пассивная нечисть, собранная на рубеже двух годов, формировалась, строилась в боевой порядок, к чему-то готовилась, жадно устремив алчущие взоры в ту даль, куда шел легкою стопою древний старик. Следя глазами за направлением этих взоров, я увидел в этой дали ту же величавую и прекрасную женщину в диадеме, которую видел всюду, но – преображенную. Боже, как она была прекрасна, как она была невыразимо прекрасна! Чувства безграничной любви, восхищения и благоговения к ней наполнили меня и я не заметил, как опустился в снег на одно колено. Черты лица, фигура – все было в ней прежнее; но что придавало ей новое, совершенно непреодолимое очарование, это – выражение сознания собственного достоинства, спокойной приветливости и внутреннего довольства. Никто ее теперь не мучил. Одета она была с прежней роскошью, но в каждой мелочи прежнего костюма теперь замечалась гораздо более художественная и обширная отделка. Она сидела на троне и подножии, составленных из живых сердец целого народа и биение этих сердец в своей совокупности представляло такую гармонию – то нежную и тихую, то бурную и грозную по отношению к бунтующему злу – какая не снилась величайшим музыкантам мира! Обе руки красавицы опирались на щит, на котором сияли всеми цветами радуги – эмблема в форме равносоставленного треугольника и следующие три девиза:

«Братья, возлюбим друг друга»,

«Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»;

«Орудия производства принадлежат трудящемуся».

На ободке щита красовалась еще одна надпись: «Знание – свет, невежество – тьма».

Я вполне понимал, что эта красота, это богатство, это счастливое довольство должны возбуждать всю алчную похотливость армии зла, и сердце учащенно забилося в моей груди. Но у красавицы были свои защитники. Это была небольшая, – о, какая небольшая! – группа, стоявшая лицом к лицу с армией зла. Тут были мужчины и женщины, хорошо и дурно одетые, поражавшие импозантностью и вполне невзрачные, ученые и безграмотные, светские и духовные. Но все они были равно сильны определенностью и твердостью убеждений, верой в свою правоту и готовностью пролить за правду последнюю каплю крови. Прозрачные нити света связывали их с щитом великой красавицы и сердца их бились в такт с сердцами, составлявшими трон и подножие ее. Необычайная мощь вливалась в них этими двумя путями.

Старик подходил уже к грани двух годов. Тогда весь несметный сонм нечисти, собравшийся за его спиной, вдруг поднялся и ринулся за эту грань. Но защитники светлого будущего были тут: они подняли руки, подставили свои груди, сердца их стали стучать с такой силой, точно молот скандинавского бога Тора колотил по наковальне, выковывая молнию; каждый из этих грозных звуков моментально слетался с другим в невидимую и непроницаемую сеть, которая во мгновение ока повисла на рубеже прошедшего и будущего. Поднявшаяся вихрем, со свистом, визгом и ревом нечисть, ударившись в эту преграду, тут же попадала. В ее среде началась суетливая беготня; ряды строились снова. С новой яростью поднялась нечистая туча и снова попадала подле непроницаемой сети, успевшей стать и обширнее, и прочнее; некоторые из гадин, завязнув в ее ячейках, били и хлопали своими кожистыми крыльями, напрасно стараясь освободиться. Тогда предводители зла стали считать свои силы, деля их на группы; следя за их счетом, я убедился, что каждая группа заключала в себе «число зверино» – 666. Счет шел быстро, и скоро достиг последней группы. В ней оказался недочет в единице! В тот же миг необычайное волнение охватило всю нечисть: волки завыли, сбиры заиграли в свирели благонамеренности, вороны закаркали, оскопители запели дискантами положенную на музыку передовицу «Московских ведомостей», кандалы и ворованные деньги жалобно зазвенели, награбленные кредитки таинственно зашуршали... Все, что могло летать – поднялось в воздух; все, что могло рыться в земле, поползло в ее щели; остальные

забегали по полям, по лесам: все чего-то искали. Тут меня вдруг осенило воспоминание о слышанном еще в детстве от старушки няни рассказе о том, будто, ежегодно, в полночь на 1-е января, все зло, накопившееся в прошедшем, стремится в полном своем составе перейти в новый год; но накопившееся добро служит ему препятствием: стремления зла тогда только могут осуществиться вполне, когда на каждую единицу добра приходится «число зверино» зла! Если же не хватает хотя бы одной единицы, то зло переходит границу лишь частью.

Теперь мне стала понятна возбужденная суетня нечисти, метавшейся передо мною и даже вокруг меня: она искала, кем бы укомплектовать недочет. «Ну, Иван Брут, держи уход остро!» – сказал я себе, затем осторожно спустившись снова на дно своей снежной воронки, я притаился, упершись ногами в кедр и лежа навзничь на снежном откосе. Я предпочел лечь навзничь, чтобы иметь больше возможности наблюдать, не двигаясь. Поиски производились деятельно, но теперь уже в молчании, изредка только прерываясь отрывочными звуками. Вот сажень в десяти от меня пробегает волк. Он остановился, понюхал воздух с моей стороны и уныло завыл... Я лежал неподвижно и только сильнее жал рукоятку охотничьего ножа, что торчал за моим поясом. Вот прилетел ворон, сделал надо мною два-три круга, сел на вершине противоположного откоса и стал задумчиво смотреть на меня. Я не шевелился. Не прошло и секунды, как явился другой, и сел рядом с первым. За этим последовал новый, – еще и еще, – и скоро весь откос был унизан ими. И все они молча, с важным видом, издали глядели на меня. Признаться, эти молчаливые наблюдения в высшей степени меня раздражали. Вдруг, неизвестно откуда, сверху, точно капля дождя, упал мне прямо на нос крошечный чертенок, не более сливы величиной, и отвратительного вида: серый, точно мышь, с огромными торчащими ушами и отвисшей синей губой, мокрый, скользкий и вонючий, – он едва не заставил меня вздрогнуть; однако я удержался. Чертенок, между тем, вел себя с бесстыдством, достойным «Минуты»: он вертелся, сидя на моих усах, оглядывал меня с вертлявыми замашками воробья, и в заключение взял в лапу собственный хвост и стал им щекотать мою ноздрю. Я терпел, сколько мог. Наконец природа взяла свое и я так чихнул, что чертенок, приходившийся прямо против ноздрей, отлетел, словно пуля, и приплюснулся к кедру в виду мокрого места; отвратительные его лапы корчились в агонии. В тот же момент, сверху, снизу, со всех сторон раздался оглушительный радостный крик: «много лет здравствовать!». В этом крике участвовали все: в нем слышался

и волчий вой, и трель серебряного свистка, и карканье ворон, и свиное хрюканье, и литавры «Нового времени»...

Я вскочил на ноги, прислонился спиной к дереву, чтобы обезопасить тыл, и выхватил нож.

В ответ на это послышался миллионголосый, раскатистый, оглушительный хохот.

(Окончание будет).

Иван Брут

Сибирская газета. 1883. № 1.

Ночь на Новый год (Новогодний фантастический рассказ)

Егор Попов был типичный сибиряк: сложен кряжом, вынослив, терпок, не речист, к шутке склонен мало, увлекался туго, выгоды своей не упускал и держался за все цепко; образование уважал, но, так сказать – платонически, ибо копейку уважал еще более; любил угостить других, и сам угоститься, но пьян бывал редко. Вообще говоря – человек средних способностей, но себе на уме. Это не был лучший или наиболее симпатичный тип сибиряка, но наверное – самый распространенный.

Егор Попов был вдов и вдовел давно. Единственный сын его учился в Казани. В месте теперешнего своего пребывания Попов поселился очень недавно: он едва успел поставить живой сруб на две половины и житье его еще носило на себе характер новизны и примитивности. Жил он один, держа только стряпку и работника. Он успел завести уже кое-какие торговые делишки на месте и предполагал три дня назад выехать для торговых же дел на ярмарку, как его остановили придирки заседателя к паспортам: его и его людей. Эти придирки, разрушая все его планы, крайне раздражили его. Вообще очень мало склонный к обобщению и отвлечению, он в настоящую минуту чувствовал смутное недовольство всем складом жизни и не прочь был пофрондировать, пофилософствовать и повольнодумничать. Вот уже около двух часов лежал Егор Попов на диване кверху брюхом, докуривая папиросу, методически, медленно, в несколько приемов плевал на окурки, бросал его под диван, несколько времени лежал вздыхая, затем вставал, проводил рукой по своей круглой, как арбуз, голове, подходил к простеночному столу, где стоял графин с водкой и рюмка, и выпивал. Затем аккуратно сплюнув, ложился снова.

В стенах здорового сруба от времени до времени слышался сухой стук: то сибирский дед Морозко постукивал по бревнам снаружи. Но в самом доме было тепло и уютно, хотя как будто чрезмерно тихо.

– Барахло, а не жизнь! – думал Егор Иннокентьевич, хлопая глазами. – Ну что толку?... Ну, был я когда-то чиновником, и мельницу держал, и по винной части... Теперь вот торговые обороты. А что толку?... Ну, деньги, ну хорошо... Да ведь и купить-то на них при своем невежестве, никакого удовольствия, кроме этого «не съумеешь!»

Егор кинул косою взгляд на графин с водкой, стоявший на простеночном столике, с неудовольствием плюнул и на некоторое время прервал свои размышления.

– И для чего наживаешь? – начал он, – для того, чтобы первый куроцап под тем или иным предлогом облупил тебя, как яичко! А выгодно будет, так, облупивши, еще и съест – за тем дело не станет!.. Взять, опять, эту самую «житейскую политику»: унижения-то сколько! – Ах язви тебя! – и ему вспомнилось, как исправник, от которого фактически зависело, допустить ли его к выгодным торгам, на предварительной выпивке стал над ним куражиться и даже, обмакнув палец в рюмку, вымазал Попову водкой нос; но он, Попов, все стерпел... Вспомнилось ему также, как известный во всей округе кляузник Тишка Грязных долго приставал к нему: «ты скажи, не ты скажи только, – подлец я, или нет?» и хотя Егор Иннокетвич до глубины души, до полного отвращения был убежден, что «подлец», – однако, из опасения нажать в этом неутомимом ложном доносчике врага, ответил со сладкой улыбкой: «какой же подлец, Тихон Парфентьевич, – кто ж это может сказать?!...». Егор нетерпеливо повернулся на своем диване.

– И все одно и то же... – продолжал он свои размышления. – Ей богу! Одурь даже возьмет, вчера водка, нынче водка, завтра водка, через неделю, через год, коли не околеешь, – все та же водка... только всего и есть! Ах чтоб те язвило!..

Хоть бы в новом году что-нибудь новенькое... На иной бы манер жизнь сложилась... Недаром же поздравляют! *С новым годом! С новым счастьем!* Хорошо бы! Чтобы, значит, обновилась жизнь; совсем бы заново стала! Хорошо бы! Чего лучше! А что ж? – может быть и будет?!..

Егору Иннокентьевичу до того понравилась эта мысль, что он улыбнулся, посмотрел на большие, старинные часы в деревянном футляре, прислоненные к стене, на которых стрелки приближались к полуночи, затем медленно поднялся, подошел к простеночному столику, налил рюмку

водки, опрокинул в горло, методически отер усы, провел рукой по круглой голове и обратившись к часам, словно к новому году, с улыбкой проговорил: «Просим милости!»

В ту же минуту часы стали бить, а с улицы послышались отчаянные вопли. Егор Иннокетич подошел к окну и сквозь щель запертой на болт ставни различил, что у самого дома один человек жестоко колотил и топтал ногами другого. «Ах, язва какая! Ведь убьет, того гляди!» – пробормотал Попов и нужно сказать правду, что в этом восклицании выразилось не столько негодование на дикую расправу, или страх за человеческую жизнь, сколько опасение того, что у его квартиры окажется «мертвое тело»: «тогда и не развяжешься с ним!» Егор Иннокетич наскоро надел полушубок, схватил револьвер и со всею торопливостью, к какой были способны его медлительный нрав и громоздкая фигура, – направился на улку. Луна светила ярко и он ясно рассмотрел нападавшего; необнаженною шашкой тот наносил удары по чему попало. Егор Иннокетич узнал лежавшего: это был крестьянин Никодим Быстрых, подававший на бившего три жалобы.

– Отец родной, помоги! – взмолился он, заметив Попова; – ни за что погибаю! Видит Бог – ни за что! Ох, батюшки, ох!..

– Я тебе помогу, – кричал в свою очередь в ярости расправлявшийся, продолжая побои. – Ах ты мужлан! Властей не признавать? Шапки не ломать? Я тебе покажу, мразь этакая, как грубить! Я тебе припомню, как жаловаться!

– Будь милостив, добрый человек, вступишь! – хрипел Никодим, не сводя умоляющих глаз с Егора Иннокетича. Но Попов, твердо помня исконную сибирскую поговорку – «с сильным не борись, с богатым не тяжись» – сразу осел, как только увидел, с кем имеет дело, и даже отошел в сторону.

Наконец блонститель устал. Пнув мужика в последний раз ногой, он отряхнулся, но еще не положил гнева на милость.

– Вишь, жалобщик! – шипел он, – погоди! Я тебя доведу! Говорят – давай коней, так давай! – и, взбешенный, он направился к дому Быстрых.

Такой оборот дела словно придал жизни обессилевшему Никодиму. Охая, поднялся он с земли и еще раз со слезами обратился к Попову:

– Друг! Заставь за себя Бога молить! Пойдем со мной! Не дай ему разорить мужика. Не моя очередь! А он теперь назло загонит моих коней! Пойдем! Или в тебе человеческой души нет?! Или в тебе ума нет?! Нынче ты за меня вступишься боишься, так завтра он тебя самого съест! Пойдем, будь друг.

Но Егор Иннокентьич только махнул рукою и молча возвратился к себе. Сосредоточенный, словно съезжившись, снова подошел он к графину и снова опрокинул в себя рюмку. Затем сел на диван и стал смотреть на часы: что за странность – двенадцати еще не было! Попов встал и для большей убедительности подошел вплоть к часам: точно, двенадцати нет!

– Да, вот оно что: стало быть, новый-то год еще впереди! Это хорошо. Надо быть, я даве ошибся... Это хорошо! ... Впереди, впереди. Просим милости, просим милости! – снова проговорил Егор Иннокентьич вслух, с улыбкою кивая часам головой.

И опять по этому его слову обе стрелки соединились вверху циферблата, часы зашипели и звонким молодым звоном проббили 12 раз. Одновременно с последним ударом из другой половины дома послышался говор. Егор Иннокентьич удивился, взял свечу, перешел сени и отворил дверь. Посреди кухни стоял бывший приисковый рабочий Николай в рваном пальто немецкого покроя и в совершенно невозможных пимных опорках, из дыр которых выглядывала настланная для тепла солома. С ним разговаривал рослый мужик. Несколько далее стояла третья фигура – то был грязный, скуластый, узкоглазый инородец. При входе Попова все трое поклонились. На печи спала работница, на скамье работник и оба взпуски храпели.

– Что надо? – спросил Попов.

– Новоселы будем... из Рязанской губернии, – отвечал рослый мужик. – Охота в соседи к тебе, барин. Ну, и на счет сруб да коровенки, – требуется... Наслышаны об милости вашей... – тут мужик поклонился, – что есть продажное. Ну и заявили, значит..., – мужик снова поклонился и стал заискивающе глядеть на Егора Иннокентьевича.

– Есть, есть; приходи днем, посмотришь Пестрю – корову, да близ овина сруб.

– Да уж мы даве осмотрели признаться, не в обиде тебе, барин. За цей все дело. Только, как вот мы теперь, значит, поистратились, то не будет ли милости твоей погодить на нас уплату? Вечные за тебя бы молеьшики были!

Попов подумал и затем проговорил:

– Сруб двадцать рублей, а корова – семнадцать. До весны подожду, а там, коли денег не будет – отработаешь.

Мужик замялся.

– Ровно как не по-соседски... – проговорил он наконец, перебирая в руках шапку, – сруб-то вся цена – восемь рублей, да и за Пестрю больше не дадут.

– Кому нужно, даст, – заметил Попов, методически раскуривая папиросу.

– Да уж как не нужно: вот! – мужик провел рукой по горлу. – Только не по-соседски... – и он усиленно заморгал глазами.

– Не по-соседски! Не по-соседски! – повторил Егор Иннокентьич, с неудовольствием возвышая голос. – Очень мне нужно твое соседство! Не глянется, так и не приселяйся!..

– Рад бы не приселяться, да ведь не от радости и сюда пришли... А ты бы то подумал, барин, – внезапно оживился новосел, – что всякий лишний рабочий человек твоей земле прибыток! Какой же ты будешь своей родине радеть, и где твой ум будет, ежели ты меня принять не хочешь? Ты думаешь, жадность-то много тебе даст? только слепой ты через нее станешь, верь моему слову!..

– Да ты что за учитель нашелся? Ступай, откуда пришел! – крикнул Попов и не стал с ним больше разговаривать.

– Ты что? – обратился он к инородцу. Тот показал знаком, что желал бы разговаривать один на один.

– Ну, ступай сюда, – ответил Егор Иннокентьич и вышел в сени, держа в руке свечу. Инородец последовал за ним и едва затворил за собой кухонную дверь, как припер ее спиной.

– Ты человек, я человек... Жить хочу... Света хочу... правды... учиться хочу... – пролепетал он таинственно и в его черных, блестящих глазах мелькнуло мучительно-напряженное, выжидательное выражение.

Егор Иннокентьич, молча, долго глядел на него, как глядят на человека, который стал заговариваться. Потом ему стало смешно.

– А пышнина есть? – спросил он.

Инородец подозрительно оглянулся. Затем быстро вытащил из-за пазухи богатейшую чернобурую лисицу и несколько голубых песцов. Глаза Попова разгорелись. Он быстро шагнул в комнату, схватил с ближайшего подоконника полный полуштоф и подал его инородцу со словами:

– Вот тебе и жизнь, и свет, и правда – все тут!

К величайшему изумлению Попова скуластый гость его не только не набросился на водку, но укоризненно покачал головой и молча, быстро вышел вон. Егору стало смертельно жаль упущенных мехов и он мигом выскочил вслед за диковинным инородцем, крича: «Постой! Куда же ты? погоди!».. Но тот точно сквозь землю провалился. Егор постоял-постоял и, сумрачный, возвратился в кухню: самохода уже не было. Как только скрипнула дверь, Николай выпрямился и сделал шаг к Попову.

– К вашей милости!

– Ну?

– Уступите нам ваш прииск, Егор Иннокентьич!

– То есть как? кому уступить? как уступить? Не понимаю я чего-то...

– Да артели. Старательская артель у нас составила; народ все настоящий, не слабый народ. Мы, значит, примем от вас прииск и весь инвентарь; потом уплатим стоимость инвентаря; ну, а золото уж на себя будем вырабатывать; коли вам угодно с нами работать, и вас в артель примем.

Попов глядел на Николая во все глаза и не мог решить, кто из них двоих сошел с ума?

– Мы бы и помимо вас, отдельно бы на себя заявили прииск, есть местечко найдено; да только взяться-то с чем, капитала нет. Так как же, Егор Иннокентьич?

– Да ты очумел, что ли? – спросил наконец Попов. – С чего это я стану вам свой прииск и свой капитал отдавать?

– Позвольте, Егор Иннокентьевич! – торопливее прежнего заговорил Николай, убедительно прижимая руку к сердцу. – Позвольте вам доложить: ведь земля, что же земля? – ведь она Божья! И ведь она только руками человеческими дает что-нибудь; а сама то по себе, хоть распробогатая будь, золота-то ведь она из себя не выкинет. Если насчет приисковых расходов, так уж вы их, Егор Иннокентьевич, давно выбрали на золоте. За инвентарь мы вам заплатим в лучшем виде, Егор Иннокентьевич. Вот вы изволите говорить: капитал! Так ведь он не с неба же вам упал и не своими руками вы его сделали, а уж это дело известное: работник выработает в день, скажем, на 5 рублей, а хозяин ему дает 50 к., остальные 4 с половиной берет себе; из этого и составляется капитал.

– Уйдешь ты отсюда, или нет, язва!? – крикнул Попов, выйдя из всякого терпенья и наступая на Николая. Николай попятился и вышел чрез противоположную дверь. Егор Иннокентьевич разбудил стряпку, велел ей вздуть самовар, затем возвратился в свою комнату, и предварительно осмотрев все входные двери, застегнул их на крючья.

– Черти! – бормотал он, – из-за них нового года чаркой не встретишь!

С этими словами Попов подошел вновь к графину, налил рюмку и, придя от созерцания ее в благодушное и несколько игривое настроение, обратился к часам, с тем, чтобы в их лице приветствовать новый год. Обратился... и готовая опрокинуться в горло рюмка осталась неподвижною в его руке. Что за чертовщина, в самом деле: стрелки опять показывали *без пяти* двенадцать! Не веря более своим глазам, Егор открыл ча-

совой футляр и пощупал циферблат на цифре XII, направо и налево от нее: точно, не было еще полуночи. Егор задумался. Но сколько он не думал, ничего из этого не выходило и в конце концов он решил, что самое лучшее – плюнуть. Он так и сделал, после чего успокоился.

– Все-таки новый-то год должен же притти, – рассуждал Егор Иннокентьевич, лежа на диване, – непременно должен! Право, это очень интересно. Вот пять минут пройдет и настанет все новое... все новое... все новое... Ну, теперь пора! – и Егор Иннокентьевич весь обратился в ожидание.

Действительно, часы в третий раз пробили 12; стрелки показали полночь. Вместе с тем послышался стук снаружи в окно.

– Кто там? – крикнул Егор изнутри.

– Здесь живет Егор Иннокентьевич Попов? – чуть слышно долетел снаружи вопрос.

– Здесь. Что надо?

– Я привез ему письмо от сына.

Егор заторопился, растормошил работника и скоро в его комнате уже сидел вместе с ним за чайным столом молодой человек с энергичными и резкими чертами крайнего брюнета. Сам Попов читал письмо сына.

«Я узнал, – писал, между прочим, восемнадцатилетний юноша, – о подкладке некоторых из твоих торговых дел. Я и вообще-то с торговлей могу мириться лишь в силу того, что в данную секунду не введены еще в жизнь более правильные способы обмена; *такая же* «торговля», какую подчас ведешь ты – извини за откровенность – просто *беззастенчивое обирательство* и я должен сказать тебе, что если ты не можешь наживать денег иначе, то я принужден буду отказаться от твоей денежной помощи, а может быть и от сношений с тобою: я не могу жить на награбленные деньги и для меня слишком тяжело краснеть за отца»...

– Вот как нынче птенцы-то к родителям пишут! – произнес с горечью отец, методично складывая и запрягивая снова в конверт сыновнее письмо. – Старайся для семейства, наживай для своего кровного; а он возьмет, да и ошельмует тебя! Еще и приказание отцу напишет: не смей больше по любви своей родительской поступать, скотина!..

– Мне кажется, – возразил приезжий, – что родители совершенно напрасно считают своей заслугой устройство детям материального благосостояния *всякими средствами*...

– Так-с, – перебил Егор Иннокентьевич; он чувствовал правоту возражения, но тем более неловким становилось положение Егора Иннокен-

твевича и тем обиднее все это ему казалось. Он взглянул искоса на собеседника и самоуверенный вид последнего раздражил его еще более.

– Вижу, вижу я, – продолжал он саркастически, с нехорошей, неискренней улыбкой, – что стары мы стали, глупы, не понимаем ничего!..

– А что ж, если по правде-то сказать, так и действительно мало что понимаете... – и молодой человек вдался в критику всех сфер нашей современной жизни; он говорил резко, беспощадно... Егор Попов ничего не мог возразить брюнету; но тем более страдало его мелкое самолюбие. В конце концов он почувствовал ненависть к своему собеседнику, – страстное желание чем-нибудь отомстить ему... за что? – Попов не отдавал себе отчета: на самом же деле просто за ряд неприятных ощущений, *косвенной* причиной которых был этот приезжий.

– А вы знаете ли, милостивый государь, что за такие речи можно ответить? – спросил Егор Иннокентьевич с злорадным бахвальством.

– Как не знать! – отвечал брюнет и с насмешливой улыбкой прибавил: – теперь остается вам только *присвидетельствовать*...

– Да-с, остается... – произнес вне себя Егор Попов, обводя комнату ищущим взглядом. Взгляд его остановился на двери: в нее входил тот самый блюститель, который недавно колотил Никодима... Откуда он взялся? зачем пришел? – Егор Иннокентьевич не разбирал: он прямо обратился к нему со словами: «вот не угодно-ли-с!» и указал наотмашь на приезжего. Тот молча кивнул головой с видом человека, которому все уже известно, вынул из портфеля бумагу, открыл чернильницу, немного попел (он был тучен) и стал строчить... Через несколько минут брюнета увели из комнаты. Егор Попов остался один.

Нельзя сказать, чтобы он чувствовал себя хорошо. Он действовал под влиянием раздражения. Но по мере того, как оно улеглось, Попов чувствовал все живее, какую нестерпимую пакость он сделал. Он ходил по комнате и на душе у него становилось все хуже. Спасаясь от собственных мыслей, он старался сосредоточить свое внимание на чем-нибудь внешнем и снова обратился к часам. Опять-таки стрелки не показывали еще полуночи!

– Да что же это такое?! – крикнул Егор во весь голос. – Придет сегодня *новый* год, или нет?!..

В ту же секунду обе часовые стрелки с шумом и лязгом соединились на цифре XII, но боя не последовало, а вместо того из часового футляра послышалось насмешливое, раздражающее нервы хихиканье. Егор почти побежал к футляру и распахнул его: ничего особенного не было, но в дви-

жении воздуха, произведенном взмахом дверки, слышались, словно вздох, слова: «Не придет к тебе новый год, не придет! не придет!».

– Почему не придет? – закричал Егор, сам не понимая, что он говорит и пятясь к дивану.

Но тут произошло нечто еще более необычайное. Егору Попову показалось, что перед ним уже не циферблат стенных часов, а круглое, белое, ослабившееся лицо, от которого висит не маятник, а виляет, дразня, высунутый язык; противная улыбка этого лица все расширялась, узенькие глаза суживались и наконец голосом, похожим на тиканье часов, заговорило: «Новый год, какой ты призывал – с новым счастьем, – много раз приходил к тебе нынче; он являлся к тебе в виде мужика, просившего защиты, но ты отступился от него; он приходил к тебе в виде новосела, инородца и рабочего, но ты обошелся с ним по-старому и выгнал его; он посетил тебя в виде честной, независимой мысли, но ты не вынес ее правды и сам знаешь, что сделал с нею...

Так-так!

Ты сам

Себе враг!

Экий срам!

Тик так!

Тик-так!!)...

Иван Брут

Сибирская газета. 1884. № 1.

Фельетон «Сибирской газеты»

Крапива № 1

(литературная, политическая и общественная) – периодическое произведение сибирской почвы, не лишенное интереса, хотя и не приносящее никаких дивидендов

«Крапива» появляется (и жалит) тотчас по получении откуда следует – аттестата зрелости (хотя произрастает постоянно).

Цена «Крапивы» самая умеренная: уплачивается лажем на бумажный рубль.

Статьи скучные и тяжеловесные, как уже поступившие в исключительную собственность г. Шукина, редакцией «Крапивы» не принимаются.

Появление рукописей достаточно остроумных и содержательных зависит от воли Божьей.

Платы за объявления о подвигах доблести – не полагаются; достаточно их совершить.

Два слова о крапиве (вместо предисловия)

*Неодинаково соткан ковер,
раскинутый богатою цветами флорою
по обнаженному телу земному.
Тем не менее каждая страна наделена
своими особыми прелестями.*

Александр Гумбольдт

Прекрасен сад российской словесности! Бледною, не имеющею непозаимствованного запаха камелией, выращенной за большие деньги в оранжерее, стоит Авсеенковская «Петербургская ведомость»; вокруг нее увиваются «Маркиз Поза», «Piccolo», «Ното», «Писатель» и другие изящные садовники в голубых галстуках и прическах а-Ла Капуль, усердно поливая ее литературною водою. Пестрою георгиной возвышаются «Новости», кивая на все стороны шарообразной головой, восхищая административных либералов округлостью форм и пленяя своей пестрою мещанские вкусы. Буйным чертополохом и роскошным белым дурманом произрастают «Московские ведомости». Здесь и там задорно поднимает свой яркий султанчик цвета желтого билета, или пышный зрелый хохолок одуванчик – «Новое время». Идите осторожнее мимо красных цветов «Стрекозы»: Василевский-Буква, в качестве релейника, с полным безразличием может прицепиться и к худому и к доброму. А вон двуцветные, бархатные цветы мать-и-мачехи (Иван да Марья), которых лепестки, как известно, сидят частью на двух, частью между двух «стульев» (чашелистиков): это «Еженедельное обозрение». Проходя мимо, не наступите на дождевик – «Ребус», из которого тогда поднимется целое облако пыли, составляющей его богатое содержание. На тучной почве заднего двора красуется целая семья мухоморов и поганок «маленькой» трактирной прессы. Я не упоминаю об иллюстрированных изданиях, подобных густым зарослям бузины, годной на сладкий кисель, на потогонное и на брызгалки для потехи ребят; не упоминаю о многом другом, ибо где же в слабом, беглом, поверхностном очерке обнять все прелести русского литературного вертограда?!

Да, роскошен и прекрасен сад нашей журналистики! – все в нем растет, все цветет, хоть и не все благоухает. Среди этой пышности и пестро-

ты привилегированной, воспитываемой части растительного царства не видим мы только представительницы тех глухих уголков сада, которые граничат с бедными плетнями, плохими хибарками и оставленными на произвол судьбы отдаленными пустырями, не видим зеленой крапивы. А между тем она далеко не лишена своего полезного значения в экономике природы. Поглядите-ка, ранней весной, когда кислая капуста частью съедена, частью набилась оскомину, а свежие овощи еще не могут народиться, благодаря суровости нашего климата – какую это зеленую травку высматривают по канавам, под заборами ребятишки и все жаждающие кулинарной перемены? – все ее же, нашу крапиву, – из нее сделают весенние зеленые щи!

Сменилась весна летом, и крапива зазеленела пуще прежнего, разрослась и хватает местами чуть не по плечу человеку. И вот идут мимо люди всякие. Идет трезвый, честный, стойкий, работающий человек – идет прямо, спешит к своему всем полезному делу – и крапива не трогает его. Идет пьяный; идет – качается. Сквернословит... встречает женщину, лезет к ней с пьяными любезностями... но теряет равновесие и... бух в крапиву! Уж и пожалит же она его – будет до нового случая помнить! ... Идет надутый чванством купчина, или мундирный человек. «Что это, говорит, сколько этой сорной травы развелось!» и хочет досужей тростью сбить хоть несколько крапивных стеблей. Но живуча и крепка крапива: она не рвется, и лишь надламывается, перегибается, падает жгучими концами на чванную руку и оставляет на ней красное клеймо... Бегут мимо Юс Юсыч Канцелярская Крыса и отец Иоанн Вкарманкладенский – за двумя курицами гонятся: одному курица посулена за «скрытие протокола», другой вымог ее за погребение, ибо ничего больше у бедной вдовы не было... Гонятся оба жарко за своєю добычей и в пылу преследования прыгают вслед за спасающимися курами прямо в крапиву... Но в следующей же момент выскывают с проклятьями, все изжаленные и пунцовые! Наконец, прилично одетый вор, пользуясь сумерками, подбирается к общественному или казенному сундуку, не замечая, что ему приходится для этого перелезть через крапиву, которая опять-таки не помилует! И т.д., и т.д.

Но вот и лето к концу. Не всякий, конечно, сумеет извлечь из крапивы пользу. Найдутся, однако, и такие, которые обработают ее волокна, наткут из них полотно и прикроет честная крапива – нимало не жала – наготу обездоленного, оголенного, рабочего человека.

Сказывают, на севере Тобольской губернии целые сотни аршин крапивного холста вырабатываются!

Итак, скромная, свежее-зеленая (цвета надежды!) и жгучая крапива имеет, несомненно, свой полезный смысл в экономике природы, а между тем в вертограде российской словесности отсутствует. Видя в этом факте некоторый «пробел», мы решаемся, предоставив видные столичные и вообще европейские клумбы в распоряжение представителям роскошной и блестящей части флоры, насадить ее в скромном, провинциальном, далеком уголке русского словесного сада.

Читатель, без сомнения, прекрасно знает, что крапива – весьма распространенное территориально растение; поэтому он не удивится, найдя у нас крапивные телеграммы и корреспонденции из разных мест. С другой стороны, так как культура крапивы не исключает ни одной из известных литературных форм, то мы намерены, смотря по надобности, предлагать нашим читателям передовые статьи, отдельные заметки, новости научные, бытовые, политической и общественной жизни, стихотворения, повести, рассказы и иную беллетристику – все это, конечно, в тех размерах, какие доступны на микроскопическом клочке почвы, предоставленном нам для возделывания крапивы.

Редакция

Телеграммы (наших собственных корреспондентов)

ПАРИЖ, 10 сентября. В заседании Французской академии прочитан доклад о просветительной деятельности одного из известных педагогов, Иркутского инспектора училищ, г. 3-го, заявившего публично: «мне решительно безразлично, если в городе не будет ни одной школы, раз городское управление будет предъявлять какие-нибудь права контроля над училищами»¹¹⁹.

Доклад возбудил оживленные прения главным образом по вопросу о роде и виде, к которым почтенный педагог должен быть отнесен по системе Кювье. В заключение постановлено: просить сибирские отделы Императорского Русского географического общества прислать в академию фотографический портрет упомянутого педагога в обмен на великолепное чучело пекари, посылаемое отделам академиию.

¹¹⁹ См. «Сибирь». 1885. № 23.

ПЕКИН, 12 сентября. Ввиду блестящего состояния государственных финансов и высокого курса денег решено установить с 1 января 1886 года новый налог, взимание которого начать с 1 января 1786 года. Лица неродившиеся подлежат налогу на общем основании.

МОНРОВИЯ (в Африке). 13 сентября. Дагомейский король, узнав, что в одном из учебных заведений г. Ушаковска учат ребят кланяться кому следует, ставя обучаемых пред палкой с надетою на ней фуражкой, решил пригласить начальство этого учебного заведения в инструкторы своих войск. Привилегии сибирской службы приглашенным – сохраняются.

ПАРИЖ, 12 сентября. Достоверные свидетели утверждают, что труп Виктора Гюго перевернулся в гробу 8 сентября (ст. стиля) около двух часов дня, как раз в то время, как на акте женской гимназии сделана была г. Баранским ссылка на великого поэта в подкрепление предложения г. главного инспектора училищ от 19 ноября 1883 года.

Городская жизнь

– Нас просят заявить, что известный нашим читателям Карась – окончил свою литературную карьеру, едва ее начав: признано, что карасю, как рыбе, разговаривать неприлично – он должен быть нем; и вот карася съела щука.

– В городе ходят слухи, будто бы в зале гостиницы Ицковича В.П. К-в прочтет публичную лекцию по вопросу – «как зоилам сибирской печати вести публичную беседу об острых вопросах», а г. Щукин на тезис: «Не личные качества и высота великодушных порывов определяют значение людей, как общественных деятелей».

Услуга просвещенью (нравоучительная басня)

В Афинах (в древности), которых населенье
Снискало любомудрого титул
За то, что у него хоть был в чести разгул,
Еще же больше – просвещенье, –
Задуман был постройкою лицей.
Предполагался в нем обширный круг
Наук,
Который бы стране дарил врачей,
Юристов,

Финансистов

И просто образованных людей.
Все слажено – работы закипели.
Но вот беда – чем ближе к цели,
Тем средства все скудели
И наконец во всех сердцах
Гнездо стал вить невольный страх...
Ужли не увидеть Афинам увенчанья
Великого такого зданья,
Надежды, гордости страны?!
Невольно греки смущены...
Но, видя общее смущенье,
Послал Зевес тотчас спасенье:
Строителя лица,
О нем патриотически радея,
Решили с твердостью души
Употребить шиши
Как новую монету; между прочим –
Для платы за труды рабочим:
То порядятся по восьми,
А рассчитают по семи;
То, пользуясь рабочей голодовкой,
Понизят цены очень ловко;
То просто говорят – «мой свет!
Ты заработал – спору нет,
Но нет и денег; так иди
И жди».
И что ж?
Глядишь – тут утянули грош,
Там рубль, там сто рулей –
И приведен к концу лицей!

В молчаньи вашем я читаю приговор:

Вы думаете: «о позор! –

Обсчитаны рабочьи руки!»

Но для чего? Для торжества науки!..

ВЕРХНЕУДИНСК, 2 июля. (Корреспонденция «Крапивы»). Иркутское совещание по вопросу об искоренении раскола возбуждает у нас живейший интерес. Никто из понимающих дело не сомневается в полном

успехе. Если теперь полиции удастся размягнуть сердца закоснелых еретиков, – что же будет при известной системе? А что я говорю не голословно – вот тому поразительные доказательства. Недавно прошел у нас слух, что в округе появился лжеучитель (раскольничий поп). Один из местных заседателей (из скромности не назову его; скажу только, что фамилия его не Китин) отправился его разыскивать. Приехал, употребил меры кротости и убеждения, – и что же? Раскольники, дотоле закоснелые, жестоковыйные, речами заседателя были приведены в такое умиление, что в знак признательности за принесенный им свет истины поднесли заседателю в дар прекрасный портрет Екатерины II в нескольких экземплярах, с автографом нашего известного государственного деятеля, – г. Цимсена. Местный стряпчий, услышав о раскаянии сектантов, усумнился, и пожелал удостовериться лично, тем более, что расколучитель еще не был пойман. Но когда скептик явился к отщепенцам, то сомнениям не осталось более места: восхищенные одним видом правоверного стряпчего, раскольники просили его принять на память столь же художественный подарок, как и в первом случае. Услыша о поразительном обращении еретиков, помпадур наш Тубаков пожелал видеть таковое собственными глазами (тем более, что поп все еще не был пойман) и потому, взяв с собой казаков, отправился. Каково же было его удивление, когда раскольники и ему явили те же вещественные доказательства правове-рия!.. Теперь у нас только об этом и разговора: выгорит ли дело в Иркутске?

Скромный летописец
Сибирская газета. 1885. № 37

В толпе

В голове сибирского обывателя с понятием о фельетонисте неизбежно связано представление о развеселом малом, который по всякому поводу шутки шутит. Кроме того, для фельетониста считается обязательным идти нога в ногу с ходом обыденной жизни. Правду сказать, совмещение обеих задач в иные моменты – как, например, настоящий – до такой степени трудно осуществимо, что едва ли бы их предъявил обыватель одновременно, если бы несколько предварительно подумал.

Ну, вот теперь у нас пост, «дни печали и покаяния». В качестве «эха современности» фельетонист не может не принять сего не только к све-

дению, но и к руководству; не может тем более, что если он этого не сделает, то сейчас найдется добровольный «сих и оных дел мастер», который доложит: «так и так, постов не соблюдает». Я не хочу этим сказать, чтобы от того мог пострадать фельетонист или обыватель; ибо жажалый, которому будет сделан доклад, – мудр и понимает, что сих и оных дел мастер делает свои доклады «когда надо и когда не надо». Поэтому жажалый может и прикрикнуть на докладчика: «брысь, паскуда!...» – и тот уползет в подворотню до новой пакости.

Но зачем жажалого беспокоить? – я вот о чем говорю. Ведь у него свое дело есть. Ему – по-божески-то рассуждая – надо за кошечками да крючниками следить; ему надо ворованное разыскать; ему надо смиренного обывателя от пьяного и дебошира защитить; ему надо заблудшую скотину изымать; ему надо за тем наблюсти, чтобы на улицу падали не выбрасывали и назьму не налили; ему надо на пожаре помочь; ему надо повестки разнести... да, Господи Боже мой – и не перечесть всего! Если же, вместо того, заставить его изучать по «Московским ведомостям» и «Сибирскому вестнику» внутренние вопросы и воспитывать «в принципах благоразумной свободы», а тем временем крючники будут ловить человека, четвероногие беспрепятственно разбредут по городу, пожары не найдут себе препон и подлежащие следствию «сих и оных дел мастера» не получают повесток, – то что же это будет?!..

Я, однако, несколько отвлекся. Я вел речь к тому, что коль скоро фельетонисту, в качестве «эха современности», надлежит на посту вести себя степенно, то как с этим совместить развеселое настроение? «Сибирский вестник», конечно, скажет на это, что стоит сибирским фельетонистам питаться от чечевичной похлебки российских газет – и задача легко разрешится; ибо, получая газеты не ранее 2 недель по их выходе, сибирский фельетонист почерпнет из них масляничное настроение, когда у нас уже наступит пост. Но и с этим я никак не могу согласиться, ибо в нынешнем году февральские номера российских газет наполнены совсем не веселой материей: все они толкуют о смерти и похоронах Ивана Сергеевича Аксакова. И как многие из них толкуют!...

Решительно ничего нет веселого в той участи, которой, между прочим, подвергается каждый усопший, составляющий достояние общественных симпатий. Чужа великий труп, всевозможное воронье слетается к нему тучами и начинает... хвалить! «Не поздоровиться от этаких похвал!».

По натуре Иван Сергеевич был весьма способный, правдивый, убежденный, сильно чувствующий и упорный человек. У него слово не расхо-

дилось с мыслью, а дело со словом, – хотя бы при этом он рисковал остаться одиноким, вызвать град насмешек со стороны людей, пользующихся уважением, или гнев и преследование людей сильных. Ему недостаточно было знать про себя, что белое – бело, а черное – черно: нет, он чувствовал потребность привести к тому же пониманию и других; мало того: он стремился осуществить в общественной сфере все меры, которые с своей точки зрения считал необходимыми для торжества идеи, за которую стоял. По содержанию своих убеждений это был самый яркий русский патриот-национал и (отчасти, как следствие этого) – панславист. Стремясь к торжеству русской нации во всех сферах, он, конечно, должен был нередко отождествлять русскую нацию с современным русским государством (так как никакая нация не может достигнуть внешнего господства иначе, как организованное в государство), а некоторые принадлежности этого государства принимал за черты народного русского духа, наравне с такими действительно сохранившимися издревле чертами его быта, как общинное владение землею и артель. Кроме того, рассматривая русский народ, как нацию, он, как и всякий национал, упускал из виду, что нация состоит из различных слоев населения, экономические и иные интересы которых отнюдь не одинаковы. Так, например, «покровительство национальной промышленности» в форме высоких пошлин на известные иностранные произведения весьма выгодны для русских фабрикантов и заводчиков; но для всей массы, покупающей их произведения – они возвышают цену последних. Поэтому, говоря о национальных (или народных), как выражается Аксаков, русских интересах, Иван Сергеевич нередко говорил, в сущности, об интересах отдельных русских сословий, вовсе не составляющих большинства населения.

Понятно, что мирозерцание Ивана Сергеевича, как цельная система, за исключением горсти его приверженцев, не удовлетворяло никого. Будучи неоднократно лишаем права издательства, получая предостережения за свою стойкость и независимость, покойный Аксаков в то же время подвергался упрекам со стороны наших литературных представителей интересов трудящейся массы в неправильном освещении народных интересов.

И однако, как только разнес телеграф весть о кончине Ивана Сергеевича, всеми почувствовался известный пробел в современной общественной русской жизни, и общие симпатии к покойному громко высказались с самых различных, можно сказать, противоположных сторон. Которую же из двух, бегло намеченных, сторон своих заслужил Иван Сергеевич

эти симпатии и уважение? Личными ли качествами своими, или содержанием проповедуемых идей?

Мне кажется, на этот счет не может быть сомнений. Если, в качестве представителя национального русского чувства, собственного достоинства, Аксаков и имел много сочувствующих, особенно, когда в роли такого представителя выступал на защиту угнетенных славянских народностей, то еще неизмеримо более внушал он уважения просто как неподкупный журналист и смелый, самостоятельный человек. В борьбе против зла недостаточно одной чистоты убеждений, – нужна еще способность отстоять их, способность смель, дерзать в направлении этих убеждений; иначе последние уподобятся таланту, зарытому в землю «ленивым рабом». Способность эта ценна в человеке даже помимо содержания его убеждений, ибо она-то именно представляет единственный оплот добрых общественных инстинктов против злых. Вот эту-то независимость ценил и уважал в Аксакове каждый русский. Рассматривая окружающие события с точки зрения мирозерцания, с которым, в целом, лишь немногие могли согласиться, Аксаков, однако, нередко рассматривал их так, что оказывал общественному самосознанию неоцененные услуги и вот за это-то уважали его не только друзья, но и враги.

Постоянным читателям «Сибирской газеты» известно, что три года тому назад она горячо нападала на высказанную И.С. Аксаковым в печати уверенность в том, что Сибири университет не нужен. Рассадник интеллигентных сил родной страны – как представляет себе сибирское население Сибирский университет – слишком дорог каждому сибиряку, для того, чтобы не принять к сердцу заявлений, имеющих тенденцией лишить Сибирь этого рассадника. Вот почему «Сибирская газета» в то время не только возражала Ивану Сергеевичу, но возражала страстно и, может быть, не без жестокости. Однако, при первой грустной вести о кончине И.С. редакция ее поспешила телеграммой выразить свои симпатии памяти усопшего и свои сожаления по поводу понесенной русским обществом утраты. Точно так же поступили и другие органы печати, не разделявшие воззрений покойного. Некоторые мажарские и немецкие газеты, имевшие в нем наиболее страстного и упорного противника не на одном только журнальном поприще, почтили, однако, его могилу словами уважения.

Казалось бы, чего еще хотеть самым горячим его приверженцам и почитателям его памяти? Если сторонники и единомышленники высказывают усопшему уважение и симпатии – это в порядке вещей, каков бы ни

был его нравственный облик. Но что может быть прекраснее и заманчивее, когда и противники высказывают то же?

Да, все это прекрасно. Но воронье-то ведь не имеет понятия об истинной красоте. Воронье может только каркать «во все воронье горло», полагая, что оно поет, и действительно каркает. «Аксаков видел в славянах не единоплеменников только, но и, главным образом, единоверцев», произносит она газета, и очень довольна, что «похвалила» замечательного покойника. Другие, подобные же старатели, противопоставляют покойного «разрушительному» кличу Белинского! Третьи тычут в нос читателя «дворянством» Ивана Сергеевича, с ужимкой сообщая, что ныне-де осталось одно купечество, да разночинцы!... И все это говорится – в похвалу и возвеличение! Эти господа не понимают, до чего подобные разглагольствования не вяжутся с истинным патриотизмом, перед которым все звания равны, до чего они, наконец, неприличны в виду того, что огромная масса поклонников и непосредственных денежных пособников Аксакова в славянских делах принадлежит именно к не дворянам. Они не понимают, что примешивание вероисповедного вопроса к совершенно чуждой ему области национальности ставило Ивана Сергеевича в ложное положение относительно некоторых славянских народностей, например, чехов и даже относительно несомненных сынов самой Руси: ведь могут быть, и действительно были, есть и будут самые настоящие русские, не знающие иного языка, кроме русского, горячо любящие свою родину, радующиеся радостями и болеющие ее болезнями, которые, однако, не желают менять веру своих предков, остаются лютеранами, католиками, евреями, магометанами. Что же, – им, как иноверцам, надо, стало быть, отказать в праве считать Русь своей матерью и трудится на ее пользу? Не значит ли это вносить рознь в среду ее сынов? Да, наконец, логически развивая антагонизм между иноверием и русской народностью, не приходим ли мы к необходимости порабощения одной славянской нации другою?..

Ничего этого литературное и общественное воронье не понимает и каркает во все воронье горло на могиле честного человека и энергичного бойца за правду, как бы он ее ни понимал... Конечно, на могиле все можно каркать, – могила нема...

Спит, навеки непробудная,

Сила мощная в гробу.

Грудью смелою не выступит

Больше витязь на борьбу.

А, бывало, в дни тяжелые

Он, бесстрашен, прям и смел,

Речью искренней, могучею,

Точно Божий гром, гремел.

(Из стихотворения «Русского курьера»).

Вот и «Сибирский вестник» украсился по случаю смерти Аксакова траурною каймою и мотивировал свою печаль именно грустным сознанием, что слишком уж мало в современной нашей журналистике честности и убежденности. А между тем... вопрос о происхождении корреспонденции «из Томска», напечатанной в № 25 «Московских ведомостей», все еще того... не перестает занимать умы... И хотя в № 17 текущего года синица «Сибирского вестника» и похвалилась «доказать», что корреспонденция эта «не могла исходить» ни от одного из лиц, входящих в состав его редакции, однако –

«Наделала синица славы,
А моря не зажгла».

Прежде всего, эта хорошо насвистанная литературная птица очень удачно показывает фантастичность якобы фактической подкладки сообщений «Московских ведомостей» и вздорность их обобщений. За это мы весьма ей благодарны. Что касается самого метода защиты, то он поражает младенческою невинностью: весь он сводится к тому, что, не изменяя логике и добросовестности, редакция «Сибирского вестника» (или кто-либо из ее членов) не могла написать злосчастной корреспонденции «Моск. вед.». Против этого никто и не спорит. Но беда (для синицы) заключается в том, что логичность и добросовестность редакции «Вестника» составляют отнюдь не аксиому, на которой можно строить дальнейшие рассуждения, а искомую величину, существование которой взялась доказать госпожа синица. Обвинение против заподозренных в инсинуациях лиц (или лица) в том и состоит, что автор (или авторы), отлично сознавая фантастичность известных «фактов» и лживость их освещения, тем не менее употребил (и) то и другое, чтобы «допечь» ненавистных людей, а может быть и для того, чтобы «увидеть вновь места родные».

«Отрицаясь» прорицаний московской пифии, синица взваливает ответственность за авторство на какого-то услужливого медведя... Но кто же сей таинственный незнакомец? Этот вопрос вызывается не праздным любопытством и не зудом литературного сыска, а естественным в каждом порядочном человеке стремлением представить себе вероятное происхождение кляузы, чтобы не осудить таким образом невинного, вместо виновного. Итак, кому, спрашиваю я, во всем Томске, придет охота писать ложный донос или давать для него материалы, распинаясь за благородство и здравомыслие ссыльных героев? Если бы восхваление не было связано с кляузой, то можно бы приписать его добродушию человека, искренне считающего этих ге-

роев исправившимися и потому старающемуся восстановить их доброе имя. Но всякий ложный доносчик, действуя из-за ожидания подачки, не станет распинаться за затмившиеся светила: это вовсе невыгодно.

Госпожа синица обращается также к вопросу о том: чем объясняется благоговение «М.В.» к «С. В-ку»? и отвечает: «теми сплетнями, которые были пущены в ход по отношению к нашей газете сибирскими патриотами, да, кроме того, целым рядом недоразумений и видимостей. По моему мнению, это объясняется гораздо естественнее. Сама синица справедливо утверждает, что «розыски по крамольной части», особенно по части «польской интриги», да еще связанной с «нигилизмом» и «сепаратизмом» – всегда составляли излюбленные занятия «М. В-ей». С своей стороны «Сиб. Вестн.» в № 17 за прошл. год (стр. 12) заявил: «У себя дома, в среде различных местных патриотов, Россия никаким расположением не пользуется; не говоря о польских патриотах, которым уже на роду написано жить юношескою надеждой на то, что Россия в один прекрасный день провалится и тогда наступит для Польши великий день блаженства и счастья, наше бедное государство и у других патриотов своего отечества не в авантаже обретается»; в № же 23 (стр. 11 и 12) представляет, в картине, такое «воздействие слова» «Сибирской газеты» на подростков, что они, считая своих родителей за «позорных капиталистов», порвут с ними дружеское единение. Как же, спрашивается, «Моск. ведомостям», читая все это (и еще многие другое, на что у меня нет места), не усмотреть в «Сиб. вестн.» родственной души?

Теперь «Сибирский вестник» старательно и решительно «отрицается» такого родства душ; это уже не то, что «Мысли вслух» № 14, оканчивающиеся мрачным напоминанием о людях, желающих «перевернуть мир вверх ногами».. Что ж, и то прогресс...

Простой смертный
Сибирская газета. 1886. № 9.

«СИБИРСКИЙ ВЕСТНИК»

Чем мы живы

Томск живет накануне. Вы понимаете смысл этого магического слова: «накануне»? Еще нового нет, еще не совершилось то, чего ожидаешь, еще вся обстановка прежняя, та, что была десятки лет, но знаешь, чувствуешь, что все это должно измениться, исчезнуть, и на место исчез-

нувшего явится новое, лучшее... да, непременно лучшее: оттого то и звучит так приятно слово «накануне».

Мы накануне новой жизни старого города... Томску двести восемьдесят лет от роду! К трехсотлетию юбилею он обновится, совсем, пожалуй, переродится... Что такое был г. Томск до сих пор? Ничтожная крепостца при основании, этап для наступавшей на восток русской волны населения во времена занятия Сибири и постоянный двор впоследствии. Да, огромный постоянный двор, в котором останавливались проезжающие, складочный амбар, где товары дожидались времени отправки и, на некоторое время, рынок для закупки припасов, необходимых для золотых приисков. Этим определяется характер города и его значение. Прожил наш город столетия, а чем можно помянуть эту жизнь? Всмотритесь в физиономию Томска, идите по улицам, разглядывайте товары, наблюдайте жителей, – и ничего не встретите оригинального, особенного, томского. Нет исторических памятников, нет никаких следов прошлой жизни в нравах и обычаях. Каждый наблюдательный путешественник приходит в отчаяние от непроходимой обыкновенности всего, что встречает в Томске. Еще сто лет тому назад только и нашел отметить Паллас, что такого пьянства и такой грязи, как в Томске, он нигде не видел... Пьянством русского человека не удивишь и грязь не очень оригинальное явление; но, затем, нет решительно у Томска ничего своего: все завезенное и покупное. Никакого ремесла особенного, никаких изделий, ничего нет, и напрасно проезжий человек ищет: что бы купить на память о Томске? Ему предложат сухари от Эйнема!..

Разве признать за отличительную, характерную особенность Томска страсть к сутяжничеству и доносу? Так и то, по ближайшему исследованию местных историографов, оказывается, что корень этой страсти надо искать в той ужасной крепостной зависимости, в которой жили мастеровые горных заводов до 19 февраля 1861 года. Эти крепостные, которыми командовали инженеры, не знали иного способа облегчения своей участи, как донос, и развивали искусство доносить до совершенства. Они, мастеровые, доносили друг на друга, на малое начальство большому, выходили этим в люди, делались чиновниками и передавали детям правила, выработанные веками низкого рабства.

Так, говорят, сложилась гнусная повадка сутяжничать и доносить. Ей, конечно, много помогали и управители, суровые и часто свирепые, при которых в Сибири

Свободно рыскал дикий зверь,
А человек бродил пугливо...

Время шло, смягчались нравы; изменились приемы управления, изменились и формы сутяжничества. Но дух еще жив. Он проникает в новые учреждения, затемняет смысл «новых» слов до того, что, например, слово «самостоятельность действий», объясняют не как право, а как обязанность жаловаться на все, на что только случится. Мы жалуемся на администрацию, на цензора, на газету, и все во имя «самостоятельности».

У Щедрина есть земец, который говорит, что он дорожит правом благодарить; у нас есть люди, которые полагают, что вся сущность самостоятельности состоит в принесении жалоб, забывая, что иногда их «самостийность» есть не что иное, как всероссийское «моему нраву не препятствуй».

Без шуток говоря, Томску нечем помянуть свою минувшую жизнь, он может смело сказать:

И не жаль мне прошлого ничуть,
и возложить упование на будущее. А будущее вскоре изменит существенным образом жизнь г. Томска. Канал на севере, который неумоимо копает барон Аминов со своими инженерами, отведет путь для товаров от старого города, и пароходы, так увеселяющие нас, будут, быть может, радовать сердца нарымцев, – но зато над нами засияет солнце науки – университет; он светом и теплом своим согреет и оживит нас. Кончится история постоялого двора, и начнется история умственного центра огромной и богатой страны.

Весна новой жизни идет, и перед ней, как ласточки, несутся из центра правительственной деятельности новые меры: улучшенные формы суда и главное управление учебной частью. И то, и другое так было давно и так безусловно необходимо... Прибудут с учреждениями и новые люди, которым мы, не спрашивая, где родились они, готовы сказать: «добро пожаловать». Не будем горевать о том, что, вероятно, никто из них не родился в Ялуторовске или Балаганске, а будем только желать, чтобы это были хорошие, честные люди, достойные дела, для которого призваны.

К новой жизни готовятся и новые здания. Благодаря энергическому почину лица, стоящего во главе Томской церкви, заброшенное здание полуразрушенного собора начинает достраиваться. Будем надеяться, что благочестивое дело это совершится, поддержанное массой православного населения не одной Томской губернии. «Всех приглашаю, – говорит в своем письме к Томскому городскому голове епископ Владимир, – великими ли, малыми ли, но только усердными жертвами купить себе неоцененное Божие благословение... Да жертвуют же боголюбезные чады паствы нашей и при скудости своей, дабы заслужить милостивое право

на обилие плодов земных и успеха во всех трудах, а в особенности, чтобы за временную жертву получить мзду вечную...».

К августу будет отделан и новый театр, первый каменный театр в Сибири, который даст, наконец, приют труппе и откроет нам возможность видеть театральные представления действительно в театре, а не в сарае.

Говорят еще о постройке зданий для семинарии и гимназии...

Среди новых учреждений и зданий заживем же и мы по-новому. Царство кулака в старом смысле этого слова, то есть в смысле орудия дантиста, миновало безвозвратно; будем думать, что минует нас и господство кулака в новом смысле, в виду Колупаевых и Обдираловых. Знание и искусство помогут усмирить нравы суровых обитателей севера, которые, как оказывается, склонны к миру. «Сибирская история нас удостоверяет, – говорит знаменитый Миллер, – что когда с покоряемыми или с покоренными уже народами ласково и кротко поступали, тогда они без труда ко всему охотными себя показывали, что он них требовано не было».

Итак, оказывается, самая история учит ласковому и кроткому обращению с нами. Впрочем, это не исключает и законной строгости, что ясно видно из следующего, случайно услышанного разговора:

– Что это вы привязались так к будочникам? – спрашивал один толстяк, сидя за пивом, своего собеседника, юркого маленького человека.

– К каким это будочникам? Это насчет шашек-то что ли?

– Да, насчет шашек.

– Как же не привязаться. Шашек было дано в 1879 году 60 штук, а теперь лишь только сорок одна; ну, дума и решила: провести дознание: куда, дескать, они делись.

– На что же это дознание?

– Как на что? Ежели окажется, что они их растратили, так, значит, под суд.

– Это будочников-то?

– Разумеется.

– А как же вот у вас в управе заступавший место головы пять тысяч рублей растратил, так под суд-то его вы не отдали!

– Ну, это другое дело; то – наш выборный.

– Резон!..

Щукин
Сибирский вестник. 1885. № 1

Чем мы живы

Еще одно, последнее сказанье,
И летопись окончена моя,

Летопись первого года первого сибирского фельетониста. Да, господа, в 1885 году установлен непреложный факт, что возможен постоянный фельетон в сибирском издании. До сих пор его не было, хотя пробы завести этот полезный и приятный род беседы были производимы, но безуспешно. Я говорю без успеха потому, что до появления моего на страницах «Сибирского вестника», ни одно местное издание не давало постоянный фельетон; после разновременных попыток он обыкновенно исчезал и целыми периодами не появлялся вовсе. Не будем отыскивать причин этого, ибо редакции изданий, заводивших фельетон, о них никогда не объявляли, а заходить в них с заднего крыльца, подсматривать и подслушивать – кто и что там делает, почему тот или другой работник бросает занятия, вступает опять и проч., дело некрасивое. Хотя для таких розысков

Есть тьма искусников,
Я – не из их числа,

и решительно к этому неспособен. Примем факт, как он есть: пытались помещать фельетоны и никак не могли давать их постоянно. Я имею честь существовать для читателей «Сибирского вестника» 33 недели, и тридцать три раза вел беседу на отведенных мне столбцах газеты. Это факт. Что беседы были не излишни, что форма таких словесных произведений публикой одобряется, лучшим доказательством служит практика газетного дела всего мира; это было несомненно, но можно ли вести в Сибири фельетон постоянно, – эту задачу решил ваш покорный слуга. Отныне фельетон бесспорно будет во всех последующих изданиях, которые когда-либо заведутся в Сибири, хотя конечно, имя первого постоянного фельетониста будет забыто, как и все на свете забывается.

Сближая изложенное событие с другими достопримечательными фактами сибирской истории, мы увидим, что ровно двести лет тому назад, а именно в 1685 году, признано было, что «хлеб в сибирских городах пашут и хлеб в Сибири родится многой», а потому вятчане, которые до того времени должны были давать хлеб для сибирских людей, освобождены от этой повинности.

Летописец нашего времени несомненно запишет, что в 1885 году в Сибири фельетоны пишут и сибирские люди могут обходиться без фе-

льетонов, привозимых из Петербурга или Москвы. Таким образом, через двести лет после того как признано было, что Сибирь может обойтись без привозного хлеба, можно признать, что она может обходиться и без привозных фельетонов.

Для большего удобства будущего историка нашего времени, когда он будет писать о делах текущего года, а также, чтобы не говорить в новом году о делах, которые новым читателям неизвестны, я должен возвратиться к одному неоконченному делу.

Есть писатель, г. Капустин, искренно влюбленный в идею сельской общины, который написал поэму в прозе, где воспел удивительные порядки сельских общин Тобольской губернии, и воспел, вдохновленный сведениями, которые ему сообщили волостные писаря. Я читал эту поэму, душою умилялся от сладких слов автора ее, и готов был признать мудрость мужичков ялуторовских и тарских палестин, проявившуюся в том, что они свободно рубили лес там, где его было много, и клали запрет в тех местах, где его обреталось очень мало. Это было вполне благо разумно, и каких возражений противу такого поведения мудрых общинников я представить не мог.

Я и не представлял, но я помнил завет моего предка Н. Щукина, который лет 60 тому назад, описывая свою поездку в Якутск, говорил: «Горе тому путешественнику, который заимствует статистические сведения из данных, составляемых волостными писарями, людьми малограмотными и ненадежными, особливо в Сибири». Я не мог к тому же отстать от привычки, усвоенной с детства, все проверять меркою здравого смысла и потому, заметив нелепости в показаниях, приведенных в поэме г. Капустина, рассказал о них в одной из моих бесед с читателем.

Опровергнуть моих замечаний было нельзя, и никто их не опровергал. Однако г. Капустин пожелал объяснить, каким образом он проглядел нелепости и объяснил так, что всякий иной редактор, кроме того, у которого он поместил свое объяснение, не посоветовал бы ему этого делать. Я указал, что, по сведениям г. Капустина, крестьяне описываемых волостей – в одной едят неимоверно много хлеба, мяса и соли, а в другой довольствуются порциями более чем умеренными, и вот г. Капустин говорит теперь, что это происходит от того, что у первых много работников, а соль идет на корм скоту. Итак, если я говорю, что семья в 5 человек крестьян съедает полпуда соли в день, то читатель не должен смущаться, а обязан разуметь, что кроме 5 человек крестьян соль едят коровы, свиньи, овцы и всякая скотина, живущая у них во дворе. Так учит г. Капустин и остается пожалеть,

почему он не привел счета количества сена и овса, съедаемого семьей из крестьян, свиней, лошадей и коров. При описании бюджета купеческих семей я смело могу поставить, что семья из пяти душ съедает каждый день пять пудов мяса, а если мне скажут, что это нелепость, – я возражу, как г. Капустин: это она съедает вместе с пятью, десятью своими работниками! Ах, г. Капустин! Вот что значит сотрудничать у г. Ядринцева! До чего можно договориться, идя об руку с этим рыцарем без... Ведь г. Ядринцеву все равно: он уверял, что сибирские крестьяне и чай пить перестанут от того, что две копейки на фунт пошлин набавили! Душевная болезнь, которую он одержим, заставляет его говорить, говорить без конца, а что из этого выйдет, он решительно не заботится, да и не стоит заботиться, потому что и в самом деле ничего не выходит и никогда не выйдет.

Пустые речи обыкновенно кончаются пустяками. Много их было сказано по поводу того же чая, – на котором так неудачно показал свое рвение доблестный сибирский патриот, – со стороны разных сведущих медиков, объявлявших что чай никакой пользы не приносит. Речей этих никто не слушал, а чай все пили, да пили, и чем дальше, тем больше, и вот наконец знаменитость медицинского мира Либих объявил:

«Мы находим в высшей степени вероятным, если не сказать верным, что инстинкт людей отыскал в этом растении действительное средство, чтобы придать своей пище более существенности, необходимой при усиленной в настоящее время жизни людей. Каждое вещество, если оно сколько-нибудь действует на наш жизненный процесс, непременно влияет в некоторой степени и на нервную систему, на духовные наклонности и волю человека. Нет того питья, которое своими составными частями имело бы более сходства с мясным бульоном, как чай и кофе, и потому очень вероятно, что потребление их, как составной части пищи, основывается на их возбуждающем и оживляющем действии, свойственном также и мясному бульону. Чай отличается от кофе тем, что содержит в себе железо и марганец. Кроме того, мы имеем в чае такой напиток, который заключает в себе составные части, находящиеся в самых сильнейших минеральных источниках, а как бы мало ни было количество железа, ежедневно принимаемое в себя с чаем, оно все-таки не может не иметь влияния на жизненный процесс. По сделанным анализам видно, что отвар чая Сухонга заключает в себе 3,29 железной окиси и 0,71 марганцевой окиси, а явайский кофе содержит в себе 0,25 железной окиси; далее замечено, что отвар в 70 грамм чая Пекко содержит в себе 0,104 грамма железной окиси и 0,20 грамма марганцевой окиси. Из

этого легко можно усмотреть, какое полезное действие должно иметь ежедневное употребление чая на малокровных и страдающих бледною немочью, так как чай вводит в кровь железо. Вероятно, этим и можно объяснить то обстоятельство, что в Англии, где чай ежедневно употребляется всеми, бледная немочь у молодых девушек встречается реже, нежели в Германии...»).

Либих не знает – как употребляем чай мы, а то бы он еще более убедился, что бледной немощью девицы, кушающие чай пять раз в день, отнюдь не страдают.

Теперь, мои любезные сограждане, мы можем предаваться милому занятию чаепития не только с удовольствием, но и с сознанием, что занятие это одобрено наукою. А это вещь немалая! Например, никто не отрицает удовольствия скопить капитал, и каждый стремится к этому, но научного основания подыскать не может, а с некоторого времени даже некоторое угрызение совести чувствует, ибо знает, что наука «Сибирской газеты», устами известного самому себе писателя, гласит: Капиталист! Пакогти скорей – и уходи! Разве это лестно? То же могло быть и с чаепитием. Вдруг наука объявила бы, что занятие сие гнусно и представляет разлагающий фактор в организации сельской общины, усиливая антагонизм ичига с сапогом и способствуя дифференцированию элементов сельского быта в индивидуальные его обособления? Что тогда? Ну, а теперь, если бы известный самому себе писатель и сказал что-нибудь такое, мы ему сейчас: а Либих, видишь, что говорит? Против Либиха он идти не может, это не то что здравый смысл, тот можно и не признавать, а Либиха нельзя, потому что Либих – представитель положительной науки.

Давно известно, что наука не только юношей питает, но и тайны природы открывает, и на обязанности каждого лежит открытия науки, сколько-нибудь важные, распространять как можно больше.

Исполняя эту обязанность, я тороплюсь занести в окончательную главу моей летописи ученое открытие, сделанное сибирским аристократом г. Сукачевым. Что г. Сукачев аристократ, – это явствует из того, что, по его собственному показанию, неопровергнутому другими обстоятельствами, он есть потомок первых-первых пионеров, то есть казаков и гулящих людей, которые триста лет тому назад перешагнули через Урал и пошли бродить по сибирским палестинам. Если кто может с уверенностью говорить о своем роде, продолжающемся три века, тот несомненный аристократ. Так вот, потомок первых пионеров повествует, что предки его, завоеватели Сибири, были хищниками Сибири, эксплуататорами ее богатств, но, благодаря сво-

ему такту, они (г. Сукачев говорит «мы», – вероятно, это относится к предкам) не требовали больше, чем им могли дать. Как видите, предки г. Сукачева были умеренны и как бы знали древнюю французскую поговорку, которая гласит, что самая красивая девица в мире не может дать больше того, что имеет. Были ли довольны первоначальные обитатели страны, в которую пришли предки г. Сукачева, этого из речи его не видно, а удостоверяется лишь, что г. Сукачев и другие потомки пионеров полюбили племена, населяющие занятый край, до известной степени успели с ними слиться и на вновь прибывающих перенесли то недовольство, в котором виноваты их предки. То и есть причина розни между жителями Европейской и Азиатской России, недовольства младших братьев старшими!!!

Итак, отныне для сибирского патриотизма отыскано историческое основание. Потомки первых хищников богатств Сибири недовольны новоприбывающими потому, что слились с инородцами и стали смотреть на новых пришельцев так, как инородцы смотрели на их предков. Историческая справка, обнародованная мною о покупке женщин от сопредельных с Сибирью народов и о происшедшей оттого разновидности сибирских метисов, питающих вражду к русским, вполне согласуется с историческим законом, открытым г. Сукачевым. Причина недовольства теперь ясна, да и прежде в ней не было ничего особенно темного. Пионеры, а затем и потомки их, порядком грели руки в стране, отодвигая в сторону полудиких ее обитателей, и, конечно, без всякого удовольствия видели, что пример их вызывает подражание, что «сибирский пирог» признается вкусным не ими одними, что другие не прочь также ухватить его. «Мы пришли первые», вопиют «потомки»; наши предки были хищниками и в наследство оставили нам все, что успели захватить, а вы, новые люди, туда же лезете и хотите вкусить той же сладости, – это не хорошо!

То же самое говорит и каждый, забравшийся на хорошее место, где ему тепло и привольно, когда видит, что и другой того же хочет и идет к нему попробовать счастья, добыть и себе хороший уголок.

Все это история довольно старая, но, ввиду новости появления на поприще исторических изысканий сибирского аристократа и притом известного не столько научно, сколько общественной деятельностью, я считаю долгом отметить открытие г. Сукачева о причине розни между сибиряками и русскими, происходящей от перенесения на сих последних недовольства, в котором виноваты предки своих потомков.

И отчего это не празднуется у нас в Томске день 26 октября? Такие чудесные вещи говорятся в этот день, и все не у нас! Жаль, очень жаль. Я уверен, что в Томске, – ну хоть бы между сотрудниками «Сибирской газеты», – найдется немало потомков первых пионеров, которые объяснили бы нам, почему они недовольны новоприбывшими? Очень жаль!

Будем надеяться, что в следующем году недостаток этот устранился, и в «университетском» городе сведущие о сибирской истории люди поведают всем о причинах возникновения и развития сибирского патриотизма, его надеждах и упованиях, и пристыдят российских людей, идущих толпами в страну, занятую потомством хищников, то есть немного одичавшими. Все это будет особенно полезно и необходимо выяснить обстоятельно и точно именно в следующем году, когда откроется храм высшей науки, в который стекутся юноши, может быть, со всех концов не только Азиатской, но и Европейской России, и могут, в простоте сердечной, думать, что они, в качестве русских людей, пребывая в русском, хотя и сибирском университете, не вызывают недовольства потомков своих предков, а между тем, как новоприбывшие, они в силу исторического закона, открытого г. Сукачевым, не могут быть приятны потомкам пионеров.

Впрочем, в новом году прилетят новые птенцы, а у них будут и новые песни. Поживем, услышим. Желаю вам, читатель, слышать побольше хороших песен в новом году.

Два слова о личном деле. В № 51 «Сибирской газеты» в статье «Неудавшееся посредничество» напечатано, что «фельетонист, пишущий под псевдонимом Щукина, в статье № 29 «Сибирского вестника», прямо называет г. Протопопова бестолковым».

Объявляю, что это ложь, сочиненная публицистом, пишущим под псевдонимом «Б. Шостакович». Никогда и нигде я не позволял себе такой грубой выходки против лица, мне совершенно неизвестного. Я назвал письмо кандидата прав Протопопова, напечатанное в «Сибирской газете», бестолковым, но из этого никак не следует, чтобы это мнение о напечатанной вещи относилось к лицу.

Можно быть достойнейшим человеком и писать чепуху, вроде произведений известного самому себе писателя, который, кстати сказать, рассказывает какие-то сны, объявляя, будто я их сочинил. Очевидно, у него дело дошло до галлюцинаций, и с ним разговаривать не о чем, а публицисту, пишущему под псевдонимом «Б. Шостакович», прежде чем высказывать с велере-

чивыми объяснениями своей собственной лжи, нужно бы знать, что есть разница между отзывами о печатном произведении и о живом человеке.

Щукин
Сибирский вестник. 1885. № 33.

**Накануне конгресса патриотов.
Драматический разговор**

Действующие лица:

Мизантропов, редактор-издатель газеты «Патриотический вздор».

Чудаковский и Кудесниченко, соредакторы Мизантропова, пришельцы с запада.

Романистов, литератор, попавший в Сибирь по грустному недоразумению.

Князь Рюрикович, невольный почетный член редакции.

Кабинет-контора Мизантропова. Хозяин стоит у конторки и считает деньги. Князь Рюрикович сидит, задумавшись, у письменного стола.

Сцена первая.

Мизантропов.

Судьба, поистине, индейка! Еще недавно
Я слышал отзывы кругом: «Он – патриот,
Он чужд наживы и невинен яко голубь,
Исполнен доблести, любви подписчиков достоин!»...
Смеялся я в душе, но выгодную славу
Поддерживал и уверял читателей газеты,
Что сила вся – в союзе сем священном
Издателя с подписчиком своим. И вдруг
Все изменилось: с тех пор как завелися
Новые газеты, день ото дня пустеет мой сундук,
И многих я рублей не досчитаюсь, итоги подводя...
О, если б власть имел я – запретил бы
Газеты все (конечно, кроме мне принадлежащей).
Успехи новых журналистов слишком явны,
И мне бороться с ними мудрено,
Тем более что знают все они отлично,
Как я морочу глупых патриотов.

Когда б я мог – я этими б руками,
Их задушил сейчас! За все разоблаченья
Я клятву дал жестоко отомстить;
Но вот беда: вокруг меня сошлись все пришельцы
С гнилого Запада – им чужд патриотизм,
И не всегда искусно лгут они.
Вот корень зла – но что могу поделывать,
Когда никто другой не пишет для меня?
Мой сохнет мозг и кровь моя
От уменьшения подписки охладела...
И эти господа, ведь, разбегутся все,
Когда платить им будет нечем. Давно ль
Твердили все они, что я – кулак, что невозможно
Работать у меня, что я поступками своими
Авторитет газеты подрываю... Их
Удержать могу я только деньгами. Они, или никто!
Вот роковое положение дела! Но как подписчиков привлечь?
Как их заставить вновь читать наши писанья?
Пообещать им разве премий разных? Авось
Тогда они охотнее подписываться будут...
Нет! Эта мера не всегда кончается удачей:
Пример книгопродавца Вольфа памятен нам всем,
И я пока еще сидеть в остроге не желаю.
Другую надо для подписчиков изобрести ловушку.
(Рюриковичу) Милейший князь! Скажите,
вы слушали меня?

Рюрикович

А? ... Пишу я о эфире рассужденья;
Прервали вы меня; я на десятом небе находился,
Мой дух блуждал далеко от земли,
И, может быть, постиг бы тайну я эфира!
Случалось ли вам, domine, витать в
Заоблачных пространствах?

Мизантропов (в сторону).

Нет, от него мне толку не добиться,
Терзаний сердца моего понять не может он...
Идут мои другие «патриоты» (смеется)
Поговорю я с ними.

Входят Чудаковский, Кудесниченко и Романистов.

Сцена вторая.

Мизантропов (раздраженно)

Опять парадным ходом вы взошли! Нельзя же, господа,
Снимать так явно маски патриотов
И на глазах у всех главнейшую из тайн наших
Проходим выдавать! Там во дворе, особое крыльцо
Нарочно я для вас соорудил, чтоб верили
Читатели, что около меня нет западных людей.
Для одного Матвейча всегда открыт мой вход парадный –
Он – сибиряк природный, испытанный, судьбе своей покорный.

(к Кудесниченко)

Кстати, что нового слышали вы в толпе,
Стоит ли мой авторитет на прежней высоте?

Кудесниченко (в сторону)

Его авторитет? Какое самомнение! **(Мизантропову)**

Не скрою,

Слышал я, что надоели мы толпе немало; скучают
Все, кто ни прочтет писанья наши; многие
Находят, что слишком часто лжем, клеветем мы,
Что надо быть серьезнее, а, главное, честнее
В борьбе с противником, забыть о личных счетах...

Мизантропов (прерывая)

Забыть?! Ведь это звук пустой – не больше!

Могу ли я забыть, что год еще назад

Я самодержцем был печати местной? А теперь?

Теперь меня едва читают, а год еще

Пройдет, и лавочку совсем закрыть придется!

Забыть! Нет не забыть, бороться надо; я жить хочу!

Все (кроме Рюриковича)

Вы – господин, мы – слуги ваши; прикажите – исполним все сейчас!

Мизантропов

Бессильны вы. Надумал я иное,

Надумал я созвать «Конгресс друзей», главнейшего

Из патриотов выписать сюда, и с ним

Держать совет – как горю пособить, врагов как извести?

Не дурно бы и из Иркутска, и с разных мест иных,

Призвать друзей на совещанье наше,
И так или иначе решить – как дальше быть.

Кудесниченко

Благая мысль! Авось и денег привезет
Нам патриот из Петербурга...

Чудаковский (в сторону)

...Вот это – главное.

Романистов

Нет, нет! Едва ли для себя ваш патриот
Не исчерпал все милости, какие только
Мог получить. Для своего издания
Недавнюю подачку едва он выпросил,
Сибирью всюю клялся – последняя она!...

Мизантропов (в сторону)

Он прав. И мне писал патрон наш тоже. **(Громко)**
О деньгах речь потом. Теперь другое нам
Нужно средство; оно, при случае, и деньги даст.
Я думаю конгрессу предложить волшебный эликсир;
Давно я изобрел его. Секрет его состава открою я:
Есть «Дерзость» в нем, есть «Клевета», есть доля и «Ума»,
Но более всего «Бесстыдства» и «Нахальства».

Чудаковский (удивленно)

Но этот эликсир – не новость, он уж давно
Путеводитель наш!

Мизантропов

Правда, я пользовался им, но в одиночку, и только лишь
Столичный патриот поддерживал меня порою; Иркутск же
Нам изменял не раз, и «совесть» проявлял некстати;
Миндальничать нам более нельзя – готов нам мат серьезный,
И церемонии все эти надо бросить. Мое такое мнение.
Кто там в противном лагере, мы всем откроем,
Домашние расскажем тайны все; авось тогда
К нам возвратятся ласки патриотов
И их любовь, к которой я привык, а вместе с нею
Опять наполнится газетная, пустая ныне, касса.
Что скажете, сыны невольные Сибири? Ответа жду я.

Чудаковский

Опасную игру хотите вы вести. Открытый бой

Для нас невыгоден: ведь назовут и нас по именам...

Что скажем мы тогда? Какие же Сибири мы сыны? Помилуйте...

Мизантропов (подумав)

Пожалуй, что и так! Мой эликсир волшебный

Мы обратим на патриотов, заставим их

Читать газету нашу, скандала ради...

Романистов (в сторону)

Ну, литератор!

Мизантропов (воодушевляясь)

Я предложу, в стихах и в прозе,

Тех ренегатов обличать,

Кто, позабыв Кучума в Бозе,

Пришельцев орган стал читать.

И, изменив нам, патриотам,

Доволен вражеским листком;

Им отомстим, Искарриотам,

Мы обличительным стишком.

А не пробрать кого стихами,

Того я в прозе отхлещу

(Есть образцы тут, под руками,

Я их к конгрессу отыщу);

Прочтет он сам, прочтут другие,

Злорадства ради, поощрят,

А нам доходы и такие

Теперь уж клад!

Все (хором)

Клад, клад!

Кудесниченко

Ваш план хорош, и нет сомнения

Конгресс его одобрит. Источник денег верный –

Чего же больше? На этом мы покончить

Беседу нашу можем, и ожидать решения

Великого конгресса патриотов будем... **(в сторону)**

Украина! Прости мою измену!

Рюрикович

Сейчас звезда упала – я загляделся и пожалел о ней.

Мизантропов

Неисправимый звездочет!... Однако

Падение звезды в такое время – знак

Плохой. Не есть ли это предсказанье
 Падения всех нас? Нет, быть не может!
 Мой эликсир спасет, поддержит патриотов!

(Продолжение после конгресса)

Трехсотлетний Сибиряк
Сибирский вестник. 1886. № 46.

Сон газетчика конца века

Ночь... Где-то вдали часы глухо пробили двенадцать, а я все еще писал. Проворно бегало перо по бумаге, легко и свободно ложились строчки мелкими рядами. Я был в ударе. Едкие намеки, злые сравнения и язвительные уколы лились неудержимым каскадом. Наконец, я кончил фельетон, отбросил перо и самодовольно начал перелистывать исписанные страницы. Статья была положительно хороша, только мала.

– Пустяки сущие придется получить, – подумал я. – Разве авансом попросить?

И мне живо представилась сутуловатая фигура управляющего конторою редакции, проворно вскрывающего груды денежных пакетов; весело чикают ножницы у него в руках и стройные колонны красных, синих, зеленых и желтых бумажек растут с каждою минутою; весь пол давно уже побелел от пустых конвертов.

– Не даст... А будь у меня своя газета, все это было бы мое!..

Я встал из-за стола, прошелся по комнате и залпом выпил две рюмки рябиновки.

– Ну, стал ли бы я пить тогда эту кислотину?.. Никогда! – думал я, пережевывая кусок бокшейну.

А внутренний голос, как Агасферу, шептал мне: «Ты еще не издатель, так пиши, пиши же, пиши!»

Но писать я не стал и, раздевшись, лег в постель, придвинул к себе пачку последних газет и рассеянно начал пробегать объявления. Иллюстрированные издания щедро рукою расточали в них обещания наградить полными собраниями сочинений русских классиков и огородными семенами, научными сборниками и стенными календарями, модными выкройками и олеографиями в 32 краски. Имена современных писателей, которыми гордится страна, красовались в рекламах лубочных изданий...

– Да разве же я не мог бы составить такого же объявления, не мог бы обещать олеографию еще длиннее, еще шире? Судьба положительно несправедлива ко мне, – думал я, засыпая.

И снилось мне...

* * *

На дворе залаяла собака; в сенях послышались чьи-то шаги; столб морозного воздуха ворвался в комнату и незнакомый голос явственно произнес:

– Г. Восемь!

Я встал с дивана. Предо мною стоял почтальон.

– Потрудитесь получить, – сказал он мне, протягивая большой пакет.

– Из главного управления! – радостно воскликнул я, порывисто срывая обложку и быстро пробегая содержание полученной бумаги; но не успел я дочитать ее до конца, как бросился к нему на шею и, прильнув к грязной шинели, радостно зарыдал, беспрестанно повторяя:

– Я редактор!.. я редактор!.. мне разрешили издавать газету!..

Скоро, однако, я сообразил, что редактору-издателю «Зеркала», газеты политики, литературы, финансов, коммерции и общественной жизни, не следует унижать своего достоинства и, приняв величественную позу, я сказал почтальону:

– Заверните на днях и получите...

Прежде всего нужно достать денег, подумал я. Да это пустяки. С тех пор, как редактировать газеты начали заводчики и в писание передовиц ударились лабазники, – литература стала считаться солидным коммерческим предприятием и в кредите, конечно, отказа не будет. Гораздо труднее вопрос: как заманить сотрудников с громкими именами. Не пойдут, скажут: «не хотим купаться в грязных помоях, да к тому же еще не иллюстрированных». Разве с авансом поспешить к ним на встречу?

– Никогда! – воскликнул я, – мой девиз: «Никаких авансов!» Да, я обойдусь и без них.

Внезапная мысль озарила мой ум. Сердце радостно забилося: трудный вопрос был решен. Я вскочил с дивана, взял листок почтовой бумаги и написал письмо своему приятелю, волостному писарю.

«Любезный Иван Семенович!

Недавно ты уговорил крестьян продать каменноугольные залежи за сто рублей. Надеюсь, что ты также дешево сумеешь выполнить и мое поручение, а состоит оно в нижеследующем: подыщи мне, пожалуйста, между недоимщиками крестьян, а еще лучше ссыльно-поселенцев со следующими именами: Петра Боборыкина (в крайнем случае можно Пахома или Памфила), Сергея Терпигорева и Александра или Алексея Михайлова. Как только отыщешь требуемых лиц, благоволи выслать их ко мне этапным

порядком. Не желая оставаться у тебя в долгу, я отвожу в редактируемой мною газете для тебя 200 строк, на которых ты и можешь воздать себе хвалу по собственному усмотрению. За излишек против назначенного размера тебе будет выслан счет, как за объявление на первой странице.

Искренне преданный тебе Восемь, редактор-издатель большой ежедневной газеты «Зеркало».

P.S. Если встретится несколько однофамильцев, то предпочтение следует отдать лишенным всех прав состояния».

Прекрасно, продолжил я размышлять, передовые статьи и фельетоны я буду вырезать и наклеивать сам, а мои именные сотрудники будут их подписывать. Я знаю, что завистливые газетчики забросают меня грязью и будут утверждать, что эти лица вовсе не работают в «Зеркале»; но тогда можно будет засвидетельствовать их подписи надлежащим порядком и враги будут посрамлены. На этой почве я неуязвим.

Вот беда: в музыке я мало смыслю, ну, да это пустяки: театральные и музыкальные рецензии можно поручить писать самому антрепренеру. Кому же, как не ему знать лучше светлые и темные стороны своей труппы? Навязывать ему свои мнения, стеснять свободу выражений я не буду, пусть платит по пятаку со строки и пишет, что хочет. У него будут сборы, а у меня доход. Оба довольны будем. А узнают о моих порядках, так и иногородние антрепренеры сотрудничать начнут.

Другое дело «магазинная хроника», – этого отдела я не выпущу из своих рук: к нему у меня с детства есть особое призвание. Зайдешь в магазин – от хозяина привет и ласковая улыбка, низкие поклоны от приказчиков всеми уважаемому редактору. Остановишься на пороге и глубоко вдохнешь в себя воздух, а потом медленно уронишь:

– А ведь, кажется, воняет...

– Что вы-с, помилуйте-с! У нас недавно санитарная комиссия все товары-с керосином дезинфицировала.

– Гм! ...А это что? Омары?

– Омары-с.

– В соку?

– Так точно-с... Прикажете завернуть?

– Заверни, любезный!.. Рокфор?

– Рокфор-с. Прикажете отрезать на пробу? – подобострастно спрашивает приказчик.

– Что? У меня нет собак...

В эту минуту хозяин и подбегает к оторопевшему приказчику и тихо шепчет ему:

– Завертывай, болван, весь: смерть не любит, когда не по целому куску дают.

Я принимаюсь закуривать сигару и делаю вид, что не слышу разговора, но через минуту спохватываюсь и говорю хозяину:

– А на счет вина-то я и позабыл...

– Не извольте беспокоиться, – отвечает он, – в санки уж положен кулечек-с...

– То-то же... да, пожалуйста, не вздумайте мне счет послать: терпеть этих счетов не могу.

– Помилуйте-с, мы эти порядки знаем.

– Хорошо, хорошо! До свидания!

Я сажусь в сани и уезжаю писать отзыв о товарах... Нет, решительно никому не уступлю этого отдела!

А для «справочных сведений» нужно будет подыскать толковых сотрудников. Этот отдел – большое место всех газет: кроме дел, назначенных к слушанию в судах да списка недоставленных телеграмм в нем решительно ничего не бывает; но я не пойду по избитой дороге. Газета должна высоко держать свое знамя, должна свято оберегать подписчиков от обмана. справочным сведениям у меня будет посвящена вся третья страница, их я разобью на несколько рубрик: «адвокаты», «врачи», «педагоги» и т.д. N.N. защищал дело такого-то и проиграл его 1 декабря. X.X. лечил Y.Y.; больной скончался такого-то числа. Z.Z. готовил сына U.U. в пятый класс, ученик провалился по всем предметам. Публика должна знать: кого надо избегать, кого нужно остерегаться. Конечно, быть слишком строгим и карать постоянных клиентов газеты за мимолетные промахи и ошибки не следует. Ну, да это само собою разумеется.

Тут самый серьезный отдел – объявления. Тут я думаю внешнюю форму позаимствовать у «Московских ведомостей». В самом деле, какой получится эффект, когда подписчики увидят на четвертой странице мою собственную фигуру во всем редакторском величии. Надо мною будет надпись аршинными буквами: «Я покупаю», а по бокам:

Семгу – у Н.Г. Гадалова

Серебряные портсигары у И.Г. Гадалова

Белье и платье в трактире Косолапова,

Пиво и водку в Солдатской слободке, в мелочной лавке...

Кто устоит против этого соблазна?..

Мысль положительно хорошая; но загонять объявления, этот «двигатель торговли» на последнюю страницу все же не следует. Не лучше ли распределить их равномерно по всем отделам? Например, в «Городской хронике» будет сообщено, что Иван Иванович откусил ухо Ивану Никифоровичу и сам остался с половиною бороды. Тут и печатай объявление: «Бальзам Бормани от всевозможных ран» и «Тополин – вернейшее средство для ращения волос». Или в отделе «Театр и музыка» будет рассказано о трагической смерти от чахотки молодой героини. Здесь и поместить объявление г. Гюйо о дегтярных пилюлях. С одной стороны, рекламы будут лучше запечатлеваться в памяти читателей, с другой – заказчиков можно будет заставлять оплачивать текст газеты.

Сомневаться в моем организаторском таланте положительно нельзя и «Зеркало» ждет блестящая будущность. Пусть клеветают завистливые газетчики, пусть обвиняют меня в бесцеремонном обращении с литературной собственностью, я не буду просить у них снисхождения: из их нападок, из их ругани я скою себе новое могучее орудие для распространения своей газеты. Ну, обличат меня в плагиате... что же тогда? Расшаркаюсь перед подписчиками, заявлю, что был введен в заблуждение своим Пахомом Боборькиным, а сам черкну несколько слов ближайшему начальству. Разве решатся отказать руководителю общественного мнения, редактору большой ежедневной газеты в ничтожной услуге? Никогда!.. И в следующем же номере явится подробное описание экзекуции над нашим уважаемым беллетристом П. Боборькиным. Тут уж сам князь Мещерский не устоит и примется восхвалять мою энергию и рекламировать «Зеркало». Станут ко мне, как ручьи в океан, со всех сторон подписчики стекаться и розничная продажа достигнет до ста тысяч экземпляров в день. Тогда я устрою «зал депеш» с маркигантскими закусками для подписчиков и выпишу себе повара от Оливье. Хорошо, шельмец, готовит стерлядки по-американски...

– Ну, что вы взяли своими обличениями? – крикнул я воображаемым врагам и... проснулся.

* * *

Свеча уже догорела и обертка пылала красноватым светом. Часы показывали половину седьмого. Я зажег лампу и сел за стол; но долго я еще не мог принятьсь за работу и все повторял:

– Так это сон! так это сон!... А счастье-то было так близко, так возможно.

Восемь
Сибирский вестник. 1892. № 150.

**Она покупает весеннюю шляпку
(Эскиз)**

Ей вовсе не так легко это сделать, как могло бы показаться с первого взгляда, напротив, можно сказать, трудно, и даже очень трудно.

Прежде всего надо решить, в какой идти магазин – вот уже и целая история. В одном выбор очень ограничен, в другом приказчики не так вежливы, как бы ей хотелось, в третьем берут слишком дорого, в четвертый она уже давно решила не ходить... чистое наказание с этими магазинами!.. Но вот наконец она все-таки решилась, прихватывает с собой подругу и едет.

– Покажите мне весеннюю шляпку, – врывается она, подобно урагану, в модный магазин...

Приказчик, испытавший в тот день быть может не одно уже такое нашествие прекрасных бусурманок, со всех ног бросается к полкам и тащит целую грудку шляпок, вперед уже предчувствуя, – что одной такой грудой ему не ограничиться.

– Вот эта с красным пером и плюшевой отделкой... она мне очень нравится, но что ты скажешь, Лили, насчет полей? – обращается она к своей подруге, вертя у ней шляпку перед носом.

– Поля, я думаю, очень красивы.

– Да, но не кажется ли тебе, милая, что они слишком велики и слишком загнуты кверху?

– Пожалуй, если особенно принять во внимание твою маленькую головку.

– Конечно. Нет, этой шляпки я решительно не могу взять.

– Вот эта, сударыня, надеюсь вас вполне удовлетворит, – говорит приказчик, показывая на изящную шляпочку модного фасона.

– Да, конечно... как тебе кажется, Лили?

– Безусловно прелестная шляпка...

– Но обрати, милая, внимание на серый цвет. Мне кажется, он слишком скромен для весеннего времени. И кроме того, он совсем не идет к моей зеленой жакетке.

– Пожалуй, ты права, – соглашается подруга, – но тогда я бы тебе советовала взглянуть вот на эту с черным пером.

– Да, да – черное перо при светлой отделке, это очень оригинально...

– Многие теперь, сударыня, эти шляпки носят, – радостно вставляет приказчик, втайне надеясь, что дальше этой шляпке выбор не пойдет.

Шляпка рассматривается и оценивается по всем статьям.

– Черное перо, светлая отделка... но ведь я совершенно забыла, что мне не с чем будет носить такой оригинальной шляпки.

– Но у тебя, кажется, есть другой жакет, и притом как раз подходящего цвета, – говорит подруга.

– Ах, ты ничего не понимаешь – могу ли я всегда носить этот оригинальный костюм, когда иной раз я вовсе не хочу обращать на себя внимание.

– Можно на это время надевать другой...

– Нет, нет – я не вижу тут конца разным неприятностям, я не могу, не хочу этой противной шляпки. При том же я совершенно забыла, что траурный цвет вовсе не к лицу мне. Разве вот эту красную...

– Очень пойдет, особенно когда разругаешься.

– Вот в том-то и беда, а в остальное время цвет этот будет слишком кричать собою о моем бледном лице... ведь бываю же я иногда и бледной...

– О, очень часто.

– Ну, вот видишь... По-моему это самый зимний цвет – от него веет теплом. Я бы взяла еще вот эту розовую, но это девичий цвет, эта, с белым пером, слишком сентиментальна.. я наконец не вижу здесь ни одной подходящей для себя шляпки..

– Помилуйте, сударыня, у нас выбор громадный, – вдруг спохватывается приказчик, – надеемся вполне угодить.

Через несколько минут он уже тащит новую грудку всевозможных шляпок.

– Ах, вот эта мне нравится сразу, – говорит она, накидываясь на шляпку с зеленой отделкой.. – И цвет.. и форма... я всегда такие шляпки любила.

– Ну, слава тебе, Господи, – думает приказчик, – наконец-то!

– Только вот тюлейка как будто немного узка... но зато цвет... что вы скажете насчет зеленого цвета? – вдруг обращается она к приказчику.

– Очень приятный цвет, – спешит ответить приказчик, которому в это время ничего, кроме «зеленого змия», на ум не приходит.

– Разумеется...

Шляпка откладывается в сторону, она глубоко и продолжительно вздыхает, ибо все-таки вполне не удовлетворена – эта самая противная

тоулейка, если бы ее сделать чуточку пошире, ну, тогда совсем другое дело.

– Я думаю, теперь мы можем ехать? – напоминает подруга, которой надоело ждать и у которой шляпка давно уже куплена.

– погоди... я хочу обратить твоё внимание ещё вот на эту шляпочку. Видишь – с голубой отделкой и страусовым пером... прелесть!

– Но ты ведь уже выбрала с зелёной отделкой... и кажется окончательно.

– Ах, вовсе не окончательно... ты нарочно меня злишь... Я тебя спрашиваю, что ты скажешь на счёт страусового пера?

– Перья у нас первый сорт-с, – спешит уверить приказчик.

– Я совсем не про то... Страусовое перо при голубой отделке...

– Ах, милая, конечно это очень красиво, но я думаю пора уже ехать.

– Едем... Боже мой – я совсем забыла, что мой муж не любит зелёного цвета... терпеть не может...

– Что же ты раньше думала, ведь это можно бы раньше.

– Что думала, что думала? – раздражается она... – По-твоёму это очень легко? У меня уже в голове помутилось.

Она чуть не плачет... Вечно кто-нибудь или что-нибудь помешает!... Шляпка с зелёной отделкой так понравилась ей и вот вдруг такое неожиданное обстоятельство.

– Придется остановиться вот на этой голубой со страусовым пером, – говорит она подруге.

Приказчик услужливо хватая за голубую шляпу с страусовым пером, весьма основательно полагая, что её надо завернуть.

Она все-таки ещё колеблется... Голубой цвет, голубое небо, голубые мундиры.. нет, она решительно начинает ей не нравиться... Это было бы подходяще для молоденькой девушки, но для неё, уже взрослой и замужней женщины... нет, голубой цвет ей совсем не идет... И потом, что за странное сочетание голубого цвета на шляпке с белым воротничком жакета и кремовой юбкой... Решительно, она не может остановиться на такой дикой шляпке!..

Прелестные ручки энергично протягиваются к лежащей на прилавке гряде шляпок и скоро-скоро, почти лихорадочно начинают перешвыривать их из стороны в сторону...

– Красная, темная, опять голубая... Лили, да помоги же хоть ты мне, – говорит она в отчаянии, бросая беспомощные взгляды на свою подругу.

Лили, которой уже давно хочется уехать, накидывается в свою очередь на приказчика...

– Несите весь ваш ассортимент!..

На прилавке появляется третья грудка шляпок. Обе подруги чувствуют, что она последняя, и накидываются на нее с состоянием, близко граничащим с нетерпением, тем более, что обе уже достаточно проголодались.

Шляпки всевозможных цветов и фасонов, с перьями и без оных, с прямыми и загнутыми полями, украшенные травой, цветами, плюшем, бархатом, так и прыгают в их руках, но на которой уже остановиться? Трудно это, ах, как ужасно трудно!

Даже приказчик, наконец, понимает это и начинает смотреть на подруг «с бесконечною жалостью во взоре»...

– Вот шляпка, – говорит он, решив наконец помочь своим покупательницам и качая перед их глазами целым огородом из цветов и трав, но никакого впечатления не производит...

– Нет, Лили, – говорит наконец она, – я решила остановиться на той, зеленой.

– А муж?

– Опять забыла... Ну, тогда, значит возьму голубую.

– Как хочешь, я бы давно уж решилась.

– Нравится мне также и вон эта с белым пером, но уж лучше зеленую... Знаешь, Лили, Серж уж вовсе не так ненавидит этот цвет, даже говорит, что это, по учению физики, умиротворяющий цвет (о, он у меня очень ученый!), но все-таки мне кажется, что он его не любит... И именно за то, что зеленый цвет умиротворяет. Правда, нехороший цвет, Лили? Не взять ли лучше голубую?

Она на минуту задумывается – в ее хорошенькой головке теснятся все такие грустные мысли, что ей хочется уж плакать... Она даже начинает сердиться на свою подругу – нисколько, нисколько она не хочет ей, бедной, помочь, бессердечная, право, какая!..

– Слушай, Лили, – чуть не с отчаяньем говорит она наконец, – я окончательно решила взять зеленую.

– Прекрасно, милая, – я очень довольна, – спешит проговорить та.

– Но и голубая тоже... нет, нет – лучше зеленую. Окончательно, окончательно! Ты довольна, Лили? Заверните, пожалуйста, – обращается она наконец к исстрадавшемуся приказчику, – впрочем погодите.. – а о цене еще, Лили, не справилась?

– Цена самая умеренная, – спешит уверить приказчик, называя скороговоркой цену.

– Ах, Боже мой, как дорого! Ужасно дорого. Не дешевле ли будет та, голубая? И как это я раньше об этом не справилась?

Вот всегда нужно вперед цену узнать. Голубая ничуть не хуже этой, а на целый рубль дешевле. Лили, возьмем голубую.

– Слушай, нам необходимо еще ехать за перчатками и за материей на кофточке, – напоминает наконец подруга, в расчеты которой вовсе не входит торчать в магазине, когда ей нужно быть совершенно в другом месте.

– Ах да, ты совершенно права – с этой шляпкой я совсем все забуду. Сколько же времени теперь? Боже мой, уж 12 часов, когда же мы успеем за перчатками?

Зеленая шляпка благодаря этому ловкому маневру подруги, наконец завертывается, укладывается в коробку и подруги выходят на улицу.

Здесь она вспоминает еще два неопровержимых аргумента в пользу голубой шляпы и три таких же непоколебимых доказательства в пользу зеленой... В конце концов она решает, что больше никогда в этот противный магазин не поедет...

Да, ужасно трудно купить хорошенькую шляпку!..

О.Е.П.

Сибирский вестник. 1899. № 67.

Как я был интервьюером

Я решил сделаться интервьюером хотя на один день.

Это было довольно страшно, но ведь, во-первых, смелым Бог владеет, а во-вторых, интервьюерство так заманчиво, раскрывает такие розовые горизонты, сулит такую массу новых впечатлений, что тут и ленивому мудро устоять.

Итак, снабдив себя достаточным количеством папирос «Колибри» и запасшись приличной долей нахальства, я отправился...

Иду по улице, помахиваю тросточкой и соображаю: с кого начинать?

Пока думал, подвертывается под руку старинный закадычный друг-приятель.

Натурально обнялись и расцеловались.

– Здравствуй!

– Здравствуй...
– Позволь, брат, тебя интервьюировать.
– С ума сошел!..
– Ничего не сошел.. Па-позвольте интервьюировать...
– Убирайся ты к черту со своим интервьюированием...
– Эк какая особа выискалась!.. В Москве самого Толстого интервьюируют, а тут какой-то чумазый чиновничешка интервьюеров к чорту посылает.

Слово за словом, повздорили и вся дружба к черту...

Первый блин, по пословице, вышел комом.

Пустился дальше... Вижу «фруктово-бакалейный» магазин; захожу, осматриваюсь.

Стоят приказчики за прилавком, и лица у всех такие траурные, как будто все сейчас самых близких своих родственников похоронили.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Позвольте интервьюировать...

Приказчики даже глаза от удивления вытаращили...

Стою, ожидаю, что будет дальше; приказчики тоже стоят и смотрят...

Стояли, стояли, надоело наконец.

– Что ж, спрашиваю, насчет интервьюерства-то как же?

Самый старый приказчик с самым траурным лицом неожиданно выглянул откуда-то из-за груды фруктов и гробовым голосом пробасил:

– Нечего нас интервьюировать, потому что мы лошади...

Я подскочил на месте.

– Позвольте, как же это лошади?... Люди, хоть и с траурными лицами, и вдруг лошади... Чорт знает что такое?

– Лошади, кони, – упрямо повторил старик приказчик... – По работе нашей лошади, милостивый государь. И даже хуже лошадей. Лошадь, если с раннего утра до поздней ночи работает, так и по крайней мере в воскресенье отдых знает, а мы круглый год изо дня в день вот здесь за прилавком торчим и какие такие там воскресенья бывают давно уж забыли... Лют наш хозяин на этот конец, ничего знать не хочет... Хотели было уж ему стихи от «Волгаря» – помните, еще такие чувствительные стихи – поднести, не разжалобится ли мол, да побоялись...

Кремень-человек, никаких христианских чувств не признает.

Приказчик ударил себя кулаком в грудь и лицо его сделалось еще траурнее... Я начал чувствовать, что и у меня физиономия вытягивается

прямо пропорционально длине приказчицей речи... Все мое интервьюерство могло кончиться самым печальным и неожиданным образом. Я собрался со всеми силами и пропищал:

– Ведь дума... того... дума-то, кажись, не велела в праздничные дни до 12 ч. торговать?

– Дума? Что нам дума и что мы думе? Думе мы говорили: оказалось, что до нас ее постановления не касаются, потому что мы торгуем фруктами...

– Час от часу не легче... При чем тут фрукты?

– Главную роль играют-с.. В фруктах-то тут и сила вся...

Кого Бог надоумит этим самым товаром торговать, тот на все там управленческие грозы плевать хотел... Тут, батенька мой, своего рода рогатый силлогизм с этими самыми фруктами в виде среднего товара. Рассуждение очень простое...

– Фрукты съестной продукт?

– Съестной.. – Съестными продуктами можно торговать когда угодно? Когда угодно.. Ergo, раз у меня «фруктово-бакалейный» магазин, я имею полное право торговать круглый год с утра до вечера без всяких там перерывов. И торгуем...

– Одними фруктами?

– Зачем! И бакалею по пути сбываем. Фрукты только в виде, так сказать, разрешения на непрерывную торговлю. А бакалея своим чередом.

– Значит, и фрукты, и бакалея?

– Так точно. И фрукты и бакалея. И эти самые фрукты с бакалеей нас ежедневно, ежечасно целый круглый год терзают самым мучительным образом, и нет нам от них никакого спасения... Я думаю, что и в будущем веке эта бакалея с фруктами нас в покое не оставит.

– А вы бы к полицмейстеру...

– Говорили стороной... Нечего, говорит, не могу тут сделать – фрукты.

– Что за оказия! Вот уж никак не подозревал, чтобы какие-нибудь там арбузы с апельсинами могли такую силу иметь. Даже людей в лошадей обращают – шутка ли?... И никто, ни сам полицмейстер, ни дума-матушка тут ничего поделывать не могут... И сидит себе человек за этими фруктами, как за каменной стеной и начхать на всех хочет.. как хотите, ей-Богу, забавная история!

А впрочем... мне-то какое до всего этого дело? Не меня ведь изводят и не я ведь фруктами изнываю. Я только интервьюер... Бегу дальше, прочь от этих траурных приказчиков!..

Завернул за угол. Ба!.. городской ломбард! Непременно нужно интервьюировать... Захожу.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!..

– Позвольте интервьюировать.

– Что? как? интервьюировать? – раздалось за перегородкой.. – Гони его, мазурика, в шею...

– То есть как это в шею? – возмутился я. – На каких таких основаниях?..

– Гони, гони... Всякая, прости Господи, пакость тут шляется.

– Да позвольте – я ведь ничего... Я только интервьюировать и больше ничего...

– Проваливай!..

– Скажите хоть, что вы теперь с курятниками-то делаете?

– Проваливай, проваливай... Нечего тут проедаться... Никому ничего говорить не велено. Спешная работа теперь у нас... Даже закладов не берем, а он тут с интервьюерством... Ну? чего еще стоишь? Сказано, проваливай...

– Уйду, уйду... Экие, не приведи Бог, сердитые и неподатливые. Неужто в самом деле так таки ничего не принимаете?

– Ничего, ничего...

– Даже курятников?

– Ни курятников, ни роялей, ни – ни интервьюеров... Ну, отваливай...

– Отваливаю, отваливаю... Прощения просим, много благодарны, на будущий раз будем знакомы...

– Ладно, ладно... Дай Бог реже видеть... До свиданья...

Я вышел из ломбарда, или, вернее, был постепенно вытерт из него плечом сторожа...

– Ну, этих интервьюерством не проймешь, не такой народ. По их комплекции хорошую оглоблю надо, а не худощавого интервьюера.

Плюнул и отправился дальше. Иду – навстречу какой-то дюжий господин в галунах. Приглядываюсь хорошенько – швейцар из высшего храма науки.

Как был, так и бросился ему на шею...

– Голубчик!.. Позволь интервьюировать!..

– Па-па-пазвляю, – вытаращил швейцар на меня глаза...

– Скоро ли у вас пастеровскую-то станцию будут строить?

– А это нам неизвестно, как начальству вздумает...

– Голубчик!.. Скажи ты им там, чтобы поскорее.

– Что так? Сверху, кажись, не каплет.

– Каплет, голубчик: каплет, сизокрылый... На днях моего приятеля пес искусал... Потом еще женщину, лошадь и корову, потом городского врача, потом девочку...

– Ну, какое мне дело до девчонки?

– Нет, это ведь прямо возмутительно, милый, идет девочка по улице «с книжками под мышкой», а рядом несутся 6 громадных псов. Шерсть клочьями, языки вывалены, хвост трубой, глаза кровью налиты и вдруг... Вообразите себе, что одному из них вдруг не понравилась девочка... Раз так, поймал девочку за ногу и давай таскать... девочка кричит... пес ворчит, а результат самый плачевный... Ведь никому неизвестно, что это за пес такой был... Может бешеный, а может быть и нет, кто его знает. Обратитесь к доктору, осмотрите мол рану и скажите, требуется отправлять девочку в Самару или нет? – А вы мне сначала того пса предоставьте, говорит доктор, а потом уж это я вам скажу... Ну, вот теперь и сообразите, голубчик, в какое дикое положение можно без пастеровской-то станции попасть... Поняли?

– Понял, да только что ж? Как начальство...

– Какое там начальство? Станцию нам надо, понимаешь? А он про начальство твердит...

Швейцар начал подозрительно поглядывать по сторонам.

– Э, да ты, брат, я вижу, того... Чорта из тебя высосешь... Начальство да и только!.. Сто лет здравствовать.

Бегу дальше...

Вот это понимаю! Вместо швейцара две розовощеких барышни.

Набираюсь нахальства и подхожу...

– Позвольте интервьюировать!..

– Ах, что вы!..

Барышни сильно краснеют и скромно потупляют глазки на тротуары. Держу 100 против одного, что слово интервьюировать они приняли за что-нибудь матримониальное... Начинаю действовать смелее.

– Позвольте познакомиться...

– Очень приятно...

– Откуда изволите идти?

– С катка...

– Откройте ваши рты...

Обалдевшие барышни немедленно же открывают.

- Гм... так, все в порядке, зубы целы. Превосходно!
Барышни все еще стоят с открытыми ртами.
- Закройте, больше мне ничего от ваших ротиков не нужно.
Приказание исполняется безусловно.
- А теперь позвольте спросить, вы сами-то не занимаетесь реброкрушительством на катке?
- Что за странный вопрос?
На глазах у барышень появляются слезы.
- Сказывайте, – занимаетесь реброкрушительством? Зубы кому-нибудь выбивали? Нет? Но зачем же в таком случае вы на каток ходите? Да отвечайте же... Видите, перед вами интервьюер стоит и ждет...
- Нахал!
- Как? как?..
- Невежа! Дурак!.. Эфиоп!
- Это интервьюера-то дураком и невежей? Да и вам такого эфиопа...
- Пропустите, а то мы городского...
- Сколько угодно... Сороки короткохвостые... Чтоб вам на вашем катке все зубы разом выбило, что вам челюсти посворотили, чтоб вам...
- Пожалуйте в участок...
- Передо мной стоял весьма дюжий городской.
- Ты кто? – накинулся я на него.
- Я? Я «подвижной пост»...
- Ну, вот что, «подвижной пост», убирайся от меня к чорту.
- Пажалте в участок, – еще раз повторил городской и весьма конфиденциально опустил свою лапу на мое плечо.
- Дело начинало принимать оборот довольно нежелательный. Мысль, быстрая как молния, озарила вдруг мою голову.
- Послушай, – обратился я к городовому, – можно тебя, брат, интервьюировать?
- А вот в участке там разберут, – невозмутимо ответил мой Держиморда... – Двигайся!..
- И мы двинулись – интервьюер и Держиморда – «подвижной пост»...
- Засадят, – думал я, идя дорогой, – и за что? За служение печатному слову... Бедный я, мученик печатного станка, жертва дикого невежества...
- Но дело кончилось гораздо хуже, чем я ожидал.
- Держиморда втолкнул меня в темную приемную и, обращаясь к околоточному, хриплым басом выпалил:

– Вот, ваше-скородие... На улице к честным девушкам пристаёт, своими глазами видал... Нехорошие дела на иностранном языке предлагает.

Если я не провалился в этот момент под пол, то это только потому, что меня тотчас же под него поторопились спустить в какую-то удивительно пакостную каморку.

С тех пор я дал себе честное слово никогда не заниматься интервьюерством.

О.Е.П.

Сибирский вестник. 1900. № 52.

ТОМСКИЙ ЛИСТОК

Наброски

«Все врут календари!» – давно уже решил покойный Фамусов.

– А астрономы – вдвое! – добавлю я.

Их мнение о необитаемости небесных светил основано на гипотезах, ни на чем не основанных.

Беру на себя смелость утверждать, что необитаемые планеты вполне обитаемы.

На Марсе, например, живут военные.

Козерог битком набит рогатыми мужьями.

Большая Медведица служит убежищем тещ.

Созвездие Рака заселено душами членов различных комиссий, на земле проквашивавших дела, и по пути разрешения различных вопросов, двигавшихся вперед с быстротою... рака.

Что касается Луны, то она заселена такими же обыкновенными пакостниками, как и земля.

О, в этом отношении луна от земли ушла недалеко, несмотря на 360 000 верст, нас от нее отделяющих.

360 000 верст, это – самое точное расстояние от земли до луны.

Кто мне не верит, – пусть сам измерит!

Что касается меня, то в этом я уже убедился, на днях только совершив экскурсию на луну.

Путешествие было совершено на крыльях фантазии, подогреваемой мечтами о гонораре.

Способ передвижения, во всяком случае, более безопасный, чем вновь отстроенной железной дороге, или на пароходе.

Ни на карчу не налетишь, ни с насыпи вверх тормашками не сковырнешься!

Отправиться на Луну я решил, в виду этого, без духовного завещания и в свободную от трудов минуту...

«Когда весь... «Томск» угомонится,

Когда все доброе ложится,

И все недоброе встает!»

Так я и сделал, оставив в жертву недоброму элементу вторую пару своих невыразимых¹²⁰, с протертыми коленами и пустыми карманами.

Поднявшись над городом, я почувствовал себя в положении воздухоплатателя, пролетающего над грандиозной помойной ямой.

Обстоятельство, еще раз меня убедившее, что Томск дает ясно чувствовать свою близость не только на очень далеком, но и на весьма высоком расстоянии.

Бросив прощальный взор на засыпающий город, я убедился, что все в нем обстоит вполне благополучно, и успокоился.

В каком-то глухом переулке грабили обывателя, на людной улице унесли целый магазин и двух спящих караульных.

Дальнейшее мое путешествие в заоблачных сферах так мало представляло интереса, что нечего и описывать.

Не будучи декадентом, я по дороге облаками не закусывал, никаких фальшивых аккордов небесной мелодии не слышал и ничего неуловимого в голубом, лучезарном эфире не видел.

Только дышать в разреженном воздухе было так трудно, как будто не переводя духа я съел кухмистерский обед и выпил целый графин томской воды.

Вполне понятно поэтому, что я очень обрадовался, когда ноги мои коснулись, наконец, твердой почвы.

Очевидно, я попал на луну, и попал рано утром.

Из-за горизонта выплывал огромный, как хорошо вычищенный медный шар, диск солнца, обливавший косыми золотистыми лучами и непо-

¹²⁰ Невыразимые. Эвфемистическое обозначение панталон, кальсон «*невыразимые*», появившееся в русском литературном языке второй четверти XIX в., соответствует английскому *inexpressibles*» (см.: Виноградов В.В. История слов. 2010 // Словари и Энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/814> (дата обращения: 17.01.2020)).

движно застывшую в своих берегах реку, и покрытую росой изумрудную зелень... В лицо мне повеяло бодрящей утренней прохладной... Я вздохнул полной грудью, как человек, благополучно добравшийся, наконец, до цели назначения.

– Тащи!.. Тащи!.. Подтягивай!.. – вдруг раздалось почти за самой моей спиной.

Я быстро обернулся и увидел шагах в двадцати от себя солидного лунатика, жителя луны, в сопровождении какого-то господина, с форменной фуражкой на голове, бегавшего и суетившегося около партии рабочих, вытаскивавших тоню¹²¹.

Одно мгновение, и тоня была уже на берегу.

Увы, чрезвычайные усилия дали необычайные результаты: в громадной тоне оказался микроскопический карась!

– Я попал, должно быть, не в добрый час! – вежливо поклонился я солидному лунатику.

– Да вы тут, батюшка, не при чем! Трое суток вот все маемся и всего-навсего поймали... пять карасиков! – досадливо махнул он рукой.

– Ну, что ж делать? Все-таки лучше маленькая рыбка, чем большой таракан, – попытался я утешить своего нового знакомого.

– Хахаха! – покатился он от смеха. – Как вы сказали? Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан? Да вы, батюшка, каламбурит! Ну ее к черту и эту рыбную ловлю! Пойдемте-ка лучше завтракать в Ачинчинск, – еле сдерживаясь от смеха, весело предложил он.

– Это – соседний городок? – спросил я.

– Ну, конечно! Да что вы к нам с земли что ли свалились?

Я поспешил принести благодарность за любезное предложение, чтобы избегнуть дальнейших расспросов.

Чрез минуту мы уже садились в поданную нам тройку.

Всю дорогу позабывший свои неудачи и развеселившийся рыболов сыпал анекдотами самого пикантного содержания, так что я и не заметил, как мы доехали до земской квартиры.

– Прикажете, душенька, яичницу с ветчиной приготовить, да карасиков наших на сметанке зажарить; да чтоб поскорее, голубушка, – обратился солидный лунатик к сопровождавшему его господину.

– Слушаю, ваше ваше-ство, – стремительно удаляясь, ответил он.

¹²¹ Тоня, здесь: линия сетей для ловли рыбы.

Не прошло и получаса, как все мы уже сидели за завтраком. При виде большой сковородки, на которой, шипя и разбрызгивая вокруг брызги масла, плясали миниатюрные карасики, чиновный рыболов почувствовал еще большой прилив веселья.

– А что, голубушка, много лошадей мы выгнали за этими карасиками? – шутливо подмигивая на сковородку и фамильярно похлопывая своего спутника по коленке, спросил он.

– Тридцать четыре, ваше ваше-ство!

– Тридцать четыре! Это за пятью-то карасиками, в рабочую-то пору?! Ну и ловцы же мы с вами! – добродушно расхохотался чиновный рыболов.

Как житель практичной планеты, я в один миг переложил эти 34 лошади на деньги, прикинул к ним стоимость рабочего труда и... едва не подавился костью карася, которым хотел закусить только что выпитую рюмку водку.

– Однако, черт возьми, в вашем Ачхи-чхинске маленькие рыбки стоят больших денег! – вырвалось у меня невольно.

– Ну, уж, батюшка, на то и щука в море, чтобы... карась не дремал.

– Это вы, ваше ваше-ство, насчет карасей в собственном или фигуральном смысле? – улыбнулся я.

– То есть, как это в фигуральном? – изумился он.

– То есть на счет тех карасей, что на сковородке, или насчет тех карасей, что... карасей ловили? – улыбнулся я.

– Ха, ха, ха! Ну и ... шутник же вы, батюшка! И в собственном, и в фигуральном! Давайте-ка лучше выпьем!

И протянув руку к графину, он налили мне рюмку.

Я поднес эту рюмку ко рту и поперхнулся. Поняв, что следующая станет мне поперек горла комом, я поблагодарил любезных «рыболовов» и распростился с ними.

Выйдя на улицу, я вдруг ощутил чувство такого мучительного, жгучего стыда за луну, что от стыда... провалился на землю.

Как хотите, господа, но на луне такая... «дорогая закуска» не должна быть терпима: для этого должно быть довольно и земли.

Земля, впрочем, в эту ночь вела себя значительно лучше луны.

К своему величайшему удивлению, оставленную мной на квартире вторую пару невыразимых я нашел в целости и сохранности.

Их не похитили ни со взломом, ни без взлома замков.

Викт. Лидин
Томский листок. 1896. № 220.

«СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ»

Осип Осипович Незеваев

I

Представьте себе фельдфебеля николаевских времен, лет 45, роста несколько выше среднего, широкоплечего, с высокой грудью, густыми усами и баками, высоким лбом и редкими всклокоченными волосами. Толстые мясистые губы, широкий нос, глупые и тупые заспанные глаза и ямочка на гладко выбритом подбородке.

Вы, пожалуй, скажете: «Нам совсем не интересен какой-то фельдфебель» и брезгливо отвернетесь. Не торопитесь делать такие заключения; это совсем не фельдфебель, это – почтеннейший надворный советник и кавалер Осип Осипович Незеваев. Фельдфебельского в нем только и есть, что фигура, походка и происхождение.

После этого, надеюсь, у вас явится желание ближе познакомиться с почтенным господином. Хорошо, слушайте.

Начну с одежды. (Ведь читателю необходимо иметь пред собой фигуру героя такую, как она есть, без неточностей. Это именно я и хочу сделать.) Одевался Осип Осипович в суконные сюртук и брюки. И тот и другой были, правда, не первой свежести; борты и воротник сюртука лоснились как долго нечищенные голенища, рукава потрепались, а локти в недалеком будущем подавали надежду «прорубить окна» на свет Божий.

Уважаемый герой наш совсем не был толст (так себе), а между тем фалды его сюртука сзади расходились. Благодаря этой, довольно неприятной причине, он хотел сшить себе новый сюртук. Но как обладателю недюжинного ума, ему не пришлось привести этот план в исполнение и непроизводительно потратить деньги. Дело было легко исправимо: стоило только фалды пришить одну к другой. К удивлению своему, уже сделавши это, Осип Осипович заметил, что в дело были употреблены суровые нитки.

Да не подумает читатель, что Осип Осипович напрасно потратил и время и материал. Этот умный человек крепко держался мудрой английской пословицы – «время – деньги» – и где только возможно применял ее. Неудивительно, что и здесь он нашел очень простой исход: суровые нитки, ясно выделявшиеся на черном фоне сюртука, были вымазаны чернилами – и готово. Не правда ли, хитро и умно? Не в обиду будь сказано читателю, не всякий из вас догадался бы это сделать.

Касаться остальных частей туалета Осипа Осиповича я нахожу нескромным. Упомяну только о полукруглых выемках у каблука на панталонах. Какой-то шутник в злобе на Осипа Осиповича за проигрыш ему в эфиопа, сказал, что изъян этот сделали собаки, почуяв какой-то запах. Но ведь мало ли что говорят.

За модой Осип Осипович не гнался и носил сорочку с высоким стоячим воротничком в перемену с такой же с отложным воротничком и черную узкую ленточку, повязанную бантиком. В этом он был либерал!

Какое, однако, слово я позволил себе сказать, господа! Либерал! Да услышь это Осип Осипович, он бы за оскорбление чести меня к суду подтянул! Отозвался так о человеке, никогда не представлявшем собою лица, которое называют этим словом, боявшимся не только говорить, но и думать что-нибудь выходящее из рамок повиновения и благонамеренности. До чего доводит иногда увлечение! Лучше уверить вас, для восстановления истины, что, не говорю в Томске, губернии или даже Сибири, – в целой России – едва ли есть и мог быть другой такой же благонадежный человек, как он. Сам редактор «Московских Ведомостей» не может в этом отношении быть ему равным, несмотря на то, что имеет чин действительного статского советника.

В чем же, спросите вы, выразились эти заслуживающие похвалы и награждения достоинства Осипа Осиповича? И почему он всего «надворный»?

А потому, господа... Впрочем, об этом говорить не будем, скажем только, что чувства Осипа Осиповича «бескорыстны и добровольны».

Благодаря тому, что Осип Осипович держался мудрого, старинного девиза: «Гни других, чтобы себе было легко», ему хорошо жилось при жалованье в 1500 руб. + доходы служебные. Деятельность Осипа Осиповича состояла в проверке счетов и расчетов, в подписке разных отношений и поручений. Я говорю «подписке» потому, что составление лежало на обязанности его помощника и писцов. И тот и другие слишком наострились сочинять эти поручения и проч., чтобы не утруждать Осипа Осиповича черной работой (выражаясь по-канцелярски).

II

Впрочем, я описал еще не все нравственные качества Осипа Осиповича. Это был человек никогда никого не любивший, всем старавшийся сделать гадость, всегда действовавший из-за спины других, на все смотревший с точки зрения личной пользы, недалновидный в умственном отношении. Особенно же он не любил молодежь последнего десятилетия.

Эта ненависть в нем таилась из-за того, что все эти «глупые мальчишки», как он мысленно их называл, часто «перечили» ему и позволяли говорить по его адресу колкости и насмешки.

Но зато как блаженно, как приятно чувствовал Осип Осипович себя в среде своих подчиненных, в десятом отделе! Блаженное состояние не покидало его во все время занятий, если, со своими грубостями, не попадался какой-нибудь «мальчишка». Какой почет и уважение к его персоне видел он в подчиненных, торопившихся на разрыв предупредить каждое желание начальника. А главное, никто никогда ни слова, пока он в комнате, как будто в рот воды набрали. На вопросы же Осипа Осиповича, обращаемые к служащим его отдела, те старались отвечать, не считая себя способными и достойными говорить о чем-нибудь со своим начальником, сознавая его превосходство.

Если же хотите наглядно познакомиться с тем, где, как и при каких обстоятельствах стараются выказать – как Осип Осипович свои таланты, так и подчиненные его свою преданность и почтение, перенесемтесь мыслью в то учреждение, которое своею службою осчастливил господин Незеваев.

Большая, высокая, светлая и чистая комната в каменном казенном доме. Когда мы войдем в нее из коридора, прямо перед нами торчит... цыц, не то сказал... сияет лик Осипа Осиповича, сидящего за столом с зеленым сукном. У стола стоят два мягких стула, на которые... Виноват, господа, может быть, вы устали и хотели бы присесть и отдохнуть? И не думайте об этом: Осип Осипович не пригласит вас, хотя бы вы пришли и по делу. Ему особенное удовольствие доставляет видеть пред собой стоящего человека, имеющего дело – тем более. Впрочем, делается исключение для лиц, «абонировавших» кресло на известное время...

Но оглянитесь по сторонам. По правую руку Осипа Осиповича за столом у окна сидит бледный господин низкого роста, с рыжей бородкой и голубыми глазами и что-то строчит очень усердно, так что на всю комнату слышен скрип пера. Это агент по продаже каких-то книг каким-то лицам, точно не знаю, справиться не успел. По левую руку, бок о бок со столом Осипа Осиповича стоит еще стол, за которым сидят два брүнета: один в пиджаке и фантазии, с масляной физиономией, другой – в форменной тужурке и сорочке. Первый, ближе что, – в учреждении зовется «незеваевскими умами», – это Матвей Матвеевич Гусяткин; обратите на него ваше внимание в то время, когда взгляд его устремлен на Осипа Осиповича! Какое выражение восторга, выражение почтения и сознания

собственной мизерности прочтете вы в этой физиономии! А когда Гусяткин говорит с Осипом Осиповичем, посмотрите – слюнки текут по его толстым губам, он захлебывается от счастья, от прилива восторженных чувств! Говорили, будто Матвей Матвеич до такой степени старался услужить своему начальнику, что в большие праздники, дни, когда у Осипа Осиповича были гости, или в именины, он ходил к нему подавать гостям кушанья, а потом мыл посуду. Впрочем, чего не говорят досужие языки! Изредка вы услышите приятный певучий голос Осипа Осиповича, когда он зовет кого-нибудь из служащих своих. Сознывая их ничтожность перед собой, он всегда звал их по фамилиям, исключая своего помощника и брюнета в тужурке, напр. Гусяткин! Кабелин! Егоров и т.д.

Я вижу по вашему выражению лица, дорогие читатели, как вам неприятно быть здесь. Вы утомлены, несмотря на малое время, проведенное здесь, ошеломлены, хотя ничего особенного не случилось, удивлены не тем, на что хотели подивиться; наконец вы не удовлетворены, хотя пред вами были такие богатые для наблюдений типы. Я замечаю, что вы расстроены, возмущены, потрясены, – Бог с вами, простите, если не угодил!..

III

Еще необходимо предупредить вас о следующем. Если вам нужно будет к Осипу Осиповичу «по делу», забудьте на время, что в городе много воров и непременно возьмите с собой портмоне с деньгами. Дело наше не всегда «выгорит», если вы, придя к Осипу Осиповичу, не остановились в дверях и после низкого поклона, не скажете, не обращаясь ни к кому в особенности: «Можно видеть Осипа Осиповича?»

Если вы сделаете это, – будьте спокойны за ваше дело, не волнуйтесь, Осип Осипович попросит вас в приемную и «дело будет в шляпе». Помните, что если он скажет что-нибудь непотребное, но добавит, что говорит это «из принципа», – не прерывайте его и не давайте понять, что вы ничего не поняли из его слов. Это поведет лишь к ухудшению дела. И если из «принципа» придется вынуть портмоне, то не скупитесь.

Осип Осипович общественный деятель. Я высказал ранее, что он сторонник «Московских Ведомостей» и поэтому враг всякой общественности. Теперь я должен оговориться, что бывают исключения в тех случаях, когда участие в каком-нибудь обществе приносит ему пользу. Так, напр., в последнее время он был распорядителем «компании по продаже онучек», цель которой состояла в том, чтобы заготавливаемые подлежащими местами по 2 коп. пара, онучки продавать по 6 коп., а выручаемые деньги выдавать кому-то (к сожалению не помню, кому именно) в пособие. Случилось как-то так, что

все деньги поступали в «распоряжение» распорядителя. Те лица, в пользу которых деньги взимались, о растрате сумм напечатали в газете и наделали немало хлопот и кучу неприятностей бедному надворному советнику.

Он любил иногда поговорить о политике, почерпая заграничные известия из «Нивы» и «Живописного обозрения», которые читал аккуратно, как говорится, ел эти журналы. Выражение «ел» можно до некоторой степени понимать в буквальном смысле, так как унося домой номера журналов, редко их возвращал. Он весьма точно разбирался в франко-русском союзе, провидя в нем «надежду славы и добра». Глубоко в душе нося эту надежду, он плевать хотел на козни коварной Англии, и угрожал Германии в недалеком будущем разгромом, если она будет продолжать такую политику. Константинополь, а с ним и Балканский полуостров он давно присоединил к России и постоянно ожидал известия, что наконец-то зазнавшуюся Японию хотят проучить. По его мнению, из «принципа» следовало бы все это сделать. Далее этого идти, кажется, некуда...

Не преувеличивая, я описал вам душевный склад Осипа Осиповича. Конечно, в таком небольшом очерке нельзя сказать всего, что следовало бы сказать. Белинский сказал: для меня человек – ничто, убеждения человека – все. Придерживаясь того же воззрения, я не описывал домашний быт Осипа Осиповича, да и всякому известна домашняя жизнь чиновника. Лучше Гоголя едва ли кто опишет ее.

Задача этого очерка – показать читателю, что до сих пор еще сохранились гоголевские чиновники, вопреки сложившемуся мнению, что все эти Тяпкины-Ляпкины, Сквозники-Дмухановские и пр., и пр. перевелись.

Насколько это удалось мне – предоставляю судить беспристрастному читателю, но еще раз подтверждаю, что Осип Осипович – лицо не вымышленное, а взято с натуры, и едва ли в таких господах ощущается недостаток.

К. Яренский
Сибирская жизнь. 1898. № 44.

Декокт

Праздничный день. На лавочке около ворот богоугодных заведений города Ейска сидят два больничных служителя и ведут мирную беседу. Один из них, полный, коренастый мужчина лет под 40, говорит густым басом, протяжно, словно читает поучение, – другой молодой безусый парень лет 20–22, большею частью молчит, наблюдая проходящий ми-

мо женский персонал богоугодного заведения, или впопад и невпопад дакает.

– Я тебе и говорю: коли он по уху наровит смазать, ты его не трожь. Свяжи ему руки-то, а не трожь. Самасшедший все одно что дитя малое, ни дьявола не понимает, хоть ты его до смерти убей...

– Да, вестимо... где его убьешь... – рассеянно тянет молодой парень.

– Тьфу! А он свое! Не про убьешь говорю, а не бей говорю... И чтой-то за бестолочь такая!..

Помолчали. Свернули покурить.

– А что они у вас хворают кады, али так помирают от самашествия? – спрашивает после паузы собеседник постарше.

– Как не хворают – хворают... Цынга донимает.

– Цынга, говоришь, это не ладно. У нас на приисках ее черемшой вытравляли, а у вас как? – любопытствует старший.

– У нас никакой черемши нету.. Ведь это простонародие ее выдумало, а тут все по учености дают: что, значит, предписано там у их, то и дают...

– А что же дают-то? Траву какую али смазь?

– «Дикок» дают – вот что, – с апломбом заявляет младший из собеседников и, видимо, довольный тем, что старший служитель не понимает, что такое «дикок», победоносно и вызывающе смотрит на него. Опять небольшая пауза.

– Дикок – находится наконец ответить старший служитель, – у вас вот дикок, а у нас тирмометр...

– Видали мы и тирмометры.. То совсем другое дело. Дикок это, брат, такая штука... нутреная... а тирмометр жар вытягивает...

– Штука не штука, а все единственно: и дикок твой, и тирмометр все это наука и от нея легче людям помирать...

– Да! – протянул младший служитель.

– А у Аксиньи опять солдат чай пил, – не утерпел он вымолвить слово, увидя вышедшую за ворота сиделку. Старший не обратил на это внимания и на минуту задумался.

– Что ж дикок то этот самый пьют, али натираются, – спросил он, видимо, заинтересованный способом лечения от цынги.

– Во рту полощут и попивают помаленьку... противно оно, вьжет больно, а ничего пользительно...

– А натирать то бы лучше было, – неуверенным тоном заявил старший служитель и отвернулся в сторону.

– Мы и натираемся, все, брат, делаем, потому сам знаешь – начальство приказывает. Ну, больных-то мы и трем, и поим, и вообще всякую оказию производим...

– Так-то Петрович... Пойдем разопьем пивца по бутылочке, а я тебе про Аксюшку такой «дикок» расскажу, что просто любо, – и приятели отправились в пивную лавку.

Сибиряк

Сибирская жизнь. 1898. № 153

Железнодорожная Флора и Фауна

1. Камбала.

Камбаловые (Pleuronectidae) – семейство рыб из отряда мягкоперых. Главный отличительный признак К. заключается в том, что голова и отчасти тело не симметричны: тело очень сильно сжато с боков, очень высокое и обращено одной стороной (окрашенной) кверху, другой (бесцветной) книзу, так что нормальное положение этих рыб – на боку; оба глаза и ноздри лежат на верхней (окрашенной) стороне. Окрашена и снабжена глазами может быть что правая, что левая сторона. При выходе из яйца тело совершенно симметрично... лишь позднее они начинают придерживаться дна, один глаз перемещается постепенно на противоположную сторону, причем кости черепа становятся не симметричными и мускулатура развивается сильнее на одной стороне, становящейся верхней. Камбалы живут в море... могут хорошо выживать и в пресной воде. Держатся на дне, лежа окрашенной стороной кверху, и часто зарываются в песок, так что видны лишь их весьма подвижные глаза, и поджидают добычу. Все они хищны и весьма прожорливы. Они обладают способностью изменять цвет окрашенной стороны соответственно цвету дна.

(Из одного «Учебника ихтиологии»)

Таковы главные отличительные признаки этого монстра. Не подумайте, однако же, будто ими вполне определяется его наружность. Напротив, существует до 200 разновидностей основного типа, с отклонениями от последнего в ту или другую сторону, но с неизменной симметрией туловища, глаз, ноздрей и головы на правой и на левой стороне. Лучшим доказательством чему служит тот самый экземпляр, который следует признать за

представителя и отдаленного потомка местной Камбалы, когда еще северо-западная сибирская жизненность была дном морским и когда на дне вонючих луж, вблизи которых теперь пролетают поезда с затыкающими носы пассажирами, мирно возлежали вымершие предки нашей родной Камбалы. Очевидно, это была разновидность, от которой она унаследовала «тягу» больше в сторону речной и пресной, нежели соленой и морской воды. Очевидно далее и то, что отклонение от основного типа пошло бы еще дальше, если бы периодические экскурсии по «горькой линии» не давали ей возможности вновь погружаться на дно соленых озер и таким образом поддерживать и сберегать в себе первобытные черты своего рода. Тем не менее, отклонения существуют, и прежде всего в том, что в то время, как у настоящей морской Камбалы глаза перемещаются то направо, то налево, в зависимости от более или менее продолжительного лежания на той или другой стороне, у нашей разновидности, во-первых, глаз всего один, во-вторых, и тот все на одной и той же стороне: как будто она утратила чувство утомления, валяясь все на одном боку, а может и просто потому, что как-нибудь, по неосторожности выколов себе один глаз, стала по наследству передавать эту особенность своим потомкам. Думается однако, что первое соображение, покоящееся на таком реальном основании, как восточный квиетизм, представляется наиболее правдоподобным. В таком случае, один глаз мог ослепнуть просто от неупотребления, подобно тому, как объясняется, например, существование бескрылых бабочек тем, что попав на корабле на один из отдаленных и заброшенных в океан островков, они поневоле утратили способность и надежду перелетать значительные расстояния и по наследству стали передавать бескрылость своим потомкам.

Другой отличительной чертой нашей Камбалы является то, что она, вопреки бывшей некогда у предков ее любви зарываться в песок, обнаруживает весьма странное тяготение к имеющим вполне определенное назначение канавам и ямам. Быть может, в этом сказывается просто инстинкт, неудержимое стремление к погружению без достаточно осознанного представления конечной цели и тех печальных последствий, какие отсюда проистекают для ее здоровья и жизни. Все равно, как неопытный жеребчик, завидев поезд, стремглав бежит за ним, как за телегой, в которую впрягли его маму. Так, однажды чуть было не дошло до уголовщины. Дело в том, что, ощутив под зрячей стороной такую канаву, наша Камбала вдруг падает туда и застревает: по привычке она заваливалась на дно боком; завалилась и стала созерцать. Нечего делать, пришлось ста-

вить стропила, протягивать через балки канаты, отвлекать от работы людей, чтобы освободить канаву от столь необычайного завала.

Но это и все, чем она отличается от своего прототипа. По крайней мере, судя по тем немногочисленным наблюдениям, какие мы успели над нею произвести за время короткого знакомства с этим пережитком. Надеюсь по мере дальнейшего знакомства делиться с читателями нашими впечатлениями, отметим пока лишь то, что в общем наша разновидность сохранила все черты своего рода, как, например, хищность, прожорливость и т.д. Только, разумеется, опять-таки более инстинктивно, стихийно, нежели во всех случаях обдуманно и с расчетом «независящих обстоятельств», благодаря чему попадает зачастую впросак. Однажды, например, ей здорово влетело от одного двуногого за ясно выраженное покушение на его бока. Другой раз дело ограничилось словесной, однако весьма энергичной, подкрепленной соответственными жестикациями, стычкой. – Увы! Если проявление первобытных черт будет повторяться и впредь столь неудержимо, то не может быть никакого сомнения в том, что и нашей родной Камбале, подобно отжившим свой век каким-нибудь ихтиозаврам, тоже скоро придет капут. Жалеть, впрочем, об этом нечего, ибо насколько трудно знакомство с ископаемыми, настолько оно легко с продолжающими жить на удивление современникам монстрами. Итак, нет худа без добра: время их как будто нарочно пощадило для того, чтобы не ископаемым только, но и живым материалом обогатить науку...

Сибирская жизнь. 1899. № 180.

Змей-Горыныч (Сибирская сказка)

В одном из медвежьих сибирских уголков, в дремучей синеющей тайге, скованной вечным сном и покоем, поселился один заморский зверь, по прозванию Змей-Горыныч.

Как он попал сюда, никто из таежных обитателей не помнил; одно только все знали, что он прекрасно приспособился к новому отечеству и забрал великую силу над царством пернатых из семейства, по местной терминологии, «сибирского популя»... «Сибирский популь» – это маленькая пичуга, довольствующаяся тем, что лежит в земле, крайне неприхотливая, трудящаяся, но бессильная, в силу роковой ошибки природы, создавшей «популя» с черным зобом и огромными лапами.

Вот над этой-то пичугою и властвовал Змей-Горыныч. Он чинил между ними суд и расправу, вмешивался в их жизнь; за неисполнение своих приказаний наказывал их арестами и штрафами.

Однажды целое стадо «сибирского популя» было им лишено свободы в душной и тесной скворечнице, устроенной попечительным человечеством.

В другой раз, за отказ «сибирского популя» облететь дозором леса, владения Змея-Горыныча, они были оштрафованы, в числе 133 штук, по 15 жучков с носа, то есть они обязаны были вырыть из земли около 2 000 жучков и принести к ногам владыки то, что служило им пищею. Это было не так-то легко, тем более, что они ежегодно, в половинном размере, платили эту дань, за право проживания в лесах, царю тайги – Медведю, часто отказывая себе в утолении голода, так как жучки эти с трудом добываются из земли.

Понятно, такое жестокое наказание вызвало протест со стороны «сибирского популя» и они решились созвать сходку, на которой было постановлено: послать депутатов к Медведю и просить его заступничества от обид, чинимых Змеем-Горынычем. Сказано – сделано.

Царь тайги благосклонно выслушал челобитную и обещал депутатам «сибирского популя» рассмотреть их претензию.

Однажды, проезжая по тайге, мимо логовища Змея-Горыныча, Медведь вспомнил про жалобу «сибирского популя».

Подозвав к себе почтительно стоявшего Змея-Горыныча, он спросил его: «правда ли, что он, Змей-Горыныч, оштрафовал «сибирского популя» на 2 000 жучков?»

– Точно так, вашество! – робко отвечал Змей-Горыныч. – Осмелюсь доложить, что «сибирский популь», пичуга хоть и малая, но ужасно грубая и невежественная. Проучить следует.

– Как же это так? – недовольно крикнул Медведь. – Ведь это полное разорение для них. Чем же вы руководствовались при назначении такого непосильного наказания?

– Я, вашество, был раздражен в ту минуту и... и не сдержался. А потом, в пределах предоставленной мне власти, я совершенно прав, ибо по инструкции...

– Ах, да что вы мне рассказываете! – перебил раздраженно Медведь. – Я вам говорю о тяжести наказания, а вы – о его законности.

– Виноват, вашество!..

Так Медведь и не добился ничего от Змея-Горыныча. Все пошло своим чередом.

Малая пичуга «сибирский популь» по-прежнему живет под эгидой жестокосердного Змея-Горыныча, и последний, благодушествуя, так же, как и ранее, налагает свою властительскую руку на жизнь «сибирского популя».

Массовые аресты, крупные штрафы так и сыплются на головы пришибленной пташки и будут сыпаться до тех пор, пока какой-нибудь счастливый случай не вмешается в эту жестокосердную травлю силы над беспомощностью.

До тех же пор Змей-Горыныч успеет натешиться вдоволь муками малой пичуги.

А малая пичуга пусть себе напевает под нос:

«Вот приедет барин, – барин нас рассудит».

М.С. Кларин

Сибирская жизнь. 1900. № 187.

Осень (Совершенно новый род литературы – трагикомический водевиль)

Действие происходит в Томске 26 сентября 1900 года.

Сцена представляет комнату, стены которой оклеены дешевенькими серыми и местами порванными и выцветшими обоями. На стенах тусклые зеркала и осенние пейзажи в позолоченных потускневших рамах. На противоположной рампе стене – дверь. В глубине сцены кресло, в котором дремлет Осень, – дама неопределенных лет, одетая в серое полинявшее платье; прическа ее, довольно растрепанная, заколота булавкою в виде груздя. На груди вместо брошки – поганка. На ногах Осени глубокие резиновые галоши. Через одну ручку кресла перекинут резиновый плащ.

При поднятии занавеса в дверь входит Сентябрь, – хмурый мужчина, одетый в кожаные картуз и куртку; на ногах у Сентября грязные болотные сапоги. Он хриплым басом докладывает, что на улицах Томска непролазная грязь, что дождь льет непрерывно, и что в городе масса всевозможных эпидемических заболеваний. При первых же словах Сентября Осень просыпается и начинает внимательно слушать.

Сентябрь (продолжая свой доклад): Итак, ваша мрачность, вы вступили в свои права, и я думаю, нам теперь самое время начать наш ежегодный прием.

Осень (мрачно): Приси!

Сентябрь, вытянувшись у порога, открывает одну половинку дверей.

Входит, едва волоча ноги, Водовозная кляча.

Водовозная кляча: Матушка Осень, пожалей ты меня, голубушка, – из сил я выбилась, родимая. Грязь у нас непролазная, мостовые – и того хуже. Не вынесу я, околею где-нибудь – на Магистратской.

Осень (обращаясь к Сентябрю): Попросите сюда госпожу Грязь.

Входит Грязь в грязном платье и с еще более грязным шлейфом.

Осень: Сударыня! Постарайтесь подняться как можно выше, выше глубоких калош «отцов города», выше их колясок, в крайнем случае поднимитесь до окон их квартир и пригрозите, что если они не примут против вас и против разрушения мостовых никаких мер, вы хлынете в самые их квартиры.

Грязь кланяется и направляется к двери, оставляя на полу грязный след от своего шлейфа. За грязью ковыляет и Водовозная кляча, помахивая от удовольствия своим обдерганным хвостом.

Входят Насморк, Тиф, Бронхит и другие.

Насморк, Тиф и Ко (хором):

Наше царство начинается,

Лихо мы поразгуляемся!

Ваша мрачность! Разрешение

Дайте нам – опустошение

Произвесть средь томичей...

Осень (кричит громко): Доктора! Сюда скорей!

Вбегает группа докторов и аптекарей.

Осень: Господа! Начинается ваша «жатва». Не теряйте же дорогого времени, бросайтесь на ваших врагов, но при этом не забывайте, что эпидемическим заболеванием подвергаются не одни богачи, а потому...

Но доктора и аптекари, не дослушав, бросаются на Тиф и Ко, и между ними начинается свалка, во время которой они незаметно подвигаются к двери и исчезают за нею.

Входит распорядитель ломбарда г. Шишкин.

Г. Шишкин (официальным тоном): Считаю своим долгом доложить вашей мрачности, что с началом осени в ломбарде замечается наплыв летней одежды и, напротив, отлив одежды теплой.

Осень (наставительно): Уж порадейте вы, г. Шишкин, для бедноты. Не забывайте, что городской ломбард не только коммерческое предприятие, но и благотворительное.

Г. Шишкин кланяется и уходит.

В дверях показывается ражий детина с свирепой физиономией, на нем бабья, потрепанная кофта, на голове шапчонка с торчащей из нее паклей; на одной ноге бабий башмак, на другой – рваный галош; в руке суковатая дубинка. Детина входит в комнату, подозрительно осматриваясь по сторонам.

Ражий детина: Вот и я – Ванька Каин! Душегуб и Громило! Ввиду наступления темных ночей и моего поступления на зимние квартиры, пришел доложить вашей мрачности о начале моего сезона.

Осень (сентиментально): Что ж делать? Все есть хотят. Иди, да не встретиться с полицией!

Ражий детина (уверенно): Будьте благонадежны: мы с ней редко встречаемся!

Быстро приближается к двери и, ловко выудив из кармана Сентября три медных пятака, скрывается за дверь.

В дверь вваливается Четверть водки, обнявшаяся с колодой Карг.

Водка и Карты:

Томич, томим осенней скукой,

Призвал на помощь нас себе,

И мы – нам имя «развлечение» –

Пришли представиться тебе!

Осень в ужасе машет руками Сентябрю, и последний впускает в двери гг. Каширина и Аярова.

Гг. Каширин и Аяров (подавая на подносе Осени свой репертуар): Вот-с наш репертуарчик. Не угодно ли взглянуть?

Осень (беря и просматривая репертуар): Гауптман... хорошо... Чехов... недурно... Трилогия Толстого... превосходно... Ну теперь вы (кивая на вино и карты) поддержитесь! (К гг. Каширину и Аярову) только выдержите ли? Не много ли взвалили себе на плечи? Помню я, в одном городе также труппа одна обещала-то много, да под конец и оконфузилась: артисты, от переутомления, заговариваться стали.

Выходит один в «Самозванце», в сцене у фонтана, да и говорит:

«Дождусь ее – и выужу признание:

Кто, наконец, ей мил: Молчалин, Скалозуб?»

Ну, конечно, «провал» был форменный... Так выдержите ли, спрашиваю?

Гг. Каширин и Аяров (уверенно): Выдержим, ваша мрачность, будьте уверены.

Осень (растроганно): От души желаю!

Входит дирекция драматического общества.

Осень (радостно): А! «Жив курилка»? Давненько я вас не видала! Ну, что подельваете? Все еще водевильчиками пробавляетесь?

Дирекция: Нет, ваша мрачность! Решили приналечь на Островского. А то уж конфузно очень: вместо драматического-то водевильным общество нас называть стали!

ая о «И смех, и горе» и «Красном смехе»⁷. Этот же список полностью сторону. А вы на Островского-то приналягте, да вот на них (кивая на Каширина и Аярова) посматривать тоже не забывайте, – поучиться у них кое-чему можете!

Директора, взяв под руки Каширина и Аярова, направляются к двери. Вино и Карты, уступая им дорогу, сконфуженно спешат туда же.

Прием кончился, и Сентябрь торопится спустить занавес.

(Следующий приемный день у осени в октябре).

В.Ф.

Сибирская жизнь. 1900. № 208.

«АБРАКАДАБРА»

Газета политическая, экономическая и литературная,
при участии всех выдающихся литераторов, как живых, так и покойных
№ ?

Выходит очень неопределенно, на манер «Живописного обозрения»

ТЕЛЕГРАММЫ

(От неизвестного числа: день был без числа)

Париж. Лубэ объяснился в любви к России, после чего германский посланник погрозил ему пальцем и мигнул в сторону Эльзас-Лотарингии. Лубэ икнул.

Лондон. Чемберлен, кушая рябчика, подавился костью как раз в тот момент, когда получилось известие о блестящей атаке Метуэна против... собственного обоза. Предстоит операция.

Пекин. У китайцев совсем разбежались глаза: один глаз смотрит в Лондон, другой – в Токио. Однако, китайцы на смущаются этим и потирают руки.

Пошехонье. Граждане в недоумении: они совершенно забыли: то ли дом Ив.Ив. находится против аптеки то ли аптека против дома Ив.Ив. Для решения вопроса учреждена особая комиссия.

ПЕРЕДОВАЯ

Томска, мартаббья 42

Заклучен англо-японский союз и мы должны высказать о нем свое компетентное мнение, к которому прислушивается вся Европа, не исключая и Сандвичевых островов.

Этот союз нисколько не опасен для России.

Он заключен для охраны Китая. Но что такое Китай? По свидетельству испанского короля Поприщина, если написать на бумаге слово Испания, то получится Китай. А Китай, как известно из того же источника, помещается около хвоста у каждого петуха. Россия богата петухами, особенно красными. И если нас вытеснят из того Китая, в котором имеется Манчжурия, у нас останется сколько угодно собственных Китаев. И так да здравствуют русские петухи! Ура!

ХРОНИКА

– Прибыла г-жа Масляница. Встречать прибывшую выезжали гг. Морозов и Горланов. Г-жа Масленица приняла депутацию благосклонно. Городовые подтянулись, каталажные камеры заблаговременно проветриваются. Обывательский бумажник трещит по всем швам.

В обществе естествоиспытателей и врачей. Состоялось заседание, на котором один профессор сказал другому такое, что одна из стен аудитории вспыхнула. Прибывшая пожарная команда дружными усилиями разнесла всю аудиторию.

В обществе охотников. Состоялось общее собрание членов. Пили водку, закусывали пельменями и, между прочим, говорили. Было очень тепло. Но когда заговорил г. Морозов, стало холодно. Удивительная вещь. Г. Морозов говорил горячо, даже слишком горячо, а гг. члены все-таки ежились. Уму непостижимая вещь!

Цирк Стракай. Состоялось в высшей степени интересное гало-представление: один клоун сказал слово «дурак» 50 раз, другой выкрикнул слово «осел» 100 раз, третий клоун непечатно выругался. Публика была в восторге и много аплодировала.

Происшествия. Из вполне достоверного источника нам сообщают, что вчера ничего особенного не случилось.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М.г., г. редактор!

Не откажите дать место следующим нескольким строкам. Г. Вонсович (пусть ему легонько икнется) не желает почтить мою память. Но я и не просил его меня чествовать, я совсем не желаю, чтобы он меня чествовал. Пусть г. Вонсович скажет, когда я говорю ему этакое? Мы вчера много смеялись над этим с Пушкиным. «Что, брат?» – говорил он мне. А я ему: «Ничего, мол, брат!». А впрочем, я ничего не имею против г. Вонсовича. Пусть только не чествует.

Н. Гоголь.

Елисейские поля.
Февруаря 305-го.

ФЕЛЬЕТОН Стихотворение

Не знаю, что вам написать:
Все темы ныне устарели.
Не лучше ли точку намарать,
Пока другие не назрели?

Н.Е. Пушкин

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ (Роман) Глава I

Была глухая полночь, когда он, со связкою ключей в кармане и с ломом под полой, прошел, наконец, пространство, отделявшее Томск от кирпичных сараев.

Глава II

На каланче вольно-пожарного общества пробил час, когда он достиг Нечаевской улицы. С Нечаевской улицы таинственный незнакомец повернул в Затеевский переулок, который вывел его на Монастырскую улицу. Из Монастырской улицы он повернул в Монастырский переулок и по нему достиг Дворянской улицы. Идя по Дворянской улице, он добрался, наконец, до Ямского переулка и вышел по нему на Большую улицу. Здесь он несколько раз останавливался перед магазинами и по несколько минут стоял в глубоком раздумье.

Глава III

Наконец, незнакомец энергично тряхнул головой и быстрыми шагами пошел по набережной Ушайки. С набережной он вступил на Магистратскую улицу, с Магистратской улицы он повернул на Миллионную, но здесь... Куда таинственный незнакомец попал с Миллионной улицы, читатели могут узнать в участке.

А Ia Гейнце

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Отдаются комнаты со столом, отоплением, освещением и стиркой белья. Спросить в тюремном замке.

Требуются официанты без жалованья, но с опытом в членовредительстве. Гостиница «Россия».

Утеряна совесть. Нашедшего просят доставить в распродажу купца Обдувалова. Нашедшему законная 1/3 находки.

Бесплатные юридические советы всего за 5 рублей. Деньги вперед. Адвокат Балалайкин.

По гривенничку за рубль предлагает коммерсант Шельминский.

Блины. Спросить в любом доме.

Нужны 100 сильных мужиков для усиления штата полиции на мясопустную неделю.

Невменяемый редактор-издатель

В.Ф.

Сибирская жизнь. 1902. № 40.

Монополия и обыватели (в некотором роде интервью)

Казенная продажа напитков у нас над головой...

Чего ждут от нее обыватели, – как представляют собой ее значение – вот вопросы, на которые я хотел бы получить ответы.

А куда пойти за ними, этими ответами, как не к самим обывателям?

И вот, вооружившись карандашом и увесистой тростью – на всякий случай, потому уж известно, как серьезны бывают псы в некоторых обывательских домах и как серьезно относятся иногда сами обыватели к непрошенным «разговорщикам», я отправляюсь со своими вопросами – куда глаза глядят.

Вижу: из заведения, на котором красуется вывеска: «Ренковский погреб. На вынос», – выходит, пошатываясь, с куском колбасы в зубах, по-

жилой субъект, по-видимому, сапожник: непокрытая голова его охвачена кожаным ремешком и на ногах дырявые, и насколько возможно, стоптанные опорхи.

– Сапожник? – останавливаю я его.

– Сапожник, значит.

– Ну, а как ты насчет монополии?

– А выпьем значит! – тут сапожник рыгает, испуская мне прямо в лицо аромат сорока сортов питейных заведений, взятых вместе.

Убежденный, что сапожник, действительно, выпьет – несмотря ни на что, отправляюсь дальше.

На углу улицы сидит баба, квас продает. Я к ней: так и так, мол, как ты насчет монополии?

– Голубчик ты мой! Говорят: с мунопольей-то уж пить эстолько нельзя будет? Довела бы Мать Пречистая, а то мне от варнака, мужичка-то, совсем житья не стало, – посуды: позавчера все горшки собрал да в кабак сташил... Ну, а скажи, добрый человек, какова эта самая мунупелья, я что-то в толк не возьму: бочка этакая с вином казенная али машина какая?

Я стараюсь внушить неразумной бабе общее понятие о монополии, и, между прочим, говорю, что с введением ее уже нельзя будет обменять вещи на вино: в казенных винных лавках залого не принимаются.

– Ах горяшка мое! – восклицает сокрушенно баба, – да ведь тогда совсем изматает меня мужичок... Теперь примерно, заложил в кабак вещь, да много ли за нее дадут – какие-нибудь злыдни, всегда выкупить можно, а тогда уж «он» потащит добро на базар, – продаст, да с деньгами в винную лавку... Вот, горяшко мое!..

Бегу от бабы. По дороге – пивная лавка; захожу и чинно сажусь в уголке. Посетителей в пивной человек десять: мастеровые, два мелких чиновника, другие – неопределенной профессии. За прилавком орудует девица; возле сидит на стуле другая, с синяком под глазом; в дверях, ведущих во внутреннее помещение, стоит, приняв сомнительно грациозную позу, третья девица, в платье с обширным декольте. Разговор общий, и как раз по поводу монополии.

– Этта мы работали, – рассказывает мастеровой, – в винной лавке: во круг застойки проволочная сетка, а в ней окошечко...

– Это значит, – перебивает чиновник, – высыпай деньги, получай свою посудину – и ступай вон.

– Занятно! – говорит кто-то.

– Чего – занятно? – негодующе спрашивает другой мастеровой.
– Новая мода – и больше ничего, – решает субъект неопределенной профессии.

– Ну, нет, не скажи! – авторитетно возражает чиновник. – Теперь, захотел – и пей сколько угодно и где угодно, а при монополии – ах, оставьте – и захочешь, и деньги есть, а не выпьешь, потому – неудобно.

– Так чему ж тут радоваться? – язвительно спрашивает мастеровой.

– А тому – карману сохраненье, а и здоровью тоже.

– Ну, и сохраняй, а мы и так обойдемся.

– Это верно, – вступает в разговор девица с синяком, – кто пьет, так и при монополии пить будет: место найдется.

– Ну, а уж вам-то, кралям, конец: не будете уж, как теперь, по пивным промышленять.

– Ужо посмотрим! – вызывающе протягивает девица в декольте, и ухарски мотает головой.

– А я впрямь, братцы, – восторженно произносит молодой мастеровой: они – ох, какие, – их скоро не выкуришь!

Компания хохочет.

Я выбираюсь на улицу и отправляюсь на дальнейшие поиски.

Смотрю: едет на извозчике знакомый адвокат – лицо «торжественно и чудно», в глазах солнечное сияние. Увидел меня и остановил извозчика. Подхожу.

– Слышали?.. Поздравьте меня: дело выиграл и гонорар сейчас получил, – целый «вагон» гонорару.

– Это хорошо, – говорю, – поздравляю.

И потом задаю ему свои вопросы.

– Сразу на это не ответишь, – говорит адвокат. – Да вот что: поедемте в клуб – я стремлюсь туда, – соберем синклит и привлечем к ответу монополию.

Я соглашаюсь.

В клубе – еще только восемь часов – народу мало и «дела» пока не начинали. Скучающие клубисты, по приглашению адвоката, немедленно сгруппировались вокруг занятого нами стола; тут и видный общественный деятель, и другой адвокат и более или менее крупные чиновники, и купцы.

Разговор, направляемый адвокатом, скоро переходит на монополию.

– Уже много значит то, что будет положен предел существования кабаков, грязных и зловонных, – этих гнезд для совершения темных и преступных дел и сделок.

– Верно. Но я боюсь, не зародятся ли тогда кабаки тайные и поэтому в десять – в двадцать раз более опасные?

– На это я вам скажу: всегда как-то бывает так, что введение крупных реформ сопровождается представлениями о разных более или менее ужасных жупелах.

– То есть, вы хотите сказать, что я выдумываю «жупелы». Это дерзость.

– Может быть, но только не по вашему адресу.

– Мне кажется, что теперешние кабаки, как места распивочной продажи вина заменят простонародные трактиры – третьего разряда.

– Да, кстати о простонародных трактирах. Я представляю их роль так: если вино с закуской будет отпускаться в этих трактирах по дешевой цене, например, по расчету 25–30 к. за сороковку, то они превратятся в те же кабаки, разве только немного почище; если же вино с закуской станет отпускать по цене дорогой, – по 50 к. за сороковку и кусок колбасы, – а это именно я наблюдал в некоторых из российских монопольных городов, то такие трактиры не оправдывают своего назначения – отвлекать народ от распития водки на улице.

– Ну, а представьте, что на улице, в виду строгостей полиции, никак нельзя будет выпить?

– Ну и представляю: и пойдет тогда мужик в трактир, и, вместо того, чтобы пропить 20–30 к., пропьет целый рубль, или рубаху с себя снимет.

– Еще другой жупел?

– Я не понимаю, господа: такие дерзости...

Общий шум умиротворяющих голосов. Является перемена «закусок». Разговор продолжается.

– Я много езжу по губернии, часто сталкиваюсь с крестьянским людом и знаю, что он ждет монополию и – в особенности бабское сословие – возлагает на ее большие надежды... Впрочем, нужно прибавить, что в народе представление о монополии довольно часто смутное и даже прямо нелепое... Несомненно, что в основание винной монополии положена идея здоровая и верная, – несомненно, что введение монополии и, признанная правительством, как необходимости, параллель ее – учреждение комитетов о народной трезвости, должны принести громадную пользу, но... все зависит от исполнения.

Сказав эту маленькую речь, видный общественный деятель покинул наше собрание.

Итак, господа, – обращается «мой» адвокат к собеседникам, – какой дать ответ на вопрос – чего мы, обыватели, ждем от винной монополии?

– Да мы-то что? – недоумевает один из чиновников. – Монополия в отношении нас стороной пошла: для нас остаются и гостиницы, и клубы, и театральные буфеты... Разве только то, что за водку в этих места при монополии будут драть, сколько захочется, – ну, тогда шампанское будем пить...

– Постой-ка, Сидор Сидорыч! – заговорил один из купцов, который почему-то выдумал клевать стол своим сизо-красным носом. – Постой: а если тебя выгонят со службы, то вот тебе и «монополия стороной пошла»!.. Тогда гостиницы или клуба тебе будет далеко ходить...

– Что?! Да как ты смеешь сиволапая дрянть!..

– Кто, я сиволап...

Через стол летит бутылка, за ней судок. Общие крики, брань, возня. Лакеи спешат к месту происшествия.

Я стремительно выношусь на улицу.

– А почему бы, – говорю я извозчику, – не ударить монополии одним из своих концов, что посильнее, не по низу, а по верху?

Извозчик тарашит на меня глаза и наугад отвечает:

– До верху-то достать тоже надо...

Мистер Грит

Сибирская жизнь. 1902. № 136.

Паразит на общественной ниве

У всех людей на некоторые вещи одинаковый взгляд, пусть то будет француз, немец, пылкий итальянец, невозмутимый бритт – безразлично.

– Собака лает – ветер носит, – говорит русский.

– Ит юрер, верван кечер, т.е. собаки лают, а караван продолжает свой путь, – говорит турок.

И у русского, и у турка одинаковое отношение к брехне шавок, – молчаливое презрение.

Так же следовало бы отнестись к тьявканью г. В. Булыгина и мне, если бы у нас не существовали такие наивные люди, которые тьявканье вздорной шавки, по своей душевной простоте, нередко принимают чуть ли не за рычание благородного льва.

А потому мне волей-неволей приходится остановиться на минуту на тех пошленьких намеках, которые расточает по моему адресу в позапрошлом номере «Вестника» г. В. Булыгин.

– Служащий г. Макушина Виталий Федоров... П.И. Макушин его хозяин... – пишет доблестный руководитель об-ва книгопечатников.

А отсюда в связи с другими грязненькими экивоками ясен вывод:

– Виталий Федоров из страха иудейска защищает своего хозяина, а потому защите его грош цена.

Так убого полемизирует со мной мой благородный оппонент.

Ведь, действительно, нужно быть очень убогим, чтобы, не касаясь существа, прибегнуть к таким старым избитым уверткам газетных паразитов, к таким пошлым бездоказательным обвинениям.

Я работаю в «Сибирской жизни» пять лет и не раз, по просьбе того же Булыгина, вступался за его сослуживцев-чиновников.

Сколько мне заплатил за это г. Булыгин?

За пять лет я немало выступал на защиту таких лиц, которых никогда я в лицо и не видывал.

Где же здесь корыстная цель?

Когда коллегу г. Булыгина по «Сибирскому вестнику» г. Миллера чуть не побил артист Половцев, я высказал негодование на этот дикий поступок.

Заплатил ли мне за это г. Миллер?

Почему же, когда, по отношению к редактору-издателю газеты, в которой я работаю, допущена дикая выходка, я не могу выразить своего негодования, не получив упрека в литературном лакействе?

Я чувствую себя в редакции «Сибирской жизни» прочно и потому именно, смею думать, что не умею ни подличать, ни лакействовать. Я не верчусь на разные стороны, как флюгер, я не меняю своих убеждений, как носовые платки, я не смешиваю своих личных выгод с общественными, одним словом, я не Булыгин, а Федоров.

Я поступил бы так же скверно, как г. Булыгин, если бы не доказал тех обвинений, какие я предъявляю к нему.

Но не договаривать – не в моем характере.

Я сорву с вас, г. Булыгин, маску и докажу, что вы не скромный газетный работник, а вредный газетный паразит, не человек, борющийся за идею, а беспринципное убожество, не общественный деятель, а трусливый пасквилянт, служащий своим собственным мелким страстишкам.

Несколько лет тому назад вы, в числе девяти сотрудников, покинули «Сибирскую жизнь».

Прошло немного времени и вы вернулись к нам. Надев на себя маску искренности, вы раскаивались в своем уходе и просили принять вас обратно.

Вам поверили и приняли. Однако вместо того, чтобы мужественно сознаться в своем заблуждении и работать в «Сибирской жизни» по старому, вы предпочли спрятаться за новым псевдонимом.

Вы хотели и работать в «Сибирской жизни», и сохранить наилучшие отношения с остальными восемью товарищами, которым вы изменили.

Политика ласкового теленка, сосущего двух маток!

Прошло несколько времени и вы снова ушли от нас, так как к вам не было прежнего доверия и держали вас подальше от редакции.

Вы перешли в «Сибирский вестник» и одновременно с этим в иногородних изданиях появились пасквили по адресу нашей газеты.

Прошел месяц, и вы снова постучали в наши двери.

– Там клоака. Там с голоду умереть можно! – говорили вы нам.

Из чувства сострадания еще раз отворили мы вам наши двери – и снова вы ушли в «Сибирский вестник».

Прошло немного времени и еще раз увидели мы вас у наших дверей, но двери эти казались закрытыми для вас навсегда, и вы вернулись в «Вестник», и снова мы читали пасквили по нашему адресу.

И вот такой-то фрукт стоит во главе общества книгопечатников, такое-то беспринципное убожество смеет звать к справедливости, такой-то пасквилянт решается говорить о каком-то своем беспристрастии.

Почему же вы, г. Булыгин, молчали, когда уволили от Орлова г. Калику и Емельянова? Почему, г. Булыгин, вы молчали и тогда, когда на вашу просьбу, как председателя общества, не утруждать рабочих сверхурочной работой, типография Яковлева ответила увольнением гг. Воложанина и Рациборского? И почему, когда в типографии Макушина, не Макушиным, а его управляющим, были уволены двое служащих, вы подняли целую бурю? Почему вы скрыли в повестках о собрании истинную цель последнего и тем избегли присутствия на собрании и г. Макушина и многих, очень многих членов? Почему вы ничего не отвечаете по существу на мой «Шемякин суд», а ограничиваетесь повторением старой лжи, грязными намеками и бездарными убогими попытками на остроуту?

Почему?

А потому, сударь мой, что в «Шемякином суде» вы были самым главным судьей; потому, что вы боитесь, чтобы не раскрылась истинная подкладка этого «суда» и не обнаружилась ваша истинная роль в нем.

Вы боитесь, чтобы с вас не сорвали маску лицемерия и не указали вам на ваше настоящее место – место газетного пасквилянта и паразита на общественной ниве.

Вы боитесь, чтобы те люди, лицемерным доброжелательством к которым вы прикрываетесь, не раскусили наконец вас и не отвернулись от вас.

И я снова протестую против «приговора» над г. Макушиным, приговора и жестокого и незаконного.

Я снова взываю к совести товарищей, которые сделались в руках ловких людей невольным орудием беззакония.

Вникните, господа, в то, что вы сделали.

И не позволяйте, господа, прятаться за вашими спинами лицемерию. Оно верит вам! Оно топит вас!

Виталий Федоров

P.S. Когда я отдал уже в набор настоящий свой отзыв об общественном паразите, я прочитал в «Сибирском вестнике» письмо в редакцию г. Петра Вологодского. Как это ни странно, оказалось, что г. Петр Вологодский дудит в одну дудку с г. В. Булыгиным, а потому мне волей-неволей придется посвятить этому неожиданному музыканту пару «теплых» слов.

До следующего номера, г. Вологодский!

Виталий Федоров

Сибирская жизнь. 1902. № 177.

Странички из дневника (Впечатления заезжего человека)

I.

Итак, на жизненных весах
Судьба переместила гири...
Передо мной – в тайге, в лесах –
Столица Западной Сибири.
Вот высыхающая Томь,
Вот улиц спутанные ленты...
Ну, муза, что ж?! Попала в плен ты, –
Живее с Томском нас знакомь!
Здесь все глядит совсем по-русски:

Речонки, рвы, пригорки, спуски –
Все перепуталось в одно,
В чем разобраться мудрено,
Порой склоняешься к унынию
И задаешь себе вопрос –
Неужто город весь порос
Травой, крапивой и полынью?
Неужто службу отслужил
Тайги угрюмой старожил,
Забывшись в сладостной истоме
На берегах холодной Томи?..
Нет! нет! по-видимому, здесь,
Во-первых, наций всяких смесь,
А во-вторых, вглядевшись строго,
Заметим мы движенья много.
Толпы, куда-то торопясь,
Мешают уличную грязь, –
И говор бойкий и развязный
Стоит над улицею грязной.
Какая улица? Ах, да!
Определяем без труда:
Треск болтовни веселой дамской
Всего сильнее на Почтамтской!..
Из прочих улиц – говорят
О превосходстве Магистратской,
Но – на суровый, строгий взгляд, –
В ней много дичи азиатской..
За шаг от центра виден вам
Базар на берегу Ушайки..
Здесь, говорят, по временам
«Шпань» сибирской бродят шайки.
И, вообще, кажись, «шпане»
Привольно в этой стороне:
Недаром в хронике газетной
Грабеж, разбой – сюжет заметный..
Должно быть, в Томске много тем
Времен всемирного потопа,
Но только все же кое-чем

И здесь сказалася Европа.
Так, электрический фонарь
Здесь не сиял, наверно, встарь;
Теперь же темными ночами,
На главной улице горя,
Своими яркими лучами
Сверкают два-три фонаря...
Есть телефон, с которым дело
Вести приходится умело...
Затем бега... Хороший спорт!
Томич недаром ими горд.
Потом – гроза чужих карманов –
Здесь подвигается Горланов...
Идет в «Алтае» пир горой
И шансонеток смелых рой
Вгоняет в краску гостя сада...
Чего ж еще для Томска надо?
Что уничтожить? Что беречь?
Об этом после будет речь.

L'homme qui rit¹²²
Сибирская жизнь. 1903. № 176.

«И СМЕХ, И ГОРЕ»

Программа издания

- 1) Статьи духовно-нравственного содержания, в стряпке которых лица духовного звания участия не принимают
- 2) статьи сокрушительные
- 3) статьи утешительные
- 4) статьи иного свойства
- 5) корреспонденции (бывают даже с того света)
- 6) местная хроника
- 7) фельетон по силе возможности
- 8) русская жизнь
- 9) заграничная смерть

¹²² пер.: Человек, который смеется

10) объявления бесплатно (пользуйтесь случаем и помещайте)

Подписка не принимается: ибо это издателю и при свободе печати возбраняется. Видите ли, мы разрешения на газету не испрашивали. Скучная эта история: туда напиши, сюда подожди, там подложи, здесь доложи, – тьфу! А мы себе издаем, да посмеиваемся... Да ну их, говорим!

И смех, и горе. 1905. № 1

От редакции

Приступая к настоящему изданию... г-м! г-м! и имея в виду... г-м!... г-м!... обещанную нам свободу слова... г-м!... г-м! г-м! от слова не сбудется.. г-м!.. мы, нижепоименованные, будем всегда стоять на страже... г-м! г-м!.. «камуфлетов» нашей обширной окраины, причем никогда на сторону хулиганов не перейдем, ибо мы не какие-нибудь Казначей-Казначевские (*Секретарь, дайте мне новый платок*). Мы твердо верим, что наша отчизна находится на пути прогресса и под усиленную охрану, а потому порто-франко военного положения не нуждается ни в какой защите. Мы, ваше благородие (*секретарь, зачеркните эти три слова*). Мы божию милостию будем всегда живы и здоровы, чего и вам сердечно желаем, принимая за благо теперь же выдать свидетельства о политической благонадежности всем околоточным надзирателям, приставам, полицмейстерам, ротмистрам и прочим ревнителям охранения основ от их сотрясения, притом, однако, суждений, ежели сии чины не снимали на митингах шашек и вообще не чувствовали пагубной страсти спасти женский и детский пол из огня и пламени.

Вместо с свободою все будут свободны. – это ясно как день и глубоко ошибаются люди, думающие, что по четвергам не бывает дождичка. Он бывает. Пойдет себе, покрапает, покрапает да и перестанет. Так и нужно, ибо по мокрой земле ходить мокро, скользко и опасно.

Наша редакция всегда близко принимает всячески благие пожелания, умиляется и шлет приславшим воздушнейшие поцелуи.

Итак, вы знаете, что мы шутить не будем.

Читайте!..

И смех, и горе. 1905. № 1

Статья душеспасательная

Граждане! Аз емь червь, а не человек (наверное этого цензура не выбросит). Граждане! Чай, как зелие китайское, не христианское не следует употреблять в питье. Пейте лучше малину или липовый цвет. Кушайте, но не обкушивайтесь и потейте. Граждане! Не курите табак, ибо это растение создано на пагубу человеческую и если допущено у нас в России к продаже, то при исключительном условии наложения на него акцизной бандероли, с каковою, понятно, он менее вреден, нежели без таковой. Не упивайтесь вином, когда заперты винные лавки.

Не бейте ближних своих, как вы бьете самих себя.

Гражданки! Вы знаете, что нам дарована свобода всего чего изволишь. Следственно, вы можете носить какие вам угодно шляпки, а равным образом разрешается вам ходить и без шляпок. Свободно гуляйте с кавалерами, ибо у каждого из них есть оружие.

Гражданята! Ходите в школу и ничего не бойтесь, так как в каждой школе стоят городовые и ежели что-то уж – сделай милость – тащи и не пушай. Даже (скажу вам по секрету) ежели кому-либо из вас учитель или учительша отметку дурную поставит, – скажите об этом городовому. Он им задаст, – ей-богу задаст! Это ведь не попечитель какого-нибудь учебного округа...

Все вообще – потеплее одевайтесь и каждый день кушайте.

И смех, и горе. 1905. № 1

«ОСЫ»

Вернутся ли?

(Исповедь старого фельетониста)

Завтра выйдет первый номер «Ос», а у меня нет для него ни строчки.

Необходимо что-нибудь написать. Но что? За те девять лет, которые я работаю в провинциальной печати, я привык к гнету цензуры, я привык чувствовать за своей спиной тень соглядатая моих лучших мыслей, душиателя моих сокровенных дум, я привык к тому трафарету, к тому шаблону, который называется фельетоном провинциальной подцензурной газеты.

Я прекрасно знал, о чем я мог писать и о чем не мог.

Я мог писать о пьяном городовом, но не смел сказать ни слова о запоровшем до полусмерти пьяного мужика частном приставе.

Я мог писать о неаккуратном посещении службы регистратором Горемыкиным и не смел пикнуть о том, что статский советник Счастливец размотал казенные деньги.

Я мог, если бы захотел, петь дифирамбы почетному гражданину и храмоздателю Разуваеву, но был лишен возможности рассказать о том, что почетный гражданин и храмоздатель Разуваев кормит гнилым мясом своих работников и держит гарем из малолетних девиц. Я мог, если бы захотел, хвалить местную администрацию за окраску в голубой цвет нового здания тюрьмы, но не имел права высказать той же администрации негодования по поводу продажи за недоимки последней коровы у Ивана Горюнова. Я не смел плакать об обиженных и униженных, я не смел негодовать на насилие и произвол. Девять лет угнетала меня цензура, девять лет мне силою зажимали рот, девять лет красный карандаш властвовал над моею мыслью.

Тонким, длинным жалом он впивался в мой мозг и сверлил его, пытаюсь узнать:

– Како я верую?

Ядовитой змеей он вползал в мою душу и своим ядом старался отравить мои лучшие чистые думы.

Черной пиявкой впивался он в мое сердце и сосал мою лучшую кровь.

И лучшие, золотые мечты моей юности тускли, благородные порывы моего сердца глохли, святое святых моей души было поругано, осквернено.

Я не мог говорить полным голосом, я не мог крикнуть звонко, во всю силу своих легких:

– Долой произвол! Довольно страданий и слез!

Я мог только вполголоса говорить о необходимости смены пьянствующего и безобразничающего городского и лишь шептать эзоповским языком, языком намеков и недомолвок, что у Ивана Горюнова, проживающего неизвестно в какой губернии, неизвестно кто и за что продал, кажется, если не ошибаюсь, последнюю корову.

И за девять лет у меня выработался трафарет. Я знал, о чем можно писать и как, в каком тоне. Я знал, о чем я не мог писать. Под моими ногами была почва. Нездоровая, гнилая, но все же почва.

А теперь? Теперь, когда красный карандаш сломался, когда цепи, сковывавшие, как Прометея, русскую печать, разбиты, когда над Русью за-

нимается заря новой жизни, жизни свободной, когда освобожденной от оков печати необходимо ударить в набат, необходимо смелым пламенным языком, звонким, трубным голосом звать к устройению жизни на новых началах, звать на борьбу с темными силами, звать на защиту завоеванных, купленных кровью свобод?

Я прихожу в ужас. Я холодею от отчаяния.

Когда до моего слуха впервые дошла весть об отмене цензурного гнета, я хотел крикнуть, крикнуть громко, полным голосом:

– Наконец-то!

Но вместо громкого возгласа, вместо мощного звука с уст моих сошел подавленный стон.

За девять лет цензурного гнета я отвык дышать и говорить полной грудью. За девять лет цензурного гнета мой звонкий голос превратился в робкий и слабый полусшепот.

Боже, какая ширь открывается перед глазами, какое неиссякаемое богатство для ядовитого пера, сколько работы предстоит всякому честному газетному работнику!

Я хотел бы заговорить страстным пламенным языком об обиженных и униженных, я хотел бы бросить в лицо темным силам ядовитое и горькое слово, я хотел бы могучим, металлическим голосом звать к борьбе за лучшие дни для дорогой отчизны.

И не могу.

Девять лет рабства подорвали мои силы, разбили мою грудь, высушили сердце. Нет пламенного языка, нет звонкого голоса, нет страсти и жизни, потускнели мечты, пошатнулась вера, покрылись траурным флером былые радужные надежды.

Девять лет рабства взяли все.

А перед глазами необъятная ширь, перед глазами кипит мощная титаническая работа, бьет ключом жизнь и зовет к себе, на страдания, на борьбу.

И я бессилен.

Где же вы, мои молодые силы, где мои юношеские золотые мечты, где огненная страсть, где благородные порывы сердца? Вернитесь!

Вернутся ли?

В.Ф.
Осы. 1906. № 1.

О платформе «Ос»

Обыкновенно, всякий новый журнал, всякая новая газета считают неперменным долгом выступить перед читателем с своей платформой, представиться, так сказать, ему в первом же номере. Мы имеем честь заявить, что не причисляем себя к «всяким», и потому правила, относящиеся до «всяких», не считаем для себя обязательными. Это во-первых. Во-вторых, глубоко ошибаются те, которые предполагают, что так легко придумать, т.е., мы хотели сказать, выработать и изложить какую бы то ни было платформу. Таким наивным людям мы порекомендуем поговорить на эту тему хотя бы с партией 17 октября, или конституционно-демократической партией, или даже с партией социал-демократов, хотя эти последние и получили свою платформу почти целиком от того народа, которому оказалось нипочем выдумать даже обезьяну и вообще по части выдумок съевшего собаку (не правда ли, как сильно и красиво закончено предложение: «выдумать обезьяну и съесть собаку!» как это звучит великолепно! Нисколько не хуже горьковского: «человека»!). Нам посчастливилось лично присутствовать при процессах появления на свет Божий платформ некоторых местных политических партий, и мы поэтому можем на основании практических данных судить, насколько подобные процессы тяжелы. Подробнее мы надеемся поговорить об этом при более удобном случае, а сейчас лишь заметим, что упомянутые роды были весьма трудны, болезненны и, шепнем на ушко – как и полагается в таких случаях – не совсем благополучны. Теперь же обращаемся к своему настоящему делу: к платформе «Ос».

Это дело мы намерены выполнить с присушей нам основательностью. Мы вообще придерживаемся американской поговорки: «если дело заслуживает того, чтобы его сделать, так оно уже заслуживает и того, чтобы его сделать, как следует, а не кое-как». Итак, мы начинаем!

Журнал «Осы», можете себе представить, будет наполняться различными литературными и научными произведениями – произведениями нашего ума и сердца, а затем – произведениями наших художественных способностей, в виду различных карикатур, иллюстраций и пр. Что касается количества этих произведений, имеющих быть помещаемыми в каждом номере, об этом читатель может судить приблизительно по первым номерам журнала, а относительно качества их мы сейчас поговорим. В материале, относящемся к этому вопросу, должно различать два следующие момента (случалось нам пописывать и передовицы в провинци-

альных газетах!): форму произведений, содержание и направление (здесь мы, прямо-таки, не можем не выразить сами себе восхищения по поводу поразительной ясности и систематичности нашего мышления! Затем продолжаем).

Много говорить о форме произведений, имеющих появиться в нашем журнале, не приходится. Мы прямо скажем, что наши читатели не гарантируются, что не встретят в «Осах» любой из видов литературных произведений, в разных «сочинениях» (см. наприм. Курс словесности, соч. Смирновского). Хотя мы должны заметить, часто список видов произведений, упоминаемых в означенных «сочинениях», страдает неполнотой. Там не достает некоторых видов, встречающихся, однако, на практике весьма часто. К таковым принадлежат, напр.: объявления, письма в редакцию и т.п. – виды литературных произведений совершенно особые. Весьма вероятно, что нам будут присылать письма в редакцию, и таким образом этот вид литературных произведений может появиться на страницах нашего журнала. Что касается объявлений, то они у нас уже появлялись. То же, конечно, будет продолжаться и впредь. Так что, например господин, [который] «был лысым», Анна Чиллаг, «отрастившая свои гигантские волосы», добрые люди из Варшавы, раздающие «даром» разные вещи, и т.п. люди и джентльмены отлично могут в приятной компании устроиться у нас на последней странице; там они могут, например, составить партию в винт, а господин, который «был лысым» и Анна Чиллаг, «отрастившая свои гигантские волосы», могут, нам кажется, к обоюдному своему удовольствию пожениться и затем угощать друг друга своими помадами, пока не обрастут волосами с ног до головы. Даже с той же трибуны (последней страницы!) разные местные магазины могут повествовать миру о своих распродажах.

Обращаемся теперь к тому, чем будут наполняться те формы, о которых шла сейчас речь, то есть к содержанию произведений.

Наша программа вполне исчерпывается одним маленьким словом – «все». Да! Никакая область человеческого познания, ни одна из областей наук, политики и искусств, завоеванных величественным и гениальным умом и благородным сердцем человека, не застрахованы от того, чтобы и мы не приняли посильного участия в их расширении и наши собственные завоевания в этом направлении не поместили бы на страницах «Ос». Но, ввиду того соображения, что наш орган предполагает быть верным отражением современной жизни, быть, как говорят, органом «дня», а центр тяжести современной жизни явно склоняется к областям политики и общественных отношений, то и мы будем предпочтительное внима-

ние оказывать именно этим областям. С другой стороны, так как наш орган издается в г. Томске, то естественно, что дела Сибири вообще и делишки г. Томска в частности, будут пользоваться нашим наибольшим благосклонным вниманием, как уже и объявлялось об этом раньше.

Но все же, повторяем, содержание журнала может отличаться самым полным разнообразием. Мы говорим «может», так как это выражение «может» заключает в себе и некоторую дозу вероятности в том, что противоположное понятие – «не может» – тоже может иметь место (как это, во-первых, красиво выходит: может, не может, а во-вторых, читателю придется предположить, что мы таки написали полсотню-другую философских трактатов!), и мы находим лучшим полуобещать и не исполнить, чем обещать вполне и тоже не исполнить, как это делают некоторые «юные прочие» органы, вроде «Родины» и «Живописного обозрения» в отношении, хотя бы, своих «бесплатных» приложений.

Таким образом «Осы» предполагают быть так же разнообразны, как сама жизнь, быть, так сказать, частью этой жизни со всеми ее мелочами и крупностями (это слово мы сами изобрели в противоположность слову «мелочь», – мы вообще намерены, по мере своих сил, серьезно заняться исправлением, развитием и усовершенствованием русского языка), с ее возвышенностями и низменностями, с ее благородством и пошлостью, с ее разумностью, смелостью, трогательностью, серьезностью, идеализмом и пр., с одной стороны, и с ее черствостью, смехотворством, грубым материализмом и т.п., с другой.

Таким образом, читатель на страницах «Ос» с одинаковой вероятностью может встретить, с одной стороны, ученое исследование по политической экономии, бездонный, по глубине мысли, философский трактат, безграничное, уже по высоте мысли, поэтическое произведение, что-нибудь бесконечное в поперечном намерении – на счет же длины специальную рецензию о каком-либо сочинении по вариационному исчислению, ученое сочинение о новейшем танце «кэк-вок» и т.п., с другой стороны, какие-либо незначительные заметки вскользь о делишках, творящихся в нашем отечестве, о местных делишках, о какой-нибудь булочной, угощающей публику невыпеченными хлебами, вызывающей необходимость прибегать к помощи известного масла, об ухабах, извозчиках, прачках и пр.

Наш журнал, по своему званию литературно-сатирического журнала, является чрезвычайно удобным для помещения всякого рода статей. Самая серьезная ученая статья, которую не могли бы выдержать даже рамки

газет, «издающихся в формате больших провинциальных», отлично поместятся на страницах «Ос».

Мы смело можем пускаться в любые высокие области, не опасаясь возможности запутаться в дебрях тонких посылок и заключений и быть изобличенными в явной нелепости наших выводов. Мы всегда будем иметь возможность сказать, что мы рассуждали не всерьез, что мы лишь едко насмеялись, сатиризировали. (Это слово – тоже продукт нашей умственной лаборатории; это – глагол, происходящий от существительного «сатира», отсуществительный глагол; в грамматиках не встречается – там есть лишь отглагольные существительные; это упущение мы ставили на вид разным Говоровым, Кирпичниковым и т.п. благодетелям и любимцам нашей учащейся молодежи!) Мы даже упрекнем наших обличителей в наивности. Положим, например, что в наших политических статьях мы что-либо посоветовали президенту Рузвельту, а он послушался, последовал нашему совету и попал впрок. Положим далее, что он подал бы на нас иск на 14 миллионов долларов за «протори и убытки» мировому судье г. Томска (мы знаем, что дела по искам на такую сумму не подлежат ведению мировыми судьями, допускаем эту неточность из человеколюбивого желания доставить удовольствие соответственным «сапожникам» уличить нас в ошибке по части пришивания соответствующих «подошв»). Мы всегда бы оправдались! «Помилуйте», скажем, «разве можно было принимать это за чистую монету! Ведь наш журнал сатирический, иронический и пр. Вы слишком наивны, господин Рузвельт!». И смеем заверить, г-ну Рузвельту никогда не удалось бы получить с нас 14 000 000 долларов!

Или положим еще, что в тех же статьях мы предсказали бы к известному сроку, например, республику в Турции, или что-нибудь вроде конституции в каком-либо другом, столь же варварском государстве. И, положим, что ни республики в Турции, ни конституции в каком-либо другом столь же варварском государстве к назначенному сроку не оказалось. Тогда мы можем сказать: «Господа! Неужели вы были так наивны, что серьезно верили в возможность осуществления в столько краткий срок – положим, нами дано было лишь лет полтора – турецкой республики или конституции в таком-то, столь же варварском государстве?! Что касается нас, то мы шутили!»

С тем же успехом мы можем предсказывать, хотя бы, кончину мира и пр. В этом отношении мы находимся в одинаковом положении с древними пророками, которые тоже нашли отличный способ предска-

зывать, маскируя свои предсказания различными символами, дающими возможность всегда выйти сухими из воды. У нас уже имеется, положим, еще пока в смутном виде, несколько проектов серьезных статей для «Ос». Там мы думаем написать трактат в декадентском стиле о философии «бессознательного». Мы думаем, что выйдет недурно: в некотором роде – бессознательное о бессознательном, так сказать, бессознательное в квадрате. Затем у нас уже почти готова одна статья по политической экономии. Собственно, у нас имеется лишь начало, в таком виде: «общественные науки представляют труднейшую область человеческого познания. Карл Маркс...» – и только: мы пока еще и сами не знали, что собирается выкинуть К. Маркс. Дело в том, что мы, при писании подобных статей, всегда придерживаемся такого рецепта: придумываем какое-либо эффектное начало, способное поразить читателя, затем конец, способный его озадачить, или наоборот, озадачивающее начало и поражающий конец, – и считаем, что статья почти готова: наполнить чем-либо середину уже не представляет большой трудности. Конца для упомянутой статьи мы пока еще не придумали.

Опыт показал, что наш рецепт очень практичен.

Поэтому мы можем великодушно посоветовать некоторым газетам, издающимся «в формате больших провинциальных», применить его для приготовления своих передовых статей.

Теперь нам остается только сочинить заключение. Этим заключением мы сделаем нечто вроде маленького резюме нашей статьи. – Итак, в нашем журнале могут встретиться все формы литературных произведений; эти формы могут содержать «все», что известно людям, или что будет нами открыто вновь.

Этими двумя словами вполне характеризуется наша скромная платформа. Таким образом, полный титул нашего журнала представится в следующем виде: «Осы» – журнал поэтически-прозаически-сатирически-иронически-юмористически-романтически-рассказически (от слова рассказ) – сказочно-балладный и прочая в этом роде; политико-общественно-бытовой, научный, и прочая в сем роде.

Этот полный титул мы будем употреблять только в самых важных случаях: при объявлении... открытия годовой подписки, при заключении... контрактов с типографиями, при издании особо важных... известий и статей и т.п.

Представившись, таким образом, читателям, смеем выразить надежду, что они от души пожелают успеха нашему «уважаемому» – как, вероятно, будут выражаться потом авторы писем в редакцию – журналу, пожелают ему долгого счастливого существования впредь до кончины по какой-нибудь статье, служащей дополнением и разъяснением к манифесту 17-го октября.

Н.В.

Осы. 1906. № 4.

**Из басен Крылова
Демьянова уха**

– Соседушка, мой свет!
Пожалуйста послушай...
– Соседушка, оглох я совершенно: – Нужды нет,
Еще статеечку прослушай:
Газета, ей-же-ей, на славу сведена!..
– Я три заметки прочитал: – И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, –
А то во здравие: читай, брат, до конца!
Что за газета!.. Как черна:
Как будто грязью вся подернута она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот телеграммы, объявление, того-сего кусочек!
Еще хоть строчечку! Да кланяйся, жена!
Так потчевал сосед-Гурьян соседа-Фоку,
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катится градом пот.
Однако же еще заметку он берет:
Сбирается с последней силой,
Прочитывает всю. – «Вот друга я люблю!»
Вскричал Гурьян: «зато уж чванных не терплю.
Ну, слушай же еще статеечку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой,
Как не любил газет, но от беды такой,
Схватил в охапку
Кушак и шапку, –
И с тех пор к Гурьяну ни ногой.

Счастливо ты, коль дар прямой имеешь:
Но, так как помолчать, о «Время», не умеешь,
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои – и проза, и стихи –
Тошнее всем Демьяновой ухи.

Ноль
Осы. 1906. № 12.

Мартышка и Очки

Одна страна от бедности слаба уж очень стала;
А за границей же слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь конституцию ей стоит завести.
Комиссий и проектов с дюжину достала, –
Вертит законами и так и сяк:
То влево, то направо их положит,
То даст понюхать, то сама погложет, –
Но конституция не действует никак.
– «Тьфу пропасть! – говорит она. – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Про конституцию мне все наггали,
А проку в ней – ни на-волос, ей-ей!»
И тут с такой досады и печали
В реакцию ударилась сильней,
Да так, что только пятки засверкали.

Ноль
Осы. 1906. № 12.

Из дневника гимназиста

2 октября 1905 г. Вызывал по истории. Гонял целый час. Спрашивал: «Что было бы, если бы не было греко-персидских войн?» Ничего не мог ему на это ответить. Получил два.

3 октября. Проклятый Омикрон заметил, как я сегодня на его уроке смотрел на часы и показывал товарищам пальцами, сколько минут оста-

лось до звонка. Омикрон отобрал часы, поставил по-латински кол и пожаловался. Результатом его жалобы был нагоняй мне от классного наставника, инспектора и директора.

4 октября. Когда сегодня учитель математики по обыкновению обратился ко мне на «ты», я сделал вид, что не понимаю, к кому он обращается. Как он потом на меня ни кричал, я невозможно молчал.

После уроков меня позвал директор и сказал, что выгонит меня в 24 часа, если я позволю себе еще хоть раз такие дерзости, которые позволил сегодня с учителем математики. Вызваны родители.

7 октября. Ничто не вечно под луною! Как это верно! Да, все изменяется. Какие у нас перемены, так это просто удивительно! Директор всех называет на «вы»! Позвал меня сегодня в свой кабинет и просил не сердиться на него за то, что он распекал меня недавно. Говорил, что он меня вполне понимает, но что долг вынуждает его и т.д.

Знаю, мон шеры, забастовочки боитесь!

11 октября. Омикрон сегодня сознался, что несправедливо поставил мне 4 октября единицу и переправил ее на четверку.

12 октября. Не жизнь, а – лафа! Инспектор возвратил часы и разрешил ими пользоваться, только по возможности реже.

Боитесь, мучители? Довольно вам издеваться над нами!

2 марта 1906 г. Часы опять отобраны. Омикрон сказал, что поставит мне двойку в году.

Одним словом, наступила реакция!

Ничего не поделаешь. Исторический закон.

Списал Вл. Ч.
Осы. 1906. № 12.

«БИЧ»

Бич (От Матв. XXI, 12)

...И поднял он божественной рукою
Суровый бич и, гневен и силен,
Торгующих у Божьего престола
Изгнал, как гадов, вон...

О, родина! Пусть торгаши и гады
Еще живут средь грязи, тьмы и зла:

Суровая, карающая Правда
Над ними бич свой занесла!

Бич. 1906. № 1.

Песнь о бойкоте

В нашей общественной жизни
Новая сила растет,
Новая форма протеста;
Имя той силе – бойкот!
Вот посмотрите: пустынное зало...
Стульев и столиков правильный ряд...
Нет ни души здесь, одни лишь лакеи
С видом унылым стоят.
Бродит по залу хозяин угрюмый.
Ум его занят печальною думой:
– Что-то в «Россию» никто не идет,
Отнял доходы проклятый бойкот!
Вот по Почтамтской мальчишка проворный
Юный газетный разносчик бежит.
– «Время» кому не угодно ль? Купите...
Тщетно мальчишка кричит.
Тщетно проходим товар выхваляет,
Сбросить копейку с цены предлагает...
Что-то газету никто не берет.
Или ей тоже объявлен бойкот?!

Гейне из Уржатки
Бич. 1906. № 1.

Что поют на берегах Ушайки

«Что день грядущий мне готовит?...» –
поют члены различных профессиональных союзов, сжигая свои уста-
вы и программы.

*«Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок», –*
Поет обыватель в ожидании непрошенных гостей.
*«Пойдем со мной в отдельный кабинет,
Там ждет нас сладкий тет-а-тет», –*

Поет толстосум-подрядчик, встречаясь с инженером-путейцем.

«Моя милка симпатична –

Ой, ой, ой!

Одевается прилично –

Боже мой!» –

Горланит один из членов местного отдела Партии 17 октября, идя пошатываясь по улице.

Герцог Корневильский

Бич. 1906. № 2.

* * *

Вдоль по речке, вдоль да по грязной
Серый селезень плывет,
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Воевода наш идет.
Он со приставами, он с городовыми
Разговаривает:
«Кого мои духи, кого мои верны
Нынче будем забирать?»
Доставалось духам, доставалось верным
Сицилистов забирать;
«Нет, у них есть бомбы, туда надо войска,
Погодим их забирать».
Доставалось духам, доставалось верным
Все кадетов забирать:
«У них одни речи, у них разговоры,
Их мы живо заберем!»

Премудрая крыса Онуфрий

Бич. 1906. № 2.

Ограждение (очерк)

– Так шевелятся, говоришь?

– Шевелятся, Сила Фомич!

– Что же делать-то?

Сила Фомич грузно сидел в кресле в своем кабинете и, от напряжения мысли, усиленно потел.

Дело было в том, что на фабрике Силы Фомича за последнее время «шевелились рабочие». В свободное время сходились в кучки и о чем-то шушукались; в обращении с управляющим и даже с самим Силой Фомичем сделались гораздо самостоятельнее и часто, по выражению управляющего, «дерзили» и, вообще, держали себя так, что у Силы Фомича, глядя на них, начинало как-то болезненно сосать под ложечкой. Фабрика была в довольно глухом месте и, в случае «недоразумений», найти новых рабочих было трудно, а, между тем, была срочная, спешная работа, которой должно было хватить еще на месяц. Как-то пройдет этот месяц?

Вот и теперь, едва только Сила Фомич забылся за вычислением будущих барышей, как управляющий опять разбеспокоил его вконец. Явился и доложил, что рабочие «шевельются» не перестают и что, по его мнению, надо принять какие-нибудь меры, а то как бы хуже не вышло.

– Что же делать? – с душевным томлением вопрошал Сила Фомич, усиленно вытирая лысину клетчатым платком.

– А надо, Сила Фомич, какое ни на есть ограждение сделать от этой самой смуты.

– Да какое же, милый ты человек!

– А я полагаю, что надо послушать как-нибудь, об чем они говорят и что затевают, да уж сообразно с этим и ограждать себя от беды-то.

– Ну, слушай, что ли, да только поскорее, а то, пока слушаешь да думаешь, так они пожалуй.. и забастовку устроят!

И Сила Фомич, в полном изнеможении от неприятностей и усиленного мышления, махнул управляющему, чтобы тот оставил его в покое.

На другой день, при окончании работы, управляющий сидел в темном углу и, трясясь от страха, что его заметят, слушал, что будут говорить рабочие. Вот проревел гудок и, вместо однообразного шума машин, фабрика залом наполнилась веселым говором кончивших свой трудовой день рабочих. Около машины, за которой сидел в углу управляющий, скоро образовалась порядочная кучка народа. Управляющий знал, что это излюбленное место доля импровизированных собраний, потому и залез сюда.

– Так как же Семенов, придется, что ли, бастовать-то? – спросил вполголоса один из рабочих.

– А кто его знает? – ответил тот, кого называли Семеновым. – Нам-то ведь не из-за чего, да и хозяин наш знаешь какой! Его только пужни заба-

стовкой, так он тебе не то что прибавку, а хоть жар-птицу достать со страху согласен будет!

Рабочие засмеялись.

– А только, – продолжал Семенов, – ежели кругом прочие по нашей специальности фабрики забастуют, так и нам отставать нельзя. Потому – всему рабочему делу подрыв выйдет.

– Знамо дело! – поддакнул один из рабочих. – Да те-то будут бастовать, али нет?

– Говорю тебе – не знаю! Да и сами они не знают! Потому – от переговоров все будет зависеть, как переговоры пройдут.

– А ты нам сказывай!

– Сказывать буду, только вы шибко-то виду не подавайте, а то и так уж управляющий косится на наши сборища. А теперь марш по домам!

На этом разговор кончился, и рабочие разошлись.

Управляющий отсидел себе ноги, но добытыми результатами был доволен. Кряхтя и охая, выбрался он из своего угла и отправился домой, так как Силу Фомича вечером тревожить не полагалось.

Утром, едва только Сила Фомич вошел в свой кабинет, управляющий был уже там.

– Ну, что?

– Слушал, Сила Фомич!

– Да что выслушал-то?

– А они, Сила Фомич, к нам никаких претензий не имеют и на ваш характер очень полагаются, говорят, с вами ладить можно; а только тут, я вам скажу, пропаганда-с!

Последнее слово управляющий произнес почти шепотом, наклонившись как можно ближе к Силе Фомичу. Тот так и обомлел.

– Ка... какая пропаганда?

– Политическая-с! Они говорят, что ежели на прочих фабриках забастуют, то и они тоже, для поддержки!

– Батюшки! Да ведь.. ведь это с жандармами не развяжешься.. Что же теперь?

– А я полагаю-с, что прекратить это надо. Потому ведь это чистые бараны-с: куда вожак, туда и они. А убери вожака, и стадо никуда-с.

– Да вожаки-то где? Кого убирать-то?

– А Семенова-с, да Тимохина, да Колесова. Около них все собираются, они и смущают-с.

– А контракт-то? Ведь, за две недели...

– А уж это ваше дело-с, Сила Фомич! На то вы богатый человек, чтобы об этих делах попечение иметь!

– Верно! – обрадовался Сила Фомич. – Сегодня же съезжу к станковому посоветуюсь!

Сила Фомич съездил к станковому «посоветоваться», причем заметно было, что, когда он уезжал, боковой карман его был сильно раздут, а когда возвратился, карман был опять в обыкновенном состоянии. В тот же вечер управляющий не в обычный час был позван к хозяину.

– Был! – встретил его Сила Фомич.

– И что же-с?

– Уладил дело! Теперь, ежели они только вздумают жаловаться, сейчас их за шиворот и на казенные харчи «за пропаганду!» Понимаешь?

– Отлично-с! Так, значит, завтра-с?

– Да уж, чем скорее, тем лучше! Просто сосет у меня вот тут! – и Сила Фомич ткнул себя перстом «под ложечку».

На другой день с утра на фабрику прибежал мальчик из конторы и оповестил: «Семенова, Тимохина и Колесова в контору!» Рабочие перглянулись.

– Ладно! Послушаем, что нам скажут! – громко сказал Семенов, и все трое пошли в контору.

– К вашей милости! Требовать нас изволили? – обратился Семенов к управляющему.

– А... да, да! Вот, получайте расчет!

– Как так? По какому случаю?

– Народ мутите! Нам бунтовщиков не надо!

– Да, так вот оно что! А как же контракт-от, господин честной? – спросил Колесов.

– Жалуйся, коли хочешь!

– Ладно! По крайности, знать будем, как русское православное купечество свое слово соблюдает! Айда, ребята!

И все трое повернулись спиной к управляющему, кричавшему им вслед: «Не смеет в конторе грубиянить, хамы! Вон!» – и спокойно вышли из конторы.

Через полчаса управляющий бледный, без шапки, с блуждающими глазами, влетел в кабинет Силы Фомича и, едва переводя дух, прохрипел:

– Забастовка...

Сила Фомич остолбенел.

П.К.

Бич. 1906. № 2.

* * *

Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не встречал,
Где банкир – современный властитель
Мне бы денег займы предлагал.
Отказали в соседнем Берлине,
Шлют отказы из дальних мне стран:
Все надежды в печальной картине
Застилает зловещий туман.
И в России все наши банкиры
Лишь руками разводят в ответ,
Да проценты сосут, как вампиры...
И все нет капиталов, все нет.
Выдь на Волгу: чей вопль раздается,
Как предвестник грядущей беды?
Этот вопль у нас бунтом зовется,
То голодные просят еды.
Волга, Волга! Мелеешь ты сильно,
Когда вешние воды сбегут,
И скорее и более обильно
Из подвалов финансы текут...

Премудрая крыса Онуфрий
Бич. 1906. № 3.

Мелочи

- Папаша! Что такое – Государственная Дума?
- А это, душенька, Таврический дворец, только подновленный!
- Вы слышали, что «Пулемет» Шебуева субсидировался правительством?
- Не может быть?!
- Как же! Редактору даже квартира казенная была предоставлена и содержание!

Бич. 1906. № 3.

«РАБОЧИЙ ЮМОРИСТ»

* * *

В долине, у гор, в наступившей ночи, я видел красивый силуэт женщины, мягкими нежными тонами сливавшийся с ночью. С перебитыми руками, вся окровавленная алой человеческой кровью, она с трудом поднималась по змее-тропинке в горах, к воздуху, свету. На руках она несла ребенка, которого люди с благоговением называл свобода.

Я видел, с каким трудом поднимается она, уходя в туманную даль со скорбным лицом над родным ребенком, измученная и обессиленная тиранами.

Я подошел к ней и, протягивая свои руки, не запятнанные кровью, предложил бережно нести за ней ребенка.

Я не знаю, увидела ли она во мне врага свободы и счастья, но она молча передала мне ребенка.

Путь был длинен. Меня терзала одна мысль – куда неизвестная женщина уходит с ребенком.

– Уносишь ли ты от нас свободу?..

– Даа... мой сын.

Я узнал ее по блестящим и мрачным глазам.

Печалью звучал ее дорогой и грустный голос, когда она, прощаясь, брала ребенка.

– Я ухожу. Ибо тираны находят все еще удовольствие в крови и кандалах.

Но когда люди придут к сознанию – сбросить с себя гнет неволи, я приду к вам. Я навею человечеству чудную, гордую песню. Я покажу ему другую жизнь, полную яркого стремления к счастью.

Я дам ему возможность искать истину, чтоб озарить весь мир ее красивыми блестками.

Она скрылась в горах, но свой путь весь окрасила кровью, желая спаять ей счастье людей.

К-я 3-в.

Рабочий юморист. 1906. № 1.

Экспромт (Глядя на вскрытые реки)

И наш грядущий путь таков!...

Пример того в самой природе!

Река разбилась от оков,
И мчится бурно на свободе...
Но при «незыблемых» основах
Мы все живем еще в оковах!

Рабочий юморист. 1906. № 1.

Предостережение томским кадетам

Победу празднуют кадеты,
Под непрерывный левых свист.
Сконфужен мрачен октябрист:
В нем чувства скверные задеты...
И берегись его, кадет,
Смотри, не быть тебе живому,
Коль, по примеру прошлых лет,
Прибегнет снова он к погрому.

Рабочий юморист. 1906. № 1.

По поводу двух палат в России (Посвящается первому российскому парламенту)

Как на рублище заплаты
Вдруг явились две палаты,
Торжествуй же, о храбрый росс!
Только вот один вопрос:
Будет ли ума палата...
Это, кажется, сверх штата.

Рабочий юморист. 1906. № 1.

«ЕРШ»

Завещание «Ерша»

Когда меня окунь иль щука проглотит, –
Не правьте вы тризну, не правьте по мне.
Скажите лишь только, что плавал я смело,

Свободно я плавал в речной глубине.
Скажите, что я гражданин был свободный,
Что реку родную я страстно любил,
За это сожрал меня окунь, за это
Я буйную голову рано сложил.
Не плачьте! Напрасны и горе, и слезы:
В реке еще много осталось «Ершей»,
Скажите лишь только, что долг свой я честно
Исполнил в защиту, в защиту друзей!
Мне славы не надо, не надо мне лести:
Кто родину любит, тому похвала –
Лишь тяжкое время в борьбе со врагами:
От славы так много бесславья и зла!

Ерш. 1906. № 1.

Ерш-задира

Ерш – рыба малая, некрасивая, но вкусная. Живет в проточных водах, а не в стоячей воде, избегает болот и тины и свободно плавает в речной глуби, не боясь зубастых щук и прожорливых окуней. Питается инфузориями и мелкими букашками, а иногда, в тихую прекрасную погоду, выбрасываясь на поверхность воды, ловит мух и комаров, трутней и ос без жала. К пчелам относится сочувственно за их трудолюбие и терпение.

Ерш-задира не принадлежит ни к каким политическим партиям. Он презрительно лавирует между брюхом толстого откормленного буржуа-окуня и широко раскрытой пастью противной щуки.

– Съем! – говорит щука ершу.

– А, ну-ка, попробуй! – ощетинивается ерш. – Наколешься!

Он – прогрессист. К сильным рыбам чувствует глубокую ненависть. Рыб-генералов совсем не признает.

– А, ну их наплевать!...

Свободу считает единственным благом и ведет широкую пропаганду среди идеалистов-карасей, добродушных чебаков и смиренной сороги.

Даже рыбе офицерство прислушивается к его смелым речам о том, что вода принадлежит вообще всем рыбам, которые и должны сами устраивать свою общественную и государственную жизнь.

– Все мы равны! – говорит он. – Долой щук и окуней!

Иногда за такие речи ершу-задире влетает. Недавно рассерженная щука откусила ему кончик хвоста. В другой раз, гоняясь за ним, щука загнала ерша в темную малюсенькую ямку и продержала его в одиночном заточении несколько суток.

Но ерш не унывает.

По своей природе он философ. В его голове создалась цельная философская система о государственном устройстве озер, рек и морей. Он думает весь мир перевернуть вверх головами, когда его система будет одобрена государствоведами, учеными и профессорами и будет ими принята к исполнению. В чем заключается эта удивительная, справедливая система, пока неизвестно, так как ерш скрытен и осторожен. Ерш-задира немножко хвастовит. Особенно любит похвастаться тем, что из него уха получается жирная, сладкая.

– Только не для генералов и министров! – оговаривается он. – куда нам! Для бедняка-пролетария, для рабочих вкусна из меня уха. И дешево, и сердито!

Хвастунишка, что и говорить!..

Впрочем эта отрицательная сторона в характере ерша-задиры искупается его горячностью и энтузиазмом.

– Долой зубастых щук! – выкрикивает он во всю мочь и на все рыбе царство. – Долой откормленных, сытых, самодовольных окуней! Да здравствует ерш со всей своей меньшей братией: чебаками, карасями, сорогами!...

И волнуется рыбе царство, повторяя:

– Долой! Долой! Да здравствует смелый колючий ерш! Виват! Урра!

А щука и окунь насторожились.

– Съем! – грозит щука.

– Раздавлю! Уничтожу! – кипятится красноперый окунь.

– А, ну их, наплевать!

И свободно, с юношеским задором, лавируя между брюхом речных чудовищ, плавает ерш-задира по речной глубине.

Смеется.

Что ему щуки и окуни, когда за ним и с ним такая огромная армия мелких, жизнеспособных, веселых товарищей?

В единении – сила.

М.С. Кларин
Ерш. 1906. № 1

**Ворона
(Басня)**

Ворона, сидя на суку,
Кукушкой вдруг закуковала:
– Куку! Куку!..
Смотрите, я кукушкой стала...
Хрипит, топорщится, из перьев лезет вон
И хочет удивить подруг своих ворон,
Что и она
Сотворена
Вещуньей быть:
Пророком хочется не нам одним прослыть!..
Я много видел среди людей
Ворон таких, – ей-ей!..
Примером взять хоть наших октябристов...
Кричат: «порядок и свобода!»
Вглядитесь: не воронья ль то порода
Из лагеря капиталистов?
Мораль: наряды одевай по праву!
Ворона если ты – не превратишься в паву...

Ерш
Ерш. 1906. № 1

Опыт словаря «социальных положений»

Адвокат, лицо, занимающееся ведением чужих дел в судебных установлениях по соглашению и по назначению; в первом случае распинается, в последнем – «сбывает дело с рук».

Адмирал, высший чин в морском ведомстве; русские адмиралы морские сражения обыкновенно проигрывают, зато на суше оказывают чудеса стратегического искусства, например Дубасов в Москве.

Банкир, лицо, обладающее большим капиталом, который дает своему хозяину возможность, не занимая таковой должности от правительства, в вопросах politik быть настолько важнее разных генералов с их карательными отрядами, пулеметами и пушками в своем отечестве, но также наделяет большим влиянием и на политику других государств. Например, французские банкиры и русская государственная дума... Можно

с большой уверенностью и без ошибки утверждать, что настоящий момент в русской истории создан французскими банкирами.

Бюрократ, замечательная особь человеческого рода, акклиматизировавшаяся главным образом в России. Бюрократов в России ужасно много, и они даже держали ее в своих тисках, причем получали за это награды.

Теперь престиж бюрократии падает, но все-таки она еще сильна, опираясь на карательные отряды с их аксессуарами...

Вышибала. Для занятия этой должности необходимо обладать физической силой; обязанности не из сложных: выгонять в шею. Должность эта учреждается обыкновенно при увеселительных заведениях низшего разряда, но иногда обязанности вышибалы выполняют лица «почтенные». Например, о. Сосунов, «вышибший» Белявского с заседания общества трезвости, и др.

Генерал, одна из высших степеней военной иерархии; генералам поручают высшие должности, а на войне – командование армией и главное руководство при ведении кампании. Наши генералы стратегических способностей в боях с внешними врагами обыкновенно не показывают и в полном боевом порядке отступают (бывают обращены в бегство); зато в борьбе с внутренними врагами они непобедимы. Таковы, например, Трепов, Рененкампф, Меллер-Закомельский или др., стяжавшие славу после войны с Японией.

Городовой, низший чин полиции; на обязанности городского лежит: стоять на посту и не слышать и не видеть, что делается в трех шагах от поста; если попадется «преступник» – «доставить» его в участок и здесь под руководством более высоких чинов избить его и снова идти на пост; на его же обязанности лежит искоренение «крамолы» и «политики».

Депутат, должность по выборам; депутат отправляется выборщиком к какому-либо лицу или учреждению с требованием, с представлением, с поздравлением, с ходатайством или еще кое с чем. Некоторых депутатов принимают и выслушивают, другим отказывают в этом и иногда заявляют, что не желают их выслушать, так как они не исполнили этикета. Так было, например, 6 мая с депутатами Государственной думы...

Дипломат, должность важного государственного значения; дипломат ведет обычно переговоры с представителями других государств и чем ловчее обойдет их и обманет, тем лучшим дипломатом своего отечества он становится. У нас дипломат был граф Витте...

Еврей, человек, имеющий право жить только там, где ему позволяют или разрешат, он пользуется только одним правом: нести все повинности и платить все налоги, остальными правами не пользуется. Иногда, в интересах государственного спокойствия, евреев выселяют с места их жительства, но они иногда при больших хлопотах и т.п. могут остаться на месте. Лучше всего для еврея иметь много денег.

(Продолжение следует)

Горацио
Ерш. 1906. № 4

Вместо передовой

Мне, ершу, нанесено чрезвычайное оскорбление.

Смыть оскорбление я могу только кровью.

«Крови жажду, Яго, крови!»...

Судите сами. – Развертываю № 475 газеты «Наша жизнь» и читаю в петербургской хронике:

«Государю Императору рыбаки поднесли в дар живого осетра, весом в 12 пудов, пойманного у Шлиссельбурга. Дар рыбаков государь передал лейб-гвардейскому полку, прибывшему в Кронштадт для несения службы».

Прочел и умилился: хороша уха из ершей, ну а осетер, мягкотелый и жирный осетер, понятно, вкуснее нашего брата будет. Блюдо гастрономическое.

Читаю газету дальше. Что такое?! – Вот так штука! – В отделе писем в редакцию помещено следующее:

«Покорнейше просим вас разместить в вашей многоуважаемой газете наше письмо.

11 июня наш полк, то есть лейб-гвардейский гренадерский, был вызван экстренно в Новый Петергоф, так как там забастовал лейб-гвардейский преображенский полк. 11 июня полк прибыл в Новый Петергоф в 12 часов ночи, поместился в казармах каспийского полка; 12 июня изволил посетить полк Государь Император, остался очень доволен полком и за верную службу и преданность полка он подарил полку осетра в 11 пудов. Командир полка генерал-майор Ганефельд принес

осетра в полк, показал всем солдатам и обещал на другой день сварить его, то есть 13 июня. Солдаты были в восторге, ожидали вкусного обеда, ну дело вышло наоборот: даруемый нижним чинам осетр исчез, а для солдат сварили вместо осетра дохлых ершей, а где же осетр? Никто не знает, только знаем, что господа офицеры что-то кушали, пили коньяк и играла музыка. Слушали «Ура»! Наверное, они его съели и солдатам вместо порции осетра изделали порцию два раза в день ротного учения, которым измучили совсем солдат. Лейб-гренадеры».

Вот такая скверная история вышла! Осетра, видимо, господа офицеры изволили под музыку скушать, а солдат накормили...

Пожалуйста, не думайте, что я, ерш, оскорбился тем, что мои братья попали в желудок солдата.

Отнюдь нет. Я не протестую, если попадаю в руки пролетария: о том я имел честь поведать читателю в № 1 «Ерша».

Я оскорблен тем, что моих братьев дали солдатам дохлыми.

Это – черт знает, что такое!..

И если солдаты протестуют на страницах «Нашей жизни», то я, располагая своим печатным органом, также протестую из всех сил моей ершовой души.

И этого еще мало. Я сделаю запрос чрез «трудовую группу» в Государственной Думе военному министру, запрос срочный.

И пусть министр даст отчет мне не через генерала Павлова, которого я и слушать не желаю, а самолично.

В противном случае я вызываю министра на дуэль: я смою оскорбление кровью!

Ерш. 1906. № 7.

Христос на земле (Легенда)

В один ясный весенний день, когда солнце щедро дарило природе свои благотворно-живительные лучи, с голубых прозрачных небес спустился на грешную землю безгрешный Христос. Очутившись во владениях земных царей, небесный царь принял на Себя «рабский вид» и в этом виде отправился странствовать по белому свету.

Много исходил Он различных сел и городов, и везде Ему приходилось скорбеть Своим любвеобильным сердцем. Всюду Он видел, как сильные

давили слабых, как богатые теснили и угнетали бедных; всюду Он замечал, как Его высокие и святые заветы попирались людьми, а неправда и зло полновластно царили и торжествовали в жизни. И от этой картины торжествующего зла горько сделалось на душе у Христа. Заплакал Он и сказал: «Пойду на Русь святую, православную и там хоть немного утешусь. В ней, наверное, строго и нерушимо хранятся и блюдутся Мои законы и заповеди».

Сказал и пошел. Приходит под вечер в один город. По случаю праздничного времени во всех концах города на разные лады гудели колокола и призывали верующих к молитве. И верующие, заслышав призывный благовест, густыми толпами стекались в храмы.

Умилился сердцем Христом, видя такое благочестие, и, вместе с другими, вошел в один особенно большой и роскошный по виду храм. Храм уже весь был залит огнями. Множество лампад и люстр горело в нем множеством свечей – и больших и малых, и дорогих и дешевых, – теплилось перед иконами, ясно свидетельствуя о том глубоком почтении и благоговении, которое горожане питали к своим святыням. И от созерцания всего этого благолепия еще более усиливавшегося истовым и торжественным богослужением, легко и светло стало на душе у Христа. Он радостно вздохнул и благодарил отца своего небесного за то, что тот дал Ему возможность узреть людей, по-видимому истинно любящих и чтущих Его.

Но не успел Он еще окончить Своих благодарений, как на амвоне появился в блестящем облачении и сверкающий драгоценными камнями митр величественный и важный священнослужитель, и начал назидать и поучать своих пасомых. Оно говорил им о смуте и нестроении, охвативших всю страну, указывал на «жидов, крамольников и революционернов», от которых идут все несчастья и бедствия, и во имя Бога, во имя Его – Христа, призывал беспощадно истреблять, уничтожать и избивать и Его речь дышала такой злобой и человеконенавистничеством, в ней было столько вражды и презрения ко всем «инакомыслящим», что Христос ужаснулся и сказал:

– Горе вам, фарисеи! Устами своими вы призываете меня, а сердцем своим далеко отстоите от меня. Дом Мой, дом молитвы, вы сделали местом, и средством послуживаться «властям предержажим», и превратили его в вертеп разбойников», – и, выйдя их храма, оставил тот город.

На рассвете, когда на горизонте только что забрезжилась заря, Он уже подходил к одному новому селению. Тут взорам его представилось такого

рода зрелище: на обширной зеленой поляне, пестревшей разнообразными прекрасными цветами, пред свежими, только что вырытыми, довольно глубокими ямами, стояло несколько человек с завязанными глазами, а прямо против них, сверкая холодной сталью, находились стройные, правильные ряды серых, однообразных, поразительно друг на друга похожих людей, и, судя по тому смущению и волнению, которое было написано на обычно тупых и равнодушных лицах этих людей, Христос узнал, что сейчас здесь должно было произойти и совершиться что-то непоправимое, ужасное, позорное, гадкое, и захотел предотвратить его. Близко подойдя к «несчастливым исполнителям чужой воли», Он заговорил с ними о милости и сострадании, о любви и всепрощении. Он указывал им на то, что все люди – братья, равные между собою, и что среди них не должно быть ни больших, ни меньших, ни слуг, ни господ. Он говорил им о том, как преступно быть Каином своего брата и как грешно быть убийцей своих ближних. И по мере того, как он беседовал с ними, все больше и больше дрожали их руки, все ниже и ниже опускались их смертоносные орудия. Его простые, понятные слова находили все большой и больший отклик в их огрубевших, ожесточенных суровою средою, сердцах и, по всей вероятности, восторжествовали бы над жесткими велениями железной дисциплины, как вдруг раздался грозный, начальственный окрик:

– Это что же такое? Бунт? Неповиновение? Ребята! Пли!

Этого было вполне достаточно, чтобы в серых людях проснулся дремавший зверь и подавил собою человека. Загремели выстрелы.

– Ребята! Хватай этого агитатора! – приказывал все тот же властный голос. Христа схватили и, через несколько часов, «за пропаганду, выразившуюся в подстрекательстве к возмущению», расстреляли.

В. Австралийцев
Ери. 1907. № 3.

**«БУБЕНЦЫ»,
САТИРИКО-КАРИКАТУРНЫЙ ОТДЕЛ
«СИБИРСКИХ ОТГОЛОСКОВ»**

Вместо передовицы

Вызывает меня сегодня редактор и категорически объявляет: если к следующему выпуску «Бубенцов» не будет готова моя передовица, то он

вынужден будет отказать мне в сотрудничестве. Что делать?.. Куда пойдешь, кому скажешь?.. И вот, воленс-ноленс, я берусь за перо.

урналы «Осы», «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Бубенцы», уме – то ее нет, а об отсутствующих этика порядочности запрещает писать что-либо, как о покойниках, – либо хорошо, либо ничего. Писать о Горемыкине, получившем коленкой в то место, где спина переходит в более поэтическое название – не стоит, ибо жеваное не пережевывают. Писать об эсерах, эсдеках, кадетах – не стоит, ибо всякое писание об них временными правилами (упаси Боже наших потомков от них!) строго воспрещается. Писать о том, как наши сибирские околоточные надзиратели иногда заходят в пивные, не только по долгу службы, и там напиваются до такой степени, что у них отбирают стимул их власти «шашку», – не стоит по одному лишь тому, что обывательские ноги часто застревают в них, а вопрос о них – застрял в зубах отцов города. Писать о том, что местное еврейское общество отложило гулянье в городском саду, назначенное на 16 июля сего года, по непредвиденным обстоятельствам, – не стоит, ибо давно и каждому известно, что все евреи – крамольники. Писать о заседании партии 17 октября, бывшем в помещении городской думы 13 июля сего года под председательством г. Некрасова – не стоит, ибо посланная им благодарственная телеграмма делает всякие комментарии излишними, нет фактов» – воскликнул один передовик (не только в «Новом времени») и... настроил статью о финансовом положении России. Я же, не имея возможности сделать и это, ограничусь одним воззванием: «Прошу господ читателей и читательниц сообщать все сенсационное «Гвоздю» в редакцию «Сибирских отголосков» для отдела «Бубенцы», дабы иметь материал для передовиц».

Гвоздь
Бубенцы. 1907. № 20.

К аграрному вопросу

В вопросах тягостных не надобно спешить.
Считает вся страна в надежде лучезарной,
Что лишь парламенту возможно разрешить
Мучительный вопрос, – больной вопрос аграрный.
Такое мнение имеет, правда, вес,
Оно не лишено известных оснований;
Но нужно знать и то, что общий интерес

И вне парламента встречает ряд стараний.
Пример недалеко. «Крамольников» лихих
Переселяют в глушь довольно аккуратно,
Причем с охотою и с радостью для них
Казенная земля отводится бесплатно.
Еще другой пример. Когда «бунтовщиков»,
С судом иль без суда, повесят, расстреляют,
То их с готовностью, без всяких лишних слов,
Церковною землей (6 футов) наделяют.
Таким простым путем уже разрешены
Вопросы о землях церковных и сибирских;
Но, вместе с тем, ведут «отчества сыны»
Речь о владениях земельных монастырских.
В жизнь глубже вдумайся и глубже посмотри:
По каноническим незыблемым законам
«Крамольников»-попов влекут в монастыри,
Где садят на землю, привязывая к «оним»...
Выходит, значит, так, что дело – «на ходу»
И ясно для того, кто факты понимает:
Само правительство аграрную беду
Дарит вниманием и «меры принимает»!

Чик

Бубенцы. 1907. № 20.

Телеграммы Агентства Ад

Иван Грозный три раза перевернулся в гробу: один раз – когда «дали» свободу; второй – когда правил Витте; третий – в продолжение заседаний Думы. Собрался и в четвертый раз да... призадумался.

Все умершие и умирающие звездоносцы в земельном вопросе стоят за переселение; здесь свободных мест масса.

От ожидающего наплыва «крамольных» душ забронированы: в аду – все черти, старые и малые; все орудия, даже смола. Забастовка чертей подавлена. Есть убитые. Требования политические.

Авторитет Везельвула незыблемо вложен, при звуках гимна, в количестве 100 плетей каждому.

Фон-Плеве

Бубенцы. 1907. № 20.

На заседании (шутка)

Я был в заседании гласных...

Но только не томской городской думы, – нет!

В виду того, что нам почти совсем уже дано право свободы собраний, союзов, совести, слова и печати (бумаги об этом лишь в «исходящий» не занесено), – то русский алфавит – этот главный рычаг обмена мыслей, проведения различных начал в жизнь и прочая, и прочая и т.п. – решил устроить митинг.

Дряхлая *вита* хотя и доказывала гласным, что относительно митингов существуют особые распоряжения, вследствие которых на оные митинги должны быть приглашаемы трубачи и барабанщики, – но гласные русского алфавита игнорировали предостережение *виты* и дали ей понять, что существующие постановления никакого касательства к русскому алфавиту не имеют, ибо всецело созданы лишь для успокоения людских умов и насаждения в них идей благонравных...

Потому – митинг состоялся.

По настоянию большинства гласных в него были допущены шипящие, свистящие, губные и гортанные буквы – что, несомненно, свидетельствует о знакомстве «гласных» с людскими митингами, на которых вы постоянно услышите и шипящие, и свистящие, и другие звуки...

Вопрос о допущении полугласных был выражен в отрицательном смысле.

«Гласные» заявили, что полугласные – это то же, что лица, ограниченные по суду, нижние воинские чины, малолетки, юнкера и прочие неспособные...

Однако, им дозволили во время митинга быть в приличном отдалении и слушать...

Слушать и, конечно, молчать...

Голова «гласных» «Аз» начал речь с заявления, что он есть кит, а китом и вся земля держится..

– Позвольте! – корректно заявила «Земля», – если бы вы изволили без меня выступить в настоящем собрании, то вас, по меньшей мере, приняли бы за... за... извините за выражение – за курского помещика...

В собрании пронесся звук удивления...

– Я вам объясню, – спокойно продолжала «Земля», – без меня вы только а-а-а... а что такое а-а-а?...

Публика захохотала. *Аз* позвонил. Все смолкли...

– Итак, я утверждаю, что без меня – вы совсем не *Аз*, а какое-то неопределенное междометие... или курский дворянин звукоизвергатель...

– Верю! Верю! – слышались голоса.

– Это не важно, – с достоинством заявил *Аз*, – я собрал вас совсем не для того, чтобы разрешать совершенно не важные вопросы... Господин *Юс*! Прошу вас прочесть первый вопрос программы заседания...

Откашлявшись и вытерев нос красным платком, секретарь собрания *Юс* прочел:

По предложению академии наук за № 000.000.00013, относительно изъятия из обращения в российских словах, а поелику и в мыслях числящихся в наличности русского алфавита: *и* с краткой, *і* с точкой, вывороченного *э*, *яти*, *ера*, *ерика*, *виты* и...и... *юса*...

Последнее слово секретарь произнес невнятно, так как голос его дрогнул и оборвался...

– Госпожи гласные! Прошу высказаться...

– Ж м-м! Чш... Чш... Кха-га, кха-га...

– Молчать! – прикрикнул председатель в сторону «малолетков».

Остальные «гласные» думали...

– Позвольте мне, г. председатель! – сказал скромно *э* на выворот. – Я хотя и чувствую, что дни мои сочтены и что мне не предстоит никакой роли в будущей русской речи, – однако, я прошу почтить мои заслуги вниманием и выдать мне посмертную пенсию. Не забудьте, Госпожи гласные, что я долгое время имел местожительство в устах Петра Иванова Бобчинского, занимал видные должности и у высших административных лиц, вскакивая им на язык в то самое время, когда у них с этого слово готово было соскочить что-нибудь такое... *э-э-э*... либерально-кокетливое... Кроме того, я и до сих пор состою в услужении у многих баронов, графов и других особ...

– Уж если вы, госпожи гласные, назначите пенсию этому *э* на выворот, то прошу не забыть и нас, нижепоименованных: от лица *виты* и господина *юса*, я, *ижица*, прошу таковой же пенсии, ибо, ежели бы не мы, то «миропомазание» в самом превратном смысле истолковано было, а если бы не господина *юс* и *вита*, то все бы существующие исторические акты доступны были бы пониманию всякого неграмотного бездельника...

– Я прошу возбудить ходатайство об оставлении меня на прежней должности, – твердо заявило «*і*» с точкой. – Ибо если вы меня изъемили из обращения, то у вас ничего не выйдет.. Попробуйте-ка написать без моего присутствия демонстрация, революция, конституция. Что у вас будет? Все будет куцесловие.

Гласные задумались... Некоторые стали перешептываться между собой, но в этот момент случилось нечто невероятное...

Шипящие, свистящие, губные и гортанные подняли такой невообразимый гвалт, что *Аз* вскочил со своего места, как вскакивают с мест министры, и поспешил в полицейский застенок...

Митинг следует считать пока не состоявшимся...

Рефлектор
Бубенцы. 1907. № 20.

Нейтралитет (сценка)

– Что такое нейтралитет? – спросила горничная у лакея, бывшего унтер-офицера из малороссов.

– Нейтралитет, примерно, значит вот что: если, скажем, я, Петрусь и Федька ляжем втроем спать и закроемся одним одеялом. Когда станет Петрусью и Федьке холодно, то вони одын за другого тянут одеяло и стараются теплоту передвинуть на свою сторону...

– Ну и что же?

– Пожды ты, не мешай... Одын в свою, стало быть, сторону тягне, а другой в свою; а я лежу себе посередке, не двигаюсь и держу нейтралитет... Поняла?

– Вот что, а я думала...

– Совсем не то, что думала, а вот это... Вот и я теперь тоже держу нейтралитет: барыня пошла до свое матки с лекарством на барына и приказывала никого не впускать, бо всякий народ шляеца: воры, мошенники...

– Ну, так в чем же тут твой нейтралитет?

– А вот и слушай: прийшов барын тай дзвонит и кулаками бьет двери, а я не отворяю, кажу: не приказывали пушать, бо всякий народ шляеца: и воры, и мошенники. Так и не пустил.

– Ну, а барынню-то, конечно, пустил?

– Ни, и ее не пустил, кажу и ей, что всякий народ шляеца...

– Ха-ха-ха! Ну, и что же она?

– Что же? знамо, ругае, каже: «дурак, ведь я хозяйка!», я кажу: а мне какое дело, что хозяйка, – вы с барином ругаетесь и не приказываете никого не впускать, ну, знамо, наше дело лакейское – мы и должны нейтралитет держать.

- Вот потеха-то!.. ну, а все-таки в комнаты-то она попала?
– Попала через окно, бо воны было не заперто.

Икс

Бубенцы. 1907. № 22.

**Но... то был сон
(фантазия пьяного сотрудника)**

Сладко потянувшись, я поднялся с постели и, быстро надев туфли, подошел к окну. Шаловливый луч солнца, проникнув через занавеску, весело играл на моем письменном столе или, вернее сказать, на просторном кухонном, но волею судьбы играющем роль письменного, страшный хаос царил на нем. Рядом с недоконченной рукописью лежали куски недоеденной колбасы, завернутые, стыдно сказать, в старый № «Время»; рядом с чернильницей стояла баночка початой французской горчицы, в которой одиноко торчал очиненный карандаш. В общем вид стола был крайне непрезентабелен и я невольно поморщился, но, открыв окно, выходящее внутрь двора, я невольно отпрянул от него и стал протирать себе глаза. Да и как было не удивиться. Вместо грязного вонючего двора, в котором свиньи чувствовали себя как в раю, – я увидел ровно вымощенный щебнем двор, обсаженный по краям небольшими деревьями. Ворвавшийся в открытое окно воздух, от которого раньше невольно каждый томич зажимал нос, – был чист и веж и наполнен чудным запахом цветов. Ощупав себя, дабы убедиться, – не сплю ли я, – я быстро оделся и вышел на улицу и снова остановился в изумлении. Шел небольшой мелкий дождичек и я, выходя из дому, в душе боялся, переходя через улицу, застрять в томской тине, но... вдруг передо мною оказались чудные бетонные тротуары, с которых капли дождя стекали в водоотводные канавы и каждый пешеход мог идти, не замочив своих ног.

Посреди улицы, на углу Нечаевской и Жандармской, стоял какой-то субъект, одетый в непромокаемый плащ, в руках которого находилась довольно большая книга в футляре, оказавшаяся, по осмотру ее, путеводителем по г. Томску. Глаза мои все шире и шире раздвигались и ум мой, мое воображение отказывались служить мне. На мой вопрос, – что все это значит, – одетый в непромокаемый плащ вежливо ответил, что он постовой городской и к услугам всех тех, кто к нему обращается. На такой ответ я окончательно вытаращил глаза, ибо не привык, чтобы горо-

довой на обращенный к нему вопрос прохожего когда-либо отвечал, не помянув предварительно родственников спрашивающего по восходящей линии, каковая у русских не имеет границ.

На мой вопрос: почему можно ходить в настоящее время по Томску в дождливую погоду, не только не рискуя утонуть в грязи, но даже без галош, – он вежливо ответил, что городского головы Некрасова гласные в настоящее время находятся под контролем выборных людей и не могут чинить всякие безобразия, как было ранее, когда наш лорд мэр, почувствовав расстройство желудка, без всяких яких прекращал думские заседания и не обращал никакого внимания на нужду обывателей.

Иду дальше. Сворачивая на Почтамтскую и, о Боже! Останавливаюсь окончательно изумленный... Навстречу мне идет мой знакомый пьяница Гуничкин и, представьте себе, совершенно трезвый!..

– Что с тобой? – невольно воскликнул я, здороваясь с ним.

– А что? – хитро улыбаясь, в свою очередь, спросил он меня, передернув очки к кончику носа.

– Как что? – воскликнул я, – ты идешь и не пишешь «мыслите»?

– Очень просто, – совершенно спокойно ответил он, – кръгеровские пивные закрыты, ввиду ходатайства нашего управляющего, мотивированного тем, что, благодаря им, он еще ни разу, как вступил в должность, не видел ни одного трезвого чиновника своей палаты. И теперь, – с грустью добавил он, – осталась одна пивная Зелихмана, где не дают в кредит не только дюжины пива, но даже и маленькой кружки пива, – сокрушенно закончил он и так посмотрел на меня, что у меня сердце сжалось. В его взоре так и просвечивало: «нет ли у тебя на пару кружек?»

Я машинально полез в карман и, сам удивляясь, вынул оттуда два двугривенных (что у меня случается довольно в редких случаях).

Лицо моего друга сразу прояснилось и он, просительно глядя на меня, предложил пройти в пивную Зелихмана, благо она находилась от нас в двух шагах. Говоря по правде, я только раз был в этой пивной и закалялся, ибо, не говоря уже о плохом достоинстве пива, там такая прислуга, что избавь нас от нее Боже. Но тут я сдался и пошел с другом. И опять изумился. Не успели мы войти, как прилично одетый официант предложил нам совершенно чистый столик, и, выслушав наш заказ, быстро и бесшумно исчез, но через минуту вернулся с двумя чисто вымытыми кружками и парой бутылок пива, поставленный на чистый же поднос.

Поставив это на стол, он быстро принес несколько журналов и, положив около нас, так же бесшумно скрылся.

Я взялся за столичные газеты и первой попалось мне «Новое время», где среди правительственных распоряжений я, полный изумления, прочел следующее:

1) Генерал-майор Трепов назначается почетным попечителем Гатчинского сиротского института и заведующим приютом имени генерала Кондратенко для престарелых вдов генералов и адмиралов, погибших в войну с Японией.

2) Генерал Орлов назначается брандмейстером Невской части, за услуги, оказанные им по тушению пожара, возникшего среди эстляндского и курляндского населения.

3) Бывшие губернаторы Курлов, Азанчевский и Нейгард назначаются попечителями учебных округов: 1 – Виленского, 2 – Сибирского и 3 – Одесского.

4) Генерал-лейтенант Сухомлинов увольняется в отставку с оставлением в звании «язвы юго-западного края».

5) Генерал Линевиц назначается шефом жандармов».

Прочтя все это, я невольно ущипнул себя за нос и... проснулся.

Вскочив с кровати, я бросился к окну и отворил его. На меня пахло всякой мерзостью и я убедился, что... «то был сон».

Гвоздь
Бубенцы. 1907. № 24.

Чепуха

Говорят, что на Руси
Дали всем свободу
И поэтому теперь
Жить легко народу.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки.
Либо злые языки
Распускают утки.

Говорят, что на Руси
Думу созывали
И правительство, и все
Ей рукоплескали.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки

Распускают утки.
Говорят, что октябрист
Лучший друг народный
И что каждый гражданин
Ныне стал свободный.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки
Распускают утки.

Говорят, что в октябре
Дали нам реформы,
И что ныне цензора
Только для профформы.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки
Распускают утки.

Миша Буфф
Бубенцы. 1907. № 28.

На тему дня

Плохо в России живется.
В банках, в торговле застой.
Рушатся старые фирмы,
Тают как льдины весной...
В кризисе общем лишь только
Два предприятия цветут,
И небывалую прибыль
Эти два дела дают.
Чтобы не быть голословным,
Я укажу на пример:
Спрос на веревки – бесспорен,
Спрос на гробы – выше мер.

Дон Валентино
Бубенцы. 1907. № 40.

План компании

– Нет, други любезные, теперь дудки-с! Будет с вас, очень даже достаточно! Погуляли! – говорил Филимон Онуфриевич, раздеваясь в своей спальне по возвращении из «частного совещания» воротил местного отделения «истинно-русских людей». – Не все коту масленица: будет! То есть, такую мы, Матрена Ивановна, штуку надумали, какой отродясь на свете не бывало! Теперь уж беспрременно наша возьмет!

– Какую такую еще штуку? – позевывая, не совсем довольным голосом спросила супруга Филимона Онуфриевича, разбуженная поздно возвратившимся мужем в самый разгар первого сна.

– Распречудесную! Да, вот, слушай. Сошлись это мы, значит, сидим и думаем, как бы это то есть *их* объегорить половчее.

Один говорит: губернатора надо просить, чтобы он *их* сократил.

А другой: хуже будет! Али не знаешь, что ноне народ завсегда за того прет, кого начальство сокращает? Нет, надо свою агитацию усилить! Собраний побольше!

Только скажи он это слово, как вскочит Степан Афанасьевич, да так и ляпнул: Чепуху, говорит, вы все городите!

Как, говорим, чепуху?

А так, говорит. А вот теперь, говорит, я говорить буду, а вы слушайте, да на бороды мотайте! Уж он без прибаутки ни на шаг!

Слушаем, говорим.

Вот он и пошел! На кой, говорит, вам леший собрания? Чтобы дело вконец провалить? Нешто вы говорит, не знаете, как у *них* языки ловко подвешены? Рожки да ножки от вас останутся на ваших собраниях! Со всем их не надо! А не будете вы собрания делать, и им не разрешат.

Как же, говорим, без собраний-то?

А на то, говорит, есть у нас газета. И не какая-нибудь, самая форменная! И в редакторах не голь беспорточная – ученые!

Да вишь, говорим, не читают ее, газету-то нашу.

Эх вы, говорит, головы с мозгами! Опубликуют избирателей – мы им всем сейчас газету! Как к выборам статья, сейчас всем! И бесплатно! Бесплатной газетой хоть кого проймешь, из деликатности прочитают! И потом всем им по почте приглашения вступить в союз, да и написать: «в виду, дескать, безопасности вашей личности и имущества!» Понимаете? С этакого приглашения у всякого спина зачесется, поневоле к нам пойдет, а ежели до суда, у нас ответ самый законный: «как мы, значит,

начальством утверждены, то у нас не в пример безопаснее, чем у иных прочих!»

Как сказал он это, тут мы, мать моя, и свет увидали! Точно просветление какое снизошло! Рывкнули ему ура, да на том и порешили, Теперь уж беспременно наша возьмет!

– Да вот, и прошлый раз говорили, что ваша возьмет, и тоже совсем обнадеялись, а что вышло? Как бы и none.

– Дура, так дура и есть! – безапелляционно решил Филимон Онуфриевич и повернулся к жене спиной, так что даже кровать затрещала.

Премудрая крыса Онуфрий
Бубенцы. 1907. № 40.

«КРАСНЫЙ СМЕХ»

Красный смех

Если горе гнетет без пощады людей,
Если ужас холодной рукою своей
Неустанно сжимает людские сердца,
Если смерть сторожит у крыльца
И героев ряды без пощады разит,
И бедой каждый час и минута грозит,
Если в людях от ужаса жизнь замолчит,
Этот смех роковой прозвучит.
Берегись, кто силен, кто обласкан судьбой,
Вызывать у других этот смех роковой.
Этот смех роковой слабым силу дает
И на бой беспощадный зовет.
Всех, кто молод и смел, всех, кто силен душой,
Поднимает на бой этот смех роковой.
И звучит, и растет, красным вихрем идет
И победную песню поет.
Этот смех целый год по России гремит
И народа врагов без пощады клеймит;
Скоро вспомнят они в страшный час боевой
Этот смех, красный смех роковой.

Красный смех. 1906. № 1

Орудие твердой власти (Фантазия)

В этот день швейцар при помещении Совета министров был удивлен. Да и было чему удивляться. Во-первых, еще с утра в зал заседания пронесли какой-то странного вида футляр, в котором, очевидно, заключалась какая-то машина; а зачем быть машине в совете министров?!.. Но это еще ничего, а удивительнее всего было то, что министры собрались в этот день все, и никто даже не опоздал к началу заседания; это было уж ни с чем несообразно. Лица у министров были оживленные и заинтересованные; это тоже странно.

Долго думал швейцар и ничего не мог придумать. А в зале заседания в это время происходило вот что.

Министр народного просвещения собственноручно запер дверь, затем пошел в дальний угол и принес оттуда на стол, стоявший посреди комнаты, странного вида футляр, так удививший утром швейцара.

«Господа, сказал он, приглашая вас сюда, я писал вам, что в моих руках есть нечто, что радикально изменит наше положение в стране и делает нас бесспорными господами этого положения. Этот удивительный предмет я и хочу сейчас вам показать».

Министр снял крышку с футляра, и удивленные члены кабинета увидели какой-то странный прибор с приемником вроде тех, какие бывают у аппаратов беспроводного телеграфа, с рупором и матовым стеклом.

Министры с недоумением посматривали то на аппарат, то на своего коллегу, а тот, чувствуя себя героем дня, снисходительно улыбнулся, крякнул и начал свое объяснение.

«Видите ли, господа, эта штука обошлась мне не дешево: я купил ее у одного американца, ученика Эдиссона, за пять миллионов; но она стоит пятидесяти! Это ни что иное, как прибор для чтения мыслей на любом расстоянии!»

«Не может быть?!!»

«А, между тем, это так! Видите ли... этот американец нашел, что из мозга мыслящего человека исходят какие-то волны, вроде электрических. Этот вот приемник и предназначен для собирания этих волн. Получаемые в нем колебания передаются через рупор звуками речи, а на матовом стекле в то же время появляется физиономия мыслящего субъекта. По этой табличке мы можем, передвигая стрелку, направлять аппарат на любой пункт земного шара. Надо только знать направление и расстояние.

Как видите, благодаря этому прибору, мы можем знать все, что думают люди где бы то ни было!»

Слушатели этих объяснений, с вытаращенными глазами и открытыми ртами, изображали из себя соляные столпы.

«Так, может быть, сейчас попробовать...», – обрел наконец один из них дар слова.

«Именно за этим я вас и пригласил», – ответил министр народного просвещения.

«Поздравляем, поздравляем!» – заговорили все разом. – Теперь мы... Теперь у нас...

– Одним словом, цари и боги! – решил военный министр.

Когда восторги несколько улеглись, заговорил морской министр:

– Ну, господа, пробовать, так пробовать! Направим-ка, для начала, на Севастополь! Что-то чувствуют после заданных им уроков черноморцы?

Справились по таблице расстояний разных городов от Петербурга и направили.

Едва только затем министр народного просвещения привел механизм аппарата в действие, как на матовом стекле появилась физиономия в матросской шапке, и как бы из фонографа раздался голос...

Министры вздрогнули и переглянулись.

– Однако, какие там гуси водятся, – сказал, нахмурившись, морской министр. – Переведите-ка на другого!..

Другая физиономия и другой голос...

– Переведите еще!

Перевели...

– Переведите теперь на Кронштадт, – глухим голосом попросил морской министр.

Перевели...

– Господа, мне необходимо... меня ждет важное свидание! – сказал вдруг морской министр и быстро вышел.

Остальные члены кабинета растерянно переглядывались. «Но, может быть, с армией дело будет лучше? – сказал военный министр. – направьте-ка на какую-нибудь крепость, на Двинск, что ли». Направили... «А на Свеаборг?» Направили и туда...

– Черт знает, что такое! – воскликнул военный министр и выбежал, хлопнув дверью.

Остальные побледнели. Министр народного просвещения был смущен и обескуражен до крайности. Трясушимися руками начал он приводить аппарат куда попало, и перед слушателями замелькали физиономии крестьян, рабочих, служащих, и послышались голоса то негодующие, то злорадствующие, то озлобленные, то торжествующие... и ни одного голоса искреннего сочувствия!

Один за другим исчезали министры из зала заседания. Наконец, министр народного просвещения остался один. Он неподвижно стоял и тупо смотрел на аппарат. Вдруг он встрепенулся и направил аппарат на Москву. Ему хотелось отыскать редакцию «Московских ведомостей».

Скоро это ему удалось, и на матовом стекле появилась физиономия г. Грингмуга; но увы! Почтенный публицист был в эту минуту занят расчетом, какую субсидию дадут ему либералы за поддержку их министерства, если оно возникнет.

Тогда министр схватил со стола тяжелое пресс-папье в виде золотого пулемета на мраморной подставке, с бешенством швырнул его в приемник аппарата и бросился вон из залы...

На другой день телеграф оповестил весь мир, что кабинет министров в полном составе подал в отставку по болезни и выехал за границу.

К. Порфирьев
Красный смех. 1906. № 1

«НЕГАТИВЫ»

От редакции

К нам поступают ежедневно как личные, так и письменные запросы: какой программы, направления думает придерживаться журнал «Негативы»?

Редакция отвечает всем интересующимся, что журнал «Негативы» *совершенно беспартийный* орган, для него не существуют никакие политические партии: это исключительно *орган промышленников*.

Вся задача журнала сводится к тому, чтобы масса (потребители производства) была осведомлена о существующих и возникающих различных заводах, фабриках, промышленных предприятиях, разных конторах: технических, посреднических, строительных, транспортных, экспедиторских, частных предприятий и других. Поэтому журнал рассылается и раздается повсюду бесплатно.

В этих же целях – наибольшего распространения журнала, редакция располагает целой сетью агентов-представителей во всех значительных пунктах Сибири и России. Этим безусловно достигаются прямые задачи журнала: он доступен повсюду и каждому, исполняя ту миссию, которая на него возложена: распространению рекламы, как двигателя торговли и промышленности.

Помещаемый же между объявлениями текст юмора, является как бы «оживителем» рекламы, благодаря чему журнал просматривается весь и запоминаются помещенные объявления.

Негативы. 1907. № 5.

«БЕНЕФИСНАЯ ГАЗЕТА»

Передовая статья «Томск, 9 августа»

Выпуская первый номер нашей газеты, мы извиняемся перед нашими уважаемыми читателями за его краткость материала. Но и по настоящему выпуску читатели поймут, что мы преследуем все цели, за исключением тех, которые ведут к виселице или на каторгу. Мы постараемся постепенно осветить факты и только факты, а не улицы, ибо, если бы мы освещали все факты так, как в Томске улицы, то из этого ничего бы хорошего не вышло.

Наша газета, так сказать, газетная газета, а не какая-нибудь, как, вот, есть у нас в России миллионы лубочных изданий вроде: «Новое время», «Русское слово», «Сибирская жизнь» и тому подобных жалких листков. Мы далеки от всякой критики, как и критики далеки от нас. Мы твердо и смело решили идти по раз намеченному нами пути и дальше кутузки не уйдем, а если и уйдем, так от этого гг. читатели очень мало потеряют.

Но не забывайте того, что в нашей газете участвуют лучшие силы босяцкого дна. Мы имеем во всем мире своих специальных корреспондентов, фельетонистов, хроникеров и т.д. и т.д. Наше стремление забить во что бы то ни стало всех конкурентов и стать на ту высоту, на которой может находиться только Босяцкая газета, ибо всем известно, что выше босяка ничего быть не может. Да это каждый мальчик знает и на эту тему мы распространяться не будем.

А потому пожелаем этому темному делу от всего сердца полного успеха, так как после этого номера читать подобные газеты у всякого охота отпадет, да и другого номера не выйдет. (Никто и не сомневается).

Редакция
Бенефисная газета. 1908. № 1.

Телеграммы внутренние

Петербург. Государственная Дума закрыта по случаю бенефиса босяка Ю.В. Убейко. Все депутаты выехали в Томск.

Москва. Вся Москва разукрашена флагами по случаю торжественного дня бенефиса Ю.В. Убейко в г. Томске (И откуда там-то узнали?!).

Нижний Новгород. Вся ярмарка в субботу 9 августа будет закрыта, а все торговцы и покупатели дали честное слово устроить в этот день повальное пьянство, и все это только потому, что в этот день бенефис Ю.В. Убейко (Положим, там и в другие дни это бывает!).

Одесса. Русские и евреи при встрече друг с другом обнимаются и целуются по случаю бенефиса Ю.В. Убейко (Не утка ли это?).

Томск. Все грабители дали честное слово разбойников, в день бенефиса 9 августа с.г. не грабить, не воровать и вообще никого не трогать (Мы бы и поверили, если бы телеграммы была не из Томска!).

Ст. Челябинск. Невиданный наплыв пассажиров, билеты за трое суток до Томска всех 3-х классов распроданы.

(Вот уж этому мы совсем не верим, потому что по этой линии ездят больше зайцами).

Ст. Тайга. Кондукторские бригады и все станционные служащие чрезмерно любезны и предупредительны с пассажирами, едущими в Томск на бенефис Ю.В. Убейко.

Уж не свалились ли они – все эти бригады и служащие – с Марса или с Юпитера, потому что бывших всех мы хорошо знаем и у нашей редакции до сих пор бока болят от их любезности.

Бенефисная газета. 1908. № 1.

**Легенда о происхождении
реки Ушайки в г. Томске**

На землю дьявол по ночам
Лил нечистот за шайкой шайку.
И тем он создал томичам
Реку великую Ушайку.

Не верить этому нельзя:
Кто в Томске был, Ушайку знает,
На сколько верст она, друзья,
Свое зловонье испускает!

Бенефисная газета. 1908. № 1.

**Две подруги.
У входа в сад «Буфф»**

Старшая к младшей:

Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
С чего реветь ты начала?
На бенефис, ты видишь ясно,
Я два билета уж взяла.

Младшая:

Ах, не о том скорблю я, Дуся!
При чем тут твой аль мой билет...
Как без подарка я явлюся
Слушать Убейкинский куплет
(Ишь, какие беспокойные!)

Бенефисная газета. 1908. № 1.

«СИЛУЭТЫ ЖИЗНИ РОДНОГО ГОРОДА»

О.С.Р.К.П.Ж.¹²³

В 6 часов, 2 минуты и 7 секунд совещание было открыто в особо торжественной обстановке¹²⁴.

На столе стоял самовар, закуска и шесть бутылок (требовали обстоятельности изложения) с мадерой № 36, Хересом № 55, коньяком Шустова, запеканкой, рябиной и английской горькой, большой графин с водкой.

С моей стороны был заявлен протест: не пью. Сказали, что принимают протест к сведению и приложат к журналу следующего заседания (Требуют исключить пункт о вине. Не желаю и поясняю, что еще был принесен второй графин очищенной).

В совещании принимали участие шесть членов-организаторов. При вопросе о направлении журнала произошел спор, из которого выяснилось, что два члена комитета – октябристы, два – кадеты, один – «левее» и один умеренный беспартийный. (Требуют уничтожений указаний партийности. Ни за что: еже писах – писах.) Ввиду такого деления голосов и «особого положения», сужающего широкие взгляды, решено воздержаться от политических тем, всецело предоставив их обсуждение Государственной Думе, и говорить на местную злобу дня.

¹²³ Опытный наборщик, взглянув на заголовок статьи, заявил, что так номер не пройдет.

– Почему?..

– А особое положение?.. За такие словеса Нарыма не желаете?..

– Какие?

– Я, говорит, разве не понимаю: объявление социал-революционной и кадетской партии, на жизнь и на смерть.

– С ума спятил?.. Теперь так принято сокращать длинные названия. Читай: организационное совещание редакционного комитета по изданию журнала.

– То-то организационное... Поясните все-таки, с вами насидишься. У меня бумажка с одними литерами для цыгарок была, так наплакался.

Резонно. Поясняем. – Примеч. Редакции.

¹²⁴ В силу принципа: «ничего тайного от читателя», редакционный комитет возложил на меня печальную обязанность составить отчет о заседании, на котором решались все важнейшие вопросы, касающиеся существования журнала. Предупреждаю, что я отговаривался всеми силами, т.к. ничего в этом роде никогда не писал. Ввиду настояний покорился. За образец изложения взял стиль сообщений телеграфного агентства о ходе заседаний Государственной Думы. – Секретарь.

По окончании прений председатель совещания влез, от напора волнующих его чувств, на стол и (раздавив стакан) обратился к собранию с речью. (Просит передать со стенографической точностью. Исполняю.)

– Товарищи!.. С произволом и насилием, царившим и царящем (?) среди всех веков, стран и народов, есть два способа словесной борьбы. (Выраженьице). Один широкий (самоварная конфорка полетела на пол): критика всего жизненного строя, требование коренного его изменения и проч., и проч., другой – более узкий, хотя также целесообразный – привлечение к суду общества, к суду совести, известных грязных, порочных элементов и лиц, душителей справедливости, преследование их со всею беспощадностью, указание пальцем.

Таких лиц необходимо неустанно и без отдыха бить, бить и бить!

Товарищи!.. Есть ли среди вас кто-нибудь не униженный, не оскорбленный, кого бы, без совести и стыда, не обидели более сильные, более богатые, более могущественные?!

Есть ли кто, над кем не надругались, не оплевали и не затоптали все лучшее, что он хранил в своем сердце?!

Есть ли кто-нибудь из нас, кто не сталкивался с произволом, безразлично откуда бы он не происходил, не упал бы ниц, обессиленный разбитый, пред насилием?!

Есть ли такой счастливец среди нас собравшихся?.. Ответьте?..

И ей-Богу, мы промолчали.

Хотя собравшиеся все были представителями богемы, которая слывет под именем «веселой, беззаботной, независимой богемы», хотя среди нас двое были оптимисты чистой воды и могли улыбаться при предложении немедленно отрясти прах со своих ног и убираться из квартиры, платеж за которую слишком затянули, хохотать, когда в трудные минуты приходилось тащить на толкучку последнее пальто, несмотря на такое обилие добродушия и безобидности мы промолчали.

Пока председатель слезал со стола, царила тишина, прерываемая только звоном падающих ножей и вилок. Затем «левее» откашлялся, вздохнул и сказал:

– Давайте лучше выпьем! (заявляет, что вставками нарушаю единство впечатлений. Наплевать на единство, раз оно расходится с фотографией момента.)

– Товарищи!.. Мне ненавистен глагол бить и в буквальном, и в переносном смысле, – прожевывая кусок колбасы, невнятно заявил второй

оратор. (Протестует. Ну, хорошо, добавляю: когда прожевал, то говорил внятно и с приятностью.)

– Ударь человека публично в физиономию – ожесточится; ничего доброго от такого приема не будет.

Единственное пугало для всякой хищной и озорной птицы – смех; единственное наше оружие – насмешка. Не думайте, что эти удары мелки. Раны, наносимые ими, болезненны и называются пренебрежением и презрением.

Будем смеяться так, чтобы «сквозь видимый миру смех слышались незримые слезы». Это – первое. Второе: выступим на защиту «всех судьбой гонимых». Пусть каждый униженный и оскорбленный найдет у нас помощь. (Общий шум. Крики: «Найдет! Найдет!».)

Предложение выпить за гонимых судьбой принято большинством пяти против одного.

Оратор после перерыва продолжает:

– Ни от кого мы не зависим. За нами не стоят и не трясутся пайщики, за нами нет негласного надзора участников предприятия, следовательно, нам сам черт не брат. Если побольше нас были витии, и не сделали пользу пером, то прибавим к перьям карандаш и начнем и то и другое ломать за правду. (Продолжительные аплодисменты.)

На стул, для резюме всего сказанного, поднялся третий:

– Перед нами дело великого поту, великой доблести. Итак, выпьем, товарищи, разом, выпьем наперед всего за святую правду¹²⁵ – чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась и была одна святая правда и все, сколько ни на есть даже самых ярких жуликов и негодяев, сделались бы искренними ее ревнителями! Да за одним уже разом выпьем и за наше братство, за наш молодой орган печати «Силуэты жизни», чтобы с каждым годом вливали в него силы молодцы один другого лучше, один другого краше! Да уж вместе выпьем и за вашу собственную храбрость, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих!

Так за правду, пане-братове, за правду!

– За правду! – заорали присутствующие и кончили баклагу с рябиной.

– За «Силуэты», – сказал оратор, подняв высоко над головой рюмку.

– За «Силуэты», – повторил беспартийный.

– За правдивые Силуэты жизни! – крикнули кадеты.

¹²⁵ Речь, понятно, идет не о сибирской. – Примечание наборщика.

– За Силуэты! – проорали октябристы.

– «За «Силуэты»!! – рявкнул «левее» так оглушительно, что погасил свечку. И долго соседи-квартиранты слышали, как поминала напуганная криком хозяйка чертовы «Силуэты».

– Теперь последний глоток, товарищи, – закончил оратор (с сожалением побалтывая почти пустым вторым графином). – За славу всех честных и добрых людей, которые живут в Томске!

И все присутствующие до последнего (ничего не поделаешь) выпили последний глоток за славу всех честных и добрых людей, которые живут в Томске.

Далее пошла уже сухая материя, выраженная лаконически в следующих тезисах:

Приняться за самую основательную очистку всех темных углов города и тащить оттуда на свет Божий всю плесень и гниль, которая как огня его боится.

Избегать, по возможности, старого, избитого тракта и идти новой дорогой.

Не изображать из себя непогрешимых жрецов истины – первородный грех всех редакций, – несмотря что тот не ошибается, кто ничего не делает, и откровенно признаваться в допущенных промахах.

Всеми силами стремиться к правде, добре и красоте.

Силуэты жизни родного города. 1909. № 1.

Кризис (редакционный этюд)

Никогда заседания редакционного комитета не носили такого торжественного и бурного характера.

Еще накануне пронесся потрясающий слух о том, что редактор откачивается от своего благороднейшего звания, бросает дом, друзей и бежит куда глаза глядят.

В собрание он явился в галошах и с картузом в руках – символах готовности к пути.

«Изуй ногу из сапога», – произнес первый сотрудник, делая тщетные попытки отнять у вошедшего картуз.

Другой заботливо подставил стул к тому месту стола, где лежали, сверкая всеми цветами радуги, результаты 4-месячной товарищеской работы – номера журнала.

Движение не имело успеха...

Редактор отвратил свои взоры от стопки и, хватаясь за часы, с волнением произнес:

– Ребята, право, опоздаю на поезд.

Третий сотрудник в сжатой, но сильной форме выразил порицание его действиям.

Четвертый усилил порицания...

Пятый развил эту тему...

Вплоть до десятого включительно все говорили в том же духе...

Оставалось еще 5–6 ораторов, серьезно готовившихся у стола с закуской к предстоящим филиппикам...

Тут редактор не выдержал...

– Товарищи! – вскричал он. – Вы здесь говорите, что я удираю из страха ответственности... Это – голая неправда... Я готов сидеть сколько угодно, даже с удовольствием... Почему не пострадать за правду... Больше того: я, именно в данный момент, желаю сидеть!... Пожалуйста посадите меня!... Буду сидеть и журнал подписывать... Займусь саморазвитием, изучением какого-нибудь иностранного языка... Теплая квартира, стол, отопление, освещение, что же еще...

Та сумма, которую я получаю, как вам известно, далеко не может удовлетворить скромных потребностей молодого человека...

Вы рекомендовали мне обратиться в местные учреждения с предложением своих услуг... При этом была выражена твердая уверенность, что мое звание откроет все двери.

Совершенно верно: все двери отворялись, но в обратную сторону, когда я вылетал оттуда, едва успевая подхватывать галоши...

Я обошел местные контрольные, потребительские, учетные, приходные, расходные, распорядительные и исполнительные мастерские и, пока дело шло до вопроса «ваш род занятий», все обстояло благополучно и даже великолепно, но едва моя профессия оглашалась, как разговор принимал со стороны собеседника суховатую форму звукоподражательных восклицаний: э... э... кха... хе... хе... гм... н... да... ф... с... и заканчивался обещанием подумать.

Три месяца я штурмовал учреждения и, положа руку на сердце, скажу – закалился в борьбе и тактических приемах...

Если б я брал обратно у японцев Порт-Артур, на крепости, несомненно, вновь развивался б русский флаг... Здесь же дело было значительно сложнее, так как приходилось штурмовать начальников канцелярий и особ еще более высоких.

В трех местах меня уже окончательно приняли, в двух «зачислили», но какой-то Азеф своевременно доносил о моем незаконном занятии и я мгновенно отчислялся и увольнялся.

Мелкие служащие устраивали мне сочувственные манифестации, в кабинетах же начальствующих я встречал неприязненные демонстрации... Даже чиновные родственники отшатнулись...

Когда я пришел в совершенное отчаяние, попался мне один древний прапрадед, видимо от лет отупевший и не понимавший, что он готовится совершить преступление...

– Отрекись, – сказал он сурово, – и прокляни их, тогда я тебя где-нибудь устрою.

– Господа, у меня была не оплачена за два месяца квартира и счет по лавке... Искушение превысило силы... Я выторговал себе только свободу от анафемствования.

В силу сделанного распоряжения мне необходимо с этим же поездом покинуть город, иначе я – пропащий человек... Прощайте товарищи...

Он одним прыжком очутился в прихожей, в одно мгновение из 16 пар галош выбрал свои, отыскал пальто и исчез...

– Ну и напрактиковался, – только и могли произнести собравшиеся и перешли к вопросу об обеспечении от побегов будущего редактора.

Силуэты жизни родного города. 1909. № 17.

Галерея томских поэтов

Бахарев	Он стоит, право, кой чего: Стихи из Питера к нам пишет; Но только Питер-то его Едва ль когда-нибудь услышит.
Вяткин	Стихи он критике послал, – И нету критики печальней... Вот от чего он, верно, стал Карамзина сентиментальней...
Европейцев	Он стихотворец преисправный, Он рецензент, фельетонист... Но было б лучше, кабы славный Остался тот, кто есть... юрист.
Миша Буфф	От Миши <i>солано</i> быть может: Со смыслом, рифмой он в борьбе;

	Сатир же десять в день предложит, <i>Соль оставляя при себе.</i>
Скептик	Он злободневный юморист, Писать зло эпиграммы может... Он <i>скептик</i> , так насмешки свист Его нисколько не тревожит.
Хейсин	О правде любит поболтать, Забывши часто где и мера... Пардон. Не буду подражать Вдове я унтер-офицера.
Цейнер	Над ним смеялись. О, грехи! Всегда он правды был поборник. Но все же лучше, что стихи Он не свои собирает в «Сборник».
Шебеков	О нем пишу не без труда; Здесь шутки, право, не у места; Ведь он состряпан, господа, Из элегического теста...

Ося

Силуэты жизни родного города. 1909. № 24.

Несколько теплых слов (от редакции)

– Вступая во второе полугодие своего существования, – начал речь председатель редакционного комитета, мобилизованного несмотря на позднее время и дождливую погоду, – мы должны приложить особые старания к привлечению к публичной ответственности всех местных мощеников, «под маской благочестия» обделяющих свои делишки.

– Насандалим, – отозвался Иван Иванович.

– В частности, лично вас я бы попросил, Иван Иванович, беседовать с публикой на более литературном языке, так как некоторые критики находят, что вы бываете иногда излишне вульгарны и желают большего облагорожения языка и чистоты выражений.

– Господа, это совершенно невозможно с естественной точки зрения, – запротестовал Иван Иванович. – Если бы я писал мемуары, я бы мог разные иностранные слова из латинского и немецкого языка допускать,

а так как я веду дневник обывателя, то и объясняюсь самым настоящим обывательским языком. Я даже слабое подражание некоторым выдающимся деятелям, например, Евгению Ипполитовичу Ермолаеву, допускаю, только у него иностранных слов более в запасе, а я употребляю родной элемент.

Совещание разрешило Ивану Ивановичу изъясняться на обывательском языке в пределах логики и благоразумия.

– Ивана Максимова пока оставим. Публика протестует: надоел хуже горькой редьки... Если уж выйдет из границ обычных выходов, вспомним...

– Железнодорожное управление прислушивается к нашим советам пока весьма слабо. Комитет железнодорожного единения и прогресса будет обращать неослабное внимание на все факты, совершающиеся здесь, как бы сложны они ни были.

Вообще решено останавливать руку не только тогда, когда она очистила карман ближнего, но и тогда, когда она намеревается это сделать.

– Как только число подписчиков дойдет до 1 000, гонорар сотрудников будет увеличен вдвое и стоимость журнала уменьшится на 50%.

– Упадок интереса корреспондентов к почтовому ящику заставляет обратить серьезное внимание в эту сторону и просить уважаемых сотрудников пополнить редакционные корзины.

– Вообще же приходится умолять корреспондентов, сообщающих о материях, важных, серьезно относиться к делу и с легким сердцем не подводить сотрудников журнала чуть не под уголовщину.

В финале, разбирая уже галоши, члены комитета решили поприналечь на клубных шулеров и разных «безрогих», чувствующих особое стремление безответственно и беспрепятственно жать масло из своих ближних.

Силуэты жизни родного города. 1909. № 27.

Дневник томского обывателя

14 января.

Двадцать лет веду дневниковые записи происходящих событий, упоывая, что, рано или поздно, они послужат материалом для какой-нибудь истории Российского государства, и вот, ожидания мои сбылись ранее, чем я думал.

Сегодня, когда я еще был в халате и читал «Сибирскую жизнь», посетил меня один молодой человек.

– Имею честь видеть, – спрашивает, – Ивана Ивановича Иванова?

– Я самый, – отвечаю.

– Очень приятно. Сотрудник нового журнала «Силуэты»...

Слышал, что вы пишете мемуары и пришел к вам с предложением от редакции, не возьметесь ли давать обзор городской жизни за неделю?

– Ошеломили... Позвольте, подумать...

Прошли мы в столовую, выпили по два стакана чая со сливками. Я все думал, вспотел даже... Потеею и соображаю.

– Извините, пожалуйста. Почему вы, собственно говоря, обратились ко мне?... Пишут мемуары очень многие, вот хотя бы г. Естротов. Он всегда, если что-нибудь относительно исторических воспоминаний, ответов или сообщений, приглашается, на всех обедах вблизи важных персон закусывает и высшего образования человек...

Отклонил Естротова. Нам, поясняет, необходим так сказать средний человек, бытописец, отражающий в своих записках взгляды большинства населения и, кроме того, не увлекающийся ни вправо, ни влево, объективный человек. Естротов же, получив пристрастие к обедам со знатными лицами, будет клонить туда, куда повлечет его аппетит.

И приятно и страшно. Удостоверение у меня о политической благонадежности имеется, но зато троюродный племянник за чтение прокламаций в тюрьме сидел. Волнуюсь.

– А со стороны, с разрешения сказать, цензуры никаких препятствий не может возникнуть? Страшно, знаете, Даже господина Суворина к суду, изволили читать, привлекли и редактора «Света» Облеухова на тысячу оштрафовали... Дом у меня всего 7 тысяч стоит и заложен.

Успокоил. Говорит, что за сотрудников всегда редакторы и сидят и платят. Очень прекрасное редакционное правило. Согласился...

Сажусь и, благословляясь, начинаю делать подборку из дневника. Рука дрожит, так и ходит словно кур воровал. Бр..р...р... Вот она что значит пресса-то. <...>

15-й раз шла оперетка «Ночь любви».

«Кажется первый раз одно произведение выдерживает подряд 15 представлений при полных сборах», – пишет по этому поводу «Сибирская жизнь».

Был я и жена. С трудом. Но достали билет. Бессмертная вещь! Почаще бы давали такие. Так театр и не пустовал.

В цирке два раза были вместе с детьми. Хотим взять билеты на весь сезон. Народу всегда – полно. <...>

Слухи о реформах в железнодорожном хозяйстве оправдываются (а все Дума!). Станция «Межениновка» переименована в «Томск 1-й», а «Томск» – в «Томск второй». Таким образом совершенно внезапно Томск утроился. Является вопрос, которым он-то лично должен числиться – нолевым или третьим? Полагают, что от этого значение города сильно увеличится. <...>

Прислали из редакции, требуют отправки в типографию фельетона.

Странно?.. Как же я могу писать «за неделю», когда сегодня всего среда. Придется переменить измерение времени и считать от среды до среды. Не возникло бы только подозрение у «Союза русского народа». Но я, ей Богу, из необходимости, а не из желания переменить религию. Теперь уже раскаиваюсь, что взялся. И интересно появиться в печати и страшно. Вот оно, что значит пресса-то.

Ив. Ив. Иванов

Силуэты жизни родного города. 1909. № 1.

«СИНДЕТИКОН»

Наша платформа

Почему наша газета называется «Синдетикон»?

Вы можете спросить:

– Что здесь остроумного?

– Где смысл?

Это ваше право. Вы даже можете пожать плечами и удивиться:

– Юмористическая газета и вдруг какой-то «синдетикон».

Но если вам когда-нибудь придется самим издавать газету, тогда вы поймете нас.

Дело будет обстоять так:

Вы решите издавать газету и, наверное, сразу придумаете название:

Сатирическая газета «Бич», или что-нибудь еще громче.

Посоветуетесь с опытными людьми, пойдете просить разрешение на газету «Кнутик».

Вам разрешат издавать «Хлыстик».

Тогда вам придет идея назвать свою газету «Рожки да ножки».

Но уважая ножки, вы из деликатности не будете говорить о рожках.

И вы никогда не заведете тесную связь с читателем.

Мы поставили себе задачу слиться с читателями, стать необходимыми для него, как воздух, и обязательными, как взнос платы. Мы поставили себе целью объединить различные слои общества, сплотить их в одно целое, как на этапе, и «смеяться» общей слезою.

И вот мы искали подходящее название.

Назвать себя «Пластырь» и прилипнуть к обществу, по меньшей мере, не эстетично.

Назвать себя «Смола», «Деготь» – рискованно – не во всякое общество пустят.

Предлагали назвать «Гуммиарабик» – неприлично.

Во-первых, и без того в каждой газете гуммиарабик в большом ходу, а тут еще на заглавие тратить.

Во-вторых, что это за «арабик»... двойственная политика арабов в итальянской войне известна.

Но это еще полбеды.

А вдруг за русского араба примут – ложись и умирай. Мы искали благородное незапятнанное слово и остановили на «Синдетиконе».

«Син-де-ти-кон!»

Не слово, а музыка!

Вы чувствуете южное небо, классический профиль, журчащий фонтан и т.д.

Вы переноситесь в далекую Грецию и смотрите на жизнь из глубины веков.

А главное – слово «без прошлого», не с подложной репутацией.

На что уж ходок по древней части г. Иловайский, а и от того ускочило.

Перелистайте всю историю и не найдете там «Синдетикона».

Мы остановились на этом слове потому, что оно чисто, как предметная книжка первокурсника, древне, как учебник Боголепова, прочно, как минимум, и ясно, как бутерброд!

Сегодня первый день, когда в первый раз выходит первый номер «Синдетикона».

Мы не думаем, конечно, что с этого дня начнется новое летоисчисление.

Нет.

К чему это? Бросать в Лету целые тысячелетия – это непростительное мотовство.

Пусть себе идет все по-старому.

В сущности – не все ли равно жить ли в 6666 году, считая от сотворения мира в третьем ли году, считая от введения «минимума», или в первом году, считая от выхода «Синдетикона».

Скромность – величайшая добродетель.

И мы это знаем.

Один из наших сотрудников семь раз был в Америке.

И мы рады, что никто не знает.

А то, как несчастный Колумб, попадетя на зуб г. Иловайскому и останется весь век под проклятием.

Мало того, что тебя так изуродуют, что в приличное общество глаз показать нельзя, детей тобой на экзамене пугать будут.

Нет. Прав Цезарь, который сказал: «лучше быть безграмотным по Гроту, чем умным по Иловайскому!».

Синдетикон. 1912. № 1.

Научное издание

ЖИЛЯКОВА Наталья Вениаминовна

«Обличать, колоть и жалить»

**Сатирическая журналистика
Томска конца XIX – начала XX века**

Редактор А.А. Цыганкова
Оригинал-макет А.А. Цыганкова
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано к печати 19.06.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 22,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 4281

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома

Томского государственного университета.

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-908-2

9 785946 219082

ТОУНБ имени А.С.Пушкина

13822000504464

